

А.М. Малолетко

ДРЕВНИЕ НАРОДЫ СИБИРИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.М. Малолетко

ДРЕВНИЕ НАРОДЫ СИБИРИ

**ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ
ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ**

Том 3

ДОКАГАНАТСКИЕ ТЮРКИ

Alexei M. Maloletko
Ancient peopls of Siberia according toponimical data

Volume 3

Pre-Kaganat Turks

Alexej Maloletko
Die Urvölker Sibiriens nach den Angaben der Toponomastik

Band 3

Vorkaganatische Turken

Томск
2004

УДК 413.11+9(571.1/5)+905.7(571.1/5)
ББК Т52(2РОС5)+Т3(2РОС5)+Ш103.14(2РОС5)
М197

Малолетко А.М.

М197 Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 3. Докаганатские тюрки. – Томск: Томский государственный университет, 2004. – 292 с.

ISBN 5-94621-107-2

Рассмотрены вопросы раннего становления тюркоязычных народов. Проанализированы две версии: 1) возможное происхождение тюркоязычных народов в последовательности кеты → хунны → тюрки (эпоха бронзы и позже) и 2) более раннее (мезолит – неолит) выделение алтайской языковой общности на Дальнем Востоке из среды южных (аустрических) мигрантов с последующей дифференциацией их на тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейские и японские популяции. Хунны являются предками ранних тюркоязычных групп (булгароязычные хунно-булгары), от которых «отпочковались» уйгуроязычные тоба (пешие охотники гор Южной Сибири) и теле (Северная Монголия и южные предгорья Алтае-Саян), кыргызы (Северная Монголия). На базе телеского объединения и позднехуннуского рода Ашина сформировались тюркюты, создавшие Первый тюркский каганат.

УДК 413.11+9(571.1/5)+905.7(571.1/5)
ББК Т52(2РОС5)+Т3(2РОС5)+Ш103.14(2РОС5)

Рецензенты

Доктор исторических наук, профессор А.П. Уманский
Доктор биологических наук, профессор А.Н. Кучер
Кандидат филологических наук, доцент З.С. Камалегдинова

ISBN 5-94621-107-2

© Малолетко А.М., 2004

ЧҮҮГЭ : НҮҮНЭ : ГЭГЭ :

Буны кѳрѳ билинг
Просветись, глядя на эти строки!¹
Стелла Билге-кагана, VIII в.

ТЮРКСКИЙ ФЕНОМЕН (вместо предисловия)

История знает немало примеров вольного использования этнонимов не по назначению. В одних случаях название народа (народности, племени, рода) передаётся другому близкородственному (этноним *селькуп* распространён на другие группы «остяко-самоедского» населения Западной Сибири) или совершенно неродственному (тюркский этноним *булгар* стал ныне самоназванием славянского народа *болгар*). Пример с этнонимом *хакас* показывает, как можно из глубин времени поднять название народа, восстановить этноним. Но, пожалуй, этноним *тюрк* является собой феноменальный пример погружения вглубь веков относительно молодого этнонима и искусственной «привязки» к нему этнических групп, которые в свое бытование даже не слышали о нём. Часть населения Северной Евразии восприняло под давлением русских этноним монголоязычных *татар*(ы). Более того, русские при знакомстве с аборигенным населением Сибири огульно именовали его татарами: кузнецкие татары (ныне шорцы), качинские и минусинские татары (хакасы), аринские татары (арины из группы енисейцев). В число татар вошли и тунгусы (см.: Татарский пролив между Сахалином и материком).

Этноним *татары* некогда принадлежал монголоязычным племенам, которые жили в Маньчжурии между монголами и тунгусоязычными чжурдженями. Ослабленные постоянными войнами то с одними соседями, то с другими, татары были покорены монголами Чингисхана, которые почти всех их истребили, оставив только женщин и детей. Этноним был перенесён на монголов, их заклятых врагов. Возможно, это было сделано самими монголами. Почему? И. Бенцинг (1986, с. 80) даёт следующее объяснение. Монголы приняли этот этноним с целью избежать возмездия со стороны божеств завоёванных стран после истребления та-

¹ Этот вольный перевод древнетюркского текста заимствован нами из буклета «Телексидинг турк калыктары» (Тюркские народы Мира), изданного в 1993 г. в Горно-

кого множества людей. По мнению Э. Хэниша (ссылка И. Бенцинга), монголы, выдавая себя русским и другим народам за татар, отводили от себя ярость местных богов и направляли её на вражеское племя. Возможно и другое объяснение: покорённые татары были увлечены монголами в свои военные походы и составляли авангард их войск. Они первые вступили в контакт с русскими, которые и закрепили их этноним в обиходе. Поскольку монголы увели с собой значительную часть тюркоязычных племён Сибири и, не имея «подпитки» со стороны Родины, растворились в их среде; постепенно тюркский язык стал преобладать в воинстве монголов. Монгольский язык остался языком правящей верхушки. Русские стали именовать татарами тюрков, ранее им известных, а также многие другие племена Сибири (кетов, тунгусов).

Несомненно, называемые нами тюркоязычными народы существовали и до создания этнонима *тюрк* (в китайской транскрипции *тюцзуе* или *тукюе*) и Тюркского каганата и были достаточно несходными как в языковом, так и культурном отношении¹. Время и место возникновения популяции, которая породила эти народы, позднее названные тюркскими, до сих пор не выяснены. Однако можно предполагать, что процесс формирования этой

Рис. 1. Тюркоязычные ареалы (Географический атлас, 1980)

¹ «Языки, ныне называемые тюркскими, сложились в глубокой древности, а народ «тюркютов» возник в конце V в. вследствие этнического смешения в условиях лесостепного ландшафта, характерного для Алтая и его предгорий» (Гумилёв Л.Н., 1993, с. 25). См. также Л.Р. Кызласов (1979).

общности (популяции) был длительным. Как-то сразу и в большом этническом и языковом разнообразии заявили они о себе на исторической арене Азии, не говоря уже о своём силовом влиянии. Где они столь длительное время скрывались и под какими именами?

Феноменально распространение тюркских групп и языка по территории Северной Евразии. За короткое время – несколько сотен лет – тюрки завоевали или заселили огромные территории от Забайкалья до Нижнего Дуная и от Заполярья Восточной Сибири до Ирана и Большой излучины Хуанхэ (рис. 1). Появившись на мировой арене полторы тысячи лет назад, они стали важным фактором международной жизни. И это значение они сохранили до наших дней.

Пространственное размещение носителей тюркских языков в пределах экс-СССР Н.А. Баскаков (1966) определил следующим образом:

– западные области Литвы, Украины (с включением Крыма) – литовские и белорусские татары, караимы, крымчаки, крымские татары, урумы (отореченные мариупольские греки), гагаузы;

– Кавказ – азербайджанцы, кумыки, карачаевцы, балкарцы, ногайцы, тухмены (северокавказские туркмены);

– Поволжье и Урал – татары, башкиры, чуваша, карагаши (астраханские татары);

– Средняя Азия и Казахстан – узбеки, уйгуры, казахи, каракалпаки, киргизы, туркмены;

– Сибирь – якуты, долганы, тувинцы, тофалары (карагасы), хакасы, шорцы, чулымцы, камасинцы (ошибка. – *А.М.*), алтайцы.

За пределами границ бывшего СССР другие группы тюрков живут в Иране (афшары, бахарлу, эйнанлу, нафар, хоросани, пичагчи, теймурташ, гудары, каджары, карайи, карагозлу, карадагцы, кенгерлу, шахсевены и др.), Китае (салары, сары-уйгуры, фуюйские кыргызы, уйгуры). Тюрки являются основным населением малоазиатского государства Турция.

Антропология. Современное тюркоязычное население характеризуется большим разнообразием антропологических типов.

Гагаузы европеоидны, однако у некоторых групп монголоидные признаки отчётливо видны. Караимы – это метисные формы монголоидных хазар и европеоидных тавров. Антропологический тип сформировался в Крыму (Алексеев В.П., 1971). Караимы уведены из Крыма в Литву в 1397 г. литовским князем Витовтом (Гумилёв Л.Н., 1989, с. 661).

На Кавказе европеоидами (восточно-средиземноморская малая раса) являются азербайджанцы и турки-османы. Это тёмнопигментированные представители балкано-кавказской расы с примесью депигментированного европеоидного типа. Черные волосы, черные глаза, узкие лица, вы-

Рис. 1а. Европеоидный азербайджанец и монголоидная якутка

ступающие носы. Признаки монголоидности отчётливы у юруков Малой Азии. Кумыки Дагестана делятся на две группы. Северные кумыки, потомки половцев, – светловолосые и голубоглазые, южные – темноглазые с монгольским разрезом глаз.

Тюркоязычное население Поволжья и Урала имеет заметную монголоидность. Чуваши антропологически почти не отличаются от марийцев и имеют следующие монголоидные признаки уральской расы: слабый рост бороды, невысокое переносье, небольшой процент светлых глаз, рост ниже среднего. Наиболее монголоидны карагаши (астраханские татары), обладающие по сравнению с другими татарами низким переносьем, повышенной встречаемостью эпикантуса, наиболее широким и длинным лицом при наименьшем росте (162 см), тёмным цветом глаз. Среди татар Поволжья выделяются типы: 1) светлые европеоидные, 2) тёмные европеоидные, 3) евразийско-монголоидные (слегка напоминают саамов), 4) монголоидные. Башкиры также неоднородны в антропологическом отношении. Северо-западные башкиры наименее тёмноглазы и тёмноволосы, обладают малым процентом эпикантуса. Восточные наиболее монголоидны, темноглазы, тёмноволосы и наиболее широколицы. С эпикантусом 14% обследованного населения наиболее круглоголовы. Несколько приближаются к казахам.

Якуты, тувинцы, южные алтайцы являются представителями центрально-азиатского монголоидного типа. Для него характерны следующие признаки: волосы прямые и тугие, пигментация умеренно тёмная, процент смешанных глаз 20–25. Рост бороды слабый, развитие эпикантуса и верхнего

века сильное, переносье по монголоидному масштабу умеренно высокое. Губы средней толщины, лицо ортогнатное, высокое с не очень выступающими скулами. Среди якутов прослеживается байкальский тип – светлый, но с более выраженными монголоидными признаками. Якуты – это пример чистой, утрированной монголоидности центрально-азиатского типа. Они имеют крупную голову с прямыми чёрными волосами, узкими глазами. Скулы хорошо выражены, нос приплюснутый. На подбородке почти никакой растительности. Это самый высоколицый (длиннолицый) народ на Земле. По ширине лица якуты также близки к мировому рекорду. Особый антропологический тип имеют тюрки гор Южной Сибири – северные алтайцы, шорцы, чулымцы, тофалары, тувинцы-тоджинцы. Это представители сибирского монголоидного типа. Он характеризуется низким, но широким уплощённым лицом со сравнительно низким и широким переносьем. Нос средней ширины. Орбиты круглые, средней ширины (Розов Н.С., 1956). Все группы хакасов обладают заметной европеоидной примесью и по большому числу признаков попадают в границы вариаций уральского типа (Алексеев В.П., 1957).

Краткий обзор антропологии тюркоязычных народов иллюстрирует чрезвычайную сложность формирования тюркского языкового поля. На западе тюркского ареала языковыми тюрками стали европеоиды, практически не изменившие свой внешний облик. Разновременно и в разных местах протекала метисация монголоидного населения (ретроспективно – центрально-азиатского типа) с европеоидами, преимущественно ираноязычными скифами, сарматами. Это было в Минусинской котловине, в Поволжье, на Урале. Освоение тюрками горно-таёжных районов Южной Сибири и ассимиляция там древних низколицых монголоидов привело к формированию своеобразного антропологического типа чулымцев, тувинцев-тоджинцев, тофалар и др. Однако продвижение якутов на север Восточной Сибири и их контакт с тунгусоязычным населением выразились в основном в языковом поле без заметной физической ассимиляции. Но позднее продвижение якутов на Таймыр привело к переходу на тюркский язык значительной части тунгусов. В итоге сформировалась тюркоязычная группа долган, сохранившая свой антропологический тип.

Гипотезы: происхождение этнонима. В IV в. в западной Шеньси находились пятьсот семейств Ашина. Родным языком сподвижников Ашина, как предполагается, был сяньбийский (древнемонгольский). В 439 г., после поражения южных хунну от тобасцев, семейства Ашина бежали из провинции Шеньси (восточная часть Ордоса) в горы Монгольского Алтая (Гумилёв Л.Н., 1993, с. 22). По другим сведениям, тюрки произошли от гуннского рода Ашина (Бернштам А., 1946; Кляшторный С.Г., 1964). В Монгольском Алтае беженцы встретили племена теле, входившие неко-

гда в хуннский союз, но оставшие от его основного ядра в горах Гаочан, где они занимались добычей руд и кузнечным делом. К этому делу приобщились и беженцы Ашина: «...добывали железо для жужаньцев». В этих местах и был создан тюркский союз, а создатели его получили название *тюркют* (в китайской транскрипции *туцзюэ*, *тукюе* или *тукю*).

Г. Айдаров (1971) следующим образом объяснил трансформацию этнонима *тюркют* или *тюркюлер* (*лер* – тюркский аффикс множественного числа) в *тюгю*, связывая её (трансформацию) с влиянием табгачского, по его мнению – китайского, языка. Так как в табгачском фонема *p* отсутствовала, звук *p* из корня *турк* выпал. А в аффиксе *лер* в силу фонетических закономерностей табгачского языка *л* превратился в *У* после *рк*, благодаря чему эти иероглифы читались как *тю-кюэ*. Однако язык табгачей до сих пор не известен. Предками табгачей были тобасцы, вернувшиеся из верховьев Амура в степи Северного Китая после изгнания их туда хуннам во II в. до н.э. С большей вероятностью можно считать, что язык тобасцев был тюркского типа.

В первой трети IV в. тобасцы/табгачи создали своё государство Дай (в 386–558 гг. – Вэй), успешно воевали с южными хуннами, которых изгнали в Турфан, и жужанями. Племена Ашина долгое время находились под властью табгачей (Айдаров Г., 1971), отчего не питали к ним дружеских чувств.

Если исходить из того, что в 439 г. от тобасцев пострадали не только южные хунны, но и племя Ашина, которое бежало на Алтай и попало под власть жужаней, можно предполагать какую-то связь Ашина с хуннами. По крайней мере, кажется плодотворной идея о том, что предки тюркютов ушли на Алтай из хуннской среды, хотя не ясно, каковой была природа этой связи – вассальная или родственная.

Освоившись на Алтае, тюркюты вытеснили теле, которые ушли в верховья р. Или. Таким образом, часть племён тюркоязычных теле и соплеменников Ашины обитали на южных предгорьях Алтая, подчиняясь жужаням вплоть до VI в.

В результате такого «симбиоза» дружинники Ашина перешли на язык коренного (для Ашина) населения (Кудайбергенев С., 1983). Этот язык закреплён в рунических надписях по Орхону, Енисею, в Тянь-шане и в других местах. Л.Н. Гумилёв (1993, с. 24) считал, что племя Ашина изъяснялось между собой по-монгольски «*юка перипетии военного успеха не выбросили их из Китая на Алтай*». К середине VI в. члены рода Ашина были оторочены и сохранили только монгольские титулы.

Монголоязычность рода Ашина не бесспорна и базируется на сходстве этнонима Ашина с монг. *шоно/чино* ‘волк’, совр. *шоно* (тюрки

пользовались иранскими *бури*, *боро*, *курт* или *касқыр*). Начальное *А* – это префикс уважения в китайском языке, то есть Ашина – ‘благородный волк’. Нельзя сбрасывать со счёта и возможную иранскую природу этнонима Ашина. И.Н. Шервашидзе (1989) в имени Ашина усматривал иранский корень, но с иной семантикой: ир. *ašina, авест. axsaena, др.-перс. axšaina, хот.-сак. asseina, согд. ушун ‘синий’. По мнению С.Г. Кляшторного (1965), исходной формой имени Ашина было сакское asana «достойный, благородный». Этот же автор связывал историю рода Ашина с южными хуннами, которые на территории Китая создали своё государство (308–460 гг. н.э.), павшее под ударами жужаней. По его мнению и согласно сведениям Суй-шу (составлена в 30-х гг. V в.), предками туцзюе (тюрков) были смешанные племена ху Пинляна, а сам род Ашина вышел из гуннского племени *хэлянь*. Если это так, то вероятным языком рода Ашина был язык хуннского типа. Таким образом, видный тюрколог С.Г. Кляшторный предполагал хуннское происхождение ранних тюрков и, соответственно, тюркский тип языка хуннов. Но кто были эти тюрки, которые одарили монголоязычных (?) соплеменников Ашина и помогли им создать великую державу?

«Размножаясь» и усиливаясь, семейство Ашина и абorigены создали военно-политический союз племён, который получил от китайцев название *ту-кю*, что удачно было расшифровано П. Пельо как *тюрк+ют*, т.е. *тюрки*. Союз племён перерос в мощное кочевническое государство – Тюркский каганат (545–581 гг.; по: Савинов Д.Г., 1984: 552–630 гг.). Было предложено немало версий о смысле понятия *тюрк*. «Большая часть учёных, предложивших толкование этого термина, исходила из поисков более или менее удачного перевода этого слова, игнорируя его социальную сущность» (Кононов А.Н., 1949, с. 40). Но ещё в 1929 г. В.В. Бартольд разъяснил слово *түрк* не как этническое образование, а как политический термин. А.Н. Кононов (1949) путём сложных лингвистических трансформаций вывел *түрк* из *түр* ~ *төр* ~ *тось* ‘фетиш’, ‘идол, место идола’, ‘передний угол’ ... ‘судья, господин, начальник’. Хотелось бы видеть в интересующем нас термине понятие «сородичи, соплеменники». В орхонских надписях есть выражение *түркім будун*, что переводится как ‘мой тюрки’, ‘мой народ’ (Кононов А.Н., 1949). А.Н. Бернштам выводил термин *түрк* из слова *торкун* ‘семья’ в значении ‘племенной союз’. С.П. Толстов (1938) за исходную форму принял *tür-kün (tar-qan) ‘возрастной класс молодых неженатых воинов’, ‘воинство’¹. В дальней-

¹ Это близко по смыслу со словом «казачество» (запорожское) в начальную фазу его становления.

шем с усечением второго элемента термин трансформировался в *tür-k*, что стало названием социальной организации, племенного союза. Б. Мункачи связывал имя *türk* с *töra* 'быть рождённым, существовать', откуда закономерные вариации *tögö* ~ *töra* 'создание, человек'. Против этой версии решительно выступил Ю. Немет, связывая это имя с уйг. *türk* 'сила', 'могущество' (*тюрк+ют*, где *ют* – монгольский суффикс множественного числа). Как будто эта этимология в настоящее время принята большинством исследователей и... читателей, хотя С.П. Толстов (1938) отрицал её, так как уйгурский термин имеет совсем иные исторические корни, восходя к эпохе, когда ни о какой «политической мощи» не могло быть и речи.

Из других версий можно отметить следующие (Кононов А.Н., 1949). В истории династии Суй (580–618) записано: «гора Кинсан (золотой хребет гор – Алтай), имеющая форму шлема, у подножья которой находится лагерь ту-кюэ, так на их языке шлем называется». Китаист Н.Я. Бичурин и монголист Шмидт также выводили этот этноним из понятия «шлем», но из монгольского *дулга*, считая тукюэсцев монголами по языку. В Европе в VII в. тюрков считали родственными троянцам, у которых был царь *Torguotus*. По иранской версии родоначальником тюрков был Тур, один из героев Авесты, и связано это также с землёй туранской – *Tuīrua* (= *Turuu*). Поэма «Шах-наме» закрепила в литературе эту иранскую версию. Иранскую версию поддержали А.Н. Бернштам (1935) и Д.Е. Еремеев (1990). Последний высказал предположение, что тюрки заимствовали у иранцев не только этноним *тур*, но и навыки скотоводства. А.Н. Бернштам выступил с гипотезой связи (вглубь времён): тюрки → гунны → скифы. В скифах А.Н. Бернштам видел субстрат (не этнический, а производственный). Несмотря на необычность такой постановки вопроса она таит в себе рациональное зерно. Роль скифов в этногенезе хуннов и тюрков в полной мере ещё не изучена, почему высказывание А.Н. Бернштама, мягко говоря, является смелым.

Н.Я. Марр (1934) допускал родство тюрков и кавказоязычных тушинов (тус-к'ов).

Сами тюрки в XI в. так объясняли само название. Всевышний сказал: «У меня есть войско, ему я дал имя *түрк*, его на востоке поселил. Когда я разгневаюсь на какой-нибудь народ, *тюркам* во владение отдаю тот народ».

Не отдавая ни одному варианту предпочтение, отметим, что нас очень интересует спорная семантика этнонима *тюркют*. Более интересными представляются вопросы происхождения этой популяции, её корни.

Языки. Понятие *тюрк* и его производные (*тюркский* и пр.) долгое время не имели конкретного этнического содержания. В научный обиход оно

было введено арабскими историками и географами в VI в. и относилось только к популяции, в которую входил целый ряд племён, близких по языку и политически объединённых в Тюркский каганат (Благова Г.Ф., 1973, с. 95). Однако в то время арабам вряд ли были известны другие группы населения Северной Азии, говорившего на родственных с тюркскими (ту-кюе) языках. Думается, никогда не осознавали себя тюрками предки якутов, енисейские кыргызы, причерноморские половцы, золотоордынцы. За них это сделали учёные, когда возникла надобность объединить эти действительно родственные по языку народы под одним этнонимом.

Каким был этот язык? Когда говорят о древних тюрках, создателях первых в степях Евразии государственных образований (каганатов), обычно предполагают, что их язык был огузским, а древнетюркскую эпоху начинаем отсчитывать с V в. н.э. А что было раньше, в додревнетюркскую эпоху, которую мы условно называем раннетюркской? Условно потому, что понятия *тюрк* (*ту-кюэ*) в то время ещё не существовало.

В V в. именно этот «какой-то» язык, существовавший, возможно, тысячелетия до монголоязычных (?) дружинников Ашина, и стал называться тюркским, а сами аборигены – тюрками. Более того, родственные племена аборигенов, не испытывавшие никакого влияния (политического, языкового) со стороны уже «тукюэского» семейства Ашина, позже также стали называться обобщающим этнонимом *тюрки*, а язык их – *тюркским*. Арабы называли тюрками все кочевые народы Средней и Центральной Азии без учёта языка. Даже после разгрома тюрков в конце VII в. их этноним не затерялся во мраке прошлого. Жизненный импульс, который древние тюрки после ухода с исторической сцены дали другим родственным племенам, сохранился и в наши дни: в Малой Азии это имя носят турки, в Закаспии – туркмены, на Северном Кавказе – тухмены (<туркмены), а в Средневековье – торки Северного Причерноморья. Ныне понятие *тюркский* является лишь лингвистическим. По этой причине тюрками называются и народы и народности, которые не были прямыми физическими потомками древних ту-кюэ, а говорили на языках одной с тюрками (ту-кюе) группы (казахи, телеуты, казанские татары, болгары, чуваша и др.) или же заимствовали какой-то язык этой группы в ходе длительного общения и ассимиляции (потомки кетов и самодийцев в составе хакасов, потомки иранцев в составе туркмен и узбеков, кара-калпаков, потомки восточных финнов в составе казанских татар и чувашей, потомки древних угров в составе башкир, потомки «остяков» в составе сибирских татар). Л.Р. Кызласов (1979) по этому поводу высказался вполне определённо: средневековые тюркоязычные народы (уйгуры, кыргызы, чики, язы, кимаки, тюркешы, карлуки, кыпча-

ки, курыкане, ягмы и др.) тюрками себя не называли. Чтобы различать настоящих тукюэсцев и их языковых сородичей, Л.Н. Гумилёв (1959) предложил закрепить за первыми этноним «тюркют», которым пользовались китайцы и жужани.

Л.Н. Гумилёв назвал тюркютов и их языковых родственников древними тюрками. Условно их предшественников можно назвать ранними тюрками. Тем более что А.П. Уманский (1974) уже ввёл в научный обиход это понятие. Описывая верхнеобскую археологическую культуру (с. 136–149), он предполагал проникновение «...в этническую среду не только Горного Алтая, но и Верхнеобья *раннетюркских* (выделено нами. – А.М.) элементов по крайней мере с III–IV вв. н.э.». Условно – потому, что в предшествующее тюркютам время этноним *тюрк* не существовал. Но этот приём подчеркивает преемственность древних тюрков от ранних. А.Д. Грач (1966) определил древнетюркское время VI – первой четвертью X в. В этот период функционировали каганаты тюрков-тугу и государства уйгуров и кыргызов.

Феноменальны и до сих пор не объяснены причины появления на исторической сцене народов, говоривших на «каком-то» языке, который в V в. получил название тюркского. Появился этот народ как-то сразу и в виде силы, хорошо организованной в культурном, военном и хозяйственном отношении. Это позволило им создать мощное государство – Тюркский каганат (552–630 гг.) – на огромной территории от Корейского полуострова на востоке до Азовского моря на западе, от Южного Урала и Саян на севере до Тибетского нагорья, Памира и Кавказа на юге (Гумилёв Л.Н., 1993). Каганат выступил как реальная сила в политической жизни западных земель. Его боялись и с ним заключали союзнические соглашения такие могущественные империи, как Византийская и Иранская.

Языковые различия древнетюркских племён на уровне диалектов были столь значительны, что позволяют говорить о них (племенах) уже как о популяции неоднородной в языковом отношении. Создаётся впечатление, что ранние тюрки («до-тюркюты») длительное время где-то буквально отсиживались, увеличивая свою численность, укрепляясь в хозяйственном и совершенствуясь в военном деле. И буквально в считанные годы они заявили о себе как о ведущей силе в истории степей Евразии. За свою в общем-то недлительную историю (примерно 1500 лет) они завоевали или заселили огромные территории от Кореи до Малой Азии и от Полярного круга до степей Монголии.

Последовательную историю возникновения тюркских языков нарисовал И.А. Батманов (1966). По его мнению, особенности древнетюркского языка письменных памятников сложились задолго до появления

тюркютов, вероятно, в гуннское время. Древнейшие фонетические черты енисейских и таласских письменных источников наиболее чётко сохранились в тувинском, хакасском и шорском языках. Исходя из этого И.А. Батманов считал Алтай и Енисей (верхнее течение) чуть ли ни прародиной тюркских языков. По крайней мере, именно отсюда предполагал И.А. Батманов расселение тюрков в Поволжье (гурские племена, предки чувашей, V в.), на север, в Якутию (куруканы как предки якутов), в Среднюю Азию (через Иртыш в VI в. и в последующие времена через Восточный Туркестан). Однако изначальной прародиной тюркской речи была Центральная Азия, где прослеживается связь и преемственность культур: скифы → гунны → монгун-тайгинцы → тюрки. Тюркская речь на Енисей, по мнению И.А. Батманова, не занесена. Она формировалась на обширной территории от Алтая через Енисей до Байкала. Не ясно, правда, на какой языковой базе она формировалась. Идея нам представляется плодотворной.

Классификация языков. Тюркские языки входят в алтайскую языковую семью наравне с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими. Алтайская гипотеза родства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков (Б.Я. Владимирцов, А.Н. Самойлович, Г. Рамstedт, М. Ряснен, Б. Коллиндер, Н.А. Баскаков) находит себе и оппонентов (В. Котвич, Д. Дечи, Г. Дёрфер, Дж. Клоусен, А.М. Щербак, Г.Д. Санжеев, И.А. Батманов). Особенно непримиримым оппонентом был А.Н. Щербак. В своей статье (Щербак А.Н., 1966) он на основании несходства числительных до 10, анализа нескольких тематических групп лексики (названия космических тел, времён года, дня и ночи, животных) пришёл к заключению, что *«...объём лексических связей между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками весьма значителен, однако природа и характер таковы... что говорить о генетическом родстве указанных языков не представляется возможным»* (с. 33). По его мнению, процесс заимствования шёл от тюркских к монгольским и от монгольских к тунгусо-маньчжурским языкам. Ряд учёных (Е.Д. Поливанов, Г.И. Рамstedт, Н.А. Сыромятников, В.Ф. Малков, Е.А. Хелимский) включают в эту семью, и, на наш взгляд, вполне обоснованно, корейский и японский языки. Однако трудности в дифференциации исконных и заимствованных основ затрудняют решение вопроса, является ли близость этих языков типологической или генетической.

На наш взгляд, территориальная близость японцев, корейцев, тюрков, монголов и тунгусо-маньчжуров, длительное время проживавших на Дальнем Востоке к северу от р. Хуанхэ, предопределяет родство их язы-

ков хотя бы в отдалённом прошлом. Все эти группы азиатского населения сформировались из одной популяции.

Гипотеза урало-алтайской макросемьи, объединяющей тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, японский, корейский, финно-угорские и самодийские языки (М.А. Кастрен, Г. Винклер, О. Доинер, З. Гомбоц, Дж.Г. Кнекбаев, Р.М. Гейгер, М.М. Гейгер, Н.А. Баскаков и др.), не поддерживается рядом лингвистов. Ю. Немет (1963) считал доказанным родство уральских и тюркского языков, но родство уральско-тюркских с монгольским и тунгусскими предполагалось вероятным, но не очевидным. По мнению Н.А. Баскакова (1966), уральские языки, с одной стороны, и алтайские, с другой, имеют главным образом типологическое, а не генетическое сходство, хотя имеется около 300 лексических сходжений уральских и алтайских языков. Н.А. Баскаков считает эти соответствия доказательством очень древнего родства или очень давнего заимствования. Позднее он более определённо говорил о генетическом родстве этих языков (Баскаков Н.А., 1971). Нам представляется более вероятной неродственность этих языковых групп, так как этногенетические построения свидетельствуют о самостоятельном происхождении этих популяций. Если и говорить о родстве этих языков, то только на уровне околосредиземноморской общности, которая отстоит от нас на десятки тысяч лет.

Н.А. Баскаков (1966, с. 13) дал следующую краткую, но ёмкую характеристику тюркских языков. *«Все тюркские языки образуют группу близкородственных языков, характеризующихся общими генетическими и типологическими чертами. Общее происхождение тюркских языков выражается в чрезмерной близости их грамматического строя и словарного состава. Слабо различающийся по языкам словарный состав, близкие по своему характеру фонетические соответствия по языкам, кроме чувашского и якутского, и общих грамматический строй позволяют носителям почти всех тюркских языков понимать друг друга на всей территории их распространения от Восточной Европы и Кавказа до Средней и Центральной Азии и Сибири».*

В разные годы предложено несколько классификаций, основанных на различных признаках тюркских языков и по-разному оцениваемых современными тюркологами.

В.А. Богородицкий (1953) разделил тюркские языки на семь групп:

- 1) северо-восточная (якутский, карагасский и тувинский);
- 2) хакасская, или абаканская (сагайский, бельтырский, койбальский, качинский и кызыльский);
- 3) алтайская (алтайский, телеутский, диалекты черневых татар);

- 4) западно-сибирская (диалекты сибирских татар);
- 5) поволжско-приуральская (татарский, башкирский);
- 6) среднеазиатская (уйгурский, казахский, киргизский, узбекский, каракалпакский);
- 7) юго-западная (туркменский, турецкий, азербайджанский, кумыкский, гагаузский).

Классификация не выдержана по принципам выделения групп (приняты принципы: региональный, пространственно-ориентировочный, номинативный).

В.В. Радлов предложил классификацию тюркских языков, основанную на географическом положении (региональном и пространственно ориентировочном) их носителей:

- 1) восточная (языки алтайских, обских, енисейских тюрков и чулымских татар, карагасский, хакасский, шорский, тувинские языки);
- 2) западная (языки татар Западной Сибири, киргизский, казахский, башкирский, татарский и, условно, каракалпакский);
- 3) средне-азиатская (уйгурский и узбекский);
- 4) южная (туркменский, азербайджанский, турецкий, некоторые говоры южно-крымских татар). Якутский язык В.В. Радлов выделил особо.

Лингвистами до сих пор считается наиболее удачной классификация А.Н. Самойловича (1922 г.), построенная исключительно на фонетических признаках (Ашнин Ф.Д., 1978, с. 13):

- 1) туркменская, или огузская (юго-западная), *ол*-диалектная группа;
- 2) кыпчакско-туркменская (средняя) *таглы*-группа *ол*-диалекта;
- 3) чагатайская, или карлукская (юго-восточная), *таглы*-группа с тремя подгруппами;
- 4) кыпчакская (северо-восточная) *тау*-группа с тремя подгруппами;
- 5) уйгурская (северо-восточная) *д*-группа с тремя диалектами;
- 6) болгарская *р*-группа, составляющая особый отдел, противостоящий группам 1–5, объединённым в *з*-отдел.

Н.А. Баскаков (1988) на основе комплексных системных изоглосс следующим образом сгруппировал тюркские языки:

I. Западно-хуннская ветвь (западный район)

1. *Булгарская группа* (северо-западный ареал): древние языки – булгарский, хазарский, аварский (не дагестанской группы. – А.М.), язык сабаров (суваров).

2. *Огузская группа* (юго-западный ареал):

1) огузо-туркменская подгруппа: а) древние языки – языки огузов X–XI вв.; б) современные языки – туркменский, тухменский (диалект);

2) огузо-булгарская подгруппа: а) древние языки – печенежский, язык гузов (чёрных клобуков); б) современные языки – гагаузский, языки и диалекты балканских тюрок;

3) огузо-сельджукская подгруппа: а) древние языки – сельджукский, староосманский; б) современные языки – азербайджанский, турецкий.

3. *Кыпчакская группа* (северо-восточный ареал):

1) кыпчакско-половецкая подгруппа: а) древние языки – половецкий (кыпчакский, или язык куманов); б) современные языки – караимский, кумыкский, карачаево-балкарский, крымско-татарский;

2) кыпчакско-булгарская подгруппа: а) древние языки – золотоордынский западный; б) современные языки – татарский, башкирский;

3) кыпчакско-ногайская подгруппа: а) древние языки – староказакский, старокаракалпакский; б) современные языки – ногайский, каракалпакский, казахский.

4. *Карлукская группа* (юго-восточный ареал):

1) карлукско-уйгурская подгруппа: древние языки – уйгурский каранидский и послекараханидский;

2) карлукско-хорезмийская подгруппа: а) древние языки – карлукско-хорезмийский, золотоордынский восточный, чагатайский, староузбекский, староуйгурский; б) современные языки – узбекский и уйгурский.

II. Восточнохуннская ветвь (восточный регион)

1. *Уйгуро-огузская группа* (северный ареал):

1) уйгуро-тукуйская подгруппа: а) древние языки – древнеогузский, древнеуйгурский; б) современные языки – тувинский, тофаларский (диалект);

2) якутская подгруппа: современный якутский язык;

3) хакасская подгруппа: современные языки – хакаасский, шорский, чулымский, камасинский (диалект).

2. *Киргизско-кыпчакская группа*: а) древние языки – древнекиргизский; б) современные языки – киргизский, алтайский.

Г.И. Рамстедт (1957) выделил шесть основных групп:

1) чувашский язык;

2) якутский язык;

3) северная группа языков (тюркские языки и диалекты Алтая и прилегающих районов);

4) западная группа (казахский, киргизский, каракалпакский, ногайский, кумыкский, карачаевский, балкарский, караимский, татарский, башкирский, а также мёртвые языки – куманский и кыпчакский);

5) восточная группа (новоуйгурский и узбекский языки);

6) южная группа (туркменский, азербайджанский, турецкий, гагаузский языки). Данная классификация не выдержана по принципам: наряду с со-

временным географическим положением учтены и типологические особенности (чувашский и якутский языки).

С.Е. Малов (1952) максимально упростил классификацию тюркских языков, разделив их на:

- 1) *древнейшие* (булгарский, чувашский, уйгурский, якутский);
- 2) *древние* (огузский, тофаларский, тувинский, уйгурский буддийской письменности);
- 3) *новые* (азербайджанский, гагаузский, печенежский, турецкий, туркменский, новоуйгурский);
- 4) *новейшие* (алтайский, башкирский, казахский, каракалпакский, киргизский, ногайский, татарский, балкарский, карачаевский и др.).

Классификация С.Е. Малова нам очень импонирует, так как она показывает относительную хронологическую глубину зарождения и функционирования языков. Однако в ней совершенно не выявляются генетические корни языков и их степень родства. И, как отмечал Б.А. Серебренников (1976, с. 339), невозможно провести абсолютную грань между архаическими и новыми языками. Правда, этот «недостаток» вполне объясним: грань эта размыта и для каждого языка имеет свои временные пределы.

Н. Поппе разделил все тюркские языки на две группы¹:

- 1) языки *p*-группы (древний волжско-булгарский и современный чувашский);
- 2) языки *z*-группы (все остальные тюркские языки; см.: Киекбаев Дж.Г., 1972, с. 14).

Нам представляется, что эта упрощённая классификация может служить базой для создания классификации тюркских языков, которая отражала бы этапы эволюции и основные типологические показатели тюркских языков. Более 100 лет лингвисты обсуждают вопрос о том, какая группа сохранила наиболее древнее языковое состояние. Хотя носители языка *p*-группы (чуваша, булгары, хазары и другие выходцы из хуннской среды) признаются наиболее ранними тюркоязычными насельниками, многие авторы считают, что изначально тюркские языки обладали *z*-признаками и лишь позже у некоторых языков возникли *p*-признаки.

По схеме Б.А. Серебренникова (1976), превращение *z* в *г* не было прямым. В результате оглушения в абсолютном исходе слова *z* превращался в *д*. Оглушение конечного *z* в *с* известно в ряде тюркских языков:

¹ Признак чередования звуков *д(т) ~ з(с) ~ й* как классификационный для языков предложил А.Н. Самойлович (Сб. МАЭ. 1918. Т. 5, вып. 1). См. также: В.Д. Аракин, 1974.

кирг. *кыз* – хак. *кыс* ‘девушка’, тур. *biz* – хак. *тис* ‘мы’. В болгарских языках этот процесс пошёл дальше: конечный *ǰ* превратился в *г*. Например, тат. *кыз* > *кыс(ь)* > чув. *хёр* ‘девушка’. Неясны только причины такого развития фонем: или это следствие саморазвития языка, или же результат влияния соседних языков *р*-группы, например, монгольского и/или тунгусо-маньчжурских.

А. Рона-Таш (1988, с. 110–111) также предполагает первичность *z/z*-группы. Автор привёл любопытную схему трансформации языков **А** (*z*-группа) в языки **Б** (*р*-группа) на примере слов, обозначающих в этих языках седло:

	А		Б
А ₁ *üzəŋi		А ₂ *izeŋi	*ireŋi

Группы **А** и **Б** различаются оппозицией *z:г*, в то время как **А₁** и **А₂** различались вокализмом (различные гласные). При этом **А₁** и **Б** с позиций вокализма объединяются одной изоглоссой (одинаковые гласные). Такой вариант возможен в случае, если **А** и **Б** еще не были самостоятельными языками, а функционировали на уровне диалектов одного языка. Позднее, по воле судьбы, носители диалектов территориально разделились, и через некоторое время диалекты разошлись настолько далеко, что превратились в самостоятельные языки. В этой стройной гипотезе А. Рона-Таш выделил диалекты по признаку противопоставления *z* и *г*. Но нельзя ли в этом случае сгруппировать диалекты на общности вокализма – одинаковых гласных, то есть включить в группу **Б** *izeŋi из группы **А₂**? То есть допустить, что изначально в раннем языке тюркского типа были слова с *р*- и *z*-признаками и с близким вокализмом. После разделения прототюркской популяции на две ветви в одной из них возросло число диалектных *z*-форм при сохранении части *р*-форм. Предположение неоднозначное.

О возможной первичности *р*-признака и вторичности *z*-признака в тюркских языках могут свидетельствовать некоторые языковые факты. В современных тюркских языках понятие «соль» выражается словами *туз* или *тус*, кроме чув. *тăвар*. Но и у якутов имеется термин *туранг* ‘солончак, место выхода соли’. Можно было бы якутский пример свести к тунг. *турукэ* ‘соль, солёный’, но в других тунгусских языках соль обозначается словами: нан. *даусун/даусон*, амур., тунг. *даусонг* (из монг. *дабусун*). Тунгусский вариант **тур* «соль» можно считать давним тюркским заимствованием из языка *р*-группы. Любопытно, что саянские са-

модийцы – тайгинцы, маторы и камасинцы – также заимствовали слово *соль* из тюркских языков: тайгинцы из *p*-языка (*тур*), остальные из *з*-языка (*тус*) при самод. (сельк.) *шāf*. И ещё один пример: на Тянь-Шане (где жили гунны!) у подножья гор Аркауль имеется оз. Турангы-куль «солёное озеро» (Струве К., Потанин Г.Н., 1867, с. 425). *P*-формы известны у тюркских народов гор Южной Сибири, которые традиционно относятся к языкам *з*-группы. Так, в языке хакасов-кайдынцев это *урук* ‘длина’, *берюк* ‘высота’, *ижеры* ‘его мать’, у тувинцев *эрги* ‘старый’.

По мнению А.П. Дульзона (1976), ротацизм получил развитие в общетюркское время. М.Р. Федотов (1968) отнёс это явление к VII–VIII вв. н.э. По мнению А. Рона-Таша (1988), разделение гурских (*p*-группа) и гузских (*зет*-группа) языков произошло после III–II вв. до н.э.

Очевидно, в первые века новой эры тюркские языки на Саянах имели признаки как ротацизма, так и зетицизма. Эти признаки были в языках якут, кайдынцев, хакасов, шорцев. Создаётся впечатление, что в горах Южной Сибири обитали носители смешанного гурско-гузского языка. В ходе его развития по неким причинам победил гузский. Реликты гурского языка сохранились лишь в качестве единичных примеров.

Для решения вопроса о месте и времени формирования тюркского этноса и языка нами рассмотрены две версии:

– *версия лингвистическая* – предложена лингвистами и предполагает, что тюрки являются конечным звеном в этно-генетической цепочке: алародийцы Малой Азии и дальнего Закавказья → жители Предкавказья (нахско-дагестанские и адаго-ахазские племена) → енисейцы (кеты) → хунну → тюрки;

– *версия миграционная* – разработана нами на основе анализа изначального расселения человека разумного по планете (Малолетко А.М., 1999).

Наше исследование не претендует на законченность. Читателю предлагаются лишь две точки зрения на происхождение и раннюю историю народа, который говорил на языках, называемых ныне тюркскими.

ГЛАВА 1. ОТ МАЛОЙ АЗИИ ДО МОНГОЛИИ ЧЕРЕЗ СИБИРЬ

Лингвистами давно была предложена версия о генетической цепочке *кеты* (енисейцы) → *хунны* → *тюрки*. Настоящий раздел посвящён разработке этой темы.

ВЕРСИЯ 1. КЕТЫ – ПРЕДКИ ХУННОВ?

В основу версии положено предположение, что енисейцы (кеты в широком понимании этнонима) имеют переднеазиатское происхождение. Похоже, что ныне у лингвистов эта точка зрения практически не вызывает сомнения. Нами эта версия подробно рассмотрена в книге «Древние народы Сибири по данным топонимики». Т. 2. Кеты. Томск, 2000 (1-е изд.) и 2002 (2-е изд.). Ниже мы коротко перескажем основные положения версии.

Переднеазиатские предки кетов

Кура-аракская (куро-аракская) культура закавказского энеолита (III тысячелетие до н.э.) типологически тяготеет к культурам Малой Азии, а не Месопотамии. Центр её сложения – район Элягыза-Малатья в Восточной Анатолии. Некая довольно многочисленная группа кура-араксинцев мигрировала из Закавказья на территорию нынешнего Дагестана, Чечни и Ингушетии. Произошло это ранее II тысячелетие до н.э.

Исторически известны следующие народы Малой Азии и Закавказья, которые потенциально могли быть мигрантами на Северный Кавказ: в Малой Азии каски и хатты (не хетты!), на Иранском нагорье хурриты, урарту. Этническая принадлежность кура-араксинцев не известна, но можно предполагать, что это были кутии (гутии), которые обитали в бассейне верхнего течения рр. Верхн. Заб и Нижн. Заб, к юго-западу от оз. Урмия. Их потомками были утии – жители Кавказской Албании (восточная часть современного Азербайджана), сохранившиеся под именем удии (удины) в составе лезгин. В языковом отношении эти народы

объединены в неиндоевропейскую группу, получившую от Фр. Гоммеля название алародийской. Родство неиндоевропейских языков Малой Азии с северокавказскими ныне не вызывает сомнений. По мнению С.А. Старостина (1985), хаттский язык близок к абхазо-адыгским, хуррито-урартские – к нахско-дагестанским.

Известны языковые соответствия хаттского языка с западно-кавказскими (абхазо-адыгскими):

- le ‘мясо’ – адыг. *лы* ‘мясо’;
- p-inu ‘ребёнок’ – *быны* ‘ребёнок’;
- šak-(tu) ‘гора’ – убых. *šaḡ* ‘верх холма’;
- wa-šti ‘лиса’ – кабард. *баже*, убых. *baž’a*;
- zihet ‘строительный лес’, ‘дерево’ – адыг. *чыгы*, кабард. *жыг* ‘дерево’;

– ku-zzan ‘очаг’ – убых. *моХе*;

– zuh ‘одежда’ – адыг. *цыгъын* ‘одежда’;

– aḡinna ‘источник’ – удин. *орэни* ‘источник’;

– wašhab ‘боги’, хур., урарту *eše* ‘бог’ – адыг. *уацхъуэ* ‘вышина неба, небесная синева’, убых. *wašh^oa* ‘гром и молния, бог’. По-видимому, это слово является общепереднеазиатским достоянием, так как в языке этрусков было слово *aīs, eis* ‘бог’.¹

Известны восточно-кавказские и хуррито-урартские лексические параллели:

– хур. *asti* ‘женщина’ – чеч. *исту* ‘женщина’;

– хур. *dagi* ‘красивый’ – адыг., кабард. *дахэ* ‘красивый’;

– урарту *aḡše* ‘мальчик’ – дарг. *w-aḡši*, лак. *ars*, авар. *waš* ‘мальчик’.

Прямые малоазийские параллели в енисейских (кетских) немногочисленны. Вяч.Вс. Иванов (1983) считал, что хат. *alip/alep* ‘язык’ соответствует кот., ал. *alup*, арин. *al’p* с тем же значением.

Кавказские предки кетов

Кавказ является, по нашему мнению, промежуточным регионом, где довольно длительное время жили малоазийские мигранты. Пребывание их на Кавказе ныне не вызывает сомнений. Однако остаётся не выясненной дальнейшая их судьба. Несомненно, какая-то часть их осталась на Северном Кавказе от Чёрного до Каспийского моря. Их потомки – это

¹ Античная традиция выводила этрусков из Малой Азии (Иванов Вяч.Вс., 1988).

нынешние народы нахско-дагестанской и абхазо-адыгской групп. Несомненно, некоторые малоазийские мигранты пошли дальше, на Южный и Средний Урал и в Зауралье. Наибольший интерес для нас представляют закавказские памятники кура-аракской культуры Шенгавит (Армения). На керамике этого памятника нанесены резные узоры в виде ломаных меандров, ромбов и треугольников (Мунчаев Р.М., 1975, с. 26), сходные с орнаментом на посуде андроновской (фёдоровской) культуры Сибири. По мнению Р.М. Мунчаева, носители кура-аракской культуры проникли на Северный Кавказ (Чечня, Ингушетия, Дагестан) через перевалы из пограничных районов Грузии в начале II тысячелетия до н.э. Меандровые узоры на керамике с Северного Кавказа сохранились до середины II тысячелетия до н.э. Особенно впечатляют меандры на топорах могильников Северной Осетии (Техов Б.В., 1977). Повторяются они и на керамике, характерной для андроновской общности (алакульская и фёдоровская культуры), что позволяет вывести эту общность, в частности фёдоровскую культуру, из среды насельников Северного Кавказа.

Предки кетов в Сибири

Интересные археологические и лингвистические материалы получены в правобережье Васюгана, левого притока Оби в Томской области. При раскопках памятника Тух-Эмтор IV (пос. Озёрное) было вскрыто трёхслойное поселение: 1) нижний слой (первая четверть II тысячелетия до н.э.) – гребенчато-ямочная керамика аборигенов, 2) средний слой (вторая половина II тысячелетия до н.э.) – сочетание традиционного орнамента аборигенов с андронидными геометрическими узорами пришлых скотоводов, 3) верхний слой (начало I тысячелетия до н.э.) – возврат к старым, аборигенным, традициям хозяйствования и орнаментации керамики.

Кроме того, в топонимии Васюганья до сих пор сохранились нетипичные названия рек, которые не раскрываются из известных языков Западной Сибири: Оглат, Самлат, Салат, Кынгат и др. Более того, в языке хантов обнаружены дублетные слова нефинно-угорского типа, обозначающие многие обиходные понятия природы, быта. К их числу относятся:

– хант. *инк* ‘вода’ – венг. *víz*, манс. *вит*, коми *ва*, удм. *ву*, мар. *вуд*, морд. *вядь*, карел. *vezi*, фин., эст. *wesi*, саам. *чадзь/чацц*. Б.А. Себреников (1966) писал, что сохранившееся у хантов слово *инк* ‘вода’ не имеет убедительных финно-угорских аналогов;

– хант. *вох-сар* (и *вокай*), манс. *ох-сар* ‘лиса’ – венг. *гока*, удм. *зичи*, морд. *ревезь*, карел. *rebo*, фин. *repo*, *kettu*, эст. *риемнь, римн*;

– хант. *юх* ‘**дерево**’ – венг. *fa*, манс. *йив*, коми *пу*, удм. *писпу*, мар. *пушенге*, морд. *чувто*, карел. *пу*, *рив*, фин. *руи*, эст. *ри*, саам. *мырр*;

– хант. (васюг. диал.) *коги* ‘**камень**’ – венг. *ко*, манс. *ахвтаc*, коми, удм. *из*, мар. *кӱ*, морд. *кявь*, фин., эст. *kivi*, саам. *кедьг*, *кедьк*;

– хант. *игай* – ‘**река**’ (средних размеров) – венг. *folyo*, манс. *я*, коми *ю*, удм. *иур*, мар. *энгэр*, морд. *ляй*, *лей*, фин. *joki*, *kiti*, эст. *jogi*, саам. *йок*;

– хант. (васюг. диал.) *рев* ‘**гора**’ – венг. *hegi*, манс. *нёра*, коми *гора*, удм. *гурезь*, морд. *пандо*, карел., эст. *tägi*, фин. *vuori*, саам. *выд*;

– хант. *пеля*, *relä* ‘**гора**, **увал**, **холм**’ – финно-угорские соответствия см. выше;

– хант. (васюг. диал.) *янг* ‘**десять**’ – венг. *tíz*, манс. *лов*, коми, удм. *дас*, мар. *лу*, морд. *кямень*, карел. *kümmer*, фин. *kummenen*, эст. *kümme*, саам. *логк*;

– хант., манс. *амп* ‘**собака**’ – венг. *kutya*, удм. *пуны*, морд. *киска*, фин. *koiga*, эст. *коег*, *репи*, саам. *пъенне*.

Приведенные хантыйские слова явно не вписываются в систему финно-угорских терминов и понятий, что позволяет считать их заимствованными. Соответствия им обнаружены в горско-дагестанских языках. Сопоставим приведённые выше хантыйские слова с соответствующими словами из этих языков:

– хант. *инк* ‘**вода**’ – ахв. *инхе*, гунз. *энху*;

– хант. *вох-сар* ‘**лиса**’ – багв. *сар*, карат. *саре*, беж. *соре*, анд. *сор*, авар. *цер*, цез. *зиру*, гинух. *зеру*, хвар. *зор*, *зару*;

– хант. *юх* ‘**дерево**’ – рут. *йух* ‘берёза’, гунз. *рыху* ‘тополь’, анд. *беху* ‘берёза’, авар. *рох* ‘роша’ (начальный согласный в горско-дагестанских примерах является классным показателем);

– хант. *игай* ‘**река**’ (средних размеров) – цез. *игъу*, хвар. *еху*, гунз. *эху*, гинух. *иху*, *ехе*;

– хант. (васюг. диал.) *рев* ‘**гора**’ – общедагестанская реконструируемая основа **ре-къвам* ‘вершина горы’, ‘голова’ (исчезновение фарингализованного *къ* могло привести к возникновению стяженного *рев*);

– хант. *пеля*, *relä* ‘**гора**, **увал**, **холм**’ – годобер. *беел*, ботл. *бейл*, чам., крыз. *бел*, анд. *бил*;

– хант. (васюг. диал.) *янг* ‘**десять**’ – фонетически близко к авар. *анцго*, *анчго*, хотя здесь историческим корнем является *ц*, отсутствующий в хантыйском варианте;

– хант., манс. *амп* ‘**собака**’ – лезг. *ампа*;

– хант. *нех* ‘**речка**’ – лак. *нех* ‘река’;

– хант. *муч* ‘**изгиб** (реки)’ – табас. *муччь*, *мурчь*, арч. *меце*, лак. *мурцу* ‘угол’ (ср. тюрк. *култук* – ‘угол’, ‘подмышка’, ‘залив’);

– хант. *вала* ‘место’ (васюг. диал. *вач-вала* ‘города место’) – лак. *валу* – словообразовательный формант, участвующий в образовании термина *шаравалу* ‘село’.

Эти аномалии в топонимии и лексике хантов мы связываем с археологической аномалией – приходом в среду аборигенов, собирателей, охотников и рыболовов группы далёких мигрантов-скотоводов со своим языком, культурой, технологиями. И этими пришельцами были выходцы с Северного Кавказа, которые говорили на алародийских (неиндоевропейских) языках Малой Азии.

Пришлые алародийцы энергично расселялись на новых территориях и буквально за несколько сот лет освоили огромную территорию в Сибири. Будучи скотоводами, они заселили степные и лесостепные пространства юга Западной Сибири и Северного Казахстана, степи Хакасии. Здесь ими была создана самобытная фёдоровская культура, оставившая яркий след в истории Сибири. Стратотип культуры находится у дер. Фёдоровка Челябинской области, но наиболее типичными фёдоровцами считаются минусинские.

Постоянные поселения фёдоровцев не обнаружены, культура их известна по многочисленным могильникам. Минусинские фёдоровцы хоронили умерших в любое время года. Зимой могилы были неглубокими, на высоту внутримогильного сооружения. Зимой хоронили в наземных гробницах. Глубина летних могил достигала иногда 3 м, обычно меньше. Могильные сооружения были пяти типов: 1) простые грунтовые ямы; 2) срубы или рамы в один венец; 3) каменные ящики из вертикально поставленных плит; 4) цисты – гробницы из нескольких рядов горизонтально положенных плиток; 5) комбинированные, сочетающие в своей конструкции черты ящиков и цист. Умерших клали скорченно на левом боку, очень редко на правом. Руки согнуты в локтях так, что ладони кисти находятся против лица. Погребённый сопровождался горшком, который обычно ставился у головы перед лицом, иногда за головой. Следует отметить, что подобный обряд захоронения (скорченно на боку с чашей у головы) был у горцев Иранского нагорья во II тысячелетии до н.э. (Дьяконов И.М., 1956). Иногда покойный сопровождался мясной пищей, в раскопках находили кости барана или коровы. В могилы клали также горшки и банки, изредка металлические украшения. Над могилами сооружались курганы двух типов: 1) каменные ограды с невысокими земляными насыпями и 2) ограды без насыпей. По форме ограды были также двух типов: 1) круглые диаметром 4–5 м, максимум 30 м и 2) четырёхугольные с длиной сторон до 58 м. Ограды сооружались из горизонтально положенных плиток либо из вертикально вкопанных плоских камней.

Фёдоровцы занимались скотоводством, разводили коров, лошадей, овец, реже – коз. Охота и рыбная ловля почти не практиковались. Возраст культуры на Енисее определяется рамками XIII–XI вв. На Южном Урале культура появилась раньше – в середине II тысячелетия до н.э., возможно, в XVIII в. до н.э. (Сальников К.В., 1967).

Антропологический тип фёдоровцев изучен хорошо. Черепа мезо-брахикранные (почти круглые) с довольно высокой черепной коробкой. Лоб довольно широкий, умеренно выпуклый, средненаклонный с сильно развитым надбровным рельефом. Лицо широкое (скуловой диаметр у фёдоровцев Верхнего Приобья 136,9 мм, у фёдоровцев Среднего Енисея 140,6 мм), у мужских черепов абсолютно и относительно низкое, у женщин средневысокое. Вертикальный профиль лица ортогнатный. Отмечается слабый альвеолярный прогнатизм. Глазные орбиты крупные, низкие. Нос при средней высоте умеренно широкий. Переносье высокое и средневысокое. Носовые кости сильно выступают над линией лицевого профиля. Челюсть довольно крупная и массивная. Выступление подбородка умеренное. Антропологически фёдоровцы близки палеоевропейскому кроманьоноподобному типу.

Андроновская культурная общность была величайшим явлением истории Северной Азии. Её традиции в течение многих веков несли дочерные и внучатые культуры.

Сама фёдоровская культура в своём классическом варианте исчезла вскоре после прихода её носителей в Минусу. По крайней мере, вряд ли она вошла в I тысячелетие до н.э. Степняки-фёдоровцы были частично ассимилированы другими пришельцами, тоже скотоводами, частично вытеснены в лесные области, где они постепенно потеряли свой скотоводческий тип хозяйствования, сменив его на рыболовство и охоту.

Формирование таких гибридных культур из пришлых фёдоровцев и аборигенов Сибири началось сразу же по приходу скотоводов на Урал. На Южном Урале пришлые племена вступили в контакт с аборигенами (утрами?) и создали культуру, которую археологи называли черкаскульской. Сходный хозяйственно-культурный тип и погребальный обряд, возрастная и территориальная близость позволяют считать эту культуру первой дочерней культурой фёдоровцев. Слабая монголоидность черкаскульцев подтверждает метисацию европеоидных пришельцев и аборигенного сибирского населения (уральская раса). Черкаскульцы ушли на запад, в бассейн Камы, где, смешавшись с европеоидным населением иного типа (носители срубной культуры), создали внучатую межовскую культуру.

С Урала фёдоровцы широким потоком пошли на восток, к Енисею. Шли они степями и лесостепью, шли по тайге. В степных районах, сла-

бо заселённых, они надолго сохранили облик своей культуры, не испытывая влияния со стороны аборигенов.

Дальнейшая судьба пришлого населения была непростой. Мигрантам удалось вклиниться в зону лесов, так как климатические условия того времени (аридизация климата) были благоприятны для формирования там открытых пространств с хорошими пастбищами. Эти пастбища и привлекли скотоводов. Наступившее три тысячи лет назад похолодание привело к заболачиванию открытых пространств. Часть скотоводов, очевидно, ушли из тайги в степи, часть же адаптировалась к изменившимся природным условиям, стали рыбаками и охотниками. Это привело к их ассимиляции местным населением. Где-то эта ассимиляция была полной, как на Васюгане, где победил хантыйский язык, в других местах пришельцам удалось сохранить свой язык и передать его аборигенам-сибирякам. Так образовались гибридные популяции, которые мы теперь называем енисейцами или кетами. Правильно было бы назвать их сибирскими алародийцами: предки енисейцев (кетов в широком понимании этнонима) в прошлом жили не только по Енисею, но и в Западной и Восточной Сибири от р. Камы (куда они пришли с Урала) до Забайкалья. А по Енисею жили и живут разноязычные группы, не относящиеся к енисейцам-кетам.

Фёдоровская культура эволюционировала в результате приспособления к иным природным условиям в местах, куда устремились мигранты, и в ходе ассимиляционных процессов с доандроновским населением Сибири. В результате были созданы дочерние и внучатые культуры, генетические корни которых, безусловно, находятся в фёдоровской.

Известны следующие дочерние культуры в Сибири.

Сузгунская культура выделена в 1957 г. В.И. Мошинской по материалам памятника Сузгун II у Тобольска. Её ареал включает таёжное Прииртышье к северу от устья Тары. По раскопкам М.Ф. Косарева и Т.М. Потёмкиной на памятнике Чудская гора обнаружены жилища – наземные столбовые постройки площадью не более 20 м². Внутри жилищ обнаружены остатки кострищ из слабо обожженных кирпичиков, целые и битые сосуды. Глиняная посуда имела оригинальную орнаментацию, в которой сочетались местная гребенчато-ямочная и принесённая скотоводами геометрическая традиции. Найдены также глиняные грузила, остатки луков и наконечники стрел, кости рыб, домашних животных (корова, лошадь, овца) и диких (лось и др.). Следовательно, сузгунцы вели сложное многоотраслевое хозяйство. Знакомо им было и бронзолитейное производство. Возраст культуры обычно определяется рубежом II и I тысячелетий до н.э.

Васюганье. В середине II тысячелетия до н.э. аборигены Васюганья, занимавшиеся охотой, рыболовством и собирательством, приняли пришлое с Иртыша группу скотоводов. Говорили пришлые племена на непонятном языке. Привели с собой невиданных зверей – коров и лошадей, занимались бронзолитейным производством, изготавливали великолепные горшки с оригинальным геометрическим орнаментом. Зимние жилища их представляли полуземляночные сооружения с вертикальными стенами и углублённым на 45–50 см в материк полом. Постепенно климат изменялся в сторону похолодания и увеличения влажности. Открытые пространства, пригодные для выпаса, заболачивались или покрывались лесом. На рубеже II и I тысячелетий до н.э. произошёл возврат к прежнему образу жизни. Пришлое население стало заниматься охотой и рыбной ловлей. Возможно, именно их ханты Васюганья до сих пор помнят как *арьях* ‘древний народ’.

Еловская культура выделена в 1964 г. М.Ф. Косаревым по материалам Десятовского и Еловского поселений в Томской области. Локализуются её памятники в Томско-Нарымском Приобье. Изредка встречаются в Новосибирской области. Еловцы строили полуземляночные жилища, углублённые в грунт на 90–100 см. Площадь жилищ достигала 200 м², что, очевидно, было вызвано необходимостью содержать зимой скот в жилищах. В северных районах, где животноводство было развито слабо, площадь жилищ не превышала 40 м². Еловцы занимались скотоводством (крупный и мелкий рогатый скот, лошади, свиньи), охотой и рыболовством. На их керамических изделиях сочетались аборигенные гребенчато-ямочные и принесённые андроновские орнаментальные мотивы. Еловское население было неоднородным в антропологическом отношении. Некоторые индивидуумы были явными монголоидами сибирского (таёжного) типа.

Ирменская культура выделена в 1955 г. Н.Л. Членовой по поселению Ирмень I на Оби южнее Новосибирска. Северной границей культуры является тайга, южной – широта Петропавловска (Казахстан). На западе ирменские памятники встречаются на Ишим-Иртышском междуречье, на востоке – где-то недалеко от устья Томи. По долинам Оби и Томи они уходят на юг до Алтая и Шории соответственно. Ирменская культура как таковая существовала 200–300 лет в начале I тысячелетия до н.э. Это весьма представительная дочерняя культура фёдоровского типа. Ирменцы повсеместно занимались скотоводством, но доля его в хозяйстве уменьшалась с удалением на север. В этом же направлении увеличивалась доля охоты и рыболовства. В животноводстве преобладал крупный рогатый скот, который в зимнее время содержался в жили-

цах. Занимались ирменцы и пашенным земледелием, выращивая голозёрную пшеницу и, возможно, просо.

Ирменцы погребали умерших под курганными насыпями. Могилы неглубокие, лишь немногие из них углублены в материк, остальные находятся выше материка. Нередко прослеживаются деревянные обкладки в один ряд и следы перекрытия из плах. Практиковалась кремация, как полное сожжение, так и частичное обожжение трупа. При обряде трупоположения покойника клали скорченно на правый бок. Отметим, что андроновцы (фёдоровцы) клали покойника на левый бок, еловцы на тот и другой, ирменцы же только на правый. В могилы ставили по одному сосуду или же хоронили без инвентаря.

Антропология ирменцев изучена хорошо. Черепа ирменцев характеризуются средней длиной и большой шириной мезо-брахикранной черепной коробки. Лицо широкое, средневысокое, относительно низкое, мезоортогнатное, умеренно уплощённое. Глазные орбиты низкие. Нос невысокий, среднеширокий, переносье средней ширины, высокое. Нижняя челюсть крупная, массивная с малонаклонными ветвями и средневыступающим подбородком. Ирменская серия южных районов (Верхнее Приобье) очень близка к андроновской (фёдоровской) серии этого же района, что свидетельствует о преемственности этих культур. Различия заключаются в ослаблении монголоизации населения фёдоровского типа. В этом отношении черепа верхнеобских ирменцев сближаются с черепами северных ирменцев, у которых монголоидные признаки представлены вполне отчётливо. Участие андроновидного компонента фёдоровского типа в сложении ирменской культуры бесспорно, как и участие местного таёжного населения. Это подтверждается палеоантропологическими материалами. А.Н. Багашев (2000, с. 23) вполне определённо писал, что *«доминирующую роль в формировании антропологического облика саргатских, ирменских ... групп сыграли два расовых пласта: европеоидный, генетически связанный с андроновским (фёдоровским) населением, и монголоидный, родственный населению таёжных областей Западной Сибири»*.

Корчажкинская культура выделена Ю.Ф. Кирюшиным и А.Б. Шамшиным в Барнаульско-Бийском Приобье. Типологически близка ирменской, за которую прежде и принималась. Корчажкинцы вели комплексное хозяйство. Наравне со скотоводством (разведение крупного рогатого скота, лошадей) занимались охотой и рыбной ловлей. Ранний – фирсовский – этап датируется верхней границей андроновской культуры в Приобье – первой половиной XII в. до н.э. Завершается корчажкинская культура иткульским этапом, верхний возрастной рубеж которой определяется первой половиной VIII в. до н.э. Следовательно, корчажкинская культура вы-

растает из андроновской (Фёдоровской) – фирсовский этап, и завершается иткульским этапом, который соответствует ирменской культуре.

Внучатые культуры развились в результате дальнейшей эволюции дочерних культур или взаимодействия дочерних культур между собой и с неродственными аборигенными культурами. В Сибири были сформированы следующие андронидные культуры третьего поколения.

Саргатская культура выделена В.А. Могильниковым и названа по курганной группе у дер. Саргатка на Иртыше ниже Омска. Известны саргатские памятники в Башкирии, Притоболье, Барабе и в предгорьях Алтая. Поселения саргатцев расположены между оврагами, расчленяющими высокий берег реки; с напольной стороны защищены рвами и валами. Жилища прямоугольной формы, слегка углублённые в грунт, с очагом, устроенным в яме или на ровном полу. Основным занятием было скотоводство (крупный и мелкий рогатый скот, лошади, свиньи). Охотились на лосей, косуль, бобров, лисиц, зайцев, соболей, куниц. Не чурались они и рыболовства: найдены кости щук, яззей, окуней, осетровых. Хоронили в могилах под курганами. Под курганной насыпью в материке имеется кольцевой ровик шириной 0,4–0,6 м и глубиной 0,2–0,5 м. Возможно, это имитация рвов и валов, ограждающих поселение. Ровики под курганами – это наследие андроновцев: В.И. Молодин (1985, с. 105) обнаружил разомкнутые ровики под насыпями двух андроновских могил в Барабе, а Ю.Ф. Кирюшин (1995, с. 67) описал кольцевые ровики под андроновским курганом памятника Быково (Верхнее Приобье).

Саргатцы предпринимали далёкие миграции как на запад, так и на восток. Поэтому по периферии саргатского ареала рубежи будут неодинаковы. Явно саргатская керамика и бронзовые изделия были найдены в Степном Приобье по р. Касмала в памятниках VI–V вв. до н.э. В V–IV вв. в среду носителей большереченской культуры левобережья Оби у Барнаула проникают значительные группы саргатцев. Об этом можно судить по многим подкурганым кольцевым ровикам с перемычками. Происхождение культуры достаточно ясно: она является гибридной культурой, сформировавшейся на основе сузгунской культуры и позднего варианта ирменской.

Молчановская культура выделена М.Ф. Косаревым в 1964 г. по памятнику Остяцкая Гора в низовье Чулыма. Ареал культуры – широтная полоса в зоне тайги от среднего течения р. Васюган через низовье Чулыма на верховье р. Кеть. Культура гибридная. Керамика представлена двумя группами: 1) местной позднееловской (андронидной) и 2) принесённой с севера крестовой, предположительно угорской. Наиболее вероятный возраст культуры – IX–VII или VIII–VI вв. до н.э.

Большереченская культура выделена впервые М.П. Грязновым по работам 1946–1949 гг. в правобережье Оби между Барнаулом и Бийском. Носители культуры вели комплексное хозяйство. Явные скотоводы и земледельцы, они охотно занимались охотой и рыболовством. Погребали большереченцы своих умерших в грунтовых могилах и могилах под курганами. Почти во всех курганных могильниках были найдены кольцевые рвы и земляные валики, образованные вынудой из ровиков землёй. В поздних памятниках могилы располагались под курганом по кругу относительно центральной могилы, что было характерно для саргатских погребений. Могильные ямы имели перекрытия из одного или нескольких накатов брёвен. Брёвна лежали на запличиках на высоте 40 см от дна. Реже накат устраивался на деревянных столбиках. Ряды брёвен переслаивались травой или берестой. Захоронения были одиночными, реже парными. Погребённые лежали вытянуто на спине. С IV в. появляются скорченные захоронения. В ногах, реже у головы помещались сосуды; куски мяса клали в изголовье.

Большереченская культура формировалась на базе корчажкинской и ирменской культур, связанных в свою очередь с андроновской (фёдоровской). Это, пожалуй, последняя из культур, которые мы связываем с предками кетов. С середины I тысячелетия до н.э., археологические следы их теряются. Какие-то группы енисейцев сохранились к приходу русских, другие исчезли незадолго до русской колонизации. Но корни последних известных групп (ассаны, арины, котты, пумпоколы, кеты-имбаки) уже не прослеживаются вглубь времён. Безгласный двухтысячелетний период в истории некогда многочисленного народа с высокоразвитой материальной культурой и сложным мировоззрением не оставил нам почти никакой информации. Вернее, мы пока не можем провести разбраковку средневековых археологических памятников и выделить среди них памятники, оставленные енисейцами. Пока мы можем оперировать лишь многочисленными топонимами, созданными енисейцами за 3,5 тыс. лет блужданий по сибирской земле, и по ним хотя бы оконтурить ареал земель сибирских алародийцев, потомков которых мы недавно называли енисейскими остяками, несколько позже – енисейцами, просто кетами или кетоязычными племенами.

Ареалы кетских топонимов

Для образования имён собственных водных объектов различные группы енисейцев использовали различные апеллятивы, что позволяет

выявить территориальное распространение этих групп и наметить их миграционные пути. Наиболее представительны термины (апеллятивы) речных объектов, которые резко преобладают в кетской географической ономастике.

Кетские гидронимы. Для собственно кетских (енисейские остяки, имбатские кеты) гидронимов характерен топоформант *зес* «речка» и производные от него: *зас, сес, сис, цис, шис, сесь, жес, чес, шош*. Гидронимы с такого рода топоформантами образуют несколько компактных ареалов на обширной территории от р. Кама до Енисея:

– бассейн Камы – рр. Зас, Мукзас, Казеска, Ачес, Вашиш, Арынцас, Минцас, Каинцас, Сульцыс;

– Омское Прииртышье – рр. Майзас, Узес, Кымсас, Тайсас, Вассис, Шиш, Полсис;

– правобережье Томи (выше устья Мрассу) – рр. Багзас, Каинзас, Зас, Кунзас (ранее Кунгзес), Ымзас, Назас, Амзас, Майзас, Казас, Кумзас (две реки), Онзас (две реки);

– Шория (в системе Мрассу) – рр. Камзас (несколько рек), Сызкас, Мазас, Айзас, Узас, Колзас, Кизас, Повзас, Солнзас, Сынзас, Анзас (несколько рек), Рамзас, Пызас, Кезес, Азас, Кызас, Базас, Сунзас, Сунзус, Кизес, Таензас, Жемжес, Мзас, Унзас, Чаузас, Кийзас, Казас, Тунзас, Баранзас, Кайзас, Баланзас; в системе Кондомы – Базас, Аксас, Амзас, Анзас и др.;

– Алтай в прителецком районе – рр. Сортынзас, Сарызас;

– бассейн р. Абакан – рр. Кизас, Калзас, Памзас, Кайзас (две реки), Казас, Кизас (Кизес), Тайзас, Айзас, Анзас, Алзас, Хабзас, Кызас (три реки), Тозас, Арзас;

– Тува – рр. Азас, Казас;

– Средняя Обь (бассейн Тыма) – рр. Кеанг-сес (кетское название р. Тым), Кисес, Косес, Когузес, Лаксес, Коенес, Когозес, Толзес; в бассейне Ваха – Пысесь-Ёган, Сес-Ёган (*ёган* – хантыйское приращение);

– Енисей – Кэсес (кетское название Енисея): в бассейне Сыма – рр. Сес, Лунчес, Хайчес, Энчес, Кыйчес, Палбумчес, Кенельчес, Черепчес, Кочес, Киденчес, Энгельчес; в бассейне Дубчеса – рр. Югун-Сес (другое название р. Дубчес), Дунчес, Тогульчес, Теульчес, Холемчес, Сандакчес, Сакчес, Точес; в бассейне Елогуя – рр. Усканчес, Бокленчес, Далимчес, Деканчес, Кыйчес, Танкес, Кепсес, Десес, Куксес, Албас (<Альбасис), Имлис (<Имлисис); в бассейне Фатьянихи – рр. Дань-Сесь, Сютне-Сесь, Сютне-Кунде-Сесь; в бассейне Пакулихи – рр. Хулун-Сесь с притоком Колбасым-Сесь, Копкун-Де-Сесь, Синту-Сесь, Усе-Сесь, Хене-Сесь; Хене-Исядалаг-Сесь впадает в протоку Енисея ниже

р. Пакулиха; в бассейне Бакланихи – Хинингда-Сесь, Садын-Сесь, Усан-Сесь, Хене-Усан-Сесь; в бассейне Турухана – р. Баиха принимает рр. Пыкейн-Сесь, Копкесесь-Сесь, Хене-Пирма-Сесь, Хынькойга-Сесь, Кук-Тумльдо-Сесь, Дисогд-Сесь и др.; в бассейне Подкаменной Тунгуски – р. Усас; в бассейне Сухой Тунгуски – Усан-Сесь, Дага-Сесь, Больно-Сесь, Тальда-Сесь, Койяго-Сесь; в бассейне Нижней Тунгуски – рр. Детто-Сесь, Ульбагэ-Алес-Сесь, Тенна-Сесь, Тоянь-Сесь; в бассейне Курейки – рр. Тицдэсесь, Касесь, Сесьтэдысесь, Тангсесь, Кайбангдисесь, Тактынсесь, Луньсесь, Ассесь, Конесесь, Дотэмсесь, Боклинсесь и др.

Аринские гидронимы. К приходу русских в Сибирь арины жили в левобережье Енисея в районе нынешнего Красноярска. Их номенклатурными гидроформантами были *сет* (основная форма), *зет*, *сат*, *зат* (трансформированные в ходе иноязычной адаптации), а также *изай*, *уай*, *иза*, *уа* при изначально зафиксированной у информатора (1735 г.) форме *икаи*. Кроме того, предполагается аринское происхождение гидронимов на *-лат*. На территории Предуралья, Урала и Сибири известны следующие ареалы аринских гидронимов и их единичные включения в иноязычную топонимию:

– на Урале – Сатка, приток Уфы;

– Тобол имеет приток – Исеть;

– Ишим принимает в верховьях р. Сазат;

– в низовьях Чулыма и Кети, правых притоков Оби (Томская область) – Унгузет, Ингузет, Онгузет, Кагызет (ныне Чамга), Симузет, Чоу-зет, Пельзат, Маузет (Мойзет, Могузет), Алсет, Сумзет, Сульзат, Уксат (Укшатка);

– в левобережье Оби этот ареал содержит гидронимы – оз. Ижет (Изетино), Конгузат, р. Тамырзат (Табырсат), Казат, Тисат;

– севернее Красноярска небольшие речки ещё в недавнем прошлом (первая половина XVIII в.; см.: Миллер Г.Ф., 1996) имели кетские названия – Нижн. Подъёмная называлась *Tela-keisat*, Верх. Подъёмная – *Keisat* с притоком *Alkeilsat* (не описка ли? Возможно, *Alkeisat*. – *А.М.*);

– в системе р. Абакан р. Ана принимает р. Муйзат-кол, к аринскому имени которой добавлен тюркский апеллятив *кол* ‘речка, приток’;

– в системе р. Туба, притока Енисея, была известна (1897 г.) р. Мензат;

– Ангара принимает немало притоков различного порядка, имена которых можно считать аринскими по происхождению – Сат-Хем, Колнасет (две реки), Калкасат, Коксат (приток Чуны), Улзет (нас. пункт, возможно, назван по реке), Зёда (пять рек), Дзёда;

– Лена слева принимает р. Исеть.

Нас особо интересуют имена ангарских притоков Зёда и Дзёда. Они очень близки аринскому апеллятиву *зет* 'река' и староабазинскому (XVIII в.) *дзе* 'вода' (Сравнительный словарь..., 1787; ныне *дзы* 'вода', 'река'). В кет. *хозеде* 'море', то есть 'много воды', 'обилие воды', компонент *зеде* сближается с гидронимом Зёда, в связи с чем в гидронимах Зёда и Дзёда можно усмотреть обычный в географической ономастике переход апеллятива (имени нарицательного) в топоним (имя собственное).

Аринские гидронимы с формантом *игай* довольно многочисленны и почти все сосредоточены в бассейнах р. Васюган и левобережных притоков Оби севернее Васюгана. Их здесь более 70: Алтым-игай, Варен-игай, Кала-игай, Халка-игай, Вансор-игай, Кутым-игай, Тормыт-игай, Калман-игай, Колко-ига, Каласан-игай, Сыкан-игай, Тугут-ими-игай, Паран-игай, Игльны-игай (Запорная), Ул-игай 'голубичная речка', Пыхты-нёгос-игай 'чёрного соболя речка' и др. Небольшой ареал из нескольких рек с рассматриваемым апеллятивом в названии имеется в Предбайкалье: р. Ига, правый приток Лены (впадает на широте северной оконечности Байкала). В р. Ия, левый приток Ангары, впадает р. Икей (Икэй), что фонетически близко к аринскому термину *икаи*, записанному в 1735 г. у Красноярска.

Ассанские и коттские гидронимы. Эти группы енисейцев настолько близки между собой, что их гидронимы практически не дифференцируются. Наиболее известны коттские географические термины, участвующие в образовании топонимов, – *шет* и *чет* ~ *четь*. Они входят в состав многих гидронимов юга Красноярского края. Единичные гидронимы такого типа известны в других районах не только Сибири, но и далеко за её пределами:

– в системе р. Бирюса (в верховьях Она), левой составляющей р. Тасеева, известны следующие коттские названия рек (перечисление без особой последовательности): Хиндичет, Саранчет, Тайшетка, Камышет, Апошет, Сухой Черчет, Черчет, Чекунчет, Полгучет, Кунчет, Такучет, Чивильчет, Черманчет, Пенчет, Пишетка, Яманчет, Шегашет, Черенганчет, Панакачет (с притоками Нижн. Тиличет, Ср. Тиличет, Верхн. Тиличет, Тиличет-Панакачетская), Тиличет-Пойменная, Туличет, Тимчет, Серчет, Тенчет, Почет, Хатамчень, Тюленьчет (и река Тюлень), Худачет, Такучет, Тенишет, Туманчет, Торпачет, Бакчет (две реки), Тропанчет, Ужет (возможно, аринский гидроним Узет), Ингашет, Туманшет (две реки), Шигашет, Шагашет, Чипиншет, Тибишет, Такульшетка, Решет (три притока р. Гугара), Табагшет, Кременшет, Тайшет, Фаначет;

– Чуна (в верховьях Уда), правая составляющая р. Тасеева, имеет несколько притоков разного порядка, имя которых можно считать котт-

ским: Пальчет (правый приток р. Мактыгина), Пальчень, Кычет, Кунчеть, Колокончеть, Куйчеть, Долгоночет, Такучеть, Такичеть, Токончет, Уленьчеть, Кунчет, Чинчет, Пинчеть, Еманчеть, Екунчет, Тококончет, Томпачет, Микичеть, Тиничеть, Долгоночет, Пиничеть, Кеполачеть, Пилинчет, Полинчеть, Потончеть, Пиничет, Токачет, Тяжет (аринский гидроним Тазет?) с притоком Тукачет, Черчет, Черчетка, Екунчет, Хайчет;

– Ангара имеет притоки, которые, в свою очередь, принимают притоки с коттскими именами: Ия, левый приток Ангары, в верховьях (Восточный Саян) принимает р. Чет-Хем; Карабула с притоками Торпанчеть, Ханопочеть, Кунчеть, Тукунчеть, Чельчет, Холопчет, Шингачеть; Манзя с притоками Тропончет, Рунчичеть; Вихорева с притоком Чепчет;

– кроме Ангары, коттские гидронимы известны и в системах других правых притоков Енисея: Кан с притоком Паканчет; Туба с притоками Чёт, Бачат, Тагашет; Подкаменная Тунгуска с притоком Чадобчет;

– западнее Енисея, в бассейне Оби известны единичные топонимы коттского происхождения: Шат – приток р. Верх. Терсь в Кузбассе; Бачат – приток р. Иня в Кузбассе (ср. р. Бачат в системе Тубы; см. выше); Кельчет – правый приток р. Кудинка, впадает в р. Кия в её нижнем течении (Кузнецкий Алатау); Нетогапшет – правый приток р. Аган, правого притока Оби (Тюменская область); Четь – приток Чулыма. Чулымские татары ещё недавно называли эту реку Шет;

– Кавказ – здесь имеются реки с именами Джаловчат, Оручат, Джугутурлючат, Арючат, Бугайчат;

– Ближний Восток – от слияния рр. Тигр и Евфрат образована р. Шат-эль-Араб «река арабов». В Турции известна р. Шавшат, левый приток р. Берта (впадает справа в р. Чорох). Напомним, что в Турции имеется пумпокольского типа топоним Дадат.

Пумпокольские гидронимы. Они хорошо распознаются по топоформанту *дат ~ тат ~ тет ~ дет*. Значительно меньше гидронимов образовано с аппелятивом *том* «река». Пумпоколы (самоназвание неизвестно) были обнаружены русскими в XVII в. в левобережье Енисея ниже Красноярска. Однако их многочисленные гидронимы встречаются на обширной территории Сибири, где они образуют несколько компактных ареалов:

– Причумылье особенно богато рассматриваемыми гидронимами, что свидетельствует о недавнем их проживании в бассейне этой реки. Начиная от истоков Чулыма, пумпокольские гидронимы представлены названиями рек: Андат, Алтат, Бол. Садат, Кудудет, Едет, Дудет, Кадат, Кубитат, Итатка (русифицированная форма), Битятка, Тепятка, Коче-

тат, Тюхтет. В приток Чулыма Кемчуг впадают рр. Кайдат, Рибитат (Ирбитат), Кытат, Тюхтет. Ниже Кемчуга в Чулым впадают Идет (Эдет), Чиндат с притоком Кильдет, Верхн. Китат, Тегульдет. Река Кия, левый приток Чулыма, принимает рр. Кундат, Кайгадат, Барандатка, Албататка, Кайдатка, Комудат, Альбедет (ныне Лебедка), Чедат, Кубидат, Туендат. В системе р. Четь, левого притока Кии, известны рр. Айдат, Майндат, Багайдат. Река Яя, левый приток Чулыма, имеет притоки Золотой Китат, Китат (2 реки), Айгадат, Ургадат, Алчедат (2 реки), Бол. Чиндат, Катат, Чедодат, Чендат, Латат (Улатат). Река Чичкаюл, правый приток Чулыма, принимает в верховьях р. Агуйдат;

– Кеть, правый приток Оби, имеет в своей системе рр. Тет (ныне Бол. Еловка), Алтат, Гуйдат, Тагылдат, Кидат, Бергидат;

– в левобережье Енисея ниже Красноярска протекают небольшие реки Тартат, Кантат с притоком Калантат, Итат и Бартат, Айтат и Кантат;

– в системе р. Кан, правого притока Енисея, имеются рр. Мал. Итат, Бол. Итат;

– Туба, правый приток Енисея, в своих верховьях (Вост. Саян) имеет притоки разного порядка: Садтат, Китат (несколько рек), Тюгдет (ныне Тюхтыты), Тюхтет, Сырой Богдат, Киндат, Кандат, Шадат;

– в Туве несколько пумпокольских гидронимов искажены тюркским употреблением: Хым-Дыт, Тодут, Кадат-хол (хол является тувинским приращением: тюрк. *кол* ‘речка, приток’);

– на Алтае только три реки имеют пумпокольское происхождение: в прителецком районе – Кумулдат (ныне Коволдуд), в верховьях Катунь – Тюдет и Камдуд (Котета);

– в Монголии в системе Селенги (к югу от Байкала) Г.Н. Потанин зафиксировал пумпокольские гидронимы – названия р. Алтат и Дондыт (*Дондат, или *Дондет);

– в документе от 1638 г. упоминается р. Ратсидет «по ту сторону Ишима» (Миллер Г.Ф., 1941, с. 110);

– в Ярковском районе Тюменской области у с. Тарханы было известно оз. Тет.

Известны следующие гидронимы с апеллятивом *том*:

– Томь – правый приток Оби;

– Томка – 1) один из истоков р. Чижанка (левобережье Оби в Томской области), 2) левый приток Берди (Салаирский край);

– Катом – река в системе Яи;

– Кельтом и Горевой Кельтом – реки в верховьях Кети;

– Томь-Чумыш – одна из составляющих р. Чумыш (Салаирский край);

- Тому – левый приток Алтат (!), впадающей в Селенгу;
- Том – три реки, небольшие притоки р. Бельтыс, которая впадает слева в р. Тэлыгир-Морин, левый приток Селенги (Монголия; Потанин Г.Н., 1883, с. 226).

Восточный фланг кетского ареала

Для нас особый интерес представляют гидронимы восточной части кетского ареала, так как в Северной Монголии, Прибайкалье и Забайкалье известны археологические памятники, оставленные хуннами/гуннами. Этот факт обязывает внимательно отнестись к высказанной солидными лингвистами гипотезе о возможном родстве хуннов и енисейцев, а именно о происхождении гуннов от енисейцев. А отсюда расхожее предположение о хуннском происхождении тюрков выводит на версию о генетической связи енисейцев и ранних тюрков.

Кетские топонимы околбайкальского региона специально рассмотрел С.А. Гурулёв (1992). Среди многочисленных топонимов, предложенных С.А. Гурулёвым, как кетских, так и возможно кетских, действительно некоторые можно включить в число енисейских по происхождению. Среди них можно отметить имена рек: Хулдат – правый приток Джиды (левый приток Селенги), Дербул – река в системе Чикоя, Улзет – посёлок на Ангаре (назван по речке), Бичур, Ингур, Кожур, Сокур (несколько рек), Улур – реки в системах Ангары, Джиды и др., Бекет – посёлок в бассейне Иды (назван по реке), Кет – правый приток Балея, Мегет – левый приток Ангары, Исеть – левый приток Лены и др. Среди перечисленных гидронимов выделяются аринские – Улзет, Исеть, пумпокольские – Хулдат. Условно кетскими (енисейскими) следует считать гидронимы Кет, Бекет, Мегет. Общекетскими, ближе этнически не дифференцированными являются гидронимы с общекетским апеллятивом *ур* ~ *ул* ~ *уль* 'вода'.

На восточном фланге ареала уверенно выделяются аринские и пумпокольские гидронимы.

К числу первых относятся имена рек: Ига – правый приток Лены в её верхнем течении, Икей (Икэй) – приток р. Ия (ср. названия рек в Васюганье с формантом *игай*: Томул-игай, Ман-игай, Нан-игай, Ен-Игай, Пумы-игай и др.). Кроме этого, в Прибайкалье известен правый приток Ангары Асанов ручей, что свидетельствует о пребывании здесь енисейцев-ассанов, близких родственников коттов.

К числу вторых относятся притоки различного порядка р. Селенга в пределах Северной Монголии – Алтат, Том, Дондыт. Особенно приме-

чательна их компактность, что практически исключает случайное совпадение. Река Алтат имеет тёзок в Сибири, это две реки Алтат – притоки Кети и Чулыма. Монгольская река Алтат стекает в Селенгу с невысокого хребта Бурэн-Нуру, образующего стрелку между Орхоном и Селенгой. Здесь же Алтат слева принимает «... соединённые воды двух речек Дондыт и Тому, из которых последняя есть левая ветвь, а первая – правая» (Потанин Г.Н., 1893, с. 532). В противоположную от истоков р. Алтат сторону, в Орхон, стекает ещё одна р. Дондыт. Эти четыре реки с енисейскими (пумпокольскими) названиями являются крайними на восточном фланге ареала енисейцев и максимально приближенными к Селенге. Это буквально сердце хуннской державы: ставка шаньюя находилась на р. Орхон.

Возможно, не все упомянутые гидронимы Околобайкалья являются кетскими по происхождению. В первую очередь это относится к гидронимам с финальной частью *-кул, -ул, -ур*. Такие форманты характерны и для некоторых тюрко-монгольских речных названий. Тем не менее здесь имеются безусловно енисейские гидронимы. К их числу следует отнести группу Алтат, Дондыт, Тому, Хулдат, Исеть, Улзет. Поэтому вопрос о пребывании енисейцев в Околобайкалье решён положительно. Остаётся только неясным время появления в этом регионе енисейцев. Никаких археологических материалов, которые пролили бы свет на этот вопрос, до сих пор не найдено.

В связи с этим особый интерес представляет вопрос об этнической принадлежности и истоках карасукской культуры Минусинских котловин. Интерес этот обусловлен тем, что сложились представления о том, что носители карасукской культуры были кетоязычными (Членова Н.Л., 1969). Об этом свидетельствуют, по мнению Н.Л. Членовой, некоторые общие черты погребального обряда и материальной культуры карасукцев и современных кетов, а также совмещение ареалов кетских топонимов и памятников карасукской культуры. А если учесть, что некоторые исследователи (С.В. Киселёв, З.А. Новгородова) карасукскую культуру выводят из Центральной Азии, то выявление действительного соотношения всей связки (кеты – карасукцы – Центральная Азия как родина карасукцев и хуннов), возможно, является ключом к решению рассматриваемой версии.

Памятники карасукской культуры известны ещё со времён И.Г. Гмелина (XVIII в.). Позднее они исследовались Д.А. Клеменцем, В.В. Радловым, И.П. Кузнецовым-Красноярским, А.Я. Тугариновым, А.В. Адриановым. Название культуре дал С.А. Теплоухов, раскопавший могильники у с. Батени, на р. Карасук (Теплоухов С.А., 1927). Карасук-

ская культура наиболее типична для Минусинской котловины, где её памятники встречаются по р. Абакан до устья Таштыпа, в долине Енисея от Минусинска до Батенёвского хребта, в верховьях Чулыма и по Июсам. В правобережье Енисея памятники культуры заходят в долину Тубы и в Сыдо-Ербинскую котловину.

Карасукцы занимались оседлым пастушеским скотоводством и, возможно, земледелием. Лошадь использовалась в качестве тягловой силы. Судя по наскальным рисункам, карасукцам были известны и лёгкие повозки на колёсах со спицами.

Происхождение карасукской культуры до сих пор вызывает споры. Предлагается две полярные точки зрения: 1) культура имеет местное происхождение, то есть она эволюционно сменила предшествующую андроновскую (фёдоровский вариант), и 2) культура сформировалась в результате прихода больших масс людей из других районов. Причём локализация исхода мигрантов указывалась широко – от Забайкалья и Китая до Казахстана. Еще С.А. Теплоухов отметил, что по форме карасукские ножи близки ножам Забайкалья и Прибайкалья и, несомненно, по его мнению, имеют связь с ножевидными монетами Китая. Правда, позднее Г.П. Сосновский уточнил по материалам своих исследований в Минусе и Прибайкалье, что карасукские бронзы, аналогичные найденным южнее Гоби, являются продуктом торгового обмена. Позднее С.В. Киселёв возродил концепцию центрально-азиатского происхождения карасукской культуры, которая была поддержана З.А. Новгородовой.

Н.Л. Членова (1972) предложила переднеазиатскую концепцию. По её мнению, районом, из которого могли происходить культуры карасукского типа, являются Северный Иран и Хорезм. Отсюда движение происходило на восток, вплоть до Тихого океана (Ордос и некоторые бронзы Китая XIII в. до н.э.), и на запад, где достигло Центральной Европы (галыштатская культура IX–VII вв. до н.э.). На всей этой огромной территории от Тихого океана до Центральной Европы (Маньчжурия, Ордос, Монголия, Забайкалье, Тува, Минуса, лесостепная полоса Сибири, частично Казахстан, Хорезм, Северный Кавказ, лесостепная Украина, Крым, Венгрия, Польша, Силезия, Югославия, Австрия, Бавария) характерны определённые типы стрел, кинжалов, конского убора, ножей, керамики, украшений и обряда погребения. Трудно оспаривать такие широкие границы карасукской культуры: Наталья Львовна специально и немало лет анализировала большой фактический материал. Можно только высказать предположение, что речь идет не о собственно карасукской культуре, а о культурах, имеющих давние переднеазиатские

корни. Нами, в частности, предполагается давний исход из Передней Азии фёдоровцев, предков кетов.

Ныне среди исследователей сложилось представление о том, что карасукская культура имеет местные андроновские корни. Однако местный, минусинский, «андрон» испытал влияние пришлого населения, тоже андронидного, но восточно-казахстанского типа.

Карасукская культура оставила следы на обширной территории Евразийских степей. Ранние курганы карасукского типа (XII в. до н.э.) известны в Приаральских степях (Мошкова М.Г., Генинг В.Ф., 1972). В Северном Прикаспии найдены их кратковременные стойбища (Мелентьев А.Н., 1975). Найдены ножи карасукского облика на Северном Кавказе (Техов Б.В., 1977). На Ангаре известны памятники шиверской культуры (1300–900 лет до н.э.), которая несёт следы влияния карасукцев: скорченные захоронения, не свойственные предшествующей глазковской культуре (конец IV – конец III тысячелетия до н.э.). Такие захоронения, одиночные и грушковые, известны в Прибайкалье от верховьев Ангары до устья её притока – р. Кода. Имеется точка зрения, что шиверская культура (XIII–XII вв. до н.э.; по другим данным – VIII в. до н.э.) каким-то образом связана с гуннами. Л.Н. Гумилёв (1960) считал, что и шиверский этап прибайкальской культуры и карасукская культура не только синхронны, но и возникли по одной и той же причине. В карасукское время в Южной Сибири появляется монголоидный североазиатский антропологический тип. Появление монголоидов центральноазиатского типа может быть связано с приходом сунну/хунну, но каких-либо доказательств этому нет. Более поздняя культура плиточных могил в Прибайкалье (первое тысячелетие до новой эры) также испытала влияние карасукской культуры. В Степном Прибайкалье нередко находки карасукских вещей, которые датируются в основном X–VIII вв. до н.э.

Карасукская культура является самой загадочной из круга андронидных культур. Так и остался не выясненным характер соотношения карасукской и фёдоровской культур: родственны они или только похожи? Не ясно, были ли её носители физическими потомками фёдоровцев, сохранившими язык предков, или же это были иноплеменники, которые унаследовали многое из материальной и духовной культуры фёдоровцев, но язык которых остался неизвестным.

Других доказательств пребывания енисейцев на околобайкальских землях на рубеже эр, когда здесь поселились хунны, нет. Топонимы также мало информативны. Ручей Ассанов, правый приток Ангары (см. выше), имеет русское оформление, поэтому можно говорить о недавнем проживании здесь этой группы енисейцев. Топоним Алтат также явля-

ется свежим, не замутнённым долгим иноязычным употреблением. Это также может служить свидетельством недавнего (позднесредневекового?) пребывания здесь енисейцев. А возможно, что процесс миграции енисейцев на восток, к Байкалу, был длительным. Но так или иначе топонимические материалы убедительно доказывают пребывание енисейцев около Байкала, где на рубеже эр обитали и хунну. Что историческая наука может сказать о них?

ВЕРСИЯ 2. ХУННЫ – ПРЕДКИ ТЮРКОВ?

Хунны сыграли выдающуюся роль в истории Восточной Азии и, как предполагают, Европы. С эпохи хуннов (хунну) практически начинается кочевничество и «Великое переселение народов». Сколь велика была эта роль в истории народов, столь мало мы знаем о самих хунну. Нам не известен их язык, их самоназвание и даже – был ли в реальности этот народ или же это было политическое объединение с неизвестным лидерством.

Основные данные о хуннах (сюнну) собрал китайский историк Сыма Цянь (145–87 гг. до н.э.) и изложил их в «Исторических записках» (Ши цзи). Глава 110 этого труда озаглавлена «Повествование и сюнну» (Сюннулечжуань). В первом разделе главы историк излагает версию о древнем происхождении хунну: предок сюнну был потомком рода правителей Ся по имени Шуньвэй. Согласно этой легенде сюнну являются потомками последнего правителя Ся (династия погибла в 1562 г. до н.э.), тирана Цзэ, и его наложницы из племени сюньюй. Цзэ был сослан в северные территории, где его потомки научились разводить скот и кочевать вместе с ним. Тирана и его потомков от наложниц варварского племени назвали сюнну «злые невольники». Сам историк скептически отнёсся к этой легенде, заявив, что родословную сюнну *«трудно выяснить и последовательно изложить»*.

Впервые этноним хунну в форме *hiung-nou* упомянул китайский историк, описывая события в Китае, которые произошли под 318 г. (Таскин В.С., 1968; Пуллиблэнк Э.Дж., 1986). Этноним широко использовался в научной литературе, но был заменён другим – *сюнну*¹. По данным С.Г. Кляшторного (1964), согдийский купец в Китае Нанайвандака оставил письмо, в котором воспроизвёл не иероглифическим, а алфавитным письмом этноним *hsiung-nu*. Нужно отметить, что этот этноним

¹ Разнонаписание этнонима связано с тем, что первый иероглиф пишется как *ху*, а читается как *сю*. Сюнну является фонетическим вариантом, отображённым графически как *хунну*.

был известен Н.Я. Бичурину (1960), который употреблял его в форме *сюнюсы*. Этноним сюнну стал конкурировать с этнонимом хунну. Однако не ясно, функционировал в живой речи один из двух вариантов этнонима, а другой является его прочтением, либо оба варианта имели «права гражданства». Дело в том, что в прошлом, как и ныне, в языках одной и той же группы были примеры перебивки (соответствий) фонем *с/ш* и *х*. В частности, тунгусы (эвенки) лису называют *сулаки* ~ *шулаки* ~ *хулаки*. Перебивка отмечается и в других языках: башк. *хыу* – чув. *шыу* ‘вода’; фин. *хаара* – коми *шор* ‘ответвление, приток’; малайско-полинез. *херу/серу* ‘гребень’. Вершина Мунку-Сардык (Восточный Саян) в XIX в. называлась Мунку-Хардык. А гуннский род Хэйбу имел дублетное название Сюйбу (Бернштам А.Н., 1951, с. 227). Монголоязычное племя *кумохи* могло называться и *кумоси*. Но сопоставление хунну и сюнну, очевидно, не относится к этой категории звуковых соответствий. Здесь не соответствия, а различия графической и фонетической реализации одного и того же слова. Например, графически выполненное слово Georg фонетически реализуется англичанами как Джорж, французами – Жорж, испанцами – Хорхе.

Однако этноним *сюнну* менее известен читающей публике, чем *хунну*, и чаще всего употребляется в склоняемой форме, чего мы и будем придерживаться. Этноним сюнну нами употребляется при использовании его автором анализируемой работы.

Место и время

С.С. Миняев (1979) в хуннской проблеме различал два аспекта: 1) происхождение самих хуннов/сюнну как конкретного племени или группы племён, тесно связанных между собой по основным признакам и обладающих своеобразной материальной культурой и погребальным обрядом и, добавим, своим языком, 2) сложение в конце III в. до н.э. союза племён во главе с хуннами, куда вошли, очевидно, этнически неоднородные племена.

Хунны заявили о себе в начале III в. до н.э., когда в Центральной Азии ими был создан военно-политический союз скотоводческих племён на огромной территории от Енисея до Маньчжурии и от Ордоса до Байкала (Миняев С.С., 1986). Этот союз дал мощный толчок развитию кочевничества в евразийских степях и непосредственно влиял на ход политических событий в этом регионе. Он положил конец скифскому господству в центрально-азиатских степях, хотя развитие хуннского об-

щества, несомненно, испытало огромное влияние скифского (сакского) кочевнического мира. По мнению С.С. Миняева, хунны первоначально обитали в лесостепях юго-западной части Маньчжурии. Здесь в долинах Ляохэ и Лаохахэ обнаружены памятники скифской культуры (VIII–IV вв. до н.э.), обладающие признаками, которые позже (III–I вв. до н.э.) стали показательными для хуннского общества. Л.А. Ельницкий (1977, с. 97) раннехуннскую территорию видел в Ордосе и Южном Забайкалье, а к началу новой эры – в Монголии и, возможно, ещё южнее. В Северном Китае, по мнению Л.А. Ельницкого, протогунны оставили археологические памятники, близкие памятникам карасукской культуры и культуры плиточных могил.

Хорошо известна история хуннов II–I вв. до н.э. по письменным источникам династийной летописи Хань. Однако современник хуннов историк Сыма Цянь не мог изложить достоверной версии о времени и месте зарождения хуннов. Этот вопрос не решён до сих пор. Танский историк Сыма Чжень упомянул хронологию племён – предшественников хуннов:

- *шань-жун* и *сянь-юнь* – до легендарных императоров Тана и Юйя;
- *чуньвэй* – при династии Ся (2033–1565 гг. до н.э.);
- *гуйфан* – при династии Инь (1562–1066 гг. до н.э.);
- *сяньюнь* – при династии Чжоу (1066–771 гг. до н.э.);
- *сюнну* – при династии Хань (202 г. до н.э. – 221 г. н.э.).

Однако никаких доказательств их преемственности не имеется. Более того, лингвистически нельзя из первых четырёх этнонимов вывести этноним *сюнну*: фонетика иньского и чжоуского языков не известна. Китайский историк Сыма Цянь не рассматривал их как прямых предков сюнну. А историк Ван Го-вэй приводит иной список предшественников сюнну: *гуйфае*, *гуньи*, *сянь-юнь*, *жун*, *ди*, *ху*. Эти этнонимы, по мнению Ван Го-вэя, обозначали один и тот же народ, позднее вошедший в историю под именем сюнну (Таскин В.С., 1964). Великая стена была начата строительством для предотвращения набегов жун и ди. Первые обитали на западе от Китая по течению Хуанхэ, вторые – в провинциях Ганьсу, Шанси и др. К северу от Китая жили сюнну/хунны, среди которых были известны роды хуань, лань и сюйбу. И жуны, и ди имели язык, отличающийся от китайского (Бернштам А.Н., 1951, с. 58). По мнению А.Н. Бернштама, скотоводы жун и ди позднее вошли в состав хуннской орды (Бернштам А.Н., 1951, с. 61).

Однако это также не имеет доказательств. В частности, ди считаются племенем скифского (сакского) корня, а жуны археологически надёжно вычлениаются из круга кочевнических культур дохуннского времени

(памятник Янлан в уезде Гуань Нинся-Хуэйского автономного района; Варёнов А.В., 1995).

Археология и палеоантропология

Письменные источники в решении вопроса о происхождении хуннов исчерпаны. По мнению С.С. Миняева (1987), только археологические материалы могут дать дополнительную информацию. В Забайкалье известны хуннские погребения как знати (Руденко С.И., 1962), так и рядовых соплеменников. Но эти могильники сравнительно молодые (II–I вв. до н.э.) и не имеют корней в местных культурах (Герасимов М.М., 1955 и др.). Это свидетельствует о том, что хунны в Забайкалье являются пришлыми и их памятники не прольют свет на время и место формирования самих хуннов.

В кратком изложении древняя история Окологбайкалья сводится к следующему.

В китайское время (вторая половина III – начало II тысячелетия до н.э.)¹ было совершено одновременное парное захоронение, раскопанное в 1880 г. Н.И. Витковским. Череп погребённого имел низкий свод, покаты́й лоб, сильно выраженные надбровье и глабеллу. Лицо массивное, тяжёлое, уплощенное с несколько выступающим широким и тупым носом, прохейличным (выступающим) тяжёлым ртом, массивным подбородком. Антропологический тип монголоидный, сочетающий признаки северных и юго-восточных монголоидов (рис. 2). В современном населении этот расово недифференцированный тип не имеет аналогий

Рис. 2. Голова мужчины, носителя китайской культуры (Иркутск, сад «Локомотив»; реконструкция М.М. Герасимова)

¹ А.В. Вебер и Д.В. Линк (2001) определяют китайское время в пределах 8,8–6,9 тыс. лет до н.э.

(Герасимов М.М., 1964). Для Прибайкалья этот антропологический тип является чуждым, вероятно, он проник сюда, в серовско-глазковский мир, из Забайкалья.

Глазковский тип (1700–1300 лет до н.э.) совершенно другой. Это древний тип северных монголоидов. Характерна брахикранность, низкий свод черепа, значительное развитие надбровья и глабеллы. Нос относительно выступающий, часто горбатый, что не характерно для типичных монголоидов. Орбиты относительно низкие, лицо более профилированное, нежели у современных тунгусов, якутов и бурят. Прогнатность встречается не чаще, чем у современного населения Прибайкалья (Герасимов М.М., 1955). Тип близок к серовскому.

Рис. 3. Облик мужчины послеглазковского населения Забайкалья; могила 41 Фофановского могильника (по: М.М. Герасимов, Е.Н. Черных, 1975)

В послеглазковское время в Прибайкалье пришли люди, антропологически отличающиеся от глазковцев (третья группа памятника Фофаново): они обладали ярко выраженной монголоидностью центрально-азиатского типа (рис. 3).

Специальное исследование плиточных могил (их возраст IX–IV вв. до н.э.) не выявило их связи с хуннами. В плиточной могиле в Херексуран-Ура близ улуса Махой на Селенге (первая половина I тысячелетия до н.э.) был захоронен мужчина в вытянутом положении на спине. Лицо более плоское, чем у бурят. Ширина лица очень большая (147 мм), высота небольшая (120 мм до нижнего края нижней челюсти, 71 мм до нижнего края альвеол верхней челюсти). Орбиты широкие и низкие (ширина 42, высота 31 мм).

Монголы обладают более высокими орбитами. Общее выступание лица незначительно, но альвеолярный отросток верхней челюсти прогнатный, что при общей плосколицести отчётливо выражено и свидетельствует о значительной прохейлии (выступание верхней губы вперёд). Нос умеренно высокий и широкий. Размеры черепа (177–150–84,7 мм для расовой диагностики) мало что дают, но, как указал М.М. Герасимов (1955), это редко встречается у типичных европеоидов, зато весьма характерно для монголоидов Центральной Азии. Однако ранние формы сапиентного человека повсеместно были длинноголовыми. Признак раннего человека – сильно развитые надбровные дуги – также хорошо

выражен у плиточника. Умеренная высота лица и низкие орбиты сближают его с европеоидами. Создается впечатление, что плиточник из Херксуран-Ура был слабо дифференцирован в расовом отношении и обладал чертами трёх больших рас с преобладанием признаков монголоидной расы. Причем широкое и относительно низкое лицо сближает его с северными (таёжными) монголоидами. По физическому типу плиточники близки неолитическому населению Прибайкалья, отличаясь от них меньшей длиной черепа. Но уменьшение долихокрании – это эпохальное явление, характерное для всего человечества. По длине черепа хунны стоят ближе к неолитическому населению Прибайкалья, чем к плиточникам. Тип черепов из плиточных могил, по мнению Г.Ф. Дебеца, не обнаруживает прямого родства и с узколицим монголоидным типом карасукцев, возможных предков кетов.

Хунну не являются потомками плиточников. По-видимому, они пришли из других областей, где в силу каких-то причин (изолированности?) древний тип дольше сохранил свои особенности.

В Ордосе, который долгое время считался родиной хуннов, известны памятники, предшествующие времени господства хуннов и отличающиеся от плиточных могил (Миняев С.С., 1987). Но и в этих могильниках (Таохунбала, Маоцингоу, Сигоупань и др.) отсутствуют хуннские признаки (нет гробов), которые служили бы этнодиагностирующими. Правда, на памятнике Маоцингоу А.В. Варёнов (1995) уже отмечал как «сакские», так и «раннесюннские» черты в ранней группе захоронений (V–IV вв. до н.э.), что может свидетельствовать о бытовании в Северном Китае хуннских традиций в скифское время. Но оружие из памятников (чеканы и кинжалы с бабочковидным перекрестием) вводит в скифский мир. Поэтому Ордос не может претендовать на положение прародины хуннов. А вот могильники Маньчжурии, объединяемые в культуру «погребений верхнего слоя Сяцзядянь», содержат, с одной стороны, образцы скифской триады, а с другой, погребения несут хуннские черты, отличаясь от скифских наличием деревянного гроба, обставленного каменными плитами. Сопроводительный материал содержит вещи или их прототипы, известные в более поздних и действительно хуннских погребениях (бронзовые зооморфные бляшки, пуговицы, колокольчики, украшения пояса в виде пластины с изображением сцены охоты, имитация раковин каури). В могилах также найдены характерные предметы хуннского вооружения. Эта группа погребений датируется VIII–V вв. до н.э. и относится, по мнению археологов, к кругу скотоводческих племён. Таким образом, из всех погребальных комплексов скифского времени, которые можно признать протохуннскими, наибо-

лее реальные находятся в Юго-Западной Маньчжурии. Это могилы в Сяцзядянь, Дунаньгоу, Наншаньгэн, Чжоуцзяди.

Хуннский археологический комплекс характеризуется цельностью и однородностью, диагностирующим своеобразием, что входит в противоречие с предполагаемой этнической неоднородностью хуннской орды. П.Б. Коновалов (1984) находит этому объяснение в нивелирующем влиянии государства, которое привело к слиянию материальной и духовной культуры всех членов орды.

Сложилось представление, что обряд погребения был двояким: или в гробах (дырестуйский этап, II в. до н.э.), или в срубках (суджинский этап, I в. до н.э. – I в. н.э.).

Накопленный материал позволяет выделить несколько групп погребальных конструкций (Миняев С.С., 1984):

- на уровне древнего горизонта;
- в яме без внутреннего сооружения;
- в яме в гробу;
- в двойной камере (гроб в срубке) – без надмогильного сооружения;
- в яме в гробу, в двойной камере, в тройной камере (гроб в срубке и в камере из 7–8 венцов брёвен) – с надмогильным каменным сооружением различной формы.

Сопроводительный материал удивительно однотипен и не имеет признаков для хронологического деления, но имеет различное соотношение вещей, отражающее реальное жизненное богатство и социальную дифференциацию общества.

На рубеже III–II вв. до н.э. появились большие курганы со сложными надмогильными и внутримогильными сооружениями и богатым инвентарём. Именно в это время произошло создание мощного племенного союза, в котором главенствующую роль играла привилегированная прослойка военных вождей. Этот всплеск сооружения богатых погребальных комплексов завершился в начале I в. н.э., когда пало могущество хуннской державы. Могилы рядовых членов общества такие перемены не затронули. Но и с падением могущества хуннской державы, шаньюев и их приближённых, сооружались наиболее сложные по конструкции курганы с квадратной каменной кладкой, дромосом и тройной погребальной камерой. Таков Ноин-Улинский курган, в котором в 13 г. н.э. был похоронен шаньюй Учжулю. Менее сложные сооружения с бедным инвентарём принадлежали группам населения, стоявшим на более низких социальных ступенях (Миняев С.С., 1984, с. 76).

Именно эти «рядовые» могилы, консервативные по своему устройству, сохранили признаки могил ранних хуннов. Это яма, внутримогиль-

ное сооружение в виде гроба, в ряде случаев обкладка стен ямы камнями. У племён с подвижным образом жизни намогильное сооружение было в виде небольшой каменной кладки. В некоторых скифских памятниках Центральной Азии (Сяцзядянь, Наньшаньгэн, Дуннаньгоу и др.) имеются комплексы, в которых сочетаются эти признаки. В ямном захоронении погребенные лежат вытянуто на спине, яма обложена камнями, иногда фиксируются остатки деревянного гроба. Такие могилы надёжно датируются скифским временем и, в то же время, аналогичны «рядовым» могилам хуннов II–I вв. до н.э. Такие предполагаемые раннехуннские могилы тяготеют к северо-восточной части Ордоса и к бассейну верхнего Амура (Миняев С.С., 1984).

Краткая история

При всей запутанности истории хуннов основные моменты её изучены с известной степенью достоверности, достаточной для решения нашей задачи – выяснения места хуннов в предполагаемой этнической триаде: *енисейцы* → *хунны* → *тюрки*. В качестве этнического компонента степного кочевнического мира Центральной Азии хунны возникли, очевидно, раньше своего этнонима. Их предшественники, возможно, фигурировали под разными именами, но нас интересует не история и смена этнонимов, а причины и время появления кочевничества в этом регионе Азии.

Толчком к номадизму послужило относительное перенаселение. Недостаток продуктов питания, производимых природой, при возросшей численности населения вызывал отток части последнего на территории, где традиционные занятия по природным условиям были невозможны либо неэффективны. Такими территориями были полупустынные, степные и лесостепные равнины.

В Восточной Азии относительное перенаселение должно было проявиться прежде всего в субтропической зоне (Юго-Восточный Китай), заселение которой началось ранее, чем умеренных широт. Отток населения отсюда должен был идти в северном направлении, где были условия для занятия скотоводством. Очевидно, родиной центрально-азиатского номадизма был Ордос. Значительно позже ушли в степи и полупустыни Восточной Гоби жители горно-таёжных районов Маньчжурии (Хинган, Сяньби). Несомненно, эти первые группы центрально-азиатских номадов были разноязычны. Определение их языка дало бы решающий ответ на вопрос о языке хуннов, о соотношении их с тюрками и енисейцами.

Возможны две версии решения этого вопроса.

Первая версия. В конце V – начале IV тысячелетия до н.э. в Большой излучине Хуанхэ возникла культура яньшао, основанная на возделывании чумизы и разведении таких домашних животных, как свинья и собака. В конце IV тысячелетия ареал культуры расширился и произошло разделение её на две: восточную земледельческую и западную преимущественно скотоводческую. В приморском районе Китая и независимо от культуры яньшао в неолите возникла культура цинляньган, носители которой занимались рисосеянием. Восточные яньшао в III тысячелетии установили интенсивные связи с населением бассейна Ханьшуй, где и сложилась культура цюйцзялан, постепенно распространившаяся на север. На этой основе позднее в Хэнани сложилась общность с протокитайским языком. Важным событием в истории древнего Китая было вторжение в VII в. до н.э. в бассейн Хуанхэ кочевых племён ди, которые входили в огромный скифский мир евразийских степей.

Если положение Л.Н. Гумилева о пребывании хуннских орд 4 тыс. лет назад (династия Ся) на южной окраине Гоби соответствует действительности, можно было бы предполагать, что хунны говорили на языке западных яньшао, из которого развился китайский. В этом разрезе трудно представить трансформацию этого языка в язык тюркский, который входит в состав «алтайских» языков наряду с монгольским, тунгусо-маньчжурскими, корейским и японским.

Палеоантропологические материалы из провинции Ганьсу (западнее Большой излучины Хуанхэ) свидетельствуют о том, что здесь в неолите обитали монголоиды, у которых уже были утеряны негроидные признаки. Для них были характерны уплощённость лицевого скелета, слабое выступание носовых костей (но нос узкий), значительная высота мезодолихокранного черепа. Лицо мезогнатное, имеет большую высоту (71–73 мм) при сравнительно малой ширине (131–132 мм). Малая ширина лица не характерна для типичных («чистых») центрально-азиатских монголоидов. Гораздо ближе к типу «чистых» монголоидов мезолитическое население Внутренней Монголии (памятник Чжалайнор).

Физический тип чжалайнорцев был безусловно монголоидный. Обмер двух черепов показал, что чжалайнорцы обладали широким, абсолютно высоким и очень плоским лицом, слабо выступающим носом. Череп круглые, близкие к мезокранным, небольшой высоты (Рогинский Н.Н., Левин М.Г., 1978, с. 394; Крюков М.В. и др., 1978). Но хунны были не кругло-, а длинноголовые, поэтому вряд ли чжалайнорцы были прямыми предками хуннов. М.В. Крюков и его соавторы высказали предположение, что язык чжалайнорцев был палеоазиатским. Но это не

решение вопроса: не ясно, какова судьба этого языка, исчез ли он, не оставив потомков, или из него «вырос» какой-то другой, близкий к современному?

В истории Чжоу (XII в. до н.э.) упомянут термин *king-lü* ‘драгоценный меч’. Ф. Харт отождествляет *king-lü* с тюрк. *кинграк* (*kingrak*) ‘обоюдоострый нож’, ‘кинжал’. При этом он предполагает изначально сюннуское происхождение этого древнего (более 3 тыс. лет) слова. Если это так, то по крайней мере некоторые группы монголоидов северной части нынешнего Китая уже ранее 3 тыс. лет назад были тюркоязычными. Более того, они отождествлялись с предками сюнну/хуннов. Л.Н. Гумилёв отодвигает формирование хуннов как исторической реалии на 4 тыс. лет от наших дней. А если учесть, что хуннам потребовалось немало времени для того, чтобы оформиться как этнос и заявить о себе как о значимой популяции скотоводческого мира, то возраст этой группы ранних кочевников Центральной Азии можно отодвинуть ещё минимум на тысячу лет. Таким образом, время оформления хуннов как этноса определяется минимум в 5 тыс. лет.

К сожалению, эта очень заманчивая версия не подтверждается дополнительными надёжными доказательствами. Но имеющиеся, приведённые выше, нельзя игнорировать, учитывая общую скудость доказательной базы.

Вторая версия. Достоверная история хуннов (сюнну) раскрывается лишь в конце последнего тысячелетия до новой эры (менее 2,5 тыс. лет назад), когда хунну фигурировали в числе северных варваров (дунху, сяньби, тоба и др.). Следовательно, как можно полагать, хунну – это возвысившийся род (дом) из этой среды. На каком языке говорили хунны, достоверно неизвестно. Но судя по тому, что в хуннской орде широкое хождение имел язык тюркского типа, хунны говорили, возможно, на каком-то языке этой группы. Учитывая многочисленные следы иранского (скифского) влияния, можно высказать предположение, что в составе руководящей элиты были и ираноязычные группы. Главенствовавший в хуннской орде тюркский язык, предположительно, был болгарского типа. Сформировался он ещё в «алтайской» среде языков *p*-группы, в которую входили монгольский и тунгусо-маньчжурские. Близость этих языков предполагает их более давнее родство – происхождение от одного праязыка, который был ранее в родстве с японским и корейским. Постулируемая некоторыми лингвистами неродственность языков алтайской семьи, а также индоарийского и иранского исходит из представления о состоянии сравниваемых языков в поздний хронологический срез. По нашему мнению, родство языков алтайской семьи не вызывает со-

мнений. Это подтверждается давним проживанием их носителей по соседству (бассейн Амура, Восточная Маньчжурия), типологическими и лексическими сходжениями. Речь может идти лишь об определении возраста их единства (неолит?).

Сейчас уже трудно определить, кто раньше решил, что потребление даров природы можно сопровождать и их сознательным размножением, – земледельцы или скотоводы. Наверное, в разных природных условиях эта очерёдность могла быть различной.

Теоретически историю любой популяции человека можно проследить вглубь времён до исхода человека разумного из первоначальной ойкумены – Околосредиземноморья. Нас в данном случае интересует судьба предков хуннов с того момента, когда они стали скотоводами-кочевниками. Компиляция сведений об основных моментах истории хуннов «по максимуму» может быть представлена в следующем виде.

Как писал С.И. Руденко (1962, с. 3), китайская историческая традиция связывает сложение хуннов с падением древнейшей династии Ся (по Гумилёву Л.Н., 1960, – в 2033–1562 гг. до н.э.; по данным Файзрахманова Г., 2000, – в 2219–1819 гг. до н.э.). После смерти последнего императора династии Ся его сын Шуньвэй ушёл в степи и стал кочевником (Бернштам А.Н., 1951, с. 25). Он привёл с собой 500 китайцев и возглавил хуннов (Файзрахманов Г., 2000, с. 40).

Кочевничество как образ жизни ряда племён постепенно крепло и множилось. Более 3 тыс. лет назад государство Чжоу (1066–771 гг. до н.э.) успешно воевало с кочевниками *гуаньжунами*, у которых тотемами были волк и олень. По более поздним материалам устанавливается, что волк был тотемом группы Ашина, основателя державы древних тюрков, а олень – тотемом скифских (сакских) племён. По-видимому, под этнонимом *гуаньжуны* скрывались кочевники *ди* и *жун*, которые ещё в 1140 г. до н.э. платили дань китайцам и имели с земледельцами тесные связи. Кочевники *ди*, или «северные варвары», хорошо известны по историческим источникам с VII в. до н.э. Есть предположение, что они были родственны скифам: их культуре принадлежат предметы с изображением животных в зверином стиле, бронзовые котлы на поддонах, мечи-акинаки и другие предметы скифской атрибутики. Под кочевниками *жун* предполагались предки хуннов/сюнну (по терминологии Бернштама А.Н., 1960, – гунны), хотя это предположение не сопровождалось надёжными доказательствами. Имеются свидетельства только того, что кочевники имели особый от китайского язык. Предположительно иранские племена *ди* (позднее получили название *динлины*) в степях Центральной Азии были более ранними кочевниками, нежели жуны.

Ранние сведения о хуннах и их предках немногочисленны и противоречивы. Но все они позволяют увести корни хуннов в глубокую древность. В принципе корни можно искать в любой древности, так как любой народ, как бы он не именовался, имеет своих предков. И хунны, исконно азиатский народ, порождены в местной среде и, несомненно, могут быть генетически «увязаны» с той или иной группой. Разная степень достоверности этой «увязки» зависит от фактического материала, степени обоснованности общей этногенетической парадигмы. О хуннах можно сказать, что их предки некогда кочевали, но позднее решительно изменили свой образ жизни и стали оседлыми скотоводами, возможно, занимались земледелием, пока не перешли в разряд скотоводов-кочевников, какими они достоверно зафиксированы в китайских династических летописях.

В середине I тысячелетия до н.э. в степях было уже несколько групп кочевников: в Гуаньсу – племена *гуньчжу*, *гуаньжун*, *дивань*, в Ордосе – *икюй* и *лэуфань*, в Маньчжурии – *дунху* и *шаньжунь*. Кочевники активизировали свои агрессивные действия, и Китай в качестве защиты от них начал в 307 г. до н.э. строительство Великой Китайской стены. В это время отмечается поляризация сил в Восточной Азии. С одной стороны, произошло объединение китайских княжеств (эпоха Цинь, 221–202 гг. до н.э.), а с другой – создание кочевниками военно-демократического объединения из 24 племён во главе с хуннами. Объединение возглавлял шаньюй. Особого могущества федерация хуннов достигла при шаньюе Модэ (правил с 209 г. до н.э.), когда хунны держали под контролем огромные территории Центральной Азии и по Енисею (рис. 4). Хунны успешно совершали неоднократные набеги на Китай. Попытки военного противостояния китайцев хуннам не имели успеха.

В правление Модэ (в 206 г. до н.э.) свершилось важное для нашего исследования событие. Хунну разгромили *тоба/мона* – одну из групп *дунху*, обитавших тогда в южной части Бол. Хингана. Тоба были отброшены на север в долину р. Онон (нынешняя Бурятия). И только часть их после разгрома и ухода хунну вернулась в южные районы. Значительная часть тоба осталась в Забайкалье.

В 127 г. до н.э. хунны были вытеснены из Ордоса (История Древнего Мира... 1999). Во второй половине I в. до н.э. могущество хуннов пало. Немалую роль в этом сыграли природные стихии. Содержание скота на подножном корме круглый год и без устройства каких-либо загонов и заготовки сена было рискованным занятием. Обильные снегопады или летняя засуха вызывали падёж скота. Такие испытания выпадали на долю хуннов неоднократно и наносили трудно поправимый урон их хозяй-

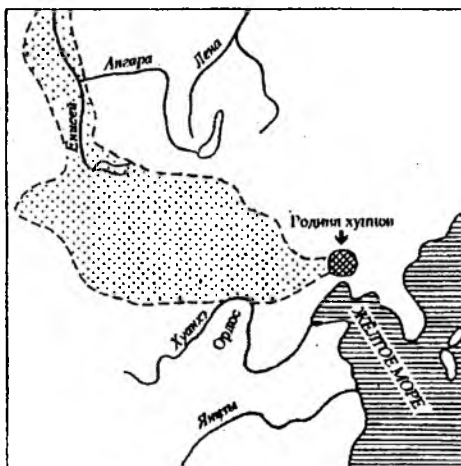

Рис. 4. Держава хуннов во II–I вв. до н.э.
(по: Миняев С.С., 1984)

ству. По сообщению В.С. Таскина (1968), в 72 г. до н.э. высота снежного покрова превысила 1 чжан. Люди и скот замерзали от холода. Из каждого десятка сохранился один человек и одна голова скота. Динлины, воспользовавшись слабостью хуннов, напали на них с севера, ухуани – с востока, а усунь – с запада. Спустя 4 года бедствие повторилось. Из каждого десятка населения умерло шесть-семь человек, а из каждого десятка скота пало шесть-семь голов. С трудом хунны набирали силы. При Ване Мане (9–23 гг.) им удалось перехватить у китайцев контроль над Великим шёлковым путём, и китайцам пришлось приложить немало усилий для выдворения хуннов из Ганьсуйского коридора (Думан Л.И., 1970). В I в. н.э. хуннскую державу сотрясали внутренние распри в правящей верхушке вплоть до междоусобной войны, начавшейся ещё в 59 г. до н.э. С 50 г. до н.э. по 11 г. н.э. хунны были вассалами Китая (Руденко С.И., 1962). Политический кризис усугубился природными катаклизмами (засуха и нашествие саранчи в 46 г.). В 47 г. один из князьков Би предался Китаю. В 58 г. н.э. северные хунны оказались в тяжёлом положении: сянбийцы, их постоянные союзники, перешли на сторону китайцев.

Хуннская орда распалась на две – южную, которой руководил шаньюй Хухуаньё, и северную, которую возглавил его брат Чжичжи.

Южная орда образовала в Северном Китае свои государства, которые то объединялись, то распадались, исчезали, вновь создавались. В 304–318 гг. это была империя Лянь, которая распалась на владения Старшая Чжао и Младшая Чжао. В 329 г. государство Младшая Чжао осилило в борьбе Северную Чжао и весь Северный Китай. Но в 350 г. полководец Жань Минь, китаец по происхождению, воспитанный хуннским правителем, приказал перебить всех хуннов Младшего Чжао (Файзрахманов Г., 2000). В начале V в. степные хунны Ордоса захватили часть Шенси и Пиньяна. Их вождь Хэлянбобо создал здесь государство Ся (407–431 гг.), которое было разгромлено сяньбийским племенем *тугунь*¹. Южные хунны несколько раз выступали то против китайцев, то с китайцами против своих северных соплеменников. Но к V в. они полностью окитаились и сошли со сцены. С.Г. Кляшторный считал, что именно с этим южно-хуннским государством связана история рода Ашина. Он даже указывает на гуннское племя *хэлян* как на предков Ашина. Думается, С.Г. Кляшторный предложил очень плодотворную версию.

Северная орда хуннов на короткое время сохранила свою территорию в Монголии. Здесь хуннами оставлены многочисленные археологические памятники, один из которых – Ноин-Улинский курганный могильник – наиболее значительный и хорошо изучен. Под курганом был погребён шаньюй Учжулю, который правил с 8 г. до н.э. по 13 г. н.э.

Северную Монголию хунны покинули в 93 г. после тяжелого поражения от объединённых сил китайцев, сяньбийцев, южных хуннов и чешисцев (ираноязычные усунь). Почти все северные хунны ушли из Центральной Азии. Как писал Н.Я. Бичурин (Бернштам А.Н., 1951, с. 122): *«Северный шаньюй бежал, и сяньбийцы, пользуясь сим обстоятельством, заняли его земли. Оставшиеся роды хуннов, простиравшиеся до 100000 кибиток, сами приняли народное название Сяньби»*. Остатки северных хунну в китайских документах упоминались до 132 г.

Сяньби – это не этноним, а географо-территориальное понятие. Так назывались горы в бассейне верхнего течения р. Амур. Сяньбийцы являлись прямыми потомками племени (или группы племён) *дунху*, которых в 209 г. до н.э. разгромил хуннский шаньюй Модэ. Под именем сяньбийцев в те давние времена понимались в основном монголоязычные племена, которые долгое время были связаны с хуннами. Связь с хуннами отразилась на материальной культуре и обряде захоронения. Сходство проявляется, прежде всего, в устройстве и ориентации могильных ям, наличии

¹ По мнению Г. Файзрахманова (2000, с. 64), владение Ся, как и другое хуннское владение Хэси, были завоеваны табгачской империей Тоба Вэй, первое – в 432 г., второе – в 439 г.

внутри них деревянных гробов, однотипности некоторых предметов (костяные наконечники стрел с раздвоенным насадом, обкладки сложных луков и др.). То есть тюрко-монгольская материальная общность и этническое смешение их древнейших предков восходит к хунно-сяньбийскому периоду (первые века до новой эры – первые века новой эры). Однако этот вывод нельзя считать бесспорным. Не исключено, что тюрко-монгольская этническая общность относится к более раннему времени, а сяньбийский этап её – это лишь более позднее механическое объединение уже самостоятельных этносов – тюркского и монгольского. Однако это смешение не прошло бесследно. Смешение двух племён (дунху и хунну) обусловило появление огромного количества тюркских слов в монгольском языке и наоборот (Кудайбергенов С., 1983).

Лишь после разгрома хуннов в 93 г. сяньбийцы могли создать собственное государство, которое особенно укрепилось в 177 г., когда во главе его стал Танышихуай (Тань-ши-хуай). Сяньбийцы расселились на обширной территории, включающей часть Забайкалья, Северную Маньчжурию и Внутреннюю Монголию (Ковычев Е.В., 1987). В 181 г. умирает вождь сяньби Танышихуай. С его смертью сяньбийцы ослабевают и удаляются в свой родовой очаг – на Ляодун к северу от Кореи (Лигети Л., 1969).

Из среды сяньби на историческую арену выходят племена тоба и муюн.

Северные хунны ушли на запад, после чего стали именоваться, по западно-европейской традиции, гуннами (Бернштам А.Н., 1951). Они оставили глубокий след в истории западных территорий – в Средней и Передней Азии, на Кавказе, в Восточной и Западной Европе.

Итак, после поражения в 93 г. северные хунны покинули орхонские степи и откатились далеко на запад, на Тарбагатай, заняли Тянь-Шань, где их потомки держались до VI–VIII вв. (Бернштам А.Н., 1951). Но и здесь хунны сумели приспособиться к новым реалиям, включили в свой состав местные разноязычные племена, сохранив своё верховенство. Среднеазиатские гунны более известны как юебань. Так называлось объединение гуннов и местных племён, в том числе и сармато-аланских (Бернштам А.Н., 1951). Гунны из Средней Азии через низовье Волги просочились на Кавказ в первые века новой эры. Однако массовое нашествие гуннов началось в 371 г. В IV в. гунны появились на Южном Урале, где включили в свой состав значительную часть укров, которых увлекли с собой на Северный Кавказ. С огнём и мечом они прошли по причерноморским степям, практически смели с лица земли носителей черняховской культуры (Артамонов М.И., 1962). В середине V в. гунны

обосновались в Паннонии (Среднее Подунавье). Разрушительным тайфуном они пронесли по Европе. Особенно успешными были рейды гуннов вглубь Европы при хане Атилле. Атилла со своим войском немного не дошёл до Лютеции (Парижа), опустошил Мец (6 апреля 451 г.) и ряд городов Галлии, осадил Орлеан (Аурелиан). Но, оторвавшись от своих тылов, воинство Атиллы ослабло. Решила судьбу гуннов Каталунская битва в 451 г. около Труа на р. Марна (Матрона), в которой гунны потерпели сокрушительное поражение. Однако у гуннов хватило сил, чтобы на обратном пути разгромить Трир, а в 452 г. овладеть Миланом. Со смертью Атиллы (454 г.) отмечен закат могущества западных гуннов. Сменили гуннов на исторической арене выходцы из его орды – булгары, хазары, кутригуры.

Схема походов хуннов/гуннов со II в. до н.э. до V в. н.э. правильно была составлена А.Н. Бернштамом (рис. 5).

Тюркоязычность гуннов в Европе (IV в.) не вызывает сомнений. Об этом свидетельствуют их личные имена: Mundžuk, Ak-bars, Eš-kam, Atakam, Ilek, Ig-nek, Dengiz-ik. Тюркским было и имя жены Атиллы Агї(q)-кан (Немеет Ю., 1963).

Во второй половине V в. в Приазовье сложился болгарский союз плёмен, в который суварские племена (Западный Прикаспий) не входили.

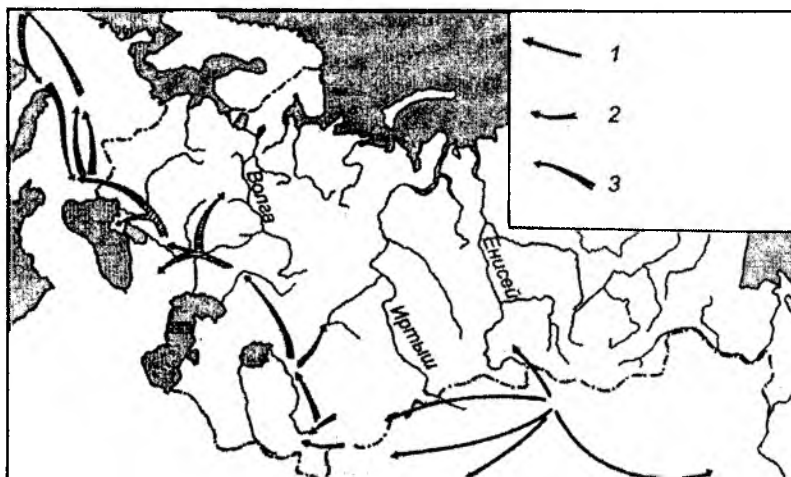

Рис. 5. Схема походов хуннов/гуннов:
1 – в Центральной Азии; 2 – в Средней Азии; 3 – в Европе

ли. В V–VI вв. они имели свой союз племён, однако в 568 г. были разгромлены тюркоязычными аvaraми, вторгшимися с территории Казахстана (Егоров В.Г., 1971).

В 70-х гг. VI в. болгары, хазары и сувары были под властью Западно-тюркского каганата, от которой они освободились в 30-х гг. VII в., когда хан Кубрат, представитель болгарского рода Дуло, создал Великую Булгарию из болгарских, суварских и аланских племён. После смерти Кубрата (примерно 40-е гг. VII в.) созданное им объединение распалось на два, которые возглавили братья Аспарух и Батбай. Одновременно с Великой Булгарией в прикаспийских степях сложилось Хазарское государство, во главе которого стал соперничавший с родом Дуло род Ашина. Испытав сильное давление хазар и не получив поддержки брата Батбая, Аспарух увёл свою орду на Дунай, где основал новое государство – Дунайскую Болгарию. Орда Батбая вошла в состав Хазарии. Этническая и языковая близость хазар и болгар очень быстро привела к слиянию их в прочный союз. Савиры были лишь в относительной зависимости от хазар: их правитель Альп-Илитвер самостоятельно ходил в военные походы и даже заключал сепаратные мирные договоры (Плетнёва С.А., 1976).

Краткий (и далеко не полный) обзор показывает, что этот древний народ оставил следы в истории народов на огромной территории Евразии – от Тихого океана до Парижа. Несомненно, его потомки вошли в качестве компонента, ведущего или малозначимого, в состав других родственных и не родственных племён. Г. Файзрахманов (2000, 2002) выделил следующие хуннские субэтноты, вышедшие в I–II вв. из недр некогда монолитной орды времён шаньюя Модэ:

1. Южные хунны несколькими потоками ушли в Северный Китай, попали под власть китайцев. В 304 г. они восстали, создали свою империю Лю-хань (304–318 гг.). Степные хунны, жившие в Ордосе, и другая ветвь их в Ганьсу воссоздали свою государственность. В 397–439 гг. в Ганьсу возникло государство Хеси, а в 407–432 гг. в Ордосе – государство Ся. Хунны полностью окитаились уже в V в.

2. Северные хунны после разгрома в 93 г. разделились. Большая часть ушла в степи Западной Сибири, далее на Южный Урал, Нижнюю Волгу и Нижний Дон. Смешавшись с булгарами, аланами и сабирами, они стали известны под именем *гунны*. Именно этот субэтнос прошел по полям Западной Европы, наводя ужас на европейские народы.

3. Часть этого субэтноса осталась в Западной и Южной Сибири и вошла в состав местных народов – угров и тюрков. Правда, на наш взгляд, Г. Файзрахманов не обоснованно указал на участие хуннов в этногенезе сибирских татар, в то время на равнинах Западной Сибири не было тюр-

коязычного населения. Можно говорить лишь о возможном слабом участии хуннов в этногенезе тюрков Алтае-Саян и, вероятно, якутов.

4. Хунны, оставшиеся в Тарбагатае и Семиречье, смешались с местным населением и создали государство Юебань. В сообщениях об этом государстве указывалось, что язык потомков северных хуннов одинаков с языком гаогюйцев (История Казахстана... 2001, с. 69). Тем не менее государство Юебань было разгромлено в V в. именно гаогюйцами.

5. Какая-то часть хуннов вошла в состав сяньби после поражения в 93 г.

Хунны и скифы в Азии

Несмотря на своеобразие и самобытность культуры хуннов влияние ираноязычных племён в Центральной Азии на неё у исследователей не вызывает сомнений. Проявляется оно в как в погребальном обряде, так и в материальной сфере. Это характерно особенно для истории хуннов конца I тысячелетия до н.э.

Погребальные обряды хуннской знати во многом копируют таковые пазырыкцев Алтая. Это глубокие могильные ямы, в которых строились двойные и даже тройные погребальные камеры. Напоминают они и тугарские склепы Минусы. Похороны, как и у скифов, сопровождались жертвенными приношениями большого количества домашних животных, правда, не лошадей, как у пазырыкцев, а в основном крупного и мелкого рогатого скота (Коновалов П.Б., 1976).

Скифский шаманизм был заимствован в большой мере ранними тюрками. И ещё древние тюрки сохранили явные следы этого влияния. Так, в 568 г. римский посол Земарх писал, что тюркские шаманы «...*шептали на скифском языке какие-то варварские слова*» (цит.: Кызласов Л.П., 1990, с. 261).

Для искусства хуннов также характерен звериный стиль. Хуннские образцы повторяют до полного совпадения сюжеты и композиции, формы и размеры, отмеченные для скифских (сакских) образцов. Хуннская эпоха – это завершающий этап развития этого удивительного феномена в истории населения Евразийских степей эпохи ранних кочевников и раннего Средневековья. Но и поздние хуннские произведения поражают своей изящностью и сложностью композиций. С уходом хуннов с исторической арены в Азии это искусство угасло.

Пожоже, что именно азиатские скифы были учителями хуннов по части степного кочевого скотоводства. По крайней мере, у древних тюрков это скифское «обучение» проявилось вполне определённо.

Антропология

Практически нет сведений о внешнем облике хунну, хотя в принадлежности их к большой монголоидной расе никто не сомневается. Китайские художники постхуннского времени всегда изображали хуннов ярко выраженными монголоидами (рис. 6). Мало известно более раннее (119 г. до н.э.) изображение хуннов на мраморной гробнице китайского военачальника Хо Цюй Бина, разгромившего в 121 г. до н.э. хуннов у горы Цилянъ. На барельефе были изображены несколько групп его противников и сцены победы. Одна из групп «Кони топчут сюнну» хорошо отображает физический тип хуннов. Это явные монголоиды, у них выдающиеся скулы, низкий лоб, короткий приплюснутый нос, борода и торчащие вверх прямые жёсткие волосы (История Казахстана..., 2001, с. 58).

Антропологический тип хунну – это вариант центрально-азиатской монголоидной расы (Коновалов П.Б., 1984). Европеоидность хуннов (высокие носы, по которым распознавались хунну в войне с китайцами; см.: Грум-Гржимайло Г.Е., 1926, с. 15) явно преувеличена. Она, возможно, была отмечена лишь у представителей знати, которая могла иметь брачные отношения с женщинами верхушки ираноязычных племён. И несомненна европеоидность среднеазиатских гуннов. Гунны, оставившие Кенкольский могильник в Средней Азии (I в. до н.э. – II в. н.э.), имели местный европеоидный тип с явными признаками монголоидно-

Рис. 6. Хунны (средневековый рисунок; по: Бернштам А.Н., 1951)

сти (Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972). Эта монголоидность у местного населения обусловлена проникновением гуннов в Среднюю Азию, издавна заселённую европеоидами.

По данным И.И. Гохмана (1958), в Забайкалье во II в. до н.э. появляются могильники, связанные с хуннами, вытеснившими отсюда носителей культуры плиточных могил. Черепа погребённых характеризуются долихокранией, высоким лицом с низкими орбитами. Они существенно отличаются от черепов плиточников.

Антропологический тип женской части хуннского населения Забайкалья изучен Н.Н. Мамоновой (1974) по материалам могильника Черёмухова Падь. Для черепов характерны большие величины продольного и поперечного диаметров, средние или малые величины высоты свода, мезо- и брахикrania. Лоб узкий и покатый, надбровно-глабелльный рельеф выражен не сильно. Лицо широкое, средневысокое или высокое по абсолютной величине, но средневысокое по указателю. Углы вертикальной профилировки, а также указатель выступания лица свидетельствуют о мезогнатности, но у двух черепов отмечена значительная прогнатность. Лицо сильно уплощено. Клыковые ямки развиты слабо. Угол носовых костей относится к категории малых либо средних величин, однако уплощённость носовых костей выражена не резко. Нос среднеширокий, иногда по указателю широкий. Глазницы среднеширокие. По мнению Н.Н. Мамоновой, это палеосибирский (байкальский) тип. Сходны черепа погребённых в недалеком расположенном синхронном Суджинском могильнике. Внешне мужские и женские индивидуумы были субтильного сложения со слабо развитой мускулатурой. Население было низкорослым: по данным могильника Черёмухова Падь средний рост мужчин был 165,1 см, женщин 150 см, по Судженскому памятнику соответственно 160,2 и 148,5 см.

В гуннских могильниках Ноин-Ула в Северной Монголии (первые века до новой эры) были найдены волосы, заплетённые в косы и в виде прядей. Косы принадлежали монголоидам, а пряди, похожие на якутские, – хуннским князьям. Это заключение кочует из публикации в публикацию: якутские учёные пытаются связать происхождение якутов с хунну. Нас более интересует вытекающий отсюда вывод об антропологической неоднородности хуннской орды в её классическом, правда, позднем ареале – в Забайкалье.

С гуннами связывают обычай деформации головы. Однако исследования антропологов показали, что в гунно-сарматское время (примерно, рубеж эр) истоки этого обычая лежат в среде ираноязычных сарматов (Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972; Дрёмов В.А., 1974). В гуннском обществе деформирование головы является явлением вторичным.

Этнонимы

Языки гуннов, булгар, хазар, саби́ров и аваров, которые, как предполагается, вышли из хуннского политического союза, имеют много общего в фонетике и грамматике (Баскаков Н.А., 1984, с. 102). У них много общего с чувашским языком: соответствие г и л вместо z и š, наличие начального š вместо s, наличие конечного m вместо n, ŋ, соответствие гласных i, u, ū гласным e, o, ö в других тюркских языках и пр.

Хунны/сюнну/гунны. Этноним *хунну* записан китайскими иероглифами, которые были средствами латинского алфавита воспроизведены как *hiong-nou* и прочтены как *хунну*.

Ряд авторов (Ю. Немец, Н.А. Баскаков и др.) предполагают, что этноним *хун* восходит к тюрк. *kün* < монг. *kün* ~ *hün* ~ *kümün* 'человек, люди'. Обращают на себя внимание нивхские (гилякские) суффиксы *-кун*, *-гун*, *-хун*, с помощью которых образуются собственные имена мужчин (Панфилов В.З., 1969). Если предполагать, что из этого суффикса принадлежности к мужскому классу была образована лексема со значением 'человек' или 'мужчина', то можно допустить и большую древность (не позже неолита) этой лексемы. Переход понятий «человек», «люди» в этноним-самоназвание является в этнономастике обычным (Крюков В.М., 1984).

А.Н. Бернштам (1951, с. 61) приводит странное на первый взгляд объяснение слова *гунн* (хунн): 'злой невольник', которое удержалось за кочевниками как племенное название. Не исключено, что китайцы по своему этимологизировали этноним *гунн* (в написании А.Н. Бернштама), придав ему негативный оттенок. Напомним, что у коренных жителей Приамурья бытовало слово *хунхуз* 'разбойник' (см. «Дерсу Узала» В.К. Арсеньева).

Среднеазиатская ветвь хуннов/сюнну носила название *юебань* (=чубань). Это потомки хунну, проникших ещё в I в. н.э. в Среднюю Азию и смешавшиеся с местным населением (Бернштам А.Н., 1947).

Этноним *гунны* сформировался в европейской среде. На угорской территории (Южный Урал, Нижняя Волга) произошло смешение угров и пришлых хуннов. Отсюда хунны начали свой победоносный поход в Европу, причём основной боевой силой были угры. Постулируется, что эта орда и получила у западно-европейских авторов имя *гунны*. Тем не менее идентичность азиатских хуннов/сюнну и европейских *гуинов* не доказана (Терентьев В.А., 1990). Делаются попытки связать с азиатскими хуннами лишь какую-то составную часть гуннской орды (Бенцинг И., 1986). Европейские гунны объединяли следующие родст-

венные племена: *котригуры*, *утигуры*¹, *ултидзуры*, *битторы*, *оногуры* (= *онногундуры*), *аунагуры*, *уннугуры*, *сабиры*. Н.А. Баскаков (1984) приводит сходный список родов в составе гуннов, но считая их булгарами: *кутургур*, *кутригур*, *котригур*, *куртигар*, *куругур*, *котрагор*, *кутзагур* (название по структуре тунгусское. – А.М.). Очевидно, булгары «спрятались» в среде гуннов под их этнонимом, поэтому некоторыми авторами (Агафий Миренейский, Меандр) не упоминались; они не отличали их от гуннов, настолько те были близки булгарам (Джафаров Ю.Р., 1984). Джавад Алмаз (1963) писал, что гунны, булгары, утигуры и кутургуры – название одного и того же народа в разные исторические эпохи. В VI в. этноним *гунны* исчезает. Во второй половине этого века ведущее положение занимают племена кутригуров и утигуров, вышедших из недр гуннской орды (Геннинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964). На смену им на историческую арену выходят булгары, а несколько позже – хазары.

Группа савир также была очень близка гуннам, либо это было второе название последних, так как иногда их называли гунно-савирами. По крайней мере, византийский историк Прокопий Кесарийский (VI в.) писал, что «савиры являются гуннским племенем, живут около Кавказских гор, племя это очень многочисленное, разделённое, как полагается, на много самостоятельных колен» (Цит. по: Плетнёва С.А, 1976, с. 16). Об этом же свидетельствуют идентичные их представления о высшем божестве – Тенгрихане (см. ниже). Женщины в савирском обществе пользовались большой свободой. В VI в. ими правила женщина Боарикс.

Г. Дёрфер (1986) выступил с оригинальной позицией по вопросу о соотношении европейских гуннов и сюнну (хунну) Азии. По его мнению, в древности в Восточной Азии жили два народа, совершенно неродственных, – *сюнну* и *хун* (хwn). В согдийских текстах с горы Муг (не позднее 722 г.) упоминается этноним *уwn*, обозначавший восточных тюрок (Кляшторный С.Г., 1964, с. 106). Европейские гунны, по его мнению, вышли из среды *хун*.

Чуваши. Первое упоминание о чувашах относится к 1508 г. (Бахтиев Ш.З., 1990). Этот этноним связан с *суварами/сувазами* и появился сравнительно поздно, после прихода булгар на Волгу (Смирнов А.П., 1957). Однако В.Ф. Геннинг (1961) отмечал, что ещё в X в. на Волге жили болгарские племена (булгары, эскел и барсула) и большое племя или «народ» саваз или суаз. После распада гуннской империи (середина V в.) выделились племена, вскоре заявившие о своей само-

¹ В бассейне Дона имеется река со сходным названием – Уртугур (Трубачев О.Н., 1968, с. 273).

стоятельности. Среди них были сабиры ~ сапиры ~ савиры, но являются ли волжские сувары/сувазы родственниками этих савир, не известно. Правда, известно одно конкретное указание о месте и времени происхождения чувашей [Андреев (Урхи) Н.А., 1975], которые были тюрками владений Ярканы и Туркан, потомками Пегамбера (пророк Заратуштра). И находились они тогда в Восточном Туркестане, в пределах Южного Тянь-Шаня. И произошло это в конце I тысячелетия до н.э. и в начале новой эры. Автор предположения базируется на сходстве чувашских имён, сходстве топонимов Ярканы и Туркан с чувашскими антропонимами Ярхун, Яркунь, Ярхонь, Турхан, Тархан. Это оригинальное предположение автора почему-то осталось незамеченным. И правильно.

Н.А. Баскаков (1988, с. 113) выделял язык сабиров (суваров) в особую подгруппу болгарской группы западно-хуннской ветви тюркских языков, правда, не указывая, что чувашский язык – это преемник языка сабиров. Ш.З. Бахтиев предполагает, что ранняя стадия развития чувашского языка представлена языком буртасов, которые ещё в недавнее время жили в Саратовской и Симбирской губерниях. Г.Е. Корнилов (1969) считал Западную Сибирь родиной тюркских предков чувашей. Доказательство этого, помимо прочих, Г.Е. Корнилов видел и в болгарских заимствованиях в тунгусо-маньчжурских (эвенкийском), в *p*-, *л*- заимствованиях в монгольском языке. Топоним Ангара (приток Енисея) он считал болгаро-чувашским по происхождению.

Булгары. История тюркоязычных булгар периода их пребывания в Европе достаточно хорошо изучена, чтобы вполне определённо говорить о их тюркоязычности, конкретно о принадлежности к *p*-группе тюркских языков, главенствующем положении рода *дулу* и формировании ими государств Великой Булгарии и Волжской Булгарии, а затем и Дунайской Болгарии. Вполне определённой их тесная связь с гуннами и чувашами, соперничество с хазарами. Все эти группы тюркского населения (гунны – условно) связаны единой судьбой, хотя детали этой судьбы остались не выясненными.

В частности, неясно соотношение и степень родства булгар с гуннами и чувашами.

Привлекательна точка зрения Н. Аристова (1896) о том, что род Дулу уводит нас в историю Центральной Азии до новой эры, где они как-то были связаны с хуннами. Во II в. н.э. булгары откочевали вместе с хуннами от пределов Китая, из нынешней Западной Монголии в киргизскую (казахскую) степь, затем разделили судьбу гуннов. Правда, по мнению Й. Матуза (Matuz J., 1985, s. 323), путь булгар (*bulgarische Türken*) пролегал от прародины (*Urcheimat* – пространство от Байкала и

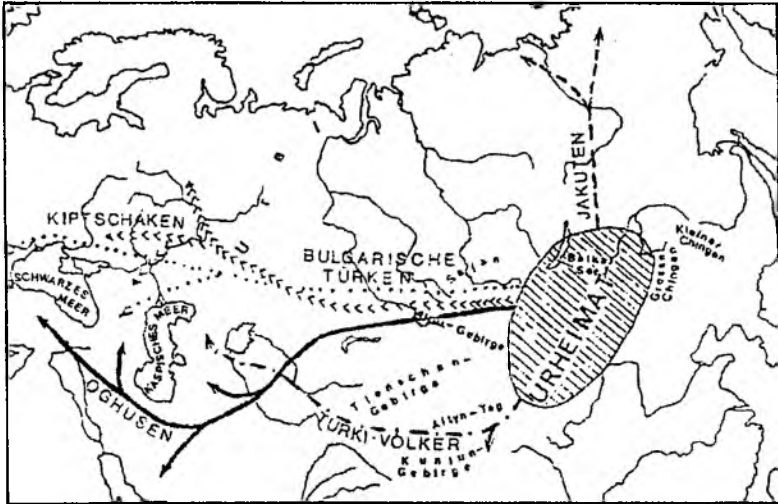

Рис. 7. Маршруты расселения тюрков (Matuz J., 1985)

верховьев Амура на севере до большой излучины Хуанхэ на юге) на запад через Саяны и Алтай по Западно-Сибирской лесостепи до среднего течения Волги (рис. 7).

После распада царства Атиллы вожди рода Дулу возглавили ту часть булгар, которая основала в конечном итоге болгарское царство за Дунаем. Оставшаяся часть гунно-булгарских родов ушла на Волгу и Каму, где и была создана ими Волжская Булгария. Вот здесь и зародилась интрига в вопросе о соотношении булгар и чувашей. По мнению одних авторов, чуваша являются первыми, добулгарскими, тюркоязычными насельниками Поволжья, пришедшими из Забайкалья. По мнению вторых, «булгары были чуваша» (Соловьёв Е.Т., 1885, с. 74) или чуваша были булгарами. По мнению третьих, чуваша – это восточные финно-угры (в основном, предки марийцев), сравнительно недавно (конец I тысячелетия н.э.) перешедшие на тюркский язык булгарского типа. Если это так, то почему в языке чувашей столь явны следы влияния тунгусского языка? Кроме лингвистических, иных свидетельств пребывания предков чувашей в Забайкалье нет. Нет у древнего или современного населения Восточной Сибири этнонимов типа *сувар* ~ *суваз* ~ *чуваши*, нет дифференцирующих чувашских топонимов, нет преданий о приходе из Сибири.

В этом отношении выгодно отличаются болгары. В Забайкалье имеется несколько рек, имена которых, возможно, образованы от древних тюркских этнонимов. В бассейне Алдана имеется р. Булгари, а в бассейне Амгуни – р. Болгар. Река Зея, левый приток Амура, принимает рр. Тасси-Кутугур и Тас-Кутугур, имена которых буквально повторяют этноним *кутугур* (*кутригур*), носители которого входили в гуннскую державу (Каховский В.Ф., 1965). Г.М. Василевич (1946) считала, что этнонимы тунгусов с корнем *дул* (*дулган*, *дулгир*, *дулат*, *дулар*) связаны с тюркским этнонимом *дулу*, который был известен ещё до новой эры. В бассейне Алдана имеются две реки Дьюлз.

По мнению В.Д. Дмитриева (1957), родиной хазаро-булгаро-чувашской общности было Забайкалье¹. Именно здесь далекие предки чувашей заимствовали некоторые элементы тунгусской лексики. Конечно, опыт показывает, что необходимо осторожно относиться к возможностям топонимики в части определения этнического состава древнего населения. Так, гидроним Болгар-чай в Азербайджане выводился из тюркского этнонима *болгар* (Сиротенко В.Т., 1961, с. 15). В действительности же исходной формой был антропоним Бальхари (Юзбашев Р.М., 1969), трансформированный в гидроним Болгар. Однако в примере забайкальских гидронимов нас привлекает компактность их ареала, полнота «набора» гидронимов, предположительно образованных от этнонимов.

Как же примирить версию о давнем исходе чувашей из Восточной Сибири и контрверсию о формировании чувашской народности на Волге в результате ассимиляции марийцев пришлыми булгарами?

Невольно всплывает третья версия, согласно которой в Забайкалье были лишь языковые предки чувашей – болгары и другие, близкие к ним носители тюркского языка *p*-группы. И не чуваша, а болгары в Забайкалье заимствовали тунгусскую лексику, которую унесли в Европу. И лишь практически полное отсутствие письменных документов на болгарском языке не позволяет подтвердить это. А за отсутствием письменных свидетельств следы болгарского языка выявляются из чувашского. Из чувашского языка также «высвечиваются» болгаризмы в венгерском (Основы финно-угорского..., 1976, с. 408) и собственно болгарском, в лакском языках (Джидалаев Н.С., 1979). Ранние тюркские заимствова-

¹ По версии сирийского автора Иоанна Эфесского (Плетнёва С.А., 1976, с. 15) три брата, два из которых – Болгар и Хазарик, вышли из внутренней Скифии. Болгар прошёл к границам Византийской империи, а два других заняли страну алан, называемую Берсилией.

ния в венгерском предполагаются из чувашского языка, хотя исторически известны лишь венгеро-булгарские контакты. По-видимому, точка зрения ряда исследователей о том, что чувашский язык – это поздняя (восточно-европейская) ветвь болгарского, ближе к действительности.

Крайне противоположной точки зрения придерживается В.Т. Сиротенко (1961). По мнению этого автора, болгары – это особая племенная группа, обитавшая к северу от Кавказа между Доном и Волгой задолго до прихода гуннов в Европу. Они входили в число алано-сарматских племён. В VII в. тюркоязычные кутригуры, родственные гуннам, вошли в состав болгар, которые делились на группы Купи-Булгар, Дуци-Булгар, Огхондор-Блкар, Чдар-Болкар. Названия их даны по рекам, по которым они поселились.

Хазары. Эта группа тюрков этнически была близка болгарам: «*язык хазар подобен языку болгар*» – писали арабские авторы Истахри и Ибн-Хаукаль. В первой половине VI в. византийские авторы почти не сообщали о хазарах. Но во второй половине века упоминается страна Берсилия, народ которой стал называться хазарами по имени Хазарика, старшего брата Болгара (см. выше примечание). Феофан Исповедник писал: «*Хазары – великий народ, вышедший из Берсилии*» (Плетнёва С.А., 1976, с. 15). Находилась Берсилия на территории Дагестана, о чём вполне определённо писал Н.С. Джидалаев (1979). Однако вопрос решается не так уж просто.

Дело в том, что руководящим родом прикаспийских хазар был род Ашина. Несколько раньше, в V в., этот род явился основателем объединения древних тюрков (ту-кю по-китайски), более известного как Тюркский каганат. Государственным языком этого объединения был древнетюркский, зафиксированный руническими письменами на многочисленных памятниках в Монголии, по Енисею и на Алтае. Древнетюркский язык был уйгурского типа и не относился к *p*-группе. Но позже (VII в.), после распада Западно-тюркского каганата, в Прикаспии был создан Хазарский каганат, возглавляемый родом Ашина. Государственным языком в каганате был язык, подобный болгарскому. Это стало возможным только потому, что род Ашина возглавил не тюркютов-соплеменников (огузов), а группу чужих, болгароязычных племён, говоривших на языке *p*-группы. Можно предполагать, что этноним *хазар* является молодым, он создан в Прикаспии не ранее середины VII в. Возможна вторая версия. Род Ашина в V в. был не монголоязычным, как предполагается, исходя из его самоназвания (монг. *шино* ‘волк’), а болгароязычным. И свой язык род Ашина сохранил в составе каганата. После распада каганата и ослабления болгар болгароязычные (!) хазары создали своё госу-

дарство. Главенство в нём занимали носители языка *p*-группы – болгары, не вошедшие в состав Великой Булгарии или Волжской Булгарии, и хазары, бывшие болгары-акациры (?), объединённые вокруг Хазарика. Следовательно, хазары и болгары – это очень близкородственные народы, если не сказать – единый народ, разъединённый еще в древности на два соперничающих рода Ашина и Дуло. История знает немало примеров противостояния родственных по языку народов. Вспомним противостояния поляков и русских, евреев и арабов.

Западная традиция выводит болгар и хазар из Скифии. Владения хазар находились в Западном Прикаспии. И действительно, этноним этот в давней истории Азии нигде не отложился, ни в виде топонимов, ни в виде этнонимов в иноэтничной среде.

Но нельзя оставить без внимания и сведения в пользу того, что хазары были известны и на Востоке. В китайских хрониках отмечен этноним *к'о-са*. Предполагается (Артамонов М.И., 1962), что это китайское название хазар и что оно сходно с наименованием шести из девяти уйгурских племён *кэса*. В Прибайкалье имеется топоним, который в какой-то мере мог бы подтвердить пребывание хазар в Сибири и знакомство с ними китайцев. Это с. Хазарское на правом берегу р. Ханда, которая впадает справа в р. Лена в самых её верховьях. На карте, приложенной к работе Г.Н. Потанина (1893), село показано между устьями рр. Улькан и Домутка (возможно, ныне это с. Казачинское). Происхождение ойконима не известно, но вряд ли напрямую оно связано с древним народом. Обычно названия населённых пунктам даются по фамилиям или именам первопоселенцев либо по названиям речек, на которых они основаны. О гидрониме (река) Хазар(ка) около Байкала нам ничего не известно. Возможно, село получило название Хазарское по фамилии первопоселенца. Однако в этом случае можно было ожидать ойконим в форме Хазарино (Казарино, Козарино).

Д.Е. Еремеев (1971) указывает, что хазары в Малую Азию проникли в VII в. Распад западно-хуннского союза привёл к разделению гуннов на две группы – акациров (акациров) и кидаритов. Первые, возможно, и стали предками хазар (Бернштам А.Н., 1951), так как византийские историки называли хазар акацирами. В верховьях Енисея первые русские казаки (XVII в.) встретили среди минусинских качинцев 10 родов, в том числе род *цыр*. Не связаны ли сибирские *цыры* с гуннами-акацирами, предками хазар? Однако неясно, является ли этноним *акациры* (белые *цыры*) – А.М.) самоназванием хотя бы части хазар или он дан со стороны. В первом случае не исключено родство хазар-акациров и *цыров* в среде качинцев: последние мигрировали в Восточную Сибирь после

разгрома Кучума из южной части Западной Сибири, где могли проживать потомки хазар.

Этимология этнонимов. А.В. Суперанская (1973, с. 208) выводила этноним *хунну* из кит. *Hun-jo* ‘питающиеся луком’. Возможно, в этнониме *хунну* (*hiong-pou*) кроется азиатский термин ‘человек’. Подобная модель создания этнонимов является самой древней, и такие топонимы дожили до наших дней (Крюков М.В., 1984). В монгольском языке сохранилось слово *хун* ‘человек’ (Потанин Г.Н., 1893, с. 342). В бурятском языке имеются лексемы *кун*, *кунг*, *хунг*, *хун* с тем же значением. Ю. Немет этноним *хун/гунн* выводил из тюрк. *kün* < *kün* ~ *hün* ~ *kümün* (предпочтительнее *кунгун* или *кугун*. – А.М.) ‘человек, люди’ (Баскаков Н.А., 1984).

К.С. Кадыраджиев (1980) расширяет это понятие. Основываясь на том, что *гун* – это общеалтайский термин со значением ‘человек, род, племя’, он предложил версию о присхождении кавказского этнонима *кумык* от названия гуннского племени *гуннугундур*, которое входило в гунно-булгарское объединение. Вряд ли последняя версия правдоподобна: тюркоязычные кумыки свое современное название переняли от группы дагестанцев (Волкова Н.Г., 1984), которые по какой-то причине отказались от этого имени и стали себя называть *лаками*, в русской адаптации – лакцами (*läg* ‘человек’, ‘мужчина’; Абдуллаев И.Х., Микаилов К.Ш., 1971).

Несколько необычный сторонний этноним для *хунну/сюнну* предложен монголами: они называли их общим этническим именем *урангхай* (Ксенофонов Г.В., 1937, с. 468). Для степняков-кочевников этноним *урангхай* ‘лесной дикий человек’ (см. ниже раздел «Язык хуннов», версия 3) несколько необычен.

А.Н. Баскаков (1985) предложил этимологию следующих этнонимов:

– *булгар* – из многих предложенных этимологий Н.А. Баскаков привёл две: *bil* ~ *byl* ~ *beš* ‘пять’, *γur oγur* ‘пять огуров’ или из ир. *bul* ~ *bula* ‘большой, великий’, *γar* ‘рука’;

– *хазар* – *qaz-* ~ *haz-* ‘копать, рыть, добывать’ или *qazar* ‘тот, кто кочет’;

– *акацир* – ‘люди, занимающиеся хлебопашеством’ или ‘блуждать, бродяжничать, кочевать’, *qazar* ‘тот, кто кочет’. Из этого корня можно вывести и очень поздний этноним *казак* ~ *казах*.

Этимологии Н.А. Баскакова, на наш взгляд, излишне формализованы. Они построены на основе поиска звуковой близости и не учитывают реалий, которые бы объяснили мотивацию версии.

Для этнонимов *хазар*, *булгар*, *сувар*, *авар* характерно окончание *ар*, что можно возвести к древнему термину *ар* ~ *эр* ~ *ир* ‘человек’.

Д.Е. Еремеев (1970) объясняет это давним, на рубеже хуннской и древнетюркской эпох (V в. н.э.), иранским заимствованием. В современных тюркских языках *ерен/еген* ‘мужчина’, ‘муж’, ‘человек’ (Севортян Э.В., 1974). Аффикс *-ен* является показателем собирательности-множественности (Кононов А.Н., 1969).

Язык хуннов

Пленный капитан шведской армии Иоган Табберт, позднее принявший фамилию Страленберг, находился в Сибири с 1711 до 1723 г. По возвращении в Швецию Ф. Страленберг написал книгу «Северная и восточная часть Европы и Азии», в которой выделил среди прочих языки барабинские и гуннские. Правда, осталось неясным, какие конкретно языки он относил к гуннским.

Среди исследователей нет единого мнения по вопросу о языковой принадлежности хунну (сюнну). Имеются следующие версии:

1) язык хуннов был енисейского (кетского в широком понимании) типа (Алексеев Е.А., 1980; Дульзон А.П., 1968; Пуллиблэнк Э.Дж., 1986 и, с оговорками, Дёрфер Г., 1986);

2) хунны говорили на языках тюркском, монгольском, тунгусском, кетском (Вайнштейн С.И., 1980);

3) язык хуннов был чувашского типа (Гумилёв Л.Н., 1960, 1960а);

4) хунны говорили на тунгусском языке (Ширатори К., 1902). Позднее, в 1922 г. он склонился к мысли, что хунны – это смесь монголов и тунгусов (Деревянко Е.И., 1978, с. 128);

5) язык хуннов относился к тюркской группе (Иностранцев К., 1926; Немец Ю., 1963; Антонов Н.К., 1976; Мусаев К.М., 1984; Казахи, 1998) и составлял единую огузо-карлуко-кыпчакскую общность (Баскаков Н.А., 1969) или относился к языку теле/уйгур (Гумилёв Л.Н., 1960), хотя, возможно, в составе хуннского союза были племена, относящиеся к другим группам алтайской языковой семьи (Толстова Л.С., 1984; Гоголев А.И., 1978);

6) хуннский язык относится к уйгурской группе (китайские источники, Л.Н. Гумилёв);

7) хуннусский язык тюркский, уйгурского типа, так как якутский язык является его диалектом (Ксенофонов Г.В., 1937);

8) язык хуннов входит в одну *p*-группу с хазарским, болгарским и чувашским;

9) вообще хуннского языка как такового не было (Бернштам А.Н., 1951; Бенцинг И., 1986);

10) сюнну (хунны) говорили на вымершем, изолированном языке (как в случае с угаритским и шумерским; Дёрфер Г., 1986);

11) если хунну и не тюрки, то можно предполагать их тюркизацию при прохождении через территории, населённые этими (тюркоязычными) народами (Терентьев В.А., 1990);

12) хунны были монголоязычными (Бичурин Н.Я., 1851; Сухбаатор Г., 1976).

Языковых следов хунны почти не оставили. Известно около 20 слов и двустиишие, которые с какой-то степенью вероятности считаются хуннскими. Поэтому каждое слово, предположительно хуннское, тщательно анализировалось с тем, чтобы определить языковую принадлежность хуннов. Ниже приведены наиболее показательные примеры, иллюстрирующие версии возможной языковой принадлежности хуннов (сюнну).

Тюркская версия. Очевидно, самое древнее слово, которое приписывается хуннам, выявлено Ф. Хартом (Таскин В.С., 1964). Ф. Харт, излагая историю Чжоу (XII в. до н.э.), упомянул термин *king-lü* 'драгоценный меч'. В 47 г. до н.э. в «Цян хань-шу» этот термин зарегистрирован у сюнну в аналогичном фонетическом и смысловом значении. Ф. Харт отождествляет сюннское (хуннское) *king-lü* с тюрк. *кинграк* (*kingrak*) 'обоюдоострый нож', 'кинжал'. Однако монг. *kingyar* 'нож' позволил Г. Сухабаатору (1976) увидеть в этом слове указание на монголоязычность древних создателей этого слова

Специальную статью о языке сюнну (хунну) написал Э.Дж. Пуллиблэнк (1986). Он тщательно рассмотрел структуру и возможную семантику слов сюнну (хуннов), которые были записаны китайскими иероглифами.

Чен-ли (кит. *ch'ang-li*). В пользу тюркоязычности сюнну/хуннов обычно приводят слово, которое сопоставляется с тюрк. *тенгри* 'небо'.

Э.Дж. Пуллиблэнк (1986) скептически отнёсся к тюркской природе этого слова вообще, так как в современных тюркских, как и в монгольских, языках это слово неустойчиво и, очевидно, является давним заимствованием. Действительно, этот термин в близких фонетических состояниях известен на обширной территории от Северной Африки до Тихого океана; его исходное значение – 'нечто безбрежное, обширное – море, равнина, небо'. Позже, после обожествления неба, термин стал понятием 'божество, бог неба'. Приведём выборку этих лексем из различных языков.

Афразийские

– берб. *тенери* 'песчаная пустыня'.

Шумерский

– шумер. *дингир* ‘бог’.

Хуннский

– сюнну *чен-ли* ‘небо’;

– гун. (гунны Варачана; Дагестан) *Тенгрихан* ‘бог неба и света’ (Магомедов М.Г., 1983, с. 155);

– савир. *тенгри* ‘божества’, *Тенгрихан* ‘бог неба, света’, ‘чудовищный громадный герой’ (Плетнёва С.А., 1976, с. 33).

Тюркские

– др.-чув. *тенгер* ‘озеро, море’;

– чув. *тенгир*, *тингс* ‘море’;

– булг. *тенгир* ‘море’;

– др.-тюрк. *тенгри* ‘небо’, ‘божество’;

– як. *тангер* ‘бог’, ‘небо’, ‘добрый дух’, ‘икона’;

– як. *тенг* ‘ровный’, ‘одинаковый’ (*тенг-сир* ‘обширная равнина’);

– хак. (кач.) *тегир* ‘небо’;

– хак. (кыз.) *тыгыр* ‘небо’;

– хак.: обряд *тигир-таих* ‘жертвоприношение небу’;

– шор. *тегри* ‘небо’;

– тув. *тенгри*, *тэр* – ‘культ неба’;

– телеуты (бачат. диал.) *теҕе* (*тенгре*) ‘небо’;

– чул., том. тат. *тенгри* ‘небо’;

– кирг., ккалп. *тенгри* ‘бог’;

– балк. *тейри* – название языческого божества;

– тур. *тангры* ‘бог’;

– караим. *тенъри*, *танры*, *тандры*, *тэнри*, *танъри*, *танри* ‘бог’;

– аз. *таиры*;

– башк. *тенгри* ‘бог’;

– каз. тат., ног. *тянгри* ‘бог’.

Монгольские

– ст. писм.-монг. *тенгри* ‘небо, божество’;

– монг. *тангэр* ‘небо’, ‘гром’, ‘погода’;

– монг. *дээр* ‘небо’, *дэ’эре* ‘вверх’;

– бурят. *тенгэри* ‘небо’.

Тунгусские

– эвенк. *танара* ‘бог, икона’ (< як.);

– эвен. *тангара* ‘бог’, ‘икона’ (< як.);

¹ Чув. *тѳра* ‘бог’, возможно, является наследием финно-угорского языка (ср. манс. *таром*, хант. *торум* ‘бог’, саам. *терье* ‘святой’).

- эвен. (охот. диал.) *тонгээр*, *тугээр* ‘озеро’;
- эвен. (охот. диал.) *дээр* ‘платогорье’;
- солон. *тэнгэр* ‘небо’;
- негид. *тангчингки* ‘мольбище’;
- нан. *тангиа-мангиа* ‘божок’ (устар.);
- удэ *тонги* ‘озеро’.

Иранские

- осет. *dyngug* ‘большой’.

Романские

- рум. (аром. диал.) *tegi* (приблизительное чтение *чери*) ‘небо’.

Кельтский

- валлезианский (валлийский. – *А.М.*) *тенеру* ‘молния’ (связь с небом).

Угорские

- венг. *тенгер* ‘море’ (< булг.).

Самодийские

- нган. *d'anjur* ‘тундра’.

Палеоазиатские

- нивх. *танги* ‘водное пространство вдали от берега’;
- енис. (юг.) *тингил* ‘высокий’;
- кет. *тингал* (приблизительное написание) ‘высокий’;
- протоенис. **тингАр* (где *А* – произвольный гласный) ‘высокий’.

Неизвестный язык (монгольский?)

- *Тэнгэри* – песчаный массив пустыни Алашань в Центральной Азии (Потанин Г.Н., 1883).

Китайский (совр.)

- *тянь* ‘небо’.

Э.Дж. Пуллиблэнк (1986) выразил сомнения в тюркской природе *чен-ли* и других слов, приписываемых сунну. В качестве доводов он указал на следующие их признаки, не свойственные тюркским языкам:

- обилие слов, начинающихся на *l/l* и *г/р*, чего не терпят тюркские языки;
- стечение согласных в начале слова также противоречит фонологии алтайских языков.

Г. Дёрфер (1986) добавил, что сочетание *нг-* также не свойственно тюркским языкам. Имеется мнение, что шумер. *dingir* и тюрк. *тенгри* (*tāngri*) – это случайное совпадение (История Древнего Востока..., 1983).

Э.Дж. Пуллиблэнк рассмотрел структуру предположительно хуннских слов и пришёл к заключению, что часть их убедительнее раскрыва-

ется из енисейских (цзюэ-ти 'лошадь', цзе 'камень', дун 'молоко'), языка жуань-жужаней (шань-юй – высший титул хунну, ху-юй 'qayap, хауап' – высший титул древних тюрков), иранских (э-чжи 'qatun, царица').

Двустишие, записанное китайскими иероглифами, очень трудными для прочтения иноязычных слов, было транскрибировано средствами латинского алфавита (Бенцинг И., 1986, с. 12):

slôg t̃jɛg t̃iei liad kanq
b'uok kuk g'iu t'uk tang.

Ориентируясь на тюркскую версию языковой принадлежности языка хуннов, было сделано несколько вариантов перевода двустишия:

- Г.И. Рамstedт: *вступай на войну
и поймай Бюки;*
- Л. Базен: *пошлите армию в наступление,
захватите полководца;*
- А. фон Габен: *ты ведёшь войско,
ты похитишь оленя.*

Близость переводов (речь идёт о военных действиях) объясняется тем, что наиболее удачно расшифрованы два слова:

- t'uk tang – тюрк. tukta 'захватывать, арестовывать';
- slôg – близкое к др.-тюрк. sü 'войско'.

Фонетика китайского письма трудно реконструируется. Г. Дёрфер (1986) писал, что двустишие можно перевести с любого языка. Ради шутки он перевёл его с аккадского языка и добавил, что можно это сделать и с эскимосского. По мнению Э. Дж. Пуллиблэнка (1986), двустишие не поддаётся прочтению ни на одном из известных языков, в том числе и с кетского. По мнению же Л. Лигети, двустишие вообще написано не на языке сюнну (хуннов), а на языке племени ху, которое не родственно сюннусцам.

Если же вернуться к «ключевому» слову *чен-ли* (>тенгри), то следует отметить следующее:

- 1) наиболее представительно это слово в алтайских языках, причем в тюркских и монгольских оно обозначает небо или высшее божество, в некоторых тунгусских – морскую гладь или плоскогорье;
- 2) в енисейских – нечто высокое: кет. *тингал*, югский *тингил* «высокий», протоен. **тингАр* (где *А* – произвольный гласный);
- 3) в индоевропейских оно встречается очень редко, будучи в ряде случаев явным заимствованием (аром. диал. румын. țerî 'небо');
- 4) примечательно берберское название песчаной пустыни на севере Африки и песчаного массива в пустыне Алашань: соответственно *тене-ри* и *Тенгери*;

5) шумер. *дингир* ‘бог’ и берб. *тенери* ‘песчаная пустыня’, семантически разошедшиеся, возможно, являются исходными для мигрирующего полисемантического термина (песчаная равнина, крупный водоём, небо, верховное божество); в таком случае, миграция была ориентирована в восточном направлении – из Передней Азии на Дальний Восток.

Изначальным, очевидно, было понятие ‘ровный, равнинная местность’. Об этом свидетельствует сохранившееся в як. *тенг* ‘ровный, обширный’. По мнению Вамбери (1884), вообще у тюрков нет своих морских терминов и нет собственного слова для понятия ‘море’. С одной стороны, это свидетельствует о том, что издревле языковые предки тюрков жили внутри континента, а с другой, при создании термина «море», «крупное озеро» использован уподобительный термин «равнина»: ср. як. *тенг-сир* ‘обширная равнина’, сиб. тат. *тигизь-ерь* ‘равнина’ (букв. ‘ровная земля’).

Приведём в качестве заключения слова Л.Л. Викторовой (1974, с. 261): «Небесное божество в глубокой древности почиталось во всей Азии от Красного до Жёлтого моря. Монгольско-тюркское имя небесного божества *тэнгри*, зафиксированное в наиболее ранних, гуннских глоссах, считают модификацией (фонетической) аналогичных божеств древнейших предков тунгусов, маньчжуров, корейцев, китайцев – на востоке и юге и шумерского (*дингир*) – на западе».

У/У «вода». По мнению Г.И. Рамstedта (1957), в языке хунну слово ‘вода’ обозначалось и/у. Насколько нам известно, тема о хуннской природе этого слова никем не разрабатывалась. Не то в силу явной неперспективности, не то всилу всеобщего согласия.

Этот термин, предположительно хуннский, хорошо соотносится с як. *й/у* (долгое у) ‘вода’. А.М. Щербак (1970) предложил реконструкцию: *уу* < **суу*, Б.А. Серебrenников (1988) – *уу/ü* < **sub*. Но в этом случае, на наш взгляд, требуется объяснение появления долготы в якутском термине. По нашему мнению, як. *уу* ‘вода’ восходит к древнеуйгурскому *үгү* ‘вода’ (Баскаков Н.А., 1969). В результате потери интервокального *g*, что обычно для тюркских языков (ср. *каган* > *каан/кән* > *кан* «хан») произошло фонетическое изменение по схеме: *үгү* > *үү* > *уу*. Выводится ли древнеуйгурское *үгү* из хуннского *у/и* ‘вода’ – требуются дополнительные изыскания.

Багатырь. По мнению Э.В. Севортяна (1978, с. 85), *багатур*, *батыр*, *батур* ~ *батыр* – это общеалтайское достояние, если не шире, которое включает в себя тюркские и монгольские формы. И связывает он это слово с гуннами, которые в 372 г. разбили алан и увлекли их на запад. А тюркские *багатур* и *батыр* являются, возможно, следами пребывания

гуннов на Кавказе, где и вошло это слово в разные языки. И действительно, слово в узнаваемых фонетических вариантах известно в языках самых различных групп:

Тюркские языки

- др.-тюрк. *багатур* – высокий титул, *батур* ‘герой, богатырь’, *böğä* ‘герой, силач, богатырь’;
- чув. *паттар* ‘храбрый, отважный, смелый’;
- шор. *pağattug* ‘богатырь’, *mökö* ‘сила’;
- куманд. *матыр* ‘богатырь’;
- тув. *маадыр*, *моге* ‘богатырь’, но *куш* ‘сила’;
- туб. *mökö* ‘силач’;
- кирг. *bökö* ‘сила’;
- телеут., шор., лебед., якут. *pögö* ‘сила’, ‘силач’;
- алт. *маадыр* ‘богатырь’, *моге* ‘силач’;
- караим. *багъатыр* ‘богатырь’;
- ног. *батир* (только в эпосе).

Тунгусо-маньчжурские

- нан. *батор* ‘силач’;
- мохэ (предки нанайцев) *мадур* ‘дракон’ (наскальное изображение);
- эвенк. *мата* ‘богатырь’;
- эвен. *баутир* ‘богатырь, силач’;
- солон. *батар* ‘богатырь’;
- ороч. *бату* ~ *батури* ‘богатырь’;
- маньчж. *батор* ~ *батуру* ‘богатырь, герой’.

Монгольские языки

- *баатор* ‘богатырь’, ‘герой’ (*ba'atur* – п.-монг. форма, *bayatur* – из Сокровенного сказания), *батыр* (совр.), но *berx* ~ *berxe* ‘сила, мощь’, *böke* ‘силач’.

Угорские языки

- манс. *отыр* ‘богатырь’;
- хант. *матур* ‘богатырь’, ‘чудь’;
- венг. *баатор* ~ *батор* ‘смелый’, ‘храбрый, отважный’.

Самодийские языки

- сельк. *мадур* ‘южный народ’, *матур* ‘богатырь’, мифический предок селькупов.

Индоевропейские языки

- тох. А. *matar* (<санскр. *makara*) ‘демон, чудовище’;
- непал. *махавир*, *бахадур* ‘герой, храбрец’;
- сскр. *мага* ‘великий’;
- перс. *бахадур* ‘богатырь’;

- хот.-сакс. *rāga* ‘сила’, < *rauša* (др.-инд. *pusyati*);
- тадж. (диал.) *мадор* ‘сила’;
- осет. *bagatur* ‘богатырь, храбрец’ и царский титул, переданный арабами как *багаур* (Гаглойти Ю.С., 1966, с. 131);
- пушту *бātур* ~ *бāтор* ‘богатырь, храбрец, герой’;
- русск. *богатырь* ‘богатырь’;
- польск. *bohatur* ‘богатырь’.

Енисейские языки

- кот. *baħa* ‘богатырь’.

Дравидские языки

- каннада *магадуру* ‘сила, мощь’ (из др.-инд.?).

Л.Н. Гумилёв (1966) в слове *багадур* видел древнеарийское слово *бага* «бог», что сближает с согд. *baγa* (βγ) ‘бог, господин’ при др.-перс. *baγa*, авест. *baγa*, бактр. *baγ(ы)*. Не ясно происхождение финальной части *дур* и его фонетических вариантов. Можно было бы привлечь авест. *-taγ* – суффикс, образующий имена деятеля (*dātār* ‘дающий’, *rātār* ‘хранитель, защитник’), но этот суффикс использовался для образования отглагольных существительных. Да к тому же затруднительно объяснить переход *taγ* в *туγ* или *туγ*. Б.И. Татаринцев (1987) отрицал иранское происхождение слова *богатырь*. По его мнению, именная основа **bag* ~ **baγ* образована от **ba-* ‘упитанный, большого роста’. На наш взгляд, основой, если можно так выразиться, богатирства является не его упитанность и даже большой рост, а сила. Древние тюрки воспринимали *baγa* (согд. βγ) и *baγatur* как высокий титул (ср. осет. *багатур* – царский титул) при сохранении в языке *batur* ‘герой, богатырь’. В тюркских языках до сих пор живут слова *мөкө* ~ *пөгө* ~ *бөкө* ‘сила’ (см. выше). В некоторых тюркских языках эти варианты отсутствуют, их заменяет *күс*, сохранившийся в древнетюркском *күс*, тувинском в форме *куш*, каракалпакском *куш*, ногайском *куьш*, караимском *күч*.

Нам представляется, что основа *бөкө* ~ *пөгө* ~ *мөкө* ‘сила’ связана с тюркской средой. С иранским миром эту модель соединяет только хот.-сакс. *rāša* ~ *rāga* ~ *rāta* ‘сила’. Но исходной формой для него является **rauša* (< др.-инд. *pusyati*). В санскрите понятия ‘сила’, ‘армия’, ‘власть’ обозначаются словом *bala*. Авест. *aujah* ‘сила’ также ничего не имеет общего с лексемой *богатырь*. А если вспомнить тох. А. *matar* (<санскр. *такага*) ‘демон, чудовище’, непал. *махавир* ‘герой, храбрец’, тадж. (диал.) *мадор* ‘сила’, то очевидной станет и неарийская природа лексемы *богатырь*. Единственный язык, который содержит чистый термин *бахадур* ‘богатырь’, – это персидский (возможно, из арабского). В персидских языках бытовали и бытуют такие понятия, обозначающие

‘храбрый, сильный’, как ср.-перс. *tahm*, ир. *tahma-* (<*tak-ma*), авест. *tahma*, др.-перс. *tahma*^o, кл.-перс. *taham*. Фонетически они далеки от любых вариаций слова *богатырь*. Таким образом, в иранских языках имеются лишь три семантически и фонетически близкие лексемы, обозначающие рассматриваемое понятие *богатырь* ~ *силач*: хот.-сакс. *rāga* ‘сила’, осет. *bagatur* ‘богатырь, храбрец’ и царский титул, перс. *бахадур* ‘богатырь’. На наш взгляд, этого мало, чтобы выводить понятие *богатырь* из иранской и вообще арийской среды. Нужно отметить, что в тюрко-монгольской среде используется и другая основа понятия *богатырь*, имеющая безусловно иранское происхождение.

А.Н. Бернштам (1951, с. 226), основываясь на изысканиях европейских лингвистов, приводит интересное объяснение имени шаньюя Модэ. Имя это транскрибируется как Мао-Тунь. Ф. Хирт показал, что Мао-Тунь – это не что иное, как китайская транскрипция *багадур*, а дифтонг *ao* указывает на интервокальное *γ*. Конечное *и* в слове *тунь* соответствует звуку *p* (ср. Аньси ~ Арсак, *гянь-гунь* ~ *гяргур* ‘киргиз’). Таким образом, Мао Дунь (= Мао Тунь) – это имя-прозвище *багадур*, позднее *батыр* (русск. *богатырь*). Исходя из этой концепции, в имени Модэ кроется слово *моγe*, которое, несомненно, является соответствием приведенным выше тюркским корням *bōkō* ~ *pōkō* ~ *mōkō* ‘сила’. Дальнейшее распространение слова *богатырь* в языках различных групп связано с заимствованием его из тюркских языков, вышедших из гунно-булгарской среды.

Таким образом, наиболее доказательна тюркская версия происхождения понятия *богатырь* ~ *силач*¹. Тунгусо-маньчжурские языки почти все содержат в своём фонде слова, фонетически близкие к *богатырь* (см. выше), в столь искажённом виде, что скорее можно признать их заимствованными, а не родными.

Язык хунну: версия А.Н. Бернштама. Китайская традиция наиболее древними родами хунну считает Хуань и Лань, затем *суйбу* (*хэйбу* или *бу*). Впоследствии выделяется род Цяо. Смена начальных согласных вариантов этнономов *суйбу* и *хэйбу* позволяет предполагать и этнонимы

¹ Однако в монгольском и некоторых тюркских языках в значении *силач*, *богатырь* использовано безусловно ир. (тадж.) *rahlavon* ‘богатырь’ (< испал. *пахал-ман* ‘силач’, ср.-перс. *rahlom* ‘благородный, лучший’). В основе слова лежит название Парфии, восточной окраины Иранской империи Ахеменидов (558–330 гг. до н.э.). Это иранское слово воспринято монголами – *палуан*, хакасами – *палабан*, ногайцами – *палван*. Похоже, тюрки и монголы, а также иранцы заимствовали этот термин из какого-то другого языка, носители которого обитали на востоке Азии.

сюнну ~ хунну также вариантами с равноправным использованием. Первый этноним *хуань* на пекинском наречии можно читать как *хуяр*. Наличие двух согласных (*уя*) позволяет предполагать, что здесь утрачен интервокал. Первый иероглиф *ху* звучал как *хуо*, где *χ* – придыхание. Второй иероглиф звучал как *'iān <gān*. Учитывая необходимость (из чего исходит? – *А.М.*) замены конечного *п* на *г*, мы получаем древнее чтение этого имени [*χjuogār*. Следовательно, по мнению А.Н. Бернштама (1951, с. 227), основу имени шаньюйского рода составляет термин *оугер* ‘уйгур’. А этот этноним имеет лексическую параллель *йкег* ‘бык’, из которого возник фонетический архетип тюркского *огуз* ‘бык’.

Приведённые А.Н. Бернштамом лексические преобразования сводят воедино этноним *оугер* (*уйгур*) как изначальное (тюркское) звучание имени гуннского рода *сюйбу* ~ *хэйбу*, а также сводят к этому этнониму (*уйгур*) этноним *огуз*. А *огуз* ‘бык’ был у хуннов тотемом.

Известна легенда об Огуз-кагане – легендарном герое преданий о происхождении тюркского народа. Сам Огуз-каган не реален, это мифическая личность, в которой представлен реальный образ хуннского шаньюя Модэ (=Мао-Гуня).

Таким образом, смешались в сложном родственном переплетении хунны и роды *оугиг*, *уйгуры*, *огузы*. Можно предположить, что с *оугер* (род хуннов) связан более поздний этноним *уйгур*. Если это так, то можно считать, что язык хуннов имел тип тюркского языка *р*-группы (ср. тотем *йкег* «бык»), а *уйгурский* язык, породивший трансформацию *йкег* в *огуз*, является родственным хуннскому.

Хунны/гунны и топонимы

С гуннами связаны несколько гидронимов в Азии и Восточной Европе. При описании похода китайцев и южных хуннов на северных хуннов (90 г. н.э.) упоминается р. Хуннухэ «хуннов река» (кит. *хэ* ‘река’). Очевидно, это р. Орхон, на которой находилась ставка хуннского шаньюя. Второй возможный вариант – это р. Тола, правый приток Орхона. Китайское название этой реки – Дуло (Бичурин Н.Я., 1953). Не связаны ли между собой название реки и Дома Дуло, возглавлявшего булгар, которые, в свою очередь, вышли из среды хуннов. В Туве известны две реки Хуннуг – левый приток р. Чаваш (!?) и правый приток Енисея. Не лежит ли в основе гидронима этноним хунну?

Известно гуннское название Днепра – Вар (Корнилов Г.Е., 1966). Очевидно, этот односложный гидроним образован из апеллятива со зна-

чением «река», о чем можно судить по чув. *вар* ‘ручей’ (Рамстедт Г.И., 1957). Чувашское *варан* ‘долина’ также возводится к гунно-булгарскому источнику. Если принять во внимание, что в чувашском языке во всех позициях слова возможно соответствие передних губных $p \sim v$, а также соответствие в анлауте $b \sim p$ (Баскаков Н.А., 1988), то можно включить в рассматриваемый круг гидронимов следующие:

- Якутия: Дальбар, река в системе р. Оленёк;
- Алтай: Барчик, восточный приток Телецкого озера, Бара – приток р. Аргут;
- бассейн Дона: Кучук-пар ‘малая речка’;
- Иран: Бар, левый приток р. Кальшур;
- юго-восточный Прикаспий: Сумбар, правый приток р. Атрек;
- Турция: р. Анбар.

Такой обширный ареал в общем-то немногочисленных гидронимов, конечно, настораживает. Однако во всех этих регионах в прошлом побывали хунны/гунны или группы тюрков, входившие в состав гуннской орды (булгары, чувашаи) и позднее известные как носители гурского (*p*-группа) языка. Особенно показательны в этом отношении гидронимы Дальбар, Барчик, Бар, Кучук-пар.

В языке северокавказских балкар имеется географический термин *баргъан* ‘река’. Термин образован от глагола со значением «течь». От этого глагола мог образоваться термин «река». Таким образом, родство и «гуннская», точнее, булгаро-чувашская принадлежность терминов *вар ~ бар ~ пар* ‘река’ доказывается вполне определённо. Отсутствие подобного термина в языках зет-группы позволяет предполагать изначально довольно узкий ареал, из которого вышел этот термин, и его значительную древность (докаганатское время).

Однако ради объективности отметим, что этот термин (*вар ~ бар* ‘вода, река’) повсеместно присутствует в арийских языках. В санскрите *vāg*, *vāgī* ‘вода’, пушту (афг.) *вар* ‘ручей’. Основа *вар* входит в производные: авест. *varo*, дигор. *warun*, ирон. *warun*, пехлев. *waran*, новоперс. *baran* ‘дождь’, язгул. *waru* ‘отворять воду (в арык)’, *waru* ‘перекат воды через камни’, *waru* ‘деталь мельницы, которая приводится в движение водой’. Создаётся впечатление, что термин *вар ~ бар* характерен как для индоиранских языков – древнеиндийского (санскрит), древнеиранского (авестийского), так и современных – афганского, язгулямского. Это позволяет высказать предположение, что в большой древности (до новой эры) тюркоязычные группы, очевидно, предки булгар, находились в тесном и длительном контакте с индоиранскими племенами (индоарийцами и иранцами).

Чувашский язык

Отношение чувашского языка и общетюркских рассмотрено М.Р. Федотовым (1979). Поскольку наследниками языка хунну принято считать чувашей (В.В. Бартольд; см. Гумилёв Л.Н., 1960), рассмотрим некоторые особенности этого языка и возможные родственные связи его с другими тюркскими языками.

Для этого несомненно тюркского языка характерны следующие особенности:

1) наряду с монгольским, болгарским и хазарским, тунгусскими языками он относится к *p*-группе. Очевидно, сюда следует включить и корейский язык, что убедительно подтверждается следующими, правда, единичными сопоставлениями: др.-тюрк., уйг. *kāz*-; осм., тур., туркм., гаг. *gāz*-; монг. *kesü*-, *хегү*-; ульч. *гери*-; маньчж. *hergi*-; др.-кор. *ker*-; кор. *kēni*- (**kerni*-) ‘бродить, ходить туда-сюда, странствовать’;

2) оглушение согласных в начале слова;

3) в чувашском языке нередко встречается протеза *v/w*;

4) в абсолютном начале и конце слова звонкие согласные отсутствуют;

5) ротацизм и ламбдаизм.

Ротацизм выражен в появлении фонемы *p* там, где в других тюркских языках присутствует *z*. По этому признаку выделяются гурская группа *p*-языков (чувашский, болгарский, хазарский) и гузская группа *z*-языков (все остальные или огузо-кыпчакские); к числу гурских относятся монгольские и тунгусо-маньчжурские языки. Об этом свидетельствуют следующие примеры лексических соответствий языков обеих групп:

– чув. *nāru* ‘тёлка’ – монг. *буру*, но тюрк. *бузагу*;

– чув. *вāкār* ‘бык’ – монг. *ухэр* – тунг. *цкүг*, но тюрк. *угез/ököz*;

– чув. *хёрлэ* ‘красный’ – тюрк. *кызыл*;

– чув. *xandur* ‘бобр’ – тюрк. *кундуз* и др.¹

Более 100 лет идёт спор о том, какая группа тюркских языков древнее – *p*- или *z*-. И до сих пор этот вопрос о первичности или вторичности ротацизма не решён. Не будем рассматривать во всех деталях фонетическое соответствие тех или иных лексем и все тонкости процедуры проверки выдвинутых гипотез. Отметим только, что в этом вопросе имеются три точки зрения:

¹ По этому признаку выделяют гурские языки (и племена) – болгарский, хазарский, чувашский – и гузские языки и племена – все остальные.

1) обе группы одновозрастны, то есть когда-то оба признака были в тюркском праязыке, потом эти группы разошлись (Щербак А.М., 1966, с. 30);

2) *p*-группа является более ранней, и от неё отпочковалась группа *з*-языков (Г. Рамstedт);

3) *з*-группа является более ранней и от неё отпочковалась *p*-группа (А. Рона-Таш, Н.А. Баскаков, Б.А. Серебренников и др.).

Лямбдаизм выражен в появлении в чувашском и болгарском языках фонемы *л*, там, где в других тюркских (огузо-кыпчакских) языках присутствует *ш*:

- чув. *хёл* – тюрк. *кыш* ‘зима’;
- чув. *кёмел* – тюрк. *көмеш*, *gümüş* ‘серебро’;
- чув. *тиллэк* – тюрк. *биш/беиш* ‘пять’;
- чув. *утмал* – *алтмыш* ‘шестьдесят’.

Оглушение согласных в начале слова. В чувашском языке регулярно наблюдается оглушение согласных в начале слова там, где им в других тюркских языках соответствуют звонкие. Однако в этом отношении чувашский язык сходен с некоторыми сибирскими языками, древнетюркским и уйгурским (Федотов М.Р., 1968): чув. *пус*~ *пос*, уйг., алт., телеут., шор., кач., чул. *паш*, но як. *бас*, др.-тюрк., аз., туркм. *баш* ‘голова’.

По поводу **возраста** языка существует две точки зрения.

1. Чувашский язык является одним из древнейших тюркских языков. В нём сохранились архаичные черты языка, в которых можно усмотреть остатки ранних стадий развития тюркских языков. Академик А. Кунин писал: «...когда-нибудь при помощи чувашского языка, равно как и при помощи встречающихся ещё и до настоящего времени в земле чувашей имён собственных и топографических названий, учёные внесут свет в область изучения древнетюркского элемента, замечаемого у хагано-болгар на Дунае, у чёрных болгар на Кубуни, у хазар и других незначительных тюркских племён, известных нам почти только по русским летописям» (см. Каховский В.Ф., 1971). Ему вторит Н.А. Андреев (1958): в чувашском языке сохранились архаичные черты, в которых учёные видят остатки более ранних стадий развития тюркских языков. Лингвисты-тюркологи используют данные чувашского языка для восстановления более древних форм слов тюркских языков. По мнению Б.А. Серебренникова (1957, с. 43), тюркоязычные предки чувашей были первыми тюркскими племенами, пришедшими на территорию Европы; прародина носителей чувашского языка находилась где-то в районе Байкала.

2. Чувашский язык сформировался на базе болгарского в связи с выходом болгар на Волгу, где ими были ассимилированы некоторые группы восточных финнов (Серебренников Б.А., 1957; Бенцинг И., 1986).

Версии о происхождение чувашского языка. В.В. Радлов кратко сформулировал свой взгляд на эту проблему: чувашский – это плохой тюркский, выработанный в ходе ассимиляции волжскими финнами. История знает немало таких «испорченных» языков. Это и долганский, который можно рассматривать как якутский, испорченный тунгусами, а также французский, испанский, португальский, испорченный кельтами Европы латинский.

Н.И. Ашмарин считал чувашский язык чистым болгарским. Е.Т. Соловьёв (1885) считал чувашский и болгарский языки идентичными, подкрепляя это положение сходством чувашских и волжско-болгарских тамг. Г.Е. Корнилов (1969) высказал предположение, что болгароязычный компонент чувашей пришел в Европу из Западной Сибири, где он испытал языковое влияние тунгусов и, возможно, самодийцев и угров. В.Г. Егоров (1971) считал, что чувашский язык – это новый этап в развитии болгарского языка, языка хуннского общества. Хунны в свою державу включили верховья Иртыша и Енисея, Семиречье, междуречье Амударьи и Сырдарьи. Поэтому в чувашском языке, как былое хуннско-болгарское наследие, обильны древнемонгольские, иранские и тюркские (тюркютские. – А.М.) слова. Ш.З. Бахтиев (1990) считал, что болгары и чувашаи имели общих предков ранее V в. н.э. Противоположная точка зрения: чувашско-болгарская гипотеза не выдерживает критики (Байчура У.Ш., 1979). А.Б. Булатов (1963): чувашский язык нельзя отождествлять ни с болгарским, ни с суварским языками.

Чувашизмы в венгерском языке. В венгерском языке известно до 300 слов, заимствованных в глубокой древности из тюркских языков. Предполагается, что заимствования шли из болгарского языка, так как венгры в своём походе в Паннонию увлекли с собой из причерноморских степей немало болгар. Венгры в западно-европейских источниках фигурировали под болгарским этнонимом *opogur* (он ‘десять’ и *ogur* ‘стрела’) и долгое время признавались тюрками или онутрами: в IV–VI вв. венгры жили на Кубани, где были соседями и союзниками тюркской группы *оногур*, сменившей своё название на *болгары*. Антами это имя было перенесено на хазар и венгров (Агеева Р.А., 1990, с. 65–66). Однако болгарская лексика практически нам не известна, и все «булгаризмы» в венгерском языке раскрываются из чувашского. Это свидетельствует о большой близости чувашского и болгарского языков. А. Вамбери приводит немало тюркских заимствований в мадьярском (венгерском) языке, раскрывающихся из чувашского:

- *puru* – *borju* ‘телёнок’;
- *tina* – *tino* ‘молодой бык’;

- budaj – buza ‘пшеница’;
- agra – агра ‘ячмень’;
- ökör – öküz ‘бык’;
- ünük – ünö ‘телёнок’;
- tauk – tauk ‘курица’ и др.

Список дополняется примерами из работы А. Рона-Таша (1988):

- iker – ikez ‘близнец’;
- bir – biz ‘мы’.

А. Барта (1990) тюркизмы в мадьярском назвал болгаро-тюркским (оногурским) заимствованием. При этом он предполагал, что именно хазарский язык был основным источником, откуда венгры черпали оногурскую лексику. А. Рона-Таш (1988) также считал, что некоторые элементы венгерского языка (вокализм, заимствованная тюркская лексика чувашского типа) появились между VII и IX вв., когда венгры входили в состав Хазарского государства. Гомбоц (см: Немет Ю., 1963, с. 130) предполагал, что тюркские заимствования в венгерском были чувашскими. Этот язык в Восточной Европе функционировал в то время, когда был живым древнетюркский язык, закреплённый на археологических памятниках (орхонские и др.). Система гласных того древнетюркского языка, к которому восходят заимствования, идентична системе гласных языка орхонских надписей. Это очень примечательное высказывание. Оно наводит на крамольную мысль, что древнетюркский язык рун Монголии находится в прямом родстве с языками *p*-группы. Такая нечёткость в этнонимии кочевников того времени объясняется тем, что их новые объединения могли появляться под старыми названиями или полиэтнические объединения получали свое имя от ведущего этноса (Барта А., 1990, с. 30).

Чувашско-якутские соответствия. Чувашско-якутские языковые соответствия рассмотрел С.Н. Муратов (1978). Эти соответствия достаточно регулярны и проявляются как в фонетике, так и в лексике.

В фонетике сходными явлениями можно считать следующие:

- соответствия чув. *c'*- и як. *c*- при общетюркском *й*: чув. *сит-*, як. *сит-*, но др.-тюрк. *уеt* ‘достигать’;
- используются узкие гласные вместо общетюркских широких: чув. *ыр-*, як. *ыр-*, *ыры-*, но тат. *ары-* ‘утомляться’; чув. *ыл-*, як. *ил-*, но др.-тюрк. *ал-* ‘брат’; чув. *ирт-* ‘перебирать (ягоды)’, як. *ырыт-* ‘перебирать, чистить (внутренности)’, но др.-тюрк. *агit-* ‘чистить, очищать’.

Известны лексические параллели, характерные только для чувашского и якутского, но отсутствующие в других тюркских языках: чув. *кир-*

тек (диал.) ‘бродяга’ – як. *хэрэдэх* ‘бродяга’; чув. *хӓнчӓр* ‘косоглазый’ – як. *кынчагар* ‘косящий’; чув. *кӓвер-* ‘заквашивать’ – як. *кӓйбргӓ* ‘закваска’; чув. *тӓп* ‘тихо, спокойно’ – як. *туп* ‘покой, спокойствие’; чув. *шут* – як. *сут* ‘яр, обрыв’; чув. *йӓнер* – якут. *ыныр* ‘седло’. Чув. *киремет* ‘грозный’, ‘зловещий, мстительный’ во многих тюркских языках имеет эмоционально положительные соответствия: тур. *керамет* ‘благородство’, казах., кирг. *керемет*, узб. *керамет* ‘чудо’, аз. *кераметли* ‘щедрый, благородный’. И только в якутском языке слово сохраняет более раннее негативное значение – *кыраммыт* ‘проклятье’.

Однако Н.К. Дмитриев (1955) на основании соответствия в чувашском л фонеме *ш* в других тюркских языках приходит к выводу о том, что это разрушает гипотезу о непосредственной близости чувашского и якутского языков. Хотя возможно, что чувашско-якутские соответствия *ç ~ с* и *л ~ ш* являются диахроническими.

Ф.В. Ахметова (1984) выявила черты сходства эпических произведений якутов («Элэйада») и татар (дастаны), но объясняет это тем, что в основе татарского эпоса лежит болгарский.

Чувашско-тунгусские параллели. Тунгусские элементы в чувашском языке отмечались давно. С.Н. Муратов (1978) привёл ряд тунгусских заимствований в чувашском, отсутствующих в других тюркских языках:

- чув. *хурӓн* ‘берёза’ – эвенк. *гуран* ‘полярная берёза’, *гари* ‘березняк’;
- чув. *пит*, *питӓ* ‘очень, сильно, слишком’ – эвенк. *пит* ‘крепко’, *пит асин* ‘крепко заснуть’;
- чув. *пурдӓ* ‘топор’ – эвенк. *пурта* ‘нож’;
- чув. *хӓлхем* ‘искра, пламя’ – эвенк. *хӓлкин* ‘молния’;
- чув. *мулкач* ‘заяц’ – эвенк. *муннукӓн/мундукӓн* ‘заяц’;
- чув. *тӓс-* – эвенк. *тус-* ‘тянуть (голос, ноту)’;
- чув. *хӓре* – эвенк. *ирги/ирге* ‘хвост’.
- О.А. Константинова (1972) обнаружила чувашско-тунгусские соответствия в строительной лексике:
 - чув. *кил* ‘дом’ – эвенк. *гулэ* ‘изба, хижина, зимовьё’;
 - чув. *пура* ‘сруб, загром’ – эвенк. *пури* ‘крытый лабаз’, ‘помост на сваях (иногда с крышей из коры)’.

Чувашское название ниток *çип(ӓ)* родственно тунг. *чива* ‘нитка из оленьих сухожилий’, а тунгусское название оленьего сухожилия *шуму* ближе всего стоит к чув. *шӓмӓ* (< *шуму) ‘кость, хрящ’, *шӓнӓр/шӓмӓр* ‘жила, сухожилие’.

Г.Е. Корнилов (1971) привёл чувашско-тунгусские лексические соответствия в названиях оленя, верблюда, слона. Чув. *тӓве* ‘верблюд’ вос-

принимается носителями языка как домашнее животное, о чём можно судить по диалектным наименованиям верблюда *кортулда вильях* 'горбатая скотина', *тёве пәруше* 'верблюжий телёнок'. В тунгусских языках верблюд обозначается словами: эвенк. *тэмэгэн, тэеен, тэмэи, тэмэ, тэмэн*, нан. *тэмэн*. Праалтайская форма **тэвэгэн* или **тэмэгэн* связана, по мнению Г.Е. Корнилова, с эвенк. *тэвуу*, удэ, ульч., нан. *тэвэ* 'груз', 'кладь', чув. *тийе* 'грузить, вычистить', *тиев* 'груз', 'поклажа', 'погрузка'. Название слона *слон, слун* являются поздними заимствованиями из русского. Но известное по словарю Н.И. Ашмарина название слона *сәлан* имеет исключительно тюрко-чувашский облик, включая и типичное для зоонимов окончание *-ан* (< *анг*) 'зверь' (ср. *куйан* 'заяц', *сәрттан* 'щука' и др.). Для корневой части первого слова имеются чёткие тунгусские соответствия: эвенк. *сэлии*, тунг. диал. *хелии, хээлир* 'мамонт' (в кет. *сыл* 'мамонт', очевидно, тунгусское заимствование).

Чувашско-монгольские параллели. По данным С.Н. Муратова (1978), упомянутые языки имеют следующие схождения:

– чув. *илбек/илпек* 'изобилие, обилие' – монг., бурят. *элбэг*, калм. *эвэг* 'обильный' (як. *элбэх* 'обильный');

– чув. *ватӑл* – п.-монг. *᠔tel-*, бур. *утэл-* 'стареть, стариться', эвенк. *уту* 'старый';

– чув. *ама*, 'мать, самка', 'пчелиная матка' – монг. *эмэ/эм* 'женщина, жена, самка';

– чув. *хайӑр* 'песок' – монг. *хайр* 'галька', бурят. *хайр шулуун* 'песчаник'.

По мнению С.Н. Муратова, многое из того, что сохранилось в чувашском и якутском языках, свидетельствует, с одной стороны, об исторических связях этих языков между собой и со всеми алтайскими языками и, с другой, об их изолированности в пределах алтайского ареала. Тунгусские параллели локализуют давнее пребывание носителей чувашского языка в Забайкалье и в бассейне Амура.

Чувашско-хакасские параллели. А.С. Канюкова (1969) установила ряд лексических и фонетических соответствий в языках чувашей и хакасов. В кратком изложении они сводятся к следующему.

Гласные. Чувашскому гласному *а* соответствует хакасское *а* (в одной группе слов соответственно): *сара* – *сарыг* 'жёлтый', *йал* – *аал* 'селение', *шатра, сатра* – *садыра* 'рябой', *арча* – *харчах* 'ящик'. В диалектах обоих языков отмечается закономерное чередование *а ~ э(е)*: *амал* – *эмел* 'лекарство', *падах* – *пэдех* 'пузатый'. Во многих чувашских словах гласным *у* или *о* в хакасских соответствует также *о* (кач.) или *у* (саг.): *пуç/ноç/пуз'е* – *пач/пазы* 'голова', *пула, пола/пулазья* – *палых, па-*

лыхчы 'рыба, рыбак', хурундаш/хорандыс – харындыс 'родственник'. Имеются и другие соответствия в употреблении гласных.

Согласные. В начале и в конце слова функционируют только глухие, но в середине между гласными глухие согласные переходят в звонкие.

Лексика. Термин *озеро* в чувашском и в тюркских языках Алтае-Саян встречается в двух вариантах: *кӱль* и *кӱль*: Сарыкӱль – Сарыкӱль 'жёлтое озеро'. Имеются сходные фразеологические обороты: *отта тохни* – *от тогызы* 'выход на сенокос', *манан шохашамба* – *минен сазыгымда* 'на мой взгляд', *молча коне* – *мылча кӱне* 'банный день'. Имеются сходства в личных именах хакасов и дохристианских именах чувашей, пословицах и поговорках.

Корейско-чувашские сходжения. Ещё Е.Д. Поливанов (1927) отметил некоторые морфологические соответствия в корейском и чувашском языках. Г.И. Рамstedт (1951) обратил внимание на тождественность некоторых чувашских и корейских корней и высказал предположение о родстве этих языков, что, однако, у ряда лингвистов вызвало скептическое отношение к этой идее. Серьезный шаг в сближении корейского с тюркскими, в частности, с чувашским сделал В.Ф. Малков (1971). По его мнению, предки чувашей жили за много веков до новой эры в составе тюркских племён на просторах Центральной Азии. В то время предки корейцев населяли юго-западную часть Маньчжурии (бассейн р. Ляохэ). Очевидно, здесь могли быть тесными языковые контакты предков современных тюркских народов и предков корейцев. Только в I в. до н.э. последние ушли оттуда в места нынешнего проживания.

В.Ф. Малков рассмотрел звуковые соответствия не только в корнях, но и словообразовательных суффиксах. При этом анализ суффиксов он произвёл с учётом особенностей примыкания последних к корням:

1) примыкание к тождественным корням (кор. *сем* 'счёт' < *се* 'считать' и чув. *сум* 'счёт' < *су* 'считать', где в обоих языках *м* – это словообразовательный суффикс);

2) примыкание суффикса *м* к разным корням (кор. *чугым* 'смерть' < *чук* 'умереть' и чув. *вилём* 'смерть' < *вил* 'умереть'). Во втором случае речь не может идти о заимствовании производного слова. Тождественные случаи либо восходят к общей праформе, либо случайно оказались одинаковыми.

Исследователем выявлены следующие тождественные словообразовательные суффиксы:

– *-м*, образующий существительные от глаголов (примеры приведены выше);

– *-у*, образующий существительные от глаголов (кор. *кару* ‘мука’ < *кал-* ‘молоть’; чув. *лару* ‘заседание’ < *лар-* ‘сидеться’);

– *-е* (варианты в кор. *-э*, чув. *-а*), образующий существительные от глаголов (кор. *карэ* ‘лопата’ < *кал-* ‘пахать’, ‘раскапывать лопатой’; чув. *суре* ‘борона’ < *сур-* ‘волочить’);

– *-ке* (варианты в кор. *-кэ*, в чув. *-ка*, *-кӓ*), образующий существительные от глагола (кор. *чипке* ‘клещи’ < *чип-* ‘брать’; чув. *каска* ‘чурбан’ < *кас-* ‘рубить’);

– кор. *-ань* и чув. *-ан* (кор. *ирань* ‘грядка’, ‘межа’, ‘борозда’; чув. *йӓран* ‘межа’, ‘борозда’, ‘грядка’);

– кор. *-мэ* и чув. *-ма* (кор. *олмэ* ‘плод’; чув. *улма* ‘яблоко’), по-видимому, от первоначального глагола со значением ‘плодоносить’.

В.Ф. Малков приводит далее немало слов из корейского и чувашского языков, которые состоят из двух древних лексических единиц, одна из которых может быть сопоставлена с современным словом другого языка:

– кор. *ам-* ‘самка’ в словах *амтхак* ‘курица’, *амсо* ‘корова’, *амтвэчжа* ‘свиноматка’ – чув. *ама* ‘самка’;

– кор. *сал* ‘год’ в выражении *сыму сал* ‘двадцать лет’ – чув. *-сал* в слове *кӓсал* ‘этот год’;

– др.-кор. *чире-* ‘прямой’ в слове *чирегил* ‘прямая дорога’ – чув. *тӓрӓ* ‘прямой’;

– кор. *-ачжи* в словах *сонъачжи* ‘телёнок’, *манъачжи* ‘жеребёнок’, *канъачжи* ‘щенок’ – чув. *ача* ‘ребёнок’;

– кор. *-ккоп* в слове *пӓккоп* (*пэ* «живот») ‘пупок’ – чув. *купа* ‘пупок’;

– кор. *-ун* ‘десять’ в слове *йесун* ‘семьдесят’ – чув. *вун*, др.-тюрк. *он*, узб. *ун* ‘десять’.

Чувашско-персидские лексические связи, как предполагает В.Г. Егоров (1971), связаны с контактированием предков чувашей с северо-иранскими племенами в Центральной и Средней Азии, на территории Казахстана и Северного Кавказа. Он предложил список персидских заимствований из полусотни слов. По нашему мнению, из этого списка территорий следует исключить Центральную Азию, так как персидский относится к языкам западно-иранским и в Центральной Азии его носители никогда не жили. По-видимому, персидские заимствования являются поздними и связаны с деятельностью купцов и другими контактами жителей Поволжья с персами. Н.А. Андреев (Урки) выявил большее, нежели В.Г. Егоров, число иранских заимствований в чувашском языке – несколько сотен (1975). Этими заимствованиями охвачены все стороны жизни: человек; термины родства и социальные отношения; одежда и

украшения; постройки и предметы домашнего обихода; названия орудий, оружия, инструментов; названия пищи и напитков; металлы и минералы; животный мир (домашние и дикие животные); растительный мир; небесные тела, природные явления, ландшафт; общественно-политическая терминология; счёт, мера, время; названия качеств положительных и отрицательных; термины религии и культа; названия предметов искусства и наук; психические и физические свойства человека; личные имена; топонимические названия; названия социального круга; названия предметов природы и явлений; название бытовых предметов и действий; названия металлов и изделий из них. Предполагаются заимствования в основном от согдийцев. Имеются также заимствования из таджикского и санскрита. Выявлено необычное соответствие чув. *xêvel* (во всех других тюркских языках ему нет параллелей) и шумер. *gibil* 'солнце'. Если это так, то оно будет вторым по таинственности словом после шумер. *дингир* 'бог'.

Если предположить, что чувашский – это потомок языка хуннов/гуннов, то можно привлечь исторически допустимую последовательность смены этнонимов: *гунны* → *гунны-савиры* → *савиры* ~ *сувары* ~ *сувазы/суазы* → *чуваши*. Помимо чувашской версии были предложены и другие. Возможен и другой вариант: заимствования были в древнем болгарском языке, из которого позднее развился чувашский.

Тунгусская версия. К. Ширатори (Shiratori K., 1902) нашёл сходство хуннского языкового материала с языками монгольским, тунгусским и тюркским. В частности, в хронике «Ханьшу» был записан титул правителя хунну/сюнну в форме *чен-ли гу-ту* [*кунту*] *шань-юй* 'неба сын правитель'. По мнению К. Ширатори, слово *гу-ту* соответствует *guto* 'сын' в тунгусском языке. На этом основании был сделан вывод о том, что язык сунну (хуннов) принадлежал к тунгусо-маньчжурской языковой группе.

Енисейская версия. Кетские языки дают фонетически более отдалённые примеры: в кет. *фур* (сым.), *хуер* (имб.), *хур* (бахт.), *пумп*. *falla*, кот. *фур*, арин. *bikjal* 'сын', *bikjaja* 'дочь', где *bik* выглядит как префикс, присоединяемый к названиям родственных отношений (Пуллиблэнк Э.Дж., 1986, с. 36). По сообщению Э.Дж. Пуллиблэнка (1986), первым, кто обратил внимание на енисейско-хуннские лексические параллели, был Л. Лигетти. Этот лингвист сопоставил слово языка ху *sak-dak* 'сапог' с кетским (имб.) *sagdu/sagdî* (обувь из крепкой кожи) с тем же значением. Однако Э.Дж. Пуллиблэнк был склонен считать это слово иранским (скифским) заимствованием (основа *sak-*, *sāk-* 'приготавливать, строить, снаряжать' в сочетании со словом *тоѳак* – особый вид

кожи). Во II в. до н. э. могло существовать более узкое значение этого слова. Следует отметить, что в ряде тюркских языков бытовало (в эпических произведениях и ныне сохранилось) слово *сагдак* (сагадак, саадак, садак) ‘колчан’. Функционально сапоги и колчан идентичны: они изготавливались из кожи и предназначались для помещения в них соответственно ног или стрел.

Хуннское слово *цзюэ-ти*, восстановленное **кыти* ‘лошадь’ – в кетских языках, возможно, соответствует кет. *kus*, кот. *hus*, пумп. *kut*, *hus*.

Енисейское слово *khes, kit* ‘камень’ можно сопоставить с этнонимом *цзе [киат]* ‘тохары, букв. камень’, как именовалась одна из ветвей хунну. Из этого примера явствует, по мнению исследователя, что енисейцы заимствовали термин у хунну.

Поскольку китайцы были земледельцами, то названия продуктов скотоводства (например, молочные) они заимствовали у скотоводов хунну. В главе о сюнну/хунну в Шацзи (296 г. до н.э.) молоко названо *дун* (в транскрипции Дульзона А.П., 1968, *тунг*). Такого слова нет ни в тюркском, ни в монгольском, ни в тунгусо-маньчжурском языках. Но оно есть в енисейских сложных словах. В кетских это пумп. *ден/ден*, арин. *тонгул/tongul* ‘грудь + вода’. Кетское ук ‘суп’ сопоставляется с кит. *лао* ‘молоко’, монг. *айрау* и *айран* ‘напиток из молока’ у кетов ?*ук*, ?*у?к* – густой суп, замешанный мукой, мясной, рыбный или сделанный на одной муке. *Айрау* и *айран* – не искажение алтайского слова, а заимствование из гуннского, так как нельзя объяснить из тюркских конечное *к* или *н*, как и состав этих слов, то есть этимологическое значение. Как писал А.П. Дульзон, оба слова не содержат ничего, что указывало бы на молоко или скисание. Кит. *лао* возводится к сскр. *лак* < *хлак*, в монг. *айрау*, кл.-монг. *ажирау* ‘скисшее молоко, кумыс’. А.П. Дульзон признаёт эту интерпретацию безукоризненной. Необходимо развеять недоумение А.П. Дульзона (1968) о том, что, якобы, тюркские и монгольские понятия *айран* и др. не содержат представления о молоке или скисании. Названия популярных напитков у степняков образованы в соответствии с технологией приготовления их, а не вещественной сутью. В тюркских и монгольских языках основа AR образует слова со значением ‘отделять, обособливать, разделять’: караим., алт., кирг. *айыр*, хак., сары-уйг., шор. *азыр*, тув., туркм. (диал.), др.-тюрк. *адыр*, гаг. *айыры*, сиб. тат. *аур*. Эта основа используется для образования специфических орудий труда – вил: алт. *айуруш*, тув. *адыр*, шор. *азыр-баш*, каз. *айыр*, уйг. *ари* и як. *атырджак* ‘рогатина’. На Телецком озере известен мыс Айран. От мыса тектонический разлом отделил небольшую скалу в виде острова. От этой основы (AR) создан географический термин со значением ‘приток’, ‘небольшая речка’. Он часто используется в

гидронимах: Янтаур, Уцкармаур в низовье Тобола, Акайры на Алтае, Тогурайры в Шории, Алтыназыр в Хакасии, Адыр в прителецком районе. И, наконец, напиток айран готовится из молока, от которого уже отделены сливки.

Из почти двух сотен слов, предположительно принадлежащих хуннам, только 12 с той или иной степенью достоверности могут быть отнесены к енисейским. Некоторые из них действительно очень близки фонетически и по смыслу (молоко, сапог, лошадь, камень и др.).

Э.Дж. Пуллиблэнк заключает, что сюнну говорили на языке енисейской семьи, а монголы и тюрки, которые после них стали хозяевами восточных степей, унаследовали от них элементы культуры с соответствующей лексикой.

Г.Е. Корнилов (1971) выявил некоторые енисейско-чувашские лексические соответствия (сымские – чувашские лексемы):

- аан ‘дума’, анун ‘ум’ – дн ‘соображение, понятие, рассудок’;
- сур ‘кровь’ – суран ‘рана’ (букв. сур ана ‘отверстие-выход для крови’);
- кууп ‘ты ешь’ – кун ‘жрать, обжираться’;
- ширинг ‘письмо’ – сыр- ‘писать’;
- с’ил’е ‘лето’ – сулла ‘лето’;
- ыьре ‘весна’ – сур(а);
- сии ‘ночь’ – сёр ‘ночь’;
- кь’итъ ‘муравей’ – хант(ла) букв. ‘подобный муравью’;
- аасъ ‘жарко’ – ашаа, аса ‘тёплый, горячий’;
- елла ‘дверь’ – ал(к) ‘дверь’;
- сии-, сий- ‘он ест’ – си ‘есть’.

Известны и другие енисейско-тюркские лексические соответствия, но относящийся к очень позднему времени, не ранее середины I тыс. н.э. В языке тобольских татар зафиксировано слово *есъ* ‘дух’, что соответствует кет. *есъ* ‘бог, небо’. У тюркоязычных кангатов был записан термин *ыскем/ыскэм* ‘дождь’ (Старчевский А.В., 1893). Первый компонент раскрывается из кет. *есъ* ‘бог, небо’. Второй компонент *кем/кэм*, естественно, раскрывается как ‘вода’. Именно по такой модели построены енисейские слова со значением *дождь*: имб. *уллес ~ уллесъ ~ урес*, пумп. *урес*, где *ул ~ ур* ‘вода’, *ес ~ есъ* ‘бог, небо’. Здесь можно отметить, что *кем ~ кэм* – это термин ‘река’, характерный для тувинской топонимии и употреблявшийся кангатами, коттами (*кем*), тофаларами (*hem*). Происхождение его не ясно, но считается, что в тувинском он явно заимствован, возможно, из иранских или арийских¹. Слово сибирских татар *ыскем* также заимствовано. Но если енисейское происхождение

¹ Любопытно, что в языке дидо (лезгины) – *кема* ‘дождь’.

ние первого компонента не вызывает сомнения (*ыс* < имб. *есь*), то привлекать тувинцев или тофаларов для передачи им тув., тоф. *кем* 'река' или 'вода', по-видимому, будет большой натяжкой. В этом случае следует привлечь иной источник, возможно, арийский.

В языке шорцев, хакасов и северных алтайцев известно слово *айна* 'дьявол', которое считается енисейским заимствованием (арин. '*айна* 'дьявол'). Однако отсутствие этого слова в других енисейских языках (кот. *аша*, *аса*, ас. *хуише*, *аса*, имб. *ал'дл*, *лытсе*) заставляет обратиться к тюркской версии. В других тюркских языках, кроме хакасского, шорского и северных алтайцев, это слово отсутствует. Арины же очень тесно взаимодействовали с тюрками-качинцами, которыми и были ассимилированы. Поэтому решить вопрос о появлении *айна* 'дьявол' в аринском языке можно только через язык качинцев. Происхождение качинцев не ясно. Имеются сведения, что они являются выходцами с Иртыша, откуда мигрировали на Енисей после падения Сибирского ханства. Однако в диалектах сибирских татар слово *айна* не зафиксировано (Тумашева Д.Г., 1992). В Туркмении известен археологический памятник Геоксюр-6 около холма Айна-депе с возможной семантикой 'дьявола холм'. Если вывести это слово из тюркских, то предпочтительным источником его является огузский (уйгурский), сохранившийся у тюркского населения гор Южной Сибири.

В языке шорцев имеется слово *кайяк/ка'як* 'масло, жир' (Вербицкий В., 1884), аналогичное арин., кот. *кайяк* с тем же значением. Учитывая явные следы енисейцев, конкретно – коттов, в этногенезе шорцев, нами было высказано предположение о енисейском заимствовании в шорский. Однако, как выяснилось, и якутам известно слово *хях* «якутское масло». Хях – это проквашенные и подогретые сливки, не доведённые пахтанием до полного выделения масла (Серошевский В.Л., 1993, с. 303). Трудно объяснить направление заимствования этого слова. Слово явно не енисейское (ср.: ассан. '*шаријаг*, имб., кур. *кыт* 'масло'). Контактное заимствование коттов и арин с тюрками Алтае-Саян, более тесное, нежели у кетов-имбаков и ассан, могло бы способствовать появлению в их лексиконе этого тюркского слова. Но и в таком случае остаётся невыясненным вопрос о якутско-шорских связях. Не было ли такого слова (*кайяк* 'масло') в языке хакасов? Если было, то в якутскую среду оно было принесено тем компонентом якутского народа, который связан с саха.

В. Вербицкий (1884) приводит название утки в языках северных и южных алтайцев – соответственно *урьтек* и *сугаиш*. Первые слоги этих слов означают 'вода' соответственно из енисейских (*ур*) и тюркских (*су*)

языков. Второй компонент, очевидно, енисейский (*тек*) и тюркский (*гаиш/гас*).

В тюркском героическом эпосе очень часто фигурирует Алп 'герой', 'богатырь': др.-тюрк., тур., караим., кирг., ккалп., узб. *alp/алп*, казах., тат., хак., алт., сиб. тат. *алып*; чув. *улап*.; минус. тат. *алан, аленп, алып*; як. *алып* 'великан'; караим. *алп* 'глава, старшина'. В некоторых языках (казах., тат., хак., алт., чув.) в этом слове имеется поздняя эпентеза (вставка) в виде узкого гласного между согласными. В древнетюркское время был известен военачальник Алп Эльтмиш «герой Эльтмиш», а также *Alp Er Toqa* – имя легендарного правителя Турана, основателя династии Караханидов, что свидетельствует о значительной древности слова *алп* «герой». По присутствию этого слова в чувашском языке можно судить о давнем его появлении у тюрков. Этот богатырь фигурировал в фольклоре многих тюркских народов: алт. Алып Манаш, казах., ккалп. Алпамыс, узб. Алпамыш, кирг. (Алп) Манас (Суразаков С.С., 1982), сиб. тат. Алып Мямшян, каз. тат. Алпамша́, башк. Алпамыша́¹.

Судя по стечению двух согласных в *alp/алп*, слово не является тюркским. Имя тюркского богатыря *Алп* (Алб, Алып, Улап) обычно выводят из кетско-енисейского эпоса, в котором фигурирует герой Альба (Николаев Р.В., 1974). В эпосе хакасов и сказках кетов содержатся почти все основные элементы. При этом совпадают даже детали, которые не встречаются в фольклоре других народностей Сибири, соседствующих с кетами и хакасами. Борьба героя хакасского эпоса Албынжи со злой богиней Узут-арыг напоминает борьбу кетского богатыря Альбы и его двойника Дох'а со злой богиней Хоседам. По мнению Р.В. Николаева, вначале был один эпос и лишь потом, когда народ разделился на две части, у каждой из них эпос стал развиваться самостоятельно. Разделение произошло в самом конце I тыс. до н.э. – в начале I тыс. н.э. Население Минусы имело ещё европеоидный облик, а с юга, из Монголии, надвигались грозные могучие враги. В эпосе «Албынжи» чёрной силе – Узут-арыг – были приданы утрированные монголоидные черты. В принципе, построения Р.В. Николаева хорошо вписываются в историю Хакасии на рубеже эр. В это время отмечался интенсивный приток в Хакасию монголоидов. Монголоиды встретились с кетским населением, которое и включило мигрантов в свои эпические сказания. Но рассматривать предков хакасов как передатчиков этих эпических традиций другим тюркам – слишком смелое предположение. К рубежу эр

¹ Любопытно отметить в ассирийском языке *alp/алпу* «бык». Бык изображался вместо Адада, бога бурь (Оппенгейм Л., 1990, с. 156). У хантов есть покровитель Альвали.

тюркоязычные группы уже достаточно чётко были дифференцированы и тесного контакта между ними не было. Обращает на себя внимание отсутствие, насколько нам известно, этого эпического персонажа у азербайджанцев и тюрков Северного Кавказа, хотя турки Малой Азии его знают. Создаётся впечатление, что кеты-енисейцы вступили в контакт с какой-то частью тюркоязычного населения ещё в хуннское время где-то в Северной Монголии. Корейские, монгольские параллели тюркскому *алп/алын* (Рамstedт Г.И., 1951) представляются малоубедительными, о чём в своё время писал Э.В. Севортян (1974, с. 139). К тому времени «калтайская» языковая семья уже распалась. Слово *алп* «герой» известно в персидском и арабском словарях со ссылкой на тюркский (Севортян Э.В., 1974).

А.П. Дульзон (1971) заметил большое сходство падежных аффиксов тюркских и енисейских языков и попытался установить звуковые соответствия праязыковых форм сопоставляемых языков с учётом не только позиции звука, но и их функции. А.П. Дульзон учёл также, что синхронно сосуществующие формы склонения диахронически могут быть разноплановыми, и поэтому одинаковые звуки могут входить в разные ряды чередований, поскольку исторически они не являются идентичными. Исследователь высказал предположение, что имеющиеся в тюркских языках падежи уже существовали в период тюркской общности в Центральной Азии, то есть около 3 тыс. лет назад. Тщательно проанализировав сравнительный материал, А.П. Дульзон (1971, с. 26) пришёл к заключению, что «...система склонений тюркских языков восходит к системе склонений языков енисейского типа, даёт возможность удовлетворительно объяснить происхождение всех тюркских падежных аффиксов. Установление других общностей на грамматическом уровне, а также выявление исконно общего словарного материала позволит выдвинуть гипотезу о возникновении тюркских языков на основе древнего языка енисейского типа». А.П. Дульзон неоднократно обращался к идее тюркско-енисейских языковых связей (Дульзон А.П., 1968, 1971, 1976).

Изложенный материал о возможной связи хуннского (тюркского) языка с енисейскими по сути диахроничен. Материалы Э.Дж. Пуллиблэнка, А.П. Дульзона и, возможно, Г.Е. Корнилова характеризуют возможные связи языков в далёком прошлом, но не позже рубежа эр. Остальные единичные соответствия отражают языковые контакты не более как полуторатысячелетней давности.

Якутская версия. Эту версию породил А.Н. Бернштам (1935). По крайней мере, он считал современных якутов прямыми потомками гуннов. Такой же версии придерживаются якутские учёные (А.И. Гоголев и

др.). Нам думается, что прямой преемственности хунны → тюркоязычные предки якутов не было.

Хунны в Сибири

Забайкалье. На территории Забайкалья (бассейн нижнего течения Селенги до государственной границы) примерно 2 тыс. лет назад хунны встретились с местным населением, очевидно, не тюркского происхождения. Это были оседлые жители, которые занимались скотоводством, земледелием и металлургией. В физическом отношении они принадлежали к байкальскому антропологическому типу. Возможно, это были тунгусы. Однако для такого утверждения оснований немного.

Тува. Хунны не обошли территорию Тувы. Но, по мнению Л.Р. Кызласова (1979), никогда хунны в Туве (и Хакасии) не были многочисленны, оставляя там лишь своих наместников и гарнизоны, не всегда состоявшие из своих воинов. Возможно, гунны поселяли здесь и мастеров – рядознатцев, металлургов, литейщиков, кузнецов. Уже в 74–75 гг. до н.э. гунны были изгнаны из Хакасии и Тувы, но в 49 г. до н.э. шаньюй Чжичжи вновь завоевывает горные территории. Вскоре хунны ушли в Среднюю Азию, где потерпели поражение от китайцев. Племена Тувы и Хакасии освободились от власти хуннов. Однако вопрос этот не решается так прямолинейно. В Туве в гунно-сарматское время была создана своеобразная культура – шурмакская (Л.Р. Кызласов) или сынчурекская (С.И. Вайнштейн) в границах II в. до н.э. – V в. н.э.

Проблема шурмакской культуры. Эта культура довольно резко сменяла уюкскую (кызылганскую; VIII–III/II вв. до н.э.), которую обычно связывают с ираноязычным этносом. Археологические материалы не позволяют считать, что шурмакская культура является дальнейшей эволюцией уюкской. Произошла либо смена населения, либо местное население было существенно разбавлено пришлым.

Шурмакские погребения в Туве и погребения рядовых хуннов в Забайкалье имеют много сходных черт – в размерах, форме, конструкции. В ранний этап шурмакской культуры умерших погребали в дощатых гробах или листовенничных колодах. Сопроводительный инвентарь включал уменьшенные модели реальных предметов и сами предметы. Синхронные погребения в дощатых гробах и колодах были широко известны на огромных пространствах от Забайкалья до Волги и от Алтая до Ферганы. Дощатые гробы, покрытые лаком или краской, с отделением для сосудов и бытовых предметов были обычны в обряде захороне-

ния в Юго-Восточной Азии в период Чжаньго и ханьское время (Кызласов Л.Р., 1979). Умерших клали вытянуто на спину, головой на северо-запад, лицо повёрнуто на северо-восток. Под головой обычна каменная подушка. В позднешурмакское время погребали обычно в каменных гробницах.

Антропологический тип носителей шурмакской культуры хорошо изучен по некрополю Кокэль в долине р. Хемчик, возраст которого определяется как гунно-сарматский (I в. до н.э. – I в. н.э.). К сожалению, антропометрическая характеристика древнего населения Тувы дана в обобщённом виде без выделения параметров, характерных для монголоидных типов и европеоидных. Например, скуловая ширина отмечена в размахе 139,5–129,1 мм при крайних значениях 124–152 мм.

Население Тувы¹ в это время было двухкомпонентным (Гохман И.И., 1980; Алексеев В.П., Гохман И.И., 1986). Европеоидный компонент обладал черепной коробкой крупных размеров, низким или средней высоты широким ортогнатным лицом, выступающими носовыми костями и высоким переносьем. Для монголоидного компонента были характерны крупные размеры черепной коробки, лицо средней высоты или высокое и широкое, орто- и мезогнатное и резко уплощённое со слабывступающими носовыми костями, низким и плоским переносьем (Алексеев В.П., Гохман И.И., 1986). Монголоидный компонент морфологически близок к типам, распространённым в Забайкалье в эпохи неолита и бронзы (Гохман И.И., 1980).

Один из таких памятников обнаружен в Улуг-Хемском районе на окраине Аймырлыгской долины (Данченко Г.П., Нестеров С.П., 1989). Для захоронений шурмакцы использовали могильные ямы, на дне которых обычно ставили дощатый гроб. Положение погребённых вытянутое на спине, с северо-западной ориентировкой и с каменной подушкой под головой. В качестве сопроводительного инвентаря в могилу клали горшковидный сосуд, пряжки, стрелы и их наконечники, мечи с дисковидным навершием, кольчатые удила.

В общем виде население Тувы в гунно-сарматское время было антропологически гетерогенным за счёт неравномерного смешения европеоидов и монголоидов. В расовом отношении оно занимает промежуточное положение между европеоидами и сибирскими монголоидами, с некоторым преобладанием последних. Нам представляется, что монголоидный компонент был связан с хуннской средой, а Л.Р. Кызласов явно занижил роль хуннов в формировании шурмакцев. Кокэльская кра-

¹ На территорию Тоджи это заключение не распространяется.

ниологическая серия сходна с сериями черепов южно-сибирского типа, какие характерны для киргизов, казахов и некоторых групп хакасов. Но это сходство объясняется участием европеоидного компонента в формировании этого расового типа, что особенно ярко проявилось в Западной Туве в гунно-сарматское время. Правда, М.Г. Левин (1954) отрицательно отнёсся к этой идее – включать тувинцев в южно-сибирскую малую расу.

Шурмакская культура во многом близка таштыкской культуре по Енисею (Хакасско-Минусинская котловина).

Енисей. В Хакасии найдены предметы вооружения, которые сопоставимы с хуннскими. Это местонахождение Утух-Хая-Кисте – разрушенное ветровой дефляцией поселение таштыкского времени (IV–V вв.) в пойме р. Ут. Здесь на выдувах были собраны костяные и железные наконечники стрел, костяная свистунка от стрелы, миниатюрный железный коленчатый ножик. У Подсиней, недалеко от Абакана, на выдувах был найден двулезвийный клинок с ромбической в сечении широкой полосой и выемкой у перекрестья. По форме он напоминает деревянные модели коротких двулезвийных мечей из грунтовых могил таштыкского времени. Близок по форме и размерам меч, найденный под Красноярском. Но ещё типологически более близки мечи из Причерноморья и Венгрии, относящиеся к гуннскому времени. Набор вооружения таштыкского воина близок вооружению гуннского времени (Худяков Ю.С., 1978), что позволяет предполагать участие хуннов или близких к ним групп в формировании таштыкской культуры.

Имеются и другие точки зрения. Так, предполагается (Вадецкая Э.Б., 1986), что центрально-азиатские мигранты или, вернее, завоеватели входили в державу хунну, а именно в ту её часть, которая находилась под сильным влиянием китайской династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.). Большинство элементов культуры пришлого населения совпадают с культурой хуннов Монголии и Забайкалья (Ноин-Улинские курганы). К их числу относятся форма склепов под усечённо-пирамидальными курганами, обширные могильники с глубокими ямами, на дне которых поставлены срубы или гробы в срубках, «подушки»-камни под головами, церемониальные зонтики, ритуальные астрагалы, заупокойная пища (определённые куски баранины), подсыпка зерна проса, головы или шкуры – остатки от тризни и пр. (Вадецкая Э.Б., 1986, с. 142–143; Савинов Д.Г., 1989, с. 68–69).

Хуннское влияние связано с историческими событиями того времени. В 49 г. шаньюй северных хуннов Чжичжи разбил гяньгуней и остался на их землях. Победа открыла хуннам путь на Средний Енисей. Эта территория осталась за хуннами даже после разгрома их китайцами и

гибели Чжичжи в Кангюе (Казахстан). В исторической науке сложилось представление (Вайнштейн С.И., Крюков М.В., 1976), что с ослаблением хуннов усилилось ханьское (китайское) влияние на хуннов, которое проявилось в самых различных формах. В погребениях на Енисее были найдены панцири, оружие, лаковая посуда, зеркала, украшения, культовые изделия и ткани, сделанные в Китае. И самое главное, что при императоре Ван Мане (9–23 гг. н.э.) на территории нынешнего города Абакана китайскими и местными мастерами был построен дворец размером 45×35 м (рис. 8). При раскопках 1946 г. (Л.А. Евтюхова) были найдены китайские вещи, а также обломки сосудов и нефритовая подвеска хуннского происхождения. Предполагалось, с лёгкой руки Н.Я. Бичурина, что дворец принадлежал хуннскому наместнику, которому благоволил китайский император. Верноподданный наместник в надписи на черепице выразил свои благопожелания императору. И таким наместником якобы был китайский полководец Ли Лин, взятый в плен хуннами в 99 г. до н.э. Но Ли Лин умер в 75 г. до н.э., а дворец был построен почти на 100 лет позже. Дворец, по предположению С.И. Вайнштейна и М.В. Крюкова, был построен для китайской принцессы Чжао-Цюнь, отданной замуж за шаньюя Хухуанье.

На территории Хакасии, очевидно, находились лишь воинские гарнизоны, которые не занимались хозяйственной деятельностью. Поэтому можно предположить, что заметное влияние на этногенез Хакасии того времени хунны не оказали. Основную часть тюркского населения создали гянгунни, предки кыргызов. Это были оседлые скотоводы и земле-

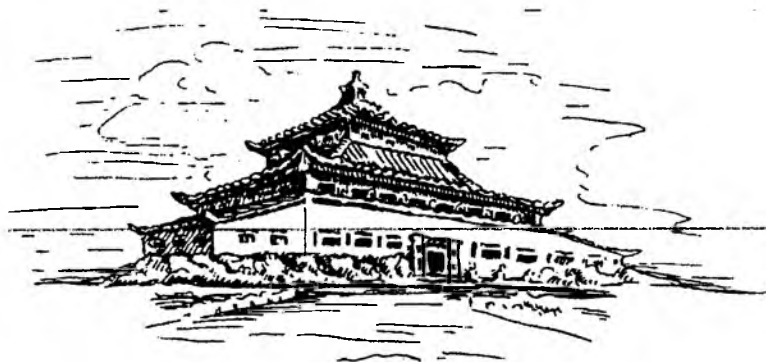

Рис. 8. Дворец китайской принцессы Чжао Цюнь близ Абакана (реконструкция архитектора Г.Б. Щукина)

дельцы, знавшие ирригацию, хорошие металлурги. Они принесли свой язык z/з-типа, который оказал влияние на тюркское население Шории. Однако, как нам представляется, решающую этногенетическую роль сыграл третий компонент – центрально-азиатские монголоиды, в которых можно видеть тобасцев. Тобасцы, ассимилируя иранские, кетские, самодийские (пришлые кулайские), кыргызские популяции, консолидировали этот этнический конгломерат в хакасскую народность. Именно они ввели хакасов в круг уйгуроязычных тюрков.

Представляется правильным мнение Д.Г. Савинова (1989, с. 72) о том, что к III–V вв. «... можно относить начальный этап сложения кыргызской этносоциальной общности на Среднем Енисее, известной по письменным источникам под наименованием Цигу и представленной памятниками тепсейского этапа (III–V вв. н.э. – А.М.) таштыкской культуры». Цигу как общность енисейских кыргызов была упомянута при описании походов третьего правителя Первого тюркского каганата Мухан-кагана (553–557 гг.), который «на севере покорил Цигу...» (И. Бичурин; цит. по: Савинов Д.Г., 1989, с. 71). Это известие безусловно свидетельствует о том, что ко времени описываемого события владение Цигу обособилось от древнетюркской (тюркютской) державы, приобрело определённую самостоятельность и свой нрав. Всемогущий каганат вынужден был применить силу для подчинения непокорного вассала. Но эта строптивость кыргызов нисколько не ставит под сомнение генетическую близость тюркютов и кыргызов. Это подтверждается не только легендами о родстве тюркютов и кыргызов: один из племянников легендарного прародителя тюркютов, глава племени Со, Апанбу получил в своё владение наместничество «...между реками Афу (Абакан. – А.М.) и Гянь (Енисей. – А.М.) под наименованием Цигу». Более точно это владение локализуется на стрелке Енисея и Абакана.

Алтай. О постоянном пребывании на Алтае значительного числа хуннов убедительных сведений нет. Однако здесь немало свидетельств явного влияния хуннской культуры на местное население. Особенно это ярко выражено для времени, когда хунны потеряли свою доминирующую роль в Центральной Азии. Более или менее достоверных следов пребывания хуннов на Алтае немного. И тяготеют они в основном к Восточному и Южному Алтаю – к Чуйской (и Курайской?) степи, бассейну Чулышмана.

В бассейне Чулышмана известен не только погребальный материал, но и погребальные сооружения, которые могут быть сопоставимы с хуннскими. Отсутствие какой-либо преемственности с местными памятниками предшествующего времени позволяет предполагать, что на Ал-

тае сформировалась культура, сложившаяся вне его пределов, но под непосредственным влиянием хуннов (Васютин А.С., 1987).

В пещере Иульчак (у пос. Карасук к ЮВ от Горно-Алтайска) в верхней части культурного слоя был найден костяной наконечник с прорезным насадом, характерный для хуннского вооружения (Барышников и др., 1980, рис. 5, 2), железоплавильные шлаки. Мне приходилось видеть в Чуйской степи железоплавильные печи хуннского, по словам Б.Х. Кадикова, времени (устное сообщение).

В Западном Алтае хуннские памятники, насколько нам известно, не найдены, хотя археологические памятники гунно-сарматского времени здесь достаточно ярки. Особенно примечательным является верхний культурный слой голоценовой пачки в пещере Денисовой. Это серый и темно-серый суглинок, насыщенный мелким (1–3 см) известняковым щебнем. Встречаются косточки животных и угольки, местами – ямы, выкопанные в нижележащем культурном слое, сформированном в афанасьевское время (энеолит). В одной из ям обнаружены зёрна и ломаные колосья мягкой пшеницы (*Triticum vulgare* Host) в количестве около 15 кг (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994).

Верхняя часть слоя (слои 4–7 археологов; см.: Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 100) содержит артефакты гунно-сарматского времени, известные по тесинским и хуннским памятникам. Это костяные плоские наконечники с раздвоенным основанием вместо черешка, четырехгранные, типичные для хуннских памятников Забайкалья. Керамика гладкостенная, хронологически немая. Вероятный возраст, по мнению археологов, III–VI вв. н.э. (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 101).

Следующий слой (8-й) залегает на хорошо датированном слое афанасьевской культуры и содержит комплекс артефактов, характерных для VIII–VII и VI–II вв. до н.э. (скифская эпоха). Не будем приводить характеристику артефактов. Они квалифицированно описаны в книге (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 101 и др.). Отметим лишь, что по визуально однородному культурному слою получены пять радиоуглеродных дат с очень малым разбросом: от 1935 ± 45 до 2000 ± 35 лет¹ или 50-й г. до н.э. – 85-й г. н.э. (аналитик Л.А. Орлова, Новосибирск). Противоречие радиоуглеродного датирования и определения возраста артефактов по их типологии археологами объяснено следующим образом: «Поскольку эти данные не согласуются с археологическими материалами, можно считать, что слой 8, вероятно, был сформирован в самом конце скифской эпохи – в гунно-сарматское время» (Деревянко А.П.,

¹ Отсчёт сделан от 1950 г.

Молодин В.И., 1994, с. 105). Однако, по нашему мнению, здесь речь может идти только о пережиточной скифской (сакской, пазырыкской?) культуре, т.е. о сохранении локальной скифской популяции на Алтае, в то время как регионально таковая перестала существовать. Она жила в «чужое» время, которое от археологов получило название «гунно-сарматское». Если это так, то не может быть и речи о пребывании физических хуннов в Северном и Западном Алтае вообще и в долине верхнего течения Ануя в частности. Эти районы были заняты ираноязычными группами.

В 1959 г. барнаульский археолог А.П. Уманский нашёл на Чарыше около с. Тугозвоново уникальный археологический памятник эпохи Великого переселения народов, датированный IV–V вв. н.э. Богатое захоронение «князя» дошло до наших дней неразграбленным, с хорошо сохранившимся костяком. Сопроводительный материал не позволил А.П. Уманскому (1978, с. 163) сделать определённое заключение об этнической принадлежности «князя». По реконструкции М.М. Герасимова, в расовом типе князя переплелись европеоидные и монголоидные признаки: высокий с горбинкой нос и заметная скуластость (рис. 9). Череп князя был деформирован, что, по мнению одних исследователей,

Рис. 9. Тугозвоновский «князь» (слева) и гунн из Кенколя

свойственно гуннам, по мнению других, – не только гуннам. В.А. Дрёмов считал, что обычай деформации головы распространился из одного центра – приуральских степей, заселённых сармато-аланскими племенами. Очевидно, тугозвоновский «князь» происходил не из гуннской среды, а из иранской. Реконструированный «портрет» тугозвоновского «князя» (Уманский А.П., 1978) обнаруживает большую близость его к «гунну из Кенколя» (Памир). Это также смешанный в расовом отношении тип с чертами европеоидов (высокий нос с горбинкой) и монголоидов (скуластость). По-видимому, европеоидная носатость была отличительной чертой элиты хуннов и была следствием «династийных» браков детей монголоидных хуннов и европеоидных саков. Китайский император, решивший истребить всех хуннов, приказал уничтожить всех, у кого высокие носы. Либо это было свойственно только руководящей элите хуннов.

Рассматривая гуннскую проблему в истории населения Алтая, можно сказать, что только в юго-восточных и, вероятно, в восточных районах Алтая (Чуйская и Курайская степи, долина Чулышмана) кратковременно обитали немногочисленные группы хуннов. Более заметно их влияние, опосредованное через более ранних насельников. Западнее Курайской степи и Чулышмана была земля ираноязычного населения (алано-сармат?).

Тюркско-кетские лексические схождения

Лексические соответствия в тюркских и енисейских (кетских) языках отмечались неоднократно. З.П. Демьяненко (1973) сделала попытку определить время контактов кетских и тюркских языков на основе ареального метода. Суть метода заключается в следующем. Присутствие слов кетского типа в территориально отдалённых тюркских языках (азербайджанский, чувашский, узбекский, туркменский) свидетельствует о большой древности таких лексических общностей. И наоборот, наличие соответствующих фонетических и семантических параллелей в кетском и соседних тюркских языках (шорский, хакасский и др.) и отсутствие таковых в языках отдалённых свидетельствуют о недавнем времени таких контактов. На наш взгляд, первая часть проблемы однозначно не решается, так как неизвестно направление заимствования – кеты у тюрков или наоборот. Если заимствование шло по первой линии, то кеты могли заполучить слово из общетюркского фонда от своих ближних соседей и в недавнее время.

В качестве древних заимствований З.П. Демьяненко приводит следующие:

1) кет. *faɫɔ*, *haɫ'e haɫ'k* 'ёрш' – долг., як., тув., алт., казах., башк., тур., уйг. *балык*, хак. *палых.*, чаг. *балик* 'рыба';

2) кет. *иен*, кот. *ин* – долг. *ингнӓ*, як. *инјӓ*, чул.-тюрк. *ин'га*, шор., саг., койб. *ингӓ*, алт., телеут., кирг., казах. *инӓ*, узб. *игна*, балк., карач. *ийне*, лебед., сойот. *иннӓ*, чаг. *игнӓ*, туркм. *игне*, башк. *енӓ*, осм. *ийнӓ* 'игла'.

Вторую группу (поздние заимствования) иллюстрируют следующие примеры:

1) кет. *сак*, кот. *шага* – шор., туб. *сакыл* 'белка';

2) кет. *дик*, *д'ик*, кот. *чик* 'смола' – чул.-тюрк., тув., саг., шор. *чук*, хак. *чух*, кыз. *шух*, койб. *дјук* 'смола (на деревьях)';

3) кет. *ку*, *куУ*, *хук*, *ху?* 'тихо, безветренно' – шор. *куж* 'хорошая погода'.

Добавим к этому кет. (арин.) *кайак* 'масло' – шор. *кайак*, як. *хаях*.

Л.Г. Тимонина (1986, с. 70) на основе лексического анализа сравниваемых языков пришла к выводу, что енисейцы находились в длительном контакте с тюрками Алтае-Саян и прилегающих к ним районов. При этом у северных енисейцев (кеты, юги) эти контакты были более слабыми, нежели у южных. Заимствование тюркской лексики шло из языков алтайского, хакасского, тувинского и, по мнению Л.Г. Тимониной, киргизского. Нам представляется маловероятным прямое контактирование енисейцев с киргизами. Возможно, тянь-шаньские киргизы сохранили часть лексики своих предков – кыргызов Енисея, которая и сблизила киргизскую и енисейскую лексику.

Л.Г. Тимонина приводит следующие примеры схождения:

1) кот. *хер*, *кер*, ассан. *хайт*, *хаит*, *кеп* – алт., хак., тув. *кеме*, куманд. *кебе* 'лодка'. Можно продлить это ряд, включив в него манс. *хап*, хант. *хаб* (приблизительное чтение) 'лодка', а также некоторые северокавказские лексемы: протосеверокавказские *q₁ар'а 'сосуд', 'лодка', *geba 'лодка' (Хелимский Е.А., 1982);

2) кет. *угор* 'суп' – койб. *ügüra* 'суп', др.-тюрк. *ügür* 'просо', *ügträ* 'мучное блюдо'. В алтайском сходный термин обозначает кашу из толчёной крупы, в якутском – похлёбку из молока, на одну треть разбавленную водой, и сосновой заболони, в уйгурском – мелко нарезанной лапши. В основе тюркских слов лежит понятие 'молоть, раздроблять'. Основным компонентом супа было что-то размолотое, то есть мука или крупа.

Приведённые примеры второй группы свидетельствуют, очевидно, о передаче лексем побеждённым языком языку-победителю: известно, что в состав хакасов, шорцев, тувинцев, тубалар вошли в не столь отдалённое время кетские группы.

Приведём ещё несколько примеров енисейско-тюркских (и более широких) схождений.

Обычное для тюрков слово тув., тоф., хак., кирг. *ыр*, як. *ырыга*, тур., др.-тюрк. *ir*, башк. *йир*, тат., казах. *жыр* ‘песня’ имеет параллели в кетских языках: кет. *ир*, сым. *ир*, *и?р*, имб. *ил* ‘песня’, пумп. *ичир*, кур. *?ил*, имб. *иль* ‘петь’. И более того, сходное слово имеется в мансийском: *эрыг*, егӱ ‘песня’. Если идти далее, то можно увидеть соответствия и в адыго-абхазских (Климов С.Г., 1967): абхаз. *уарада*, убых. *warada*, адыг., кабард. *уарэд* ‘песня’, абаз. *уарад* ‘песенный рефрен’. Этот пример автоматически удлиняет это цепочку, делая её четырёхзвенной: адыго-абхазские – угорские – кетские – тюркские. Иранцы также «подарили» ассимилировавшим их тюркским группам слово *песня*: хак., нижн.-бийск. (куманд.), сиб. тат. Лайтамака *сарын*, бачатские телеуты *сагьп*. В верхнекондомском диалекте черневых татар (шорцев) известны производные: *сарначи*, *сарынчи* ‘певец’, в хак. *сарны-* ‘петь’.

О давних енисейско-тюркских связях свидетельствуют енисейские реликты (?) в тюркских. Речь пойдёт о термине ‘дождь’.

В енисейских языках дождь выражается понятиями ‘вода’ или ‘вода неба (бога)’: арин. *куг*, *кул*, ассан. *ул*, уг. *ыр*, кот. *йг*, букв. ‘вода’, пумп. *ugait*, *ures*, имб. *ulles*, эд. *ül ette*, сым. *ures*, кет. *ulyс*, *ulis*, букв. ‘вода Еся (бога)’. В тюркском термине ‘дождь’ содержится компонент *ур*, *ыр*, что сближает его с енисейскими вариантами и заставляет предполагать бытование в прошлом у тюрков термина *ур*, *ыр* ‘вода’. Определяющая часть тюркских терминов прозрачна и раскрывается как ‘новая’ или ‘падающая’:

Язык	‘Дождь’	‘Новый’
Караимский	<i>йагьмур</i>	<i>йангыы</i>
Кумыкский	<i>янгур</i>	<i>янгы</i>
Алтайский	<i>янгмыр</i>	<i>янгы</i>
Шорский	<i>нангмур</i>	<i>наа</i>
Хакасский	<i>нангмыр</i>	<i>наа</i>
Казанско-татарский	<i>янгыр</i>	<i>янга</i>
		‘Падать, идти’
Древнетюркский	<i>ягмур</i>	<i>яг-</i>
Турецкий	<i>ягмур</i>	<i>яг-</i>
Гагаузский	<i>йаамур</i>	<i>йаамаа-</i>
Кумандинский	<i>чаньмыр</i>	<i>чаньы-</i>
Якутский	<i>самыр</i>	<i>сам-</i>
Чувашский	<i>сумар</i>	<i>су</i>

У тюрков Средней Азии и сейчас бытует понятие *янги-сув* 'новая вода' для талых вод.

Элементарные наблюдения могли привести в древности предков тюрков к восприятию этого природного явления как 'новая' или 'падающая' вода.

Тюрками глагол *йаг* и др. 'идти' в слове 'дождь' не воспринимается как таковой. Для них это неотъемлемый компонент термина 'дождь'. Поэтому в выражении 'дождь идёт' он воспроизводится еще раз: тур. *йагмур йагайыр*, букв. 'падающая вода падает'. В енисейских языках такой тавтологии нет. Выражение 'дождь идёт' здесь формируется (говор келлогских кетов) с использованием глагола *оуоть* ('он-идёт'): *ульась оуоть* буквально 'вода небесная (божья) идёт'.

Приведённые примеры (термины *лодка, песня, дождь*) подводят нас к мысли о возможном родстве языков енисейских и тюркских.

Идею родства этих языков горячо пропагандировал А.П. Дульзон (1971, 1976). Им рассмотрены кетско-тюркские параллели в области склонения, выявлены пратюркские форманты глагольного лица. Не будем вдаваться в пересказ лингвистических тонкостей проблемы, приведём лишь заключительный абзац одной из его работ (Дульзон А.П., 1971, с. 26): *«Как видно из изложенного, предположение, что система склонений тюркских языков восходит к системе склонений языков енисейского типа, даёт возможность удовлетворительно объяснить происхождение всех тюркских падежных аффиксов. Установление других общностей на грамматическом уровне, а также выявление исконно общего словарного материала позволит выдвинуть гипотезу о возникновении тюркских языков на основе древнего языка енисейского типа».*

Явными тюркскими заимствованиями в аринском являются слова *tus* (пумп. *tuss*) 'соль', *tebe* 'верблюд', *arba* (ассан. *агра*) 'ячмень', *kuburuŋ* 'уголь', *dalaj* 'море', *askыт* 'жеребец', *aragá* 'вино', кет. *калэн* 'мука' из др.-тюрк. *talqan* 'дроблёное зерно', 'поджаренная мука'.

Особое место занимают в тюркско-енисейских отношениях такие персонажи народного эпоса, как Алп~Альба и айна (см. выше).

Обсуждение

Приведённый обзор тем, связанных с хуннами и их возможным родством с енисейцами, с одной стороны, а с другой – с тюрками, позволяет нам сделать следующие выводы.

1. Место зарождения алтайской общности – Маньчжурия, время – неолит. Наиболее вероятными физическими предками народов алтайской семьи являются носители культуры Джалай-нор.

2. Хунны – реальная популяция из многих племён, из которых самыми влиятельными были люаньти, хуянь, сюйбу, лань, шанью были родом из первого племени.

3. Этноним *хунну/сюнну* был реальным. В основе его лежит понятие «человек», что обычно для древних этнонимов. Языком хунну/сюнну был язык болгарского типа, сформировавшийся в неолите в среде алтайской общности, из которой в разное время выделились японский, корейский, тунгусо-маньчжурские и монгольский языки. Язык хунну/сюнну испытал сильное влияние иранских (индо-иранских?) языков.

4. Чувашский язык нельзя считать болгарским, испорченным ранними марийцами в ходе адаптации. Иначе в нём тунгусизмы были бы тоже испорчены настолько, что выявление их стало бы вряд ли возможным.

5. Чувашский язык – это современный вариант трансформированного болгарского языка. Прототип болгарского сформировался в Центральной Азии, где он соседствовал с монгольским, корейским, тунгусо-маньчжурскими и, возможно, с японским. В прошлом они составляли «алтайскую» языковую общность, характерной особенностью которой был *p*-признак.

6. Временные интервалы хуннской эпохи могут быть очерчены следующими рамками:

– верхний возрастной рубеж: середина V в. н.э. (уход с исторической арены европейских гуннов и разгром последнего хуннского государства, существовавшего на территории Китая в 308–460 гг. (Кляшторный С.Г., 1964);

– нижний возрастной предел: ранее VI в. до н.э. (в захоронениях скифского типа появились элементы, характерные для более поздних хуннских захоронений).

7. Зарождение пратюркского языка связано с хуннами и произошло, возможно, в эпоху бронзы.

8. Главное направление миграции хуннской орды и её языков было с востока на запад. Главное направление миграции енисейцев было с запада на восток.

9. Встреча енисейцев (кетоязычных племён) с хуннами могла произойти в Северной Монголии и Забайкалье: ставка хуннских шаньюев находилась на Селенге. В системе этой реки имеются притоки, которые ещё во времена Г.Н. Потанина носили типично кетские (точнее, пумпокольские) имена. Встреча могла произойти в начале новой эры или в по-

следние века до новой эры. Показательны чувашско-кетские (сымские) лексические сходения. Однако время появления пумпоколов на Селенге не известно.

10. Контакт енисейцев с тюрками произошёл в двух регионах и в разное время:

- в горах Южной Сибири (встреча с тобасцами);
- в лесостепной и таёжной зонах Западно-Сибирской равнины (встреча с сибирскими татарами).

11. Кетско-енисейские языки не родственны языкам, на которых говорили предки тюрков.

Можно согласиться с остроумным заключением Г.К. Вернера (1973), который рассмотрел предложенную лингвистами гипотезу о связи енисейцев с хуннами: *«Эти факты не противоречат гуннской гипотезе происхождения енисейцев, если... исходную локализацию гуннов искать не в районах южной окраины Гоби, а в юго-западных районах Азии»* (с. 175).

ГЛАВА 2. ОТ СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ ДО МАНЬЧЖУРИИ ПО БЕРЕГУ ОКЕАНОВ

В первом томе монографии «Древние народы Сибири» нами предложена схема изначального расселения *Homo sapiens* по планете. В кратком изложении она сводится к следующему.

Процесс сапиентации начался в Африке¹, захватил позднее Восточное Околосредиземноморье. Это был длительный процесс. Но отсчёт его начала вряд ли возможен, поскольку трудно провести резкую грань досапиентного и сапиентного состояний человека. Генетики происхождения современного человека относят ко времени от 40 до 140 тыс. лет.

Наш первопредок имел много общих физиономических (внешних) черт. На черепе одного индивидуума можно обнаружить черты всех основных современных рас либо их парные комбинации. Основные расовые признаки на геномном уровне были заложены давно, ещё во времена архантропов и палеоантропов (неандертальцев). Так, древнее население Африки имело прогнатное лицо, что характерно для экваториальной (австралоидной, негроидной) расы. Европейские неандертальцы (человек из Шапелль) предвосхитили носатость европеоидов. Пекинский синантроп (азиатский неандерталец) имел плоское лицо. Однако в те давние времена признаки основных рас были выражены слабее, чем ныне. Первочеловеки разумные были слабо дифференцированы в расовом отношении.

Ранние представители *Homo sapiens* уже резко отличались своим внешним видом от неандертальцев. У них исчез сплошной костяной надглазный валик, столь характерный для древних людей. Лоб стал высоким и крутым. На нижней челюсти обозначился подбородочный выступ (Зубов А.А., 1963). Окончательно сформировался мозг, развилась членораздельная речь. Более всего на раннего человека похож абориген Австралии (рис. 10). Наш общий предок был волнистоволос, имел довольно тёмную, но не чёрную кожу и широкий выступающий нос. Нос очень широкий, переносье сравнительно высокое, очень хорошо выражен альвеолярный прогнатизм.

¹ Генетики единодушно считают, что Африка является родиной человека (см.: Степанов В.А., 2002).

Со временем на прародине человека разумного произошло перенаселение и начались первые миграции. Волны миграционного процесса хлынули на территории, занятые неандертальцами, перехлестнули их границы и устремились в места, где не ступала нога человека древнейшего или древнего. Началось завоевание планеты человеком современного типа.

Расселение человека шло центростремительно из обширной территории Восточного Околосредиземноморья и Восточной Африки (область Великих озёр). Наиболее ранний поток людей был направлен из района оз. Виктория на юго-запад Африки. Бушмены и готтентоты юго-западной Африки, носители языков койсанской группы, – это потомки первых мигрантов. От Средиземноморья миграционные пути шли по двум направлениям.

Рис. 10. Абориген Австралии очень похож на наших первопродков (Алексеев В.И., 1971)

Миграционные пути

Северный, или бореальный путь. Примерно 40 тыс. лет назад человек пошёл из северного побережья Средиземного моря вслед за отступающим ледником. Сильно заболоченные приледниковые области были заняты тундрой и редколесьем. Однако обилие крупных травоядных животных так называемого мамонтового комплекса (мамонт, шерстистый носорог, бизоны, лошади, олени) привлекало сюда первобытных охотников. Памятник Чёртова Печь (Словакия) имеет возраст 38200 ± 2480 лет, Грот оленя во Франции – 33,5 тыс. лет. На приледниковые равнины Восточной Европы человек разумный пришёл несколько позднее. Могильник Сунгирь около г. Владимир имеет радиоуглеродную дату 24430 ± 400 лет, поселение Костёнки недалеко от Воронежа – 24 тыс. лет. Восточно-европейское население подпитывалось мигрантами из северо-восточной Африки и Передней Азии.

Из Восточной Европы мигранты пошли вдоль гор Южной Сибири до Байкала. Верхнепалеолитическая стоянка Малая Сья в Кузнецком Алатау имеет радиоуглеродную дату по углю 20 тыс. лет, Сабаниха – 23–24 тыс. лет, Афонтова Гора в Красноярске – 20900 ± 300 лет. На поселе-

ниях Мальта и Буреть мигранты жили 20–24 тыс. лет назад. До побережья Тихого океана мигранты из Европы не дошли. Горные системы для них оказались непреодолимыми, но не из-за своей неприступности, а потому, что высоко в горах было мало объектов охоты. Дальний Восток был заселён мигрантами, которые шли другим, южным путём.

Первые поселенцы Восточной Европы имели физический тип, не дифференцированный в расовом отношении. Восемь европеоидных скелетов из могильника Сунгирь обладают протомонгольскими и негроидными признаками при общей европеоидности.

Ещё пребывая в Северном Предуралье, не занятом в то время ледником, первые пришельцы стали приобретать заметные признаки большой монголоидной расы. Именно здесь, на окраине ойкумены человека разумного, заявили о себе гены, отвечавшие за монголоидные признаки. «Сработали» дрейф генов и процессы адаптации к суровым природно-климатическим условиям Северного Предуралья. Исследование черепов с Оленьеостровского могильника (Онежское озеро, мезолит) показало, что слабая монголоидность являлась обычной особенностью древнего населения Восточной Европы. Такого рода монголоидность сохранили до наших дней некоторые финно-язычные группы (коми, удмурты, некоторые группы карел и мордвы). Среди северных манси выявлена также реликтовая монголоидность: слабый рост бороды, уплощённое лицо с умеренными скулами, выраженная складка века, не очень тонкие губы. Эти явные монголоидные признаки сочетаются со светлой пигментацией.

Процесс монголизации усилился при выходе мигрантов в Сибирь. На памятнике Афонтова Гора II обнаружены костные останки взрослого мужчины и подростков с явными монголоидными признаками. На верхнепалеолитических поселениях Прибайкалья типы наземных жилищ, исключительное богатство костяного инвентаря, каменные орудия, костяные статуэтки, изображавшие женщин, вели, безусловно, на запад, в Европу. Однако европейский инвентарь сопровождался фигурками женщин с явно монголоидными чертами. Особенно выразительны были глаза, узкие, раскосые, они невольно вызвали в памяти черты, свойственные представителям монгольской расы (Окладников А.П., 1964). Эти противоречия разрешил американский палеоантрополог К.Г. Тёрнер (1990), который по результатам исследования зубов подростка из Мальты пришёл к заключению о родстве прибайкальского населения эпохи верхнего палеолита с кроманьонским населением Европы. Не менее категорическим было заявление А.П. Окладникова и З.А. Абрамовой (1974) о том, что сибирские, в том числе и забайкальские каменные из-

деляя этого времени несопоставимы с дальневосточными. Каменные изделия с памятника Осиновка (Приморье) имеют больше общих черт не с орудиями приледниковой зоны Евразии, а с комплексами Юго-Восточной Азии (Япония, Индокитай).

Предположение об усилении монголоидности северных (бореальных) мигрантов по мере продвижения на восток можно подтвердить следующей цепочкой типов: лапаноидный (саамы, Олений Остров) → уральский (некоторые группы восточных финнов, ханты, манси) → казангский (западные эвенки, тофалары).

Необходимо подчеркнуть, что монголоиды Сибири относились в древности к низколицевому типу, который ныне называется сибирским или таёжным. Байкальский тип монголоидов (пещера Шилкинская, частично тунгусы, нивхи), для которого характерно высокое лицо, сформировался на базе южных (аустрических мигрантов), о чём свидетельствует и географическое положение наиболее раннего памятника (Шилкинская пещера).

Южный, или аустрический путь. Для мигрантов этот путь был относительно лёгким, так как он пролегал в пределах родной субтропической зоны. Даже в те очень холодные времена жизнь в субтропиках была более комфортной – и по быту и по изысканиям источников питания.

Мигранты от Восточного Средиземноморья шли берегом Индийского океана (рис. 11). Часть мигрантов, осваивая просторы Южной Азии, отставала по пути следования. Потомки их, в различной степени похожие на далёких предков, известны и ныне. Небольшая народность куваит на побережье Персидского залива (южнее Басры) имеет светлошоколадную кожу, не очень высокое переносье при ширине носа большей, чем у арабов. Губы толстые. Волосы широковолнистые, рост бороды сильный, что характерно для аборигенов Австралии. Бедуины Гадрмаута (Южная Аравия) обнаруживают черты сходства с веддоидной (австралоиды Южной Азии) расой. Мекраны прибрежных частей Белуджистана (Пакистан) также имеют признаки австралоидной расы. На юге Индостана некогда, до прихода европеоидных дравидов, жили ведды, типичные представители австралоидной расы. Ведды, как и австралийцы, имели волнистые волосы, но нос менее широкий, переносье уплощённое, прогнатизм выражен слабее, довольно сильно выступают надбровные дуги. Третичный покров также развит слабее, нежели у австралийцев. Пришлые дравиды испытали метисацию с веддами, почему некоторые дравидоязычные племена имеют австралоидный физический тип (ораоны, гонды, кадары, ченчу, курумба и др.). На юге Индии дравидоязычные тамилы, телугу и др. также имеют признаки субстратного

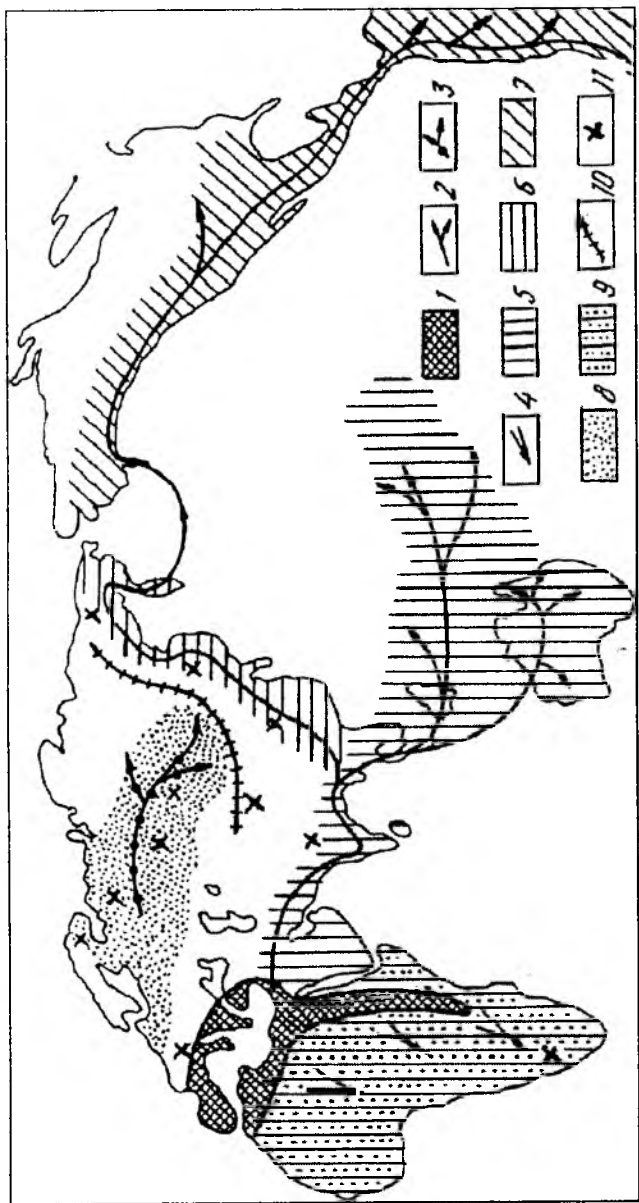

Рис. 11. Миграционные потоки и ранние популяции *Homo sapiens*:

1 - прародина человека разумного; 2 - борсальный (северный), 3 - аустрический (южный), 4 - африканский, популяции: аустрическая (5 - австралийская, 6 - монголоиды, 7 - американоиды), 8 - борсальный, 9 - африканская; 10 - «пектораздел», 11 - очаги монголизации

веддоидного населения. Веддоидным антропологическим типом обладает тамильское население о. Шри-Ланка.

Достигнув Юго-Восточной Азии, миграционный поток разделился на две ветви. Одна из них через Зондские острова достигла Австралии, другая по тихоокеанскому побережью Азии прошла до Камчатки и Чукотки и по Алеутским островам переправилась в Америку. Трудно понять этих ранних разумных людей. Жители богатых субтропиков вдруг почему-то пошли на север, где природа явно не баловала пришельцев. Трудно было с жильём, с продуктами питания, наверное, и простудные хвори преследовали их. Но... Но человек приспособился и к этим дискомфортным условиям, выжил, создал оригинальные культуры, дожил до наших дней, поставив учёных перед необходимостью разгадки этого неординарного, неразумного, с позиций нынешних избалованных людей, поступка.

Южный миграционный путь раннего человека разумного хорошо подтверждается и генетическими исследованиями (Янковский Н.К., Боринская С.А., 2002).

Граница популяций в Северной Азии проходит где-то в Забайкалье. Археологически она контролируется ареалами верхнепалеолитических мальтийско-афонтовской (европейско-сибирская популяция бореальных мигрантов) и дюктайской культур (аустрических мигрантов). К дюктайской группе культур относятся палеолитические культуры Америки и Японии (Мочанов Ю.А., 1973). Этот же автор (Мочанов Ю.А., 1977, с. 237) не исключал, что именно дюктайцы были первыми насельниками Америки.

Происхождение монголоидов

Тюрки обычно (и совершенно правильно) воспринимаются как представители большой монголоидной расы. Для них характерны смуглый цвет кожи, прямые, нередко жёсткие волосы, слабый или очень слабый рост бороды, средняя ширина носа, низкое или среднее по высоте переносье, средняя толщина губ, уплощённость лица, сильное выступание скул, наличие эпикантуса, крупные размеры лица. Если исходить из идеи о происхождении человека разумного из одного центра – Около-средиземноморья, то монголоиды резко отличаются от первопредка. Тот обладал признаками всех трёх антропологических рас или, как пишут антропологи, был слабо дифференцирован в расовом отношении. В.П. Алексеев (1972, с. 168) так описал нашего общего предка: «Он был

волнистоволос, довольно темнокож, имел выступающий нос. Все признаки негроидной расы были выражены достаточно отчетливо». Наиболее близки к нашему предку аборигены Австралии. Монголоидные группы возникли в результате генетико-автоматических (дрейф генов) и адаптационных процессов при уходе первопредка из субтропического Околосредиземноморья в холодные зоны (высокогорье, приледниковая область, пустыни).

Родиной монголоидов считается Центральная Азия. Даже когда были обнаружены монголоидные признаки у саамов Кольского полуострова, ряд антропологов и археологов объяснили это метисацией в результате прихода монголоидного населения из Азии, в том числе и Центральной. Но монголоиды жили или живут и ныне в различных регионах нашей планеты.

Уход сапиентных предков человека из зоны субтропиков в иные природные зоны (приледниковье, высокогорья, пустыни) вызвал расовые изменения. Инструментом этих изменений были адаптационные и генетические факторы. Человек, как и другие организмы, имеет доминантные и рецессивные гены. Первые порождаются в центре ойкумены. Здесь, как выразился В.П. Алексеев (1972, с. 193), бурлит жизнь и создаются всё новые и новые формы, которые начинают доминировать. Рецессивные (подавленные) гены лучше проявляют себя на окраине ойкумены или в условиях изоляции (горы, пустыни). В таких популяциях на протяжении многих поколений в результате внутригрупповых браков происходит изменение расовых особенностей, которые могут привести к существенному различию исходного и эволюционировавшего физических типов человека. Эти различия не носят адаптивного характера. Они вызваны тем, что при эндогамных браках повышается возможность встречи рецессивных генов, в результате чего понижается гетерозиготность (разнообразие парных половых клеток, образующихся путем слияния двух половых клеток – гамет) и возрастает гомозиготность (однообразие) наследственности. Процессы эти получили название «генетический дрейф» (Н.П. Дубинин, Д.Д. Ромашов), или «дрейф генов». Длительная географическая изоляция стимулирует дрейф генов, что играло существенную роль в формировании малых расовых типов, особенно локализованных в окраинных частях ойкумены, на островах, в труднодоступных горных районах, в пустынях и приполярных странах с редким населением. В ходе адаптационных и генетико-автоматических процессов (генный дрейф) в разных регионах планеты возникли генетически не связанные друг с другом и разновозрастные центры формирования малых рас с разной степенью выраженности монголоидных признаков.

В позднем палеолите монголоидность приобрели жители Европы. В Южной Германии и Северной Швейцарии резко выраженные монголоидные черепа обнаружены на памятниках Оберкасселя, Офнет, Прицбергского озера и др. В это же время сформировался обширный ареал монголоидов на севере Восточной Европы. Их потомками являются носители лапаноидного и уральского расовых типов (саамы, некоторые группы коми, ханты, манси). Приток раннего (25–20 тыс. лет назад) населения в Сибирь сопровождался его монголизацией, усилившейся с удалением на восток (памятник Мальта у Иркутска).

Аборигенное население пустыни Калахари в Южной Африке (готтентоты, бушмены) также обладают явными монголоидными признаками: у них лица более плоские, чем у сибирских монголоидов, плоский и нос, сильно развиты скулы, имеется складка века и эпикантус.

Часть ранних мигрантов, ушедших на восток по побережью Индийского океана, уклонилась на север, вглубь материка. В суровых условиях Тибетского плоскогорья усилились как европеоидные признаки (выступающий нос, высокое переносье), так и монголоидные (скуластость, эпикантус, жесткие волосы и пр.). Так возник своеобразный тип населения провинции Кам (верховья рр. Янцзы, Меконг, Наг-чу).

Группы мигрантов, которые устремились на север по побережью Тихого океана, также приобрели монголоидные черты. Наиболее ранние из них были похожи на тибетцев провинции Кам. Этот тип сохранился у индейцев Северной Америки. У них сильно выступающий нос, высокое переносье, у взрослых отсутствует эпикантус, что сближает их с европеоидами. С современными монголидами их сближают желтоватобурый цвет лица, прямые и очень жесткие волосы, слабый третичный волосяной покров, заметно выступающие скулы, очень часто встречаются лопатообразные резцы верхней челюсти, эпикантус у детей. Сохранились некоторые реликты южной (австралоидной) расы: большие размеры коренных зубов, большая ширина рта, значительная ширина носа, небольшой прогнатизм, удлинённые предплечья. Американоиды пришли в Новый Свет в «готовом виде», о чём свидетельствует большое сходство в строении черепов современных и древних индейцев.

Более поздние волны мигрантов, которые распространялись по побережью Тихого океана, практически не приобрели европеоидные признаки, но явственно стали монголоидами. Их потомками являются китайцы, японцы, корейцы. Однако и у них, особенно у южных китайцев, сохранились некоторые реликтовые признаки исходной австралоидной расы (толстые губы, альвеолярный прогнатизм, волнистость и др.).

Центрально-азиатские монголоиды считаются типичными: они лишены явных признаков европеоидных и австралоидных. Для них характерны смуглый оттенок кожи, прямые, нередко жёсткие волосы, слабый или очень слабый рост бороды, средняя ширина носа, низкое или среднее по высоте переносье, слабо выступающий нос, средняя толщина губ, уплощённость лица, сильное выступание скул, крупные размеры лица, наличие эпикантуса. От сибирских монголоидов они отличаются высоким лицом. Наиболее типичными представителями этой малой монголоидной расы являются буряты, якуты, южные алтайцы, западные тувинцы, некоторые группы монголов. Отсутствие явных признаков южной расы свидетельствует о том, что эти монголоиды формировались в глубине материка, где в экстремальных природных условиях процессы адаптации и генного дрейфа обусловили появление антропологического типа, максимально приспособленного к этим природным условиям. Типичная монголоидность – явление сравнительно позднее. В памятнике Джалайнор (Внутренняя Монголия) предположительно мезолитического возраста найдены останки человека с абсолютно высоким и широким, очень плоским лицевым скелетом. Это центрально-азиатский антропологический тип. На наш взгляд, чжалайнорский тип ближе всего стоит к байкальскому по максимальным размерам лицевого скелета и плосколицести.

Начало формирования центрально-азиатских монголоидов связано с уходом мигрантов вглубь материка и наступлением здесь резко континентального климата. Пустыня Гоби возникла в голоцене в ходе трансформации климата ледниковой эпохи в результате глобального потепления. Именно в послеледниковье сформировались области высокого давления, где возникли пустыни Сахара и Гоби. Специфические особенности внутриконтинентальной пустыни Гоби порождены и орографическими условиями: Центральная Азия отгорожена от циклонов и муссонов горными поднятиями, здесь летом образуется барическая депрессия. Воздух имеет низкую относительную влажность, высокую температуру (до 40°C и выше) и сильную запылённость. Если циклонам и удаётся проникнуть сюда, то воздушные массы быстро прогреваются и иссушаются. Но максимум осадков (100 мм и более) падает на летние месяцы. Зимы морозные и бесснежные. Специфические особенности центрально-азиатских пустынь (пыльные бури, обилие яркого света летом, обжигающие морозы зимой) заставило насельников выработать на основе естественного отбора приспособительные морфофизические особенности (эпикантус, узкий разрез глаз, плосколицесть, лицевая стеатопигия, то есть накопление подкожного жира и т.д.). Процесс адаптации выразился

в закреплении полезных мутаций в потомстве. Индивидуумы, лишённые этих полезных приспособительных признаков, постепенно исчезали из популяции. Отвечающие за монголоидность гены стали доминирующими в условиях изоляции.

В таких экстремальных условиях формировались популяции, практически лишённые реликтовых признаков австралоидной расы и имеющие в основном монголоидные признаки. Создатели археологического памятника Джалайнор (Внутренняя Монголия) имели очень плоское лицо, абсолютно широкое и высокое, носовые кости выступали слабо, клыковые ямки выражены не резко, предносовые же развиты сильно. Позднее такое население широко распространилось как в Центральной Азии, так и в Сибири (Крюков М.В. и др., 1978, с. 52). Исходная популяция, которая претерпела в Центральной Азии столь глубокую трансформацию, не известна. Черепа из Верхней пещеры Чжоукоудянь близ Пекина (возраст 18 тыс. лет), несомненно, принадлежали человеку разумному с явными монголоидными чертами. Но лицевой скелет имел прогнатный профиль, что свойственно южной расе (рис. 12). При этом Ф. Вайденайх отметил сходство мужского черепа с черепами верхнего палеолита Западной Европы: их сближало сравнительно высокое переносье, сильно развитые надбровные дуги и, добавим, низкие прямоугольные орбиты. Однако сильное развитие надбровных дуг (не путать с лобным валиком!) свойственно всем древним формам человека. Это сопоставление показывает, что предок пекинского *Homo sapiens*'а также мигрировал с запада, из восточного Околосредиземноморья. И не исключено, что именно он, удалившись вглубь материка, претерпел те глубокие изменения в сторону монголоидности, какие мы наблюдаем у типичных монголоидов Центральной Азии.

Можно полагать, что тюрки, монголы, тунгусо-маньчжуры, японцы и корейцы вышли из этой среды континентальных монголоидов. Все они являются высокими типами с присутствием или отсутствием австралоидных черт, все они близки территориально (Восточная Азия к северу от Ху-

Рис. 12. Монголоид из пещеры Чжоукоудянь (реконструкция)

анхэ). Попытки отрицать родственность тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, на наш взгляд, исходят из их сравнительного анализа на очень позднем временном срезе. Невозможно представить себе любой язык, который возник на пустом месте, не имея корней в какой-либо языковой семье или группе. Все языки, если погружаться вглубь времён, имеют корни в каких-либо языковых группах. Другое дело, что трудно найти эти корни. Даже носители изолированных языков (бурушаски, баски) не свалились с неба с готовым языком. Они развивались в каком-то языковом поле, которое ныне представляют в единственном числе. Другой пример: венгерский язык в Центральной Европе имеет свои корни в угорских языках Западной Сибири. В далеком прошлом мы можем найти более крупные языковые группы, которые в конечном итоге приведут нас к родству языков на уровне бореальной (северной) или австрической (южной) популяций. А языки этих популяций имели исход из околосредиземноморской языковой общности. Если связать это положение с нашей темой, то в Околосредиземноморье (Ближний Восток) следует искать языковые корни народов, которые десятки тысяч лет шли по побережью Индийского океана на Дальний Восток и далее в Америку. И не без основания лингвисты создали в противовес ностратическим языкам сино-тибетскую мегасемью. Ныне она расширена включением алародийских, в том числе и енисейских (кетских) языков, до сино-кавказской (Милитарёв А., 1985).

В течение длительного времени (десятки тысяч лет) народы и их языки прошли сложный путь развития. Типологическое сходство их, основанное на родственности, могло исчезнуть или бесспорно не распознаваться, либо языки неродственные могли приобрести черты типологического сходства. Так, типологическая группа агглютинативных языков мира состоит из явно не родственных языков (по современным представлениям), например языков народов Южной Африки и языков народов Сибири. Ныне английский язык развивается в сторону агглютинации, сближаясь в этом отношении, например, с тюркскими.

Исходя из нашего представления о формировании изначальных мегапопуляций (бореальная, или северная, австрическая, или южная), мы не можем согласиться с объединением «алтайской» и уральской семей в генетически единую макросемью и с определением возраста этой мегасемьи в несколько тысяч лет (Рясянен М., 1968. – см. Иванов А.И., 1972). По нашему мнению, никогда эти языки не соседствовали друг с другом. Их взаимное знакомство произошло не ранее 2–2,5 тыс. лет назад, тогда как существование их оценивается в десятки тысяч лет. Если и говорить об их родстве, то только на уровне околосредиземноморской общности.

Переднеазиатские элементы в тюркских языках

Если исходить из того, что изначально предки тюрков жили в Около-средиземноморье, то возникает крамольная мысль – не поискать ли там языковые следы у народов, которые также были создателями околосредиземноморской общности или являлись выходцами из неё? Дело это весьма непростое, но попытаться можно.

Вай. Обращает на себя внимание глобальное распространение сходного с *аю* ‘медведь’ названия **вай/vaj* ‘живое существо’ (не человек). В «Сравнительном словаре всех языков и наречий...» (1787) собраны следующие сходные разноязычные лексемы:

- *вай* (березовские остяки, т.е. ханты) ‘зверь’ (*вай-хуль* ‘птица’);
- *вайссе* (лопари/саамы) ‘зверь’;
- *вайрени* (арм.) – ‘зверь’;
- *вай-сик* (по-шавакски в Сев. Америке) ‘собака’, *вай-скил ло-фо* ‘птица’;
- *вайшомес* (делавар.) ‘корова’.

Добавим, что чув. *вьльăх* ‘скотина’ образовано от **вай+лах*. В.Г. Егоров (1964), признавая, что это слово в современных тюркских языках стоит изолированно, считает возможным сопоставить его с чувашским диалектным *вай* ‘сила, мощь’ или даже свести к финскому заимствованию (манс. *вай*, хант., суоми *voima* ‘сила’). Но в хант. (васюг. диал.) *вѣх* ‘сила’. В современном хант. *voj* ‘зверь’, манс. *уй* ‘живое существо, зверь’ (ср. манс. *янгуй* ‘лось’, букв. ‘большой зверь’). К числу производных можно отнести *вайкы пара* ‘животных стадо’, *вайуьлта* ‘промышлять охотой на зверей’. Н.А. Баскаков (1988) приводит узбекскую диалектную форму *vajut* ‘медведь’. Он считал, что анлаутные (в начале слова) согласные *v ~ w* являются этимологически древними, исконно присутствовавшими на ранних стадиях консонатизма и вокализма. В частности, в чувашском и ныне пользуются равноправием дублетные топонимы Урум ~ Вурум, Атмал ~ Ветмел и др. Позднее в результате ослабления губных согласных в анлауте и ауслауте (на исходе слова) тюркский термин приобрёл усечённую форму *aju/аю*.

Рассматриваемое слово **вай* ‘зверь’ встречается только в языках наиболее древних – угорских, тюркских и индейских. Это позволяет считать его ранним достоянием человечества разумного. Из Восточного Околосредиземноморья с первыми волнами миграции оно распространилось в Восточную Европу, а по берегу Индийского и Тихого океанов – в Восточную Азию и Америку.

Дингир. Давно уже интригует шумер. *дингир* ‘бог, божество’, которое фонетически и по смыслу похоже на тюркское *тенгри* и другие фонетические варианты, в том числе и гун. *чен-ли*, прочтённое по китайской записи. Правда, некоторые авторы воспринимают эту пару лексем как случайное совпадение (История Древнего Востока, 1983). Однако соседствующая в Северной Африке берберская лексема *тенери* ‘песчаная равнина’ подкрепляет идею переднеазиатского происхождения этих терминов. Шумер. *дингир* является, очевидно, сложным словом¹. Второй компонент (*гир*) в шумерском слове полисемантический, но присутствие его в сложных словах *rim-gir* ‘молния’, *gir-nun* ‘святыня, святилище’, *mus-gir* ‘порода змей’ позволяет предполагать, что одно из значений его связано с культовой терминологией. Значение первого компонента (*дин*) нам не известно. Ясно только, что в шумерском изначально понятия ‘бог, божество’ (*дингир*) не контаминировалось со значением ‘небо’ (*ан*), как это имеет место в тюркско-монгольских. В последних *тенгри* ‘божество’ является более поздним значением, которое отпочковалось от понятия равнина, гладь (небесная, водная), отсюда небо → (верхнее ~ верховное) божество. Н.Я. Марр (1927, с. 35) считал, что архетипом этого слова было *tängi и первоначально обозначало небо, которое (небо) неизбежно стало божеством. При дальнейшем развитии понятия *тенгри* ‘небо’ произошло своеобразное его расслоение, оно стало обозначать различные объекты: верхнее небо (небосвод) – нижнее небо (земля) – преисподнее небо (море). Эти представления Н.Я. Марра подтверждаются использованием термина для обозначения небосвода и верховного божества (тюрко-монгольские представления), морской глади (тюрк. *тенгиз* ‘море, крупное озеро’ при условии перехода г в z, чув. *täñig* ‘море’, охотский диалект эвенского *тунгээр* ‘озеро’, нивх. *т’анги* ‘водное пространство вдали от берега’, равнинной поверхности земли (берб. *тенере* ‘песчаная равнина’, монгольский топоним Тенгэри – песчаная равнина в Китае, нган. *d’añur* ‘тундра’).

Хёвел. В чув. *хёвел* ‘солнце’ не имеет соответствий во всех других тюркских языках, но хорошо согласуется с шумер. *gibil*, греч. *helios*, кимр. *heul* ‘солнце’ [Андреев Н.А. (Урхи), 1975]. Случайно ли это совпадение или же действительно предки тюрков в глубокой древности, перед уходом на восток, контактировали с предками шумеров (версия представляется маловероятной)? Решить этот вопрос очень трудно.

Привлекательны многочисленные соответствия (60) шумерского и тюркского, приведённые О. Сулейменовым (1975). Среди этих слов мо-

¹ По-видимому, впервые эту мысль высказал Н.Я. Марр (1927, с. 35).

гут быть лепетные *ада* ‘отец’, *ама* ‘мать’. Некоторые односложные, возможно, отражают случайное совпадение (*еш* ‘дом’, *аб* ‘дверь’, *ту* ‘родить’, *ши* ‘жизнь’, *шаб* ‘середина’, *шу* ‘рука’ и пр.). И вряд ли прав О. Сулейменов, сопоставляя шумер. *шуба* ~ *сипа* и тюрк. *шупан* ~ *чубан* ~ *чобан* ~ *чабан* ‘пастух’. Это слово является давним иранским заимствованием в тюркских. Иранская исходная форма этого слова *fšu-papa*: авест. *fšu* ‘овца’ и *орана* из корня *рā(у)* ‘охранять’; кл.-перс. *šubān* ‘пастух’. Заслуживает внимания сопоставление шумер. *тибира* ‘медник’ и тюрк. *тебир* ~ *темир* и др. ‘железо’; шумер. *гаш* ‘птица’ и тюрк. *куш* ‘птица’, *гаш* ~ *гас* ‘гусь’; шумер. *giš* ‘мужчина’ и тюрк. *кижи* ‘человек’. Конечно, трудно ожидать, чтобы языки, давно вымерший шумерский и современные тюркские, сохранили множество лексических параллелей: их разделяют тысячелетия. Но если в списке О. Сулейменова хотя бы 5% приведённых слов действительно будут как-то связаны с обоими языками, то это было бы знаменательно.

Арарат. Известно немало попыток доказать пребывание тюркоязычного этноса в Закавказье в глубокой древности (Сулейменов О., 1975; др.). Сделана такая попытка и на топонимическом материале. Ю.Б. Юсифов (1986) обратил внимание на оронимах Арарат и Алатей, локализуемые на территории Южного Азербайджана, в клинописных документах III–I тысячелетия до н.э. Ссылаясь на шумеро-аккадский словарь, в котором отмечено слово *арата/арату* ‘гора’, автор провёл соответствующую параллель с тюркскими оронимами Азии: Алатау, Алатоо, Алатуу, Алатава, Алтай. Исходя из этого сопоставления, Ю.Б. Юсуфов увидел в оронимах Арарат и Алатей наиболее древнюю фонетическую форму поздних оронимов Азии. Догадка привлекательна, но в тюркских топонимах Азии вычлениются два компонента: *ала* ‘пёстрый’ и *таг* (*тау*, *туу*, *тоо*) ‘гора’. Для убедительности таких сопоставлений необходимо вычленить и объяснить их в ближневосточных терминах *арата/арату*. Иначе сопоставление *арата/арату* и *таг/тау/тоо/туу* ‘гора’ представляется малоубедительным. То же можно сказать и о втором предположительно праазербайджанском топониме – имени крепости Ушкайя, в котором Ю.Б. Юсуфов увидел азерб. *учгайя* ‘три скалы’.

Итиль. На тюркской территории нередки гидронимы типа тюркского названия Волги: Итиль, Атал, Этел, Идел, Изел, Исель. Кто принёс это название и дал его великой русской реке – неизвестно. Вот хазары называли столицу своего ханства по имени реки, на которой она (столица) была основана. В Сибири на р. Туба, правом притоке Енисея в Минусинской котловине, у с. Тесь на каменной стеле имеется руниче-

ская надпись со строкой «Вечный балбал к земле моей Идиль» (перевод Малова С.Е., 1952). Судя по обращению «к земле моей Идиль», топоним образован из географического термина *итиль*. Смысловое значение термина раскрывается из тюркских языков зет-группы: 'зелёный (не цвет!), незрелый, молодая зелень'; караим. *йэсил, усил, йэшил* 'зелёный, незрелый (о плодах)', *йэтил-* 'доходить, созревать'. Ф. Полунин (1777, с. 58) писал о Волге: «Идель, Ададь, Эдель, что значит изобилие, привольство и щедрость, которое весьма ей прилично; ибо едва ли есть другая река, коя бы множеством разных рыб и к житию способных в пажитях и пашнях место сравниться с ней могла». Удивительное соответствие обнаружено в ливийских языках Северной Африки: *-dal/ли/ 'зелёный' (мзаб a-dali, сенед i-del, тауллеммет i-dali-n 'зелёный'). В ливийском туарегском языке аххагар edlu 'быть зелёным, буйно разрастаться' (Милитарёв А.Ю., 1987). Судя по контексту, все эти термины относятся к землям, богатым зелёным травостоем, водопоями, чем они и привлекали скотоводов.

Чередование -t/-d- ~ -z/-s-/-š- вполне закономерно для хуннской эпохи (Баскаков Н.А., 1969), но в последующее время разрушается, и в современных языках сохраняется лишь второй вариант: орх.-енис. *йашыл*, алт. *йажыл*, кирг. *жашыл*, каз., ккалп. *жасыл*, узб. *яшил*, уйг. *йешил*, тур. *яшыл* 'зелёный'. Вспомним реку в Турции – Ишил-Ирмак 'зелёная река', бывшее название Ишима – Исель, башкирское название Белой – Ак-Изель, Волги – Изель.

Переднеазиатские элементы в языках тюрков не ограничиваются приведённым примером с *итиль*. Эту тему продолжает следующий этюд.

Образ *Ламасту* ~ *Ламашту* связан с первобытными или архаичными демонами и сохранился до наших дней под именем Алмасты (Албасты) у многих народов мира, в основном у иранских и тюркских. Представления об этом древнейшем хтоническом божестве Передней Азии пережили тысячелетия потому, что они составной частью и прочно вошли в мифологию тюрков и иранцев, которые, в свою очередь, одарили им другие народы. Не ясно, возник ли образ Ламашту у земледельческих народов Месопотамии (Ассирия, Вавилон) в первую половину I тысячелетия до н.э. или же перешёл к ним от более ранних насельников. По крайней мере, шумерские материалы об этом напрямую не свидетельствуют хотя, возможно, Ламашту соответствовала шумерской Димме (Мифология, 1998, с. 310). Ламашту имела некоторые признаки богини плодородия, сближаясь в этом с богиней Иштар. Обе они именовались «блудницы, дочь Ану» (Антонова Е.В., 1990).

Образ Ламашту, дочери бога Ану, одного из центральных божеств, бога неба в шумерско-аккадской мифологии, широко распространился в мире, передаваясь от одного народа к другому, но в какой последовательности – не ясно. В аккадских документах упоминаются два разных божества: Lamassu – доброе божество, дух-защитник (см. Оппель-Хейм Л., 1990, с. 158), и Lamaštu – демон болезни в женском обличе. Первое божество, возможно, имеет шумерское происхождение: шумер. lamta ‘божество-хранитель’ (Delizsch F., 1914). Смещение этих божеств (Ламассу и Ламашту) началось в позднеассирийское время (Климов Г.А., Эдельман Д.И., 1979). Победил негативный образ.

По представлениям тюрков и иранцев, Ламашту – это страшная уродливая женщина с головой львицы или птицы, с когтистыми пальцами, распущенными волосами и свисающими грудями. Она насылала родильную горячку, губила новорожденных и даже вырывала у рожениц внутренние органы. Воплощались албасты в крупных хищников, а также в кошек и собак.

Л.Р. Кызласов (1986, с. 212–213) нашёл сибирское воплощение Ламашту на памятниках тазминской культуры Хакасии (поздний неолит и переход к энеолиту). Л.Р. Кызласов пишет: *«Образ этого свирепого божества-демона наиболее соответствует ...тазминским его изображениям. В них отчётливо проявляются то рвущая плоть пасть, то пасть волчицы сочетается при этом с птичьими ногами и когтистыми пальцами». И далее: «Это существо якобы и сейчас наносит вред не только беременным женщинам и новорожденным детям, но и самкам животных и их приплоду».* Для предупреждения такого рода вреда у бурят, тюрков и узбеков был следующий старинный и странный обряд для охраны новорожденного ребёнка. С пойманного на охоте волка шкуру сдирают так, чтобы снялась часть шкуры у морды зверя. Шкуру высушивают и сохраняют. Через эту волчью пасть протискивают новорожденного, как только он появляется на свет.

Бытование этого обряда у бурят указывает на то, что он был знаком и насельникам Центральной Азии. Монголам это чудовище также известно, о чём свидетельствуют п.-монг. *almes ~ almas* (позже *аламас*) ‘дьяволица, ведьма’.

Всем тюркским языкам известен термин дьявольского персонажа: чагат. *albasti*, узб. *albasti, alvasti*, туркм., уйг., каз. тат. *albasty*, балк., карач. *almasty*, ног., кумык. *albasly*, кирг. *albarsty*, чув. *alBast(a)*. В чуваш-

¹ Некоторые археологи эти памятники считают окуневскими эпохи ранней бронзы (Вадсцкая Э.Б., 1986).

ском словаре Ашмарина (Ахметьянов Р.Г., 1971) зафиксированы слова *алпаста*, *алпас* ‘домовой’, как предполагается, заимствованные из татарского: *алын басты* ‘великан задавил’. В лобнорском диалекте имеется фонетически близкое слово *albaskan* ‘леший’ (Климов Г.А., Эдельман Д.И., 1979). Известен этот персонаж алтайцам (*албыс*, *алмыс* – маленькие, обросшие шерстью злые духи-бесы с острыми когтями, выпивающие кровь людей; Маадай-Кара, 1979, с. 170); тувинцам (*албыс* ‘степная дева’, ‘ведьма’). В.Л. Серошевский (1896) у якутов не отметил этот персонаж. Однако Н.А. Алексеев (1966) сообщил, что у якутов *абаасы* – общее наименование многочисленных злых духов. У хорезмийских узбеков *албасты* – это категория джинов, которые стремятся вредить роженице. Если в отсутствие роженицы *албасты* удавалось занять её постель, то при рождении ребёнка она первой давала грудь новорожденному, и тот либо вскоре умирал либо делался невменяемым (Потапов Л.П., 1973, с. 278).

Очевидно, тюркским заимствованием является в удм. *alvasta*, мар. *albasta*. Тюркским (якутским?) заимствованием в эвенкийском является *абасы* ‘враг, чёрт’.

В иранском мире этот персонаж также был широко распространён: тадж. *almasti*, *albasti*, *alvasti*, шугн., вахан., ишкашим., рушан., хуфск. *almasti*, сарыкольск. *albasti*, мундж. *almasteyika*, ягноб. *olbaste*. В языке ховар (дардская группа) известно слово *halmasti*.

Кавказские горцы также знают этот персонаж, который также выступает у них в качестве злой силы: абаз. *алмасты*, адыг. *къуылбасты*, кабард. *алмэсты*, *алмэстын*, чеч. *албасты*, *алмасы*, *алмаз* ‘колдунья, женский дух’, авар. *албастли* ‘сказочное страшное существо в образе женщины’, рут. *албасди*, *алмасти* ‘баба-яга, колдунья’, лезг., лак. *алмас*, агул. *албасти*. Это тоже тюркские заимствования.

У армян это *алы* – злые духи, вредящие роженицам и новорожденным. Имеют антропоморфный облик; мохнаты, с огненными глазами, медными когтями и железными зубами. Бывают мужского и женского пола (Мифология, 1998, с. 34).

Очевидно, немецкая *альп-фрау* не входит в этот круг; имя её связано с Альпами.

Кеты создали свой персонаж – Кэлбесам ~ Кэлмесэм ~ Калбесэм – злое женское существо, некогда жившее среди людей (Алексеев Е.А., 1976, с. 72, примеч.), или, по другому определению, лесная баба или обитающее в лесу сверхъестественное существо, вредящее людям, уводящее детей (Мифология, 1998). Г.А. Климов и Д.И. Эдельман (1979) включили этот кетский персонаж в круг вышеперечисленных типажей

мифов об Альбасты. Однако В.Н. Топоров (1970, 1981) в имени героини кетских сказок увидел адаптированное кетами имя иранского (авестийского) божества Ахура Мазда. По его мнению, при заимствовании произошли фонетические изменения: $x > k(q)$, $r > l$, а *sm* оформляет имена (особенно мифологические) женского пола. В сказках положительные признаки закреплены за Усесом, верховным божеством кетов, а признаки негативные – за Кэлмесэм. Эта трансформация была обусловлена заимствованием мифонима из иранского через тюркские языки с преломлением иранских сюжетов через кетскую действительность. Этим же объясняется и смена пола персонажей (мужского – женского). Нам представляется, что введение кетского персонажа Калмэсэм в группу типажей Ламашту... Аламас оправдано фонетическими перестройкам этого имени. Ахура Мазда – более позднее произведение иранской среды, нежели переднеазиатский персонаж Ламашту.

Происхождение рассматриваемых имён и их семантика не ясны. Некоторые авторы связывают его с тюркским миром. Другие считают, что *албасты* – это иранский персонаж, и имя его образовано от ир. *al* с неясным значением и *басты* ‘надавил’. Согласно третьей версии, в основе слова *al* лежит древнее названия божества, родственное семит. *илу*, а *басты* – индоевропейский термин, означающий ‘дух’, ‘божество’. Возможно, сюда включается русск. *бес* (Мифология, 1998, с. 29). Широкое распространение имени *албасты* и др. в языках различных семей свидетельствует о популярности персонажа и энергичном расселении его в Северной Азии. Происхождение мифонима не ясно. Начальное *л* в ассирийских именах Ламассу и Ламашту исключает их связь с тюркскими языками. Более того, в тюркской среде значение корня *бас/bas* ‘давить’¹ вызвало некоторый семантический сдвиг в терминологии: хтоническое существо Ламашту приобрело качество домового *алмасты*. Тюрки сердечную недостаточность во сне стали объяснять, что их кто-то давит². Душение во время сна, приписываемое албасты, нашло отражение, например, в поверьях хорезмийцев: «*по ночам меня душит албасты. Приходит она обычно под утро. Один раз я никак не мог сбросить одеяло – она его держала*» (Снесарев Г.П., 1969, с. 32). Киргизы также воспринимают *албарсты* как демоническое существо в образе женщины, якобы вредящее роженице и сжимающее горло спящего (Киргизско-русский словарь, 1965, с. 47). Попытка вывести это слово из тюркского со значением «давить» – это не более как народная этимология, основанная на

¹ Конкурировать, хотя бы с формальной стороны, может герм. *alr* ‘кошмар, удушье’.

² В русской среде это состояние связывают с домовым.

адаптации незнакомого слова. Обращает на себя внимание отсутствие, насколько нам известно, представлений об этих чудовищах в языках и мифах западных иранцев. Известен этот персонаж только таджикам и памирцам. Первые являются потомками восточных иранцев (авестийского типа), вторые – сибирских скифов (саков). Но и в древнеиранских текстах рассматриваемые имена мифических персонажей не встречены. Можно предполагать, что они (имена) проникли в иранскую среду в среднеиранское время (первые века до новой эры и до позднего средневековья). Финские племена (предки удмуртов и марийцев), учитывая сильнейшее на них влияние иранцев, могли заимствовать персонаж от них, хотя не исключено и тюркское заимствование. А вот тунгусы (о следах мифа об *албасты* в тунгусской среде мне удалось узнать только из работы Ахметьянова Р.Г., 1971) этот миф позаимствовали у тюрков.

Думается, что сближение кетской Калбасэм с ирано-тюркской *алмасты* вполне убедительно, хотя функционально эти отрицательные типажи не очень схожи. Если это так, то не исключается передача переднеазиатской Ламашту тюркам через енисейцев (или наоборот?).

Анализ материалов по Ламашту/албасты не позволяет сделать однозначное заключение. Не ясно, является ли *алмасты* дальнейшим развитием переднеазиатского Ламашту или же это случайное совпадение в именовании функционально сходных, но самостоятельных по происхождению мифологических персонажей. Хотелось бы верить в противоположное. Их сближает негативное отношение к роженице. Душение во сне, по видимому, является более поздним «изобретением» суевых людей (тюрк. *бас* ‘давить’). Не ясен вопрос о времени и месте возможного заимствования тюрками и иранцами представлений о Ламашту. Если считать Ламашту порождением ассирийско-вавилонской среды (начало I тысячелетия до н.э.), то вполне допустимо заимствование их (представлений о Ламашту) иранцами в Передней Азии. Однако миграция мифа о Ламашту в Центральную Азию могла осуществиться лишь в результате ухода туда какой-то части переднеазиатского населения. Могли ли быть таковыми арийцы? В принципе, очень тесное языковое и хозяйственное влияние арийцев (уже – иранцев) на ранних тюрков не вызывает сомнения. Но, как будто, путь арийцев на восток, в Центральную Азию и, тем более, в Маньчжурию из Передней Азии не прослеживается. Иранцы шли туда через Среднюю Азию, а пришедшие на Иранское плоскогорье арийцы так и остались там. Нам представляется более достоверной версия о переднеазиатском происхождении типажа Ламашту/албасты.

Сын, ребёнок. Удивительно сходение понятия ‘сын, ребёнок’ в языках разных семей, пространственно разбросанных на всём пути мигрантов от Средиземного моря до Амура.

Афро-азиатские

ogol- кушит. (афар) 'родить'

*g^wAl чад. (котоко) 'ребёнок, сын'

Палеоазиатские (нивхский)

бла<оqlа (амур. диал.) 'ребёнок'

ог'з'лан (вост.-сах. диал.)

'ребёнок'

Тюркские

oγul туркм., тур., аз. 'сын'

o:l (ool) тув., тоф., хак., шор. 'сын'

ул (уул) алт., кирг. 'сын'

oγла 'юноша', oγлан 'сын',

'мальчик', др.-тюрк. 'ребёнок'

Суй/шуй 'вода'. Переднеазиатское происхождение термина ранее не обосновывалось, хотя сопоставления такого рода представляются вполне вероятными.

В кушитских языках известны следующие обозначения дождя:

– билин – suwa, zuwaa;

– квара, дембеа – suwaa;

– хамир – zoowaa;

– хамта – suwa, zoowaa.

Это сопоставление можно считать некорректным, так как в кушитских имеются особые слова для понятия 'вода': *^ckkw, *mAw, *jamA, *wAt[i], *wAt-Ap и др. Из других возможных соответствий можно привести следующие:

– хур. seja, siwe, sije 'вода';

– урарту šue (читается tsowe) 'вода';

– хат. zzu 'пить', zzu-el 'питьё';

– хет. *суван* 'лить';

– тибет. чу 'река'; тибетское название р. Меконг – Дзи-чу;

– вьетн. *шуой* 'ручей';

– др.-кит. siwei/swi;

– кит. *шуй* 'река' в гидронимах Ханьшуй, Язышуй, Лайшуй, Ляншуй,

Сюшуй и др. в Юго-Восточном Китае;

– кор. су 'вода', 'ручей, речка' в гидронимах Хапсу, Ёсу, Самсу;

– др.-тюрк. sub, suγ, suw 'вода';

– совр. тюрк. су, суб, сув, шуб 'вода';

– караим. и гутарский говор тофаларского языка суй 'вода';

– чув. шу, совр. литер. шыв 'вода'.

Если допустить родство сопоставляемых терминов, то прослеживается путь от Абиссинии и Малой Азии через Вьетнам и Китай до Дальнего Востока и далее по более северной трассе через тюркский мир Алтае-

Саян, Казахстан, Южную Сибирь и Южный Урал до Волги, на Кавказ и в Малую Азию, затем в Крым и Молдавию с ответвлением на Литву.

Особый интерес представляют гидронимы с апеллятивами чувашского (*шыв, шу*) и китайского (*шуй*) типов.

В чувашской топонимии термин *шу* 'вода, речка' используется редко, так как на территории сохранились дочувашские (мордовские, венгерские, мерянские) названия рек. Термин *шу* используется лишь в названиях малых объектов: овраги Серлешу, Слежу, Шуржу и др. (Нестеров В.А., 1980). Но в Южной Сибири нередки гидронимы с термином *шуй*. В Туве р. Кара-Оюк, левый приток р. Барлык, прежде носила название Шуй, а ещё ранее – Бол. Чуй. Река Хемчик справа принимает р. Пиче-Шуй 'малый шуй, Малая речка', а Мал. Енисей – р. Шуй ('*река'). Река Улуг-Шуй ('*Бол. река') имеется в Байтайгинском районе. Современное название тувинской реки Сои на карте Клапрота называется Чуй (Потанин Г.Н., 1883, вып. 3, с. 131). Река Чу (Казахстан) ранее называлась Шу: в XI в. в языке казахских (кыпчакских) племён (южные районы Казахстана) употреблялось в начале слова *ш*, а не *ч*. Чоканьё – это результат влияния киргизского языка. Один из северных истоков Селенги в Монголии носил название Букэшуй (очевидно, это нынешняя р. Буксуй), другой приток Селенги носил название Хашуй (Потанин Г.Н., 1883, вып. 3).

Рек с названиями, включающими формант *чуй*, немало в Евразии. Очевидно, не все они одноязычны. Помимо *чуй* 'вода' в тибетском известен географический термин *чуй* в этом же значении и в иранских языках (тадж. *чуй* 'ручей', талыш. *чу* 'река'), а также в тюркских (семейство терминов *су, шу, чу*). В языке самодийскоязычных камасинцев Восточного Саяна также бытовал географический термин *чу* 'река' (тюркское заимствование?).

Гидронимов, образованных с использованием термина *чу*, в Азии немало, но не всегда удаётся разграничить их по языковой принадлежности. Довольно компактны такие гидронимы в Туве и в системе р. Лена.

В Туве это Чуй (ныне Шуй), левый приток р. Барлык; Чуй – левый приток р. Хакем (Кахем); Чуй (ныне Сои) – левый приток р. Бурень; на соседнем Алтае: Чу(я) – приток Катуня на Алтае, Чуйка (русифицированная форма) – приток р. Лебедь в Прителецком районе. В.В. Радлов в 1860 г. записал название небольшой речки – Чабыргы-чу – на подходе к Чуйской котловине (Костров Н.Н., б/г.). Длительное пребывание ираноязычных племен в западной части Тувы общеизвестно, поэтому не исключено и иранское происхождение перечисленных гидронимов.

В системе р. Лены известны реки:

- Чичуя (ныне Чичуй) – приток р. Лены (в верховьях);
- Чуя – правый приток Лены, немного выше устья Витима;
- Чуя – правый приток Алдана в 35 км от его устья.

В р. Верхняя Ангара впадает Янчуй (уйг. ‘большая речка’).

Единичны гидронимы и в других районах Северной Евразии. В Таргастане правый приток р. Шешма называется Кичуй. В первые века до новой эры Амударья была известна как Гуйшуй. Чуйка является правым притоком р. Улу-юл в системе р. Чулым (Западно-Сибирская равнина). Примерно в 200 км к юго-юго-западу от Анкары (Турция) имеется оз. Чавушчу.

Возможно, гидронимические термины – *су*, *чу*, *шуй(й)* – связаны между собой: они употреблялись в разное время и в разноязычной среде употреблении. Но оставлять без объяснения эти соответствия и трансформации нельзя.

Поиском соответствий *суз/шуй/шив/чу* в японском языке мы не занимались. Но в багаже топонимиста сохранилась информация об одной из многих семантик названия морского течения Куро-си(в)о (Куро-шио): *куро* ‘тёмный’, ‘бездна’ и *си(в)о/шио* ‘морское течение, струя’. В момском диалекте якутского языка имеется слово *курэ* ‘глубокий, бездонный’ (Диалектологический словарь..., 1976).

И, наконец, информация из Нового света. На р. Игуасу (левый приток р. Парана, Южная Америка) имеется всемирно известный водопад, который носит такое же название. С языка местных индейцев название переводится как ‘большая вода’. Такой же перевод можно получить и с похожего тюркского словосочетания уйгурского типа: Янги-су ‘большая вода’, но в реальной топонимии он не известен. На языках кыпчакского типа ‘большая вода’ – *улу(э)-су*; в топонимии пример также не встречен.

Тюрко-индейские языковые схождения. Об этих ранних временах свидетельствуют, на первый взгляд, странные схождения тюркских слов со словами американских индейцев.

Удивительны схождения в некоторых терминах календаря народа майя (Центральная Америка) с тюркской лексикой. Год майя начинался 16 июля. Шестой месяц назывался *шуйль* ‘конец’, а следующий – *йашк’ин* ‘новое солнце’. Он соответствует периоду зимнего солнцестояния. Очевидно, год начинался в конце ноября с месяца *йашк’ин*. В тюркских языках: алт. *яш*, ног. *яс*, ккалп. *жас*, караим. *йаш* ‘молодой’ и тув. и ккалп. *хун*, алт., караим. *кун*, ног. *куьн*, ‘солнце’. На этом удивительные совпадения не заканчиваются. Второй день месяца, в котором было всего

20 дней, назывался *ик'*, что совпадает с алт. ног., кирг. *эки*, тув. *ийи*, ног., ккалп. *еки* '2'.

Интересные схождения между языком майя и тюркскими обнаружил А.Г. Каримуллин (1976). Как писал исследователь, поражает явное фонетическое и смысловое сходство, даже тождество многих слов языка майя с тюркскими. Из 300 расшифрованных слов около 50 можно понять на основе лексики современных и древних тюркских языков. Ниже приведены некоторые примеры подобных схождений.

Майя	Тюрки
<i>иаиш</i> 'зелёный', 'новый'	<i>яиш</i> 'молодой'
<i>ош</i> '3'	<i>ӧч</i> '3'
<i>ах-че</i> 'охотник'	<i>аучи</i> 'охотник'
<i>ими яшче</i> 'зелёное дерево'	<i>яшел икимеш</i> 'зелёный плод'
<i>аак</i> 'светлый'	<i>ак</i> 'белый'
Сиу	
<i>ате</i> 'отец'	<i>ата</i> 'отец'
<i>ипа</i> 'мать'	<i>инэ, ана, эни</i> 'мать'
<i>теме</i> 'грудь, сосок'	<i>ими, мэми</i> 'грудь, сосок'

Отто Рериг исследовал языки индейцев сиу, которые жили на обширных пространствах великих степей в бассейне Миссури, по Великим степям от Миссури до Скалистых гор. О. Рериг связывал тюркские слова *хан*, *каган*, *ага* со словами сиу *wakan*, *wakang* 'великий, высший' (звук *w* обычно выпадает). Индейская топонимия Калифорнии раскрывается из тюркских языков, имея параллели в географических терминах:

– *Bataquitos* от инд. *bateketoš* 'болотистая местность' – тюрк. *батынкты тӧш*;

– *Сарау* 'деревня, город' – тюрк. *капу*;

– *Jolon* (индейс. *holon*) 'долина, луг' – тюрк. *ялан, болын*;

– *аһа* 'вода' – тюрк. 'су, һу', *ак* 'течь (глагол)'

По вопросу об отношении языка майя и других индейцев Америки к «алтайским» имеются неоднозначные мнения. Швед Стиг Викандер признавал родственность этих языков, по крайней мере, языка майя, указы-

вая, что язык майя произошёл из алтайской семьи, а язык кечуа произошёл конкретно от тюркского языка. К.И. Петров (1973), наоборот, решительно высказался против признания такого родства: «Автор является противником использования одиночных корней на данной стадии публикации, например, таких сопоставлений, как *йаш, йашил* ‘зелень, трава, зелёный, молодой, новый’ (огузские турки. – А.М.) [*и*] *йаш, йаш к’ук’, йаш кол* ‘зелёный, голубой, новый, тёмно-зелёный’, ‘поле’ (майя); *саһа, сагаа* ‘снег, белый’ (бурят.) и *саха, сак* ‘белый’ (майя)».

Оригинальную идею высказал Л.Н. Гумилёв (1976) в отзыве на статью А.Г. Каримуллина (1976). По его мнению, материалы, изложенные А.Г. Каримуллиным, это результат соприкосновения дакотов с хуннами во II тысячелетии до н.э. Предки дакотов, а не хунны пересекли Берингов пролив и передали предкам тюрков элементы своего языка. В дальнейшем эта связь прервалась, так как берега Берингова пролива захватили мигрировавшие с юга эскимосы. Нелегко объяснить столь немалое число лексических соответствий двух разных языков (язык тюрков агглютинативный, язык индейцев полисинтетический). Поэтому мы понимаем сложность положения Льва Николаевича: трудно доказать что-то, ссылаясь на недоказанное событие. Для нас статья А.Г. Каримуллина находка. С позиций нашей парадигмы она нашла бы такое объяснение: дакота и предки тюрков жили когда-то по соседству в Восточной Азии, обмениваясь лексическим материалом. Но предки дакота пошли дальше на север и проникли в Америку, а их соседи, которые потом стали называться тюрками, не рискнули пуститься с ними в неизведанные края и остались обживать не менее благодатные места в Азии. Однако сколько бы не была привлекательной эта идея, автор всё же присоединяется к осторожному мнению К.И. Петрова (1973): надо остерегаться случайных совпадений, особенно предлагая нестандартные объяснения. По данным В.П. Алексеева (1989, с. 431), который ссылается на М. Свадеша, предки надене (языки хайда, тлингит, эяк, атапаскские/атабаскские) переселились из Азии в Америку в IV–II тысячелетии до н.э. Если было бы это доказано и признано, то, исходя из бывшего контакта предков индейцев с предками тюрков, можно было бы увести возникновение тюркского языка более чем на 4–6 тыс. лет назад.

Алтайская языковая семья

У меня нет сомнений в том, что когда-то существовало языковое единство предков нынешних японцев, корейцев, тунгусо-маньчжур,

монголов, тюрков. Возможно, из этой языковой среды вышли и другие народы/племена, которые исчезли по каким-то причинам и не оставили следов в языковой сфере. Однако мне представляется неудачным название семьи, так как оно невольно ассоциируется с Алтайской горной системой, о которой никто из этого языкового единства в далёком прошлом и представления не имел. Это не только терминологический казус. Этим названием языковая семья явно омолаживается, так как исторически известно пребывание на Алтае одного из представителей семьи – тюрков – только в V в. н.э.¹ В действительности же носители «алтайского» языка в период его функционирования компактно жили в Маньчжурии недалеко от Корейского полуострова.

О давнем родстве монгольского и тюркского языков можно говорить вполне определённо, хотя и у этой версии есть противники. Из этих двух языков к тунгусо-маньчжурским наиболее близок монгольский. С другой стороны, исследования японских лингвистов отметили влияние языков нижнеамурских тунгусов (нанайцев, ульчей, ороков, орочей) на древнеяпонский (Смоляк А.В., 1987, с. 73).

Этнографы выявили немало сходжений в деревянном зодчестве, одежде, орнаменте, орудиях производства амурских племён и тюрков, монголов. Несомненно, взаимные контакты амурских племён с тюрками (и монголами) были длительными и многократными. Возможно, некоторые являются реликтами «алтайской» общности, другие отражают более поздние взаимовлияния. Наиболее поздние связаны с существованием тюркских колоний на Нижнем Амуре, недалеко от Хабаровска, в VIII–X вв. (Медведев В.Е., 1979).

Наиболее вероятна локализация «алтайцев» в Маньчжурии, возможно, это Бол. Хинган. Это было в то время, когда «алтайцы» были охотниками и рыболовами, собирателями. Распад языковой общности начался в связи с производственной специализацией, которая вызвала, в свою очередь, центробежную миграцию или, вернее, локализацию основной части населения. Ранние земледельцы закрепились на низменности долины р. Ляохэ, откуда мигрировали в сторону Корейского полуострова. Это были предки японцев и корейцев. Спустившись с гор в степи, бывшие охотники и рыболовы прилежно осваивали у древних иранцев навыки скотоводства и очень преуспели в этом. Именно в среде скотоводов возник хозяйственный тип степного кочевничества, который был наиболее приспособлен к природным условиям степей.

¹ Не говоря уже о невольном сопоставлении этой семьи с коренным населением Республики Алтай.

Обсуждение

Место и время. По нашему мнению, «алтайская» языковая семья зародилась на базе мигрантов, которые шли из восточного Околосредиземноморья по побережью Индийского, затем Тихого океана и где-то севернее р. Хуанхэ удалились вглубь материка. И произошло это, по видимому, в конце плейстоцена – начале голоцена (поздний палеолит – мезолит, т.е. 12–9 тыс. лет назад).

В верхнем палеолите и мезолите Восточная Сибирь была ареной развития человечества в направлении его дальнейшей дифференциации. Между Леной и Енисеем пролегла граница между мальтийско-афонтовской группой культур, сформировавшихся на основе северной (бореальной) популяции, и дюктайской группой культур, сформировавшихся на основе южной (аустрической) популяции. К дюктайской группе относятся и палеолитические культуры Америки, многие культуры Японии (Мочанов Ю.А., 1977).

В неолите Забайкалья Г.Ф. Дебец (см.: Чернецов В.Н., 1973) выделил даурский комплекс орудий, в котором сочетались две взаимоисключающие формы обработки кремня: 1) орудия из ножевидных пластин, слабо подработанные ретушью, 2) пластинчатые вкладыши и наконечники стрел, полностью обработанные тончайшей отжимной ретушью. Племена, оставившие такие орудия, проникают в верхнее течение Ангары, где их следы зафиксированы в виде памятников локальной китойской культуры (конец III – начало II тысячелетия до н.э.). По предположению В.Н. Чернецова (1973), *«не исключено, что древние создатели этих культур и были предками современных народов "алтайской" семьи»*. Возможность такого допущения В.Н. Чернецов видел в совпадении ареала этих культур и расселения тюрков, монголов и тунгусо-маньчжур. Китойцы, эти предполагаемые предки народов «алтайской» семьи, описаны М.М. Герасимовым (1955) по раскопкам в Иркутске (сад «Локомотив»). Массивная голова с низким сводом, покатым лбом, сильные надбровья и глабелла. Лицо массивное, тяжелое, уплощённое, с несильно выступающим широким и тупым носом, прохейличным (выступающим вперед) ртом и массивным подбородком (череп 4629; см. рис. 2). Лицо монголоидное, в нём в недифференцированной форме сочетаются признаки северных и юго-восточных монголоидов. Этот антропологический тип не имеет прямых аналогов в современных.

Нам представляется, что китойцы не были близкими предками «алтайских» племён.

Перестройка атмосферной циркуляции в связи с голоценовым потеплением и вызвавшая аридизацию климата застала этих первоткрывателей внутренней части Азии врасплох. Они вынуждены были приспособиться к изменившимся природным условиям усилением монголоидности, доведя её до гипертрофированного уровня. Это было время абсолютного господства присваивающего типа хозяйствования. Аридная зона не обеспечивала даже малочисленное в то время население терпимыми условиями существования. Начался отток населения в восточные районы, в горы Хинган, в долину Сунгари и на Амур.

Первая половина голоцена – это климатический оптимум для Восточной Азии. Оптимальное сочетание тепла и влаги было обеспечено общим потеплением климата, положением в средних широтах (40–50°), регулярным и достаточным увлажнением – весной циклонами, которые приходили из Атлантики, а в конце лета и осенью – муссонами Тихого океана. В условиях климатического оптимума годовая биомасса была значительной, что обеспечивало богатые травостой на открытых местах, а с ними обилие травоядных животных, основных объектов охоты древних людей. Обилие рек в системе Амура позволяло активно заниматься рыболовством. В общем, природные условия в первой половине голоцена были весьма благоприятными для проживания людей. Восточная Азия была своеобразной кузницей народов и языков. Она не может поспорить в этом отношении с Месопотамией, но её роль в этногенезе никак нельзя преуменьшать. Севернее р. Хуанхэ в сходных природных условиях и при сходном образе жизни и занятий формировалась популяция охотников и рыболовов, которую можно назвать протоалтайской. Правда, это название не является удачным, так как об Алтае описываемые племена тогда еще и представления не имели. Из недр этой популяции вышли монголы и тюрки, тунгусы и маньчжуры, японцы и корейцы. В её составе были неизвестные нам группы населения, позднее ассимилированные в языковом отношении китайцами, но сохранившие свой особый физический тип.

В качестве предков этих протоалтайцев можно признать чжалайнорцев, которые говорили на каком-то палеоазиатском языке (Крюков М.В. и др., 1978, с. 52).

Не ясно происхождение юкагиров, древнейшего населения Сибири, и принадлежность их к той или иной языковой семье. Наиболее признанной версией является некая близость их к уральской языковой семье и, следовательно, физическое родство с финно-уграми. Современный физический тип юкагиров, несомненно, не соответствует исходному. За многие тысячелетия блужданий по обширной территории Вос-

точной Сибири и Дальнего Востока, сопровождавшихся одновременными контактами с различными группами населения антропологический тип юкагиров изменился. Вряд ли с достоверностью его можно реконструировать. Отнесением к байкальскому (палеосибирскому) типу юкагиры обязаны, очевидно, эвенкам, активно и длительное время их ассимилировавшим. Байкальская малая монголоидная раса, к которой относят юкагиров, характеризуется следующими признаками (Рогинский Я.Я., Левин М.Г., 1978, с. 400): сравнительно мягкие волосы; светлая, по монголоидному масштабу, пигментация; исключительно слабое развитие третичного волосяного покрова; сильно выраженные монголоидные особенности глазной области; переносье очень низкое; нос слабо выступающий; губы тонкие; лицо ортогнатное, высокое, широкое и очень плоское с сильно выступающими вперёд скулами; череп низкий; головной указатель в разных группах варьирует.

Если судить по названию, байкальская раса должна иметь корни в более раннем населении Прибайкалья. Каким оно было в расовом отношении?

Палеоантропологические материалы по населению Прибайкалья в неолите дают на это более или менее определенный ответ. Первое, что отмечается, это относительное однообразие физических типов населения. Различия между ними меньше, чем отмечаемые ныне для монголоидных групп Азии. Люди того времени имели более выступающий нос. По степени выступления носа прибайкальское население в неолите превосходило все современные группы монголоидов, но они существенно отличались от типичного (!) байкальского типа. Отмечалась некоторая тенденция к уменьшению высоты лица и орбит. Уплощенность лица хотя и значительная, но все же не крайняя. Углы горизонтальной профилировки меньше, чем у бурят и якутов. По вертикальной профилировке лица прибайкальские неолитические черепа более прогнатны, чем тюркомонгольские и тунгусо-маньчжурские, но не в такой степени, как эскимосские и палеоазиатские. По этому показателю неолитические черепа ближе всего стоят к угро-самодийским (Дебеч Г.Ф., 1951). Этот тип неолитического населения Прибайкалья не находит себе аналогов у монголоидов Сибири, наибольшее сходство отмечается с уральской расой, особенно с ненцами. Наиболее далеки – тунгусо-маньчжурские группы.

Более позднее – глазковское – население Прибайкалья (рубеж III и II тысячелетия до н.э.) формировалось на основе неолитического (китойского), поэтому имело с ним сходные черты. М.М. Герасимов (1964) приводит описание глазковцев, которое ещё в 1942 г., дал А. Гдрличка: долихокранность, низкий свод, значительное развитие

надбровья и глабеллы, относительно выступающий нос, часто горбатый, но широкий внизу. Глазные орбиты относительно низкие, лицо более профилированное (менее плоское, чем у современных тунгусов, якутов, бурят) при значительной его ширине. Прогнатность встречается не чаще, чем у современного населения.

Отмечаемые по многим параметрам различия неолитического населения от представителей байкальской расы¹, в том числе и юкагиров, свидетельствуют об отсутствии генетической связи носителей байкальского расового типа, с одной стороны, и неолитических культур Прибайкалья – с другой. Байкальская раса вместе с центрально-азиатской образует континентальную ветвь монголоидов. Эта ветвь очень давно уклонилась вглубь материка от южного (аустрического) маршрута ранних мигрантов. Генетически участники этого маршрута напрямую не связаны с северной (бореальной) популяцией. Следовательно, юкагиры, как представители континентальной ветви монголоидов, для сибиряков являются пришельцами. Возможно, что юкагиры являются авангардом монголоидов, которые первыми преодолели горы Южной Сибири и начали освоение новых территорий. Правда, имеется точка зрения о том, что юкагиры в далеком прошлом заселяли глубинные части Чукотки (Арутюнов С.А. и др., 1972). Это могло бы служить указанием на приход юкагиров в Сибирь с востока. Однако И.С. Вдовин (1972) указал, что юкагиры на Северо-Востоке являются недавними насельниками: туда они были оттеснены тунгусами, на которых, в свою очередь, с юга давили якуты (XIII–XIV вв. н.э.). Поэтому нам представляется более вероятным путь юкагиров в Сибирь с юга, из бассейна р. Амур (Забайкалье).

Когда юкагиры прибыли в Сибирь – нам не известно, так как очень трудно идентифицировать современных юкагиров с носителями каких-либо древних археологических культур.

Юкагиры в прошлом буквально исколесили (вернее, исходили) всю Сибирь. Об этом можно судить по их языковым связям, достаточно убедительно восстановленным Е.А. Крейновичем (1958), который выявил разновременные языковые контакты (?) юкагиров с тюрками, монголами, чукчами, коряками, эвенами, якутами, ненцами, селькупам, камасинцами, коттами, русскими.

Несомненно, юкагиры и их отунгушенные соплеменники принимали участие в сложении нганасан Таймыра (Долгих Б.О., 1952). Возможно, в Заполярье юкагиры заходили в левобережье Енисея.

¹ На наш взгляд, «байкальская раса» – не очень удачное название, так как ей не соответствует физический тип современного населения Окобайкалья.

Родину юкагиров следует искать за пределами Сибири – в Монголии или Маньчжурии (?). Приведу единичный, но любопытный лексический пример: в юкагирском (колымский диалект) и корейском языках обозначение понятия *человек* почти идентичны: соответственно *шарамо* и *сарам*.

Язык. В ареале протоалтайской общности функционировал один язык, позднее выработавший диалектные различия, которые затем превратились в языки. Думается, что диалектов было больше, чем дошедших до нас языков. Не исключено, что некоторые диалекты и/или языки не дошли до нас. Так, не ясно, был ли язык племён, ассимилированных китайцами, одним из известных, или же он исчез, не оставив следов в истории. Выделение диалектов, как и оформление их в ранге языка, было одновременным. Можно предположить, что самостоятельность групп «алтайской» семьи определилась давно. Была предложена следующая хронология дробления. По мнению А.И. Иванова (1972), общеалтайский язык сформировался в I тыс. до н.э. (В. Котвич, 1962. – см.: Иванов А.И., 1972). Согласно этой гипотезе от урало-алтайской общности в первую очередь обособились японцы и корейцы, языки которых в структурном и материальном отношениях наиболее далеки от урало-алтайских. Затем отделились финно-угорские и тунгусо-маньчжурские, и лишь после этого отошли монгольские языки. Можно согласиться с очередностью выделения алтайских языков, но сам процесс не укладывается в отведённые ему 3 тыс. лет. Выделение языков хронологически связано с переходом на производящий тип хозяйства. У китайцев это V – начало IV тысячелетия до н.э. Для носителей «алтайской» языковой общности нет определённых сведений о времени перехода от присваивающего к производящему хозяйству. Предки японцев, носители культуры *яйё*, занимались земледелием и приусадебным животноводством ранее VII в. до н.э. Корейцы в I в. до н.э. ушли из долины Ляохэ на полуостров, будучи сформировавшимися земледельцами. Самостоятельным стал тунгусо-маньчжурский язык, носители которого занимали значительную часть Маньчжурии и низовье Амура. Долгое время у них сохранялось рыболовство и охота как основные занятия. Лишь в южной части своей территории маньчжуры перешли на скотоводство и земледелие.

Хотя нет убедительных доказательств о времени выделения «алтайских» языков из языка ранних мигрантов, думается, что это могло произойти ранее, нежели 5 тыс. лет назад. Нас более интересует проблема отпочкования носителей языка, которому впоследствии дано название тюркский. Если верить Ф. Харту, который, излагая историю Чжоу (XII в. до н.э.), упомянул термин *kinq-lü* ‘драгоценный меч’, что

можно сопоставить с тюрк. *кинграк* (*kingrak*) ‘обоюдоострый нож’, ‘кинжал’, то тюркский язык имеет достаточно глубокие корни.

Ещё о переднеазиатской прародине тюрков. В тюркологии давно уже формируется мнение о большой древности тюрков (как этноса, так и этнонима). Элементы языка тюркского типа в клинописных языках Передней Азии исследовали М.Ш. Ширалиев, А.М. Демирчизаде, Иггар Алиев (Гаджиева Н.З., 1979, с. 225). В языке эламитов были обнаружены слова: *меша* ‘лес’, которое бытует в этом же значении и в языке азербайджанцев, и *оюз* ‘бык’, сопоставимое с этнонимом *огуз*. Действительно, в некоторых других тюркских языках имеются фонетически сходные слова с тем же значением: як. *мас* (ср. якутский топоним Ары-Мас ‘остров-лес’), башк. *бешел/меше*, др.-тюрк. *biša*. Кроме того, известны гаг. *мешä*, тур. *теşe* ‘дуб’. Однако это слово популярно и в языках самых различных семей и групп:

‘лес’	‘дерево’
индоевропейские:	кушитские:
ир. <i>биша</i> ,	воламо <i>mitta</i> ,
хот.-сакс. <i>bausa</i> , <i>баса</i> ,	койра <i>miçee</i> , <i>miiçe</i> , <i>mice</i> ,
курд. <i>беше</i> ,	чара <i>miça</i> ,
латыш. <i>меш</i> , <i>меža</i> ,	давара <i>miiça</i> ,
лив. <i>mot'sa</i> ;	анфилла <i>miçço</i> ,
уральские:	омето <i>miça</i> , <i>mita</i> .
фин. <i>мецä/metsä</i> ,	
людик. <i>мечча</i> ,	
эст. <i>мец</i> ,	
карел. <i>мечча</i> ,	
саам. <i>меце</i> , <i>мецце</i> ,	
сельк. <i>мача/таше</i> ;	
адыго-абхазские:	
адыг. <i>мэз</i> ,	
кабард. <i>мэз</i> , <i>маз</i> ;	
семитские:	
ас. <i>меша</i> ,	
эфиоп. <i>моча</i> .	

Приведённые материалы могут свидетельствовать о переднеазиатском (Восточное Околосредиземноморье) происхождении приведённых слов со значением ‘лес’. Особенно показательным является як. *мас*

‘лес’, которое находится в большом отрыве от остального ареала сходных слов. Примечателен плотный ареал в Южной Прибалтике. Однако предложенное Н.З. Гаджиевой переднеазиатское происхождение этнонима *огуз* вряд ли можно принять: индоевропейское происхождение исходного значения *огуз* ‘бык’ представляется вполне убедительным.

Приведём ещё один пример доказательства возможной причастности тюрков к древней истории Малой Азии. Хазарский каган Иосиф (середина X в.) в известном письме андалузскому еврею Хасдаю Ибн-Шафруту сообщил, что его народ происходит из рода Тогармы, сына Иафета. Историческая область Тогарма находится в восточной части Малой Азии, к северо-востоку от Сирии. В те времена все тюркские племена в древнееврейской литературе именовались по каким-то причинам тогармой (Плетнёва С.А., 1976). Каган Иосиф, приняв иудейство, по-видимому, включил тюркок-хазар в систему библейской родословной.

Этноним. *Хунну* – это реальный этноним, которым пользовались в глубокой древности. Это было самоназвание какой-то группы «алтайского» населения и означало «человек», «люди». Можно привести немало примеров использования в качестве самоназвания понятия «человек»:

- славянские: *чех* ‘человек’;
- германцы: *теута*, *тевтоны*, *deutsch* ‘народ’;
- тунгусо-маньчжурь: нанайцы *на* ‘местный’, *най* ‘человек’;
- самодийцы: лесные ненцы *хасава* ‘человек’, селькупы *куп* ~ *куб* ~ *кум* ‘человек’ (*селькуп* ‘земляной человек’, *чумылькуп* ‘таёжный человек’), *нганасаны* ‘настоящие люди’;
- кеты: *кет* ‘человек’;
- нивхи: *нивх* ‘человек’;
- самоназвание североамериканских индейцев: атапаски *дене* ‘люди’, дельавары *дениленепе* ‘настоящие люди’;
- монкхмеры Юго-Восточной Азии: *мон* ‘люди’.

Следовательно, переход понятий ‘человек’, ‘люди’ в этноним-самоназвание является в этнономастике обычным.

Выше мы уже говорили о тюркско-монгольской лексеме *kün* ~ *kün* ~ *hün* ~ *kütün* ‘человек, люди’. Обращают на себя внимание нивхские (гилякские) суффиксы *-кун*, *-гун*, *-хун*, с помощью которых образуются собственные имена мужчин. Если предполагать, что из этого суффикса принадлежности к мужскому классу была образована лексема со значением ‘человек’ или ‘мужчина’, то можно допустить и большую древность (не позже неолита) этой лексемы. Тюрки и монголы сохранили этот этноним (*хунну*), теперь уже абстрактный, но в древности он был закреплён за определённой группой населения.

ГЛАВА 3. ПО ДОЛИНАМ И ПО ВЗГОРЬЯМ ЮЖНОЙ СИБИРИ (ТОБА, ИХ ПОТОМКИ И ДРУГИЕ «ТЮРКИ»)

В предтюркютское (докагантское) время в Сибири и Северной Монголии помимо хуннов обитали группы родственных племён, которые в различной степени и в разное время проявили себя в более позднем тюркском этногенезе. Основную роль сыграли *тоба/мона*.

ТОБА И ИХ ПОТОМКИ

В период Чжань-го (403–221 гг. до н.э.) в монгольских степях были известны племена *дунху* ‘восточные варвары’, которые обитали восточнее хуннов (сюнну), в южной части Бол. Хингана. Предполагается, что дунху были монголоязычными. Дунху в 209 г. до н.э. были разгромлены шаньюем хуннов Модэ (Маодунь) и нашли укрытие в бассейне верхнего течения Амура. Некоторые племена дунху укрылись в лесах около горы Ухуань, от которой и получили своё новое имя – *ухуань*, другие нашли убежище недалеко, у горы Сяньби, и стали называться *сяньби(йцами)*.

Археологические материалы Восточного Забайкалья действительно зафиксировали примерно на рубеже эр приток нового населения, которое генетически не было связано с местными племенами, потомками носителей культуры плиточных могил. В это время усилились процессы ассимиляции местного населения пришельцами, формировались и складывались новые элементы материальной и духовной культур у новых этнических групп Забайкалья. Главная роль в этих процессах ассимиляции принадлежала пришлым племенам, но и в этой ситуации сохранились некоторые реликтовые признаки в погребальном обряде и инвентаре памятников на рубеже эр и позднее. К ним можно отнести сохранение обряда очищения огнём, обычай выстилать плитками дно и стенки могильных ям, подкладывание под голову погребённых каменной «подушки» (Асеев И.В. и др., 1984). Основной тип погребений – в яме, вытянутое положение на боку, чаще на левом, с поднятием колен. Ориентировка – западный сектор с небольшими отклонениями. Хоронили в земле или скальном грунте, на каменном ложе-вымостке, в каменных ящиках-цистах.

Затем отмечается явное хуннское влияние (памятники Агинское 1, Соцал № 7, Кункур № 1). Однако влияние было слабым, не выходило за пределы Юго-Восточного Забайкалья и существенных изменений в культуре местных племён не произошло. Такова краткая история начального этапа бурхотуйской культуры I тысячелетия н.э., выделенной А.П. Окладниковым.

Этническая принадлежность аборигенного субстрата, потомков носителей культуры плиточных могил, неизвестна. А среди пришельцев была группа, которая оказала огромное влияние на будущий этногенез народов Южной Сибири и не только её.

Под удар хуннов попали и племена, известные как *тоба* (to-ba/to-pa), которые также ушли в верховья Амура и расселились по р. Онон. Тоба были одной из ветвей *дунху*, но в отличие от сяньби и ухуаней языковая принадлежность их остаётся невыясненной. По мнению одних авторов (Вайнштейн С.И., 1980; Манай-оол М.Х., 1980; Потапов Л.П., 1974; Сердобов Н.А., 1971), *тоба* были тюркоязычными. Другие, признавая тоба ветвью *дунху*, считали их монголоязычными (Думан Л.И., 1955; Викторова Л.Л., 1980; Сухбаатор Г., 1976; Материалы по истории..., 1984, введение и комментарии).

Более известны те тоба, которые после падения державы хуннов и ухода части северных хунну в 87–90 гг. н.э. в Среднюю Азию вернулись в южные края к оз. Далай-нор.

Н.Я. Бичурин (1851) так описывает последующие события в истории этих тоба.

В верховья Амура шаньюем Модо были изгнаны не только тоба, но и другие племена *дунху*, которые расселились у гор Ухуань и Сяньби. От названий этих гор они и получили свои последующие имена (Бичурин Н.Я., 1851, с. 161). Тоба далее других поколений было отброшено на север, где оно заняло Хинганский хребет по Онону. Там в течение трёх веков они размножились до 39 аймаков. Тоба решили вернуться «в древнее своё отечество» к своим «однородцам» – сяньби. Тоба пошли с Хингана не к оз. Хулуень-нор (Далай-нор), а к оз. Дал-нор. Н.Я. Бичурин (1851, с. 188), указал, что тоба шли по дороге от нынешнего Нерчинска прямо к оз. Дал-нор; возможно, это оз. Бурун-Торей. По прошествии шести поколений хан Гефын увел тоба на древние земли хуннов между Калганом и Ордосом. Преемник его Ливэй (177–277 гг.) поселился в Чень-ло, а затем (по прошествии четырех колена) тоба с ханом Туьмыном переселились на юг к Большому озеру.

В III в. н.э. эта группа заняла земли хунну к северо-востоку от Большой излучины Хуанхэ. До середины III в. тоба здесь незаметно жили

особняком, не устанавливая даже какие-либо связи с могущественными соседями. Лишь в конце века старейшина тоба Ливэй установил связи с царством Вэй, а затем и с империей Цзинь. После внутренних неурядиц род тоба ослабел и разделился на три кочевья, которые находились на территории нынешних провинций Шанси, Хэбэй и Внутренней Монголии, то есть к западу и юго-западу от Пекина. Поддерживая империю Цзинь в борьбе с против хуннского государства Хань (в 304–305 гг.), тоба усилились благодаря благосклонности императора. В 310 г. за военные заслуги им были подарены область Дайцзюнь, а затем и пять уездов провинции Шанси (к югу от Большой излучины Хуанхэ). В 315 г. цзиньские власти передали верным тоба область Чаншань в провинции Хэбэй (к югу от Пекина). В 30-х гг. IV в. тоба создали династию Дай (в 386–558 гг. – династия Бэй-Вэй, или Северная Вэй). Старейшина Тоба Илу получил титул Дай-ван, то есть короля Дай (Думан Л.И., 1977). Тоба жили среди китайцев, приняли их религию – даосизм, потеряли свой язык. В истории были известны под именем *табгач*, или *косоплёты* (Гумилёв Л.Н., 1960). Вступая в 386 г. на престол, правитель Тоба Гуй строгим указом предписал ношение кос: «... в столице и за её пределами связывать волосы на голове в косы и носить шляпы» (Цит по: Бернштам А.Н., 1951, с. 46). Обычай носить косы они заимствовали у мужского населения тунгусов (Деревянко Е.И., 1978).

Китайские полководцы на базе государства Вэй в середине VI в. создали империю Бэй-ци (550 г.) и Бэй-Чжоу (557 г.). Но эта группа тоба растворилась в среде китайцев и практически не оказала влияния на этногенез ранних тюрков. Однако этноним *тоба* не затерялся. Он получил вторую жизнь в форме *табгач* (< tak-pat, как именовалась династия Северная Вэй). Под именем *табгач* были известны подданные тобаской династии Северной Вэй¹, а позднее в тюркском мире так стали называть китайцев вообще. Этноним *табгач* неоднократно упоминался в орхон-енисейских письменных памятниках. Известны и варианты этнонима тоба – *тефу* и *туфа*, очевидно, китайского происхождения (Сухбаатор Г., 1976).

Но китайцам были известны и северные племена, которым они дали обобщающее название *дубо*, *зафиксированное китайскими летописями* с V в. Это были те тоба/топа, которые задержались в горах Южной Сибири после ухода части их в степь. По данным тех лет, дубо обитали южнее Байкала, восточнее кыргызов и севернее уйгуров. Как и упоминавшиеся с ними эчжи и милигэ, дубо имели таёжный тип культуры

¹ По данным С.Е. Малова (1959, с. 102), 436–557 гг.

(Бутанаев В.Я., 1994). Их быт описан китайцами: «Жили в шалашах из травы; ни скотоводства, ни земледелия не имели. У них много сараны: собирали её корни и готовили из них кашу. Ловили рыбу, птиц, зверей и употребляли в пищу. Одевались в соболье и оленьи плащи; а бедные делали одежду из птичьих перьев. Покойников полагали в гробы и ставили в горах или привязывали на деревьях. Провожая покойника, производили плач так же, как тукюесцы (тюркюты. – А.М.)» (Бичурин Н.Я., 1950, с. 348).

Китайцы (летопись Тан-шу) считали дубо поколением *хойху* (уйгуров).

Тюрки (в широком понимании этнонима) обычно ассоциируются с кочевниками-скотоводами степей Азии. Однако когда-то, в более ранние времена, до перехода на производящий тип хозяйствования, предки тюрков, как и других народов, были пешими охотниками, рыболовами, собирателями даров природы.

Во всех тюркских языках имеется слово *аю* ‘медведь’: туркм., тур., аз., гаг. *айы*, кр. тат., *караим*. ајув, куманд., каз., ног., ккалп., узб. диал. *айув*, кирг., балк., тат., алт. *айу*, башк. *айыу*, карач.-балк. ајӱ, балк. ајӱw, лобн., узб. ајӱq/*айык*, уйг. ејӱq/*ейик*, хак., др.-тюрк. азӱу, тув. адӱу, салар. аӱх, аӱх. Это свидетельство того, что все тюрки изначально были лесными охотниками. Общетюркское слово *аю* ‘медведь’ – это, очевидно, табуированное имя этого зверя, которое могло быть создано только охотниками и имело основное значение ‘зверь’. Об этом можно судить по известному у тюрков слову *аучи* ‘охотник’. Вряд ли под этим именем понимался медвежатник. Ближе стоит понятие «зверолов». В якутском языке бытует табуированное слово *эсэ* ‘дед’. Можно напомнить табуированные названия медведя в русской среде: хозяин, дедушка, зверь, бурый, косолапый. В тюрко-монгольских языках в значении *зверь* широко используется неизвестного (иранского?) происхождения слово *ау/анг*, от которого было образовано производное *ангчи* ‘охотник’ как синоним слова *аючи*.

Ранняя история тюрков, когда они были горно-таёжными жителями и занимались присвоением даров природы, не изучена. Предки докаганатских тюрков, которые спустились с затаёженных гор на степные равнины Центральной Азии, восприняли иной образ жизни: они стали скотоводами-кочевниками. Этому они научились у иранцев, давних и опытных скотоводов Азии. Производящий тип хозяйства вывел эту часть тюрков на мировую арену как значительную силу, которая сыграла выдающуюся роль в истории человечества.

Долгое время роль тоба, оставшихся в горах Южной Сибири, в истории народов Восточной Азии не была по достоинству оценена. Жители

тайги – залесённых гор – не включились в бурные события Великой степи. Эти тоба долгое время скрывались в тени могущественных соседей – сяньби и хуннов.

Потомки древних *тоба*, входивших в объединение дунху, известны сейчас на обширных территориях Северной Евразии. Это монголоязычные туматы южной части Бол. Хингана, тюркоязычные туматы среди якутов, алтайцев, киргизов, узбеков, хакасов (в составе кызыльцев). Тубалары прителецкого района и чулымские тюрки также являются прямыми потомками *тоба*. Группы туба и ныне входят в состав киргизов и узбеков. Н.Г. Мамедов (1986), ссылаясь на неназванные источники, сообщил, что в средние века в южно-русских степях в составе кыпчаков было известно племя *туба*. По мнению Н.Г. Мамедова, ороним Тубадаг в Шамхорском районе Азербайджана назван по имени древнетюркского племени *туба*.

Часть тоба, изгнанных хуннами в верховья р. Амур, осталась там, продолжая образ жизни пеших охотников, рыболовов и собирателей. Скотоводство было для них второстепенным подспорьем. По-видимому, этот изначальный «тип» тюрков наиболее полно сохранился у немногочисленных групп тюркоязычного населения гор Южной Сибири (тофалары, шорцы, тубалары и др.; см. ниже).

Рассмотрим кратко историю потомков тоба, которые ныне населяют южные районы Сибири и Якутию.

После стационарирования на хр. Хантай часть *топа* прошла по горам Южной Сибири до Восточного Саяна, где сохранила своё имя в форме *тофа* (множественное число *тофалар*). Как показали лингвистические исследования (Рассадин В.И., 1971), тофаларский язык содержит немало субстратных (самодийских и кетских) слов, имеет поздние монгольские заимствования. Но тюркские заимствования имеют древнетюркскую основу. Тофаларский не испытал тувинского влияния. Можно думать, что этноним *тыва* является производным от *тофа*.

Этимология этнонима как будто не вызывает особых разногласий. Г.В. Ксенофонов (1937, с. 63), ссылаясь на словарь Э.К. Пекарского, так охарактеризовал смысл *тюбэ ~ тюмэ*: это густая тёмная тайга, по преимуществу в долинах горных рек и речек. В переносном смысле это означало ‘житель гор’, ‘горец’. К.М. Мусаев (1984) приводит якутское диалектное слово *тыа* ‘нагорный лес’. Подтверждение найдено и в самоназвании долган – *тыа китэ* ‘лесной человек’ (Гаджиева Н.З., Коклянова А.А., 1961). С.И. Вайнштейн (1970) согласился с этой этимологией и категорически заявил, что ключ к этимологизации этнонима *туба* следует искать в тюркских, а не в самодийских языках. Дело в том,

что существует и другая точка зрения на эту проблему, согласно которой туба – это самодийцы, известные по китайским хроникам как *дубо*. Так в летописях эпохи Тан (618–907 гг.) именовалось население Саян скорее всего с середины I тысячелетия н.э. (Татаринцев Б.И., 1990). Следовательно, к этому времени тюркоязычные *топа* из верховий Амура мигрировали до Саян. Однако в литературе появилось и стало довольно устойчивым мнение о том, что *дубо* (du-bo, tu-po) – это самодийскоязычное население. Подтверждение этому видели в том, что некогда самодийскоязычные племена Саян, перейдя на тюркский язык, называли себя *туба*. Н. Козьмин (1918) писал, что *туба* – это одно из отюреченных племён самодийцев. Эту мысль неоднократно высказывали и позднее, в основном этнографы, изучающие самодийцев (В.И. Васильев, Г.Н. Прокофьев, др.). Можно предположить, что китайцы признавали народом *дубо* всё население горных территорий, расположенных севернее Китая и имеющих сходный образ жизни. По-видимому, проявилась та же тенденция, что и с динлинами, которые были для китайцев просто северными варварами без различия их языков. Самодийская версия происхождения этнонима *туба* ‘человек’ (Прокофьев Г.Н., 1940) не нашла поддержки, хотя с формальной стороны не противопоказана: ранние этнонимы часто образовывались от понятий «человек, люди, настоящие люди». По мнению Ф.Г. Хасамитдиновой (1982), в тюркских языках *tübä ~ tüpä ~ tuba*, наряду с другими, имеет значение ‘род’, ‘племенное объединение’. Нам импонирует это предположение: подобного рода этнонимы-самоназвания были обычны в очень давние времена. Ф.Г. Хасамитдинова вводит в круг южно-сибирских этнонимов *туба* башкирский этноним *табын*.

Если допустить, что *тоба/топа ~ дубо ~ туба/ туха/ тофа/ тыва ~ тья* имели единое происхождение, то можно высказать следующее предположение о их этнической принадлежности.

В династийной хронике Тань-шу (618–906 гг.) в разделе об уйгурах (ойхор, хойху) упоминалось племя туба, которое рассматривалось как одно из поколений теле (телэ, тйелэ). Теле создали конфедерацию тюркоязычных родственных племён, которая затем вошла в состав хуннского объединения или как-то политически была зависима от хуннов. В.Ф. Каховский даже называет туба потомками хунну. Эту точку зрения настойчиво внедрял Г. Сухбаатор (1976), правда, отстаивая монголоязычность тех и других. Позже конфедерация попала в зависимости от тюркотов (тугю, тукюе). Ныне потомками теле являются телесы, теленгиты, телеуты. Однако Н.Я. Бичурин (1950, с. 348) приводит сведения о быте и обряде захоронения *дубо*, которые не согласуются с традицион-

ным представлением о тюрках (см. выше). Такое несоответствие может быть объяснено двояко: 1) тюркоязычные *топа/тоба*, распространившись на запад по горам Южной Сибири, вернулись к присваивающему типу хозяйства, а также заимствовали у саянских самодийцев и/или кетов обычай воздушного и наземного захоронений, но передали им свой этноним; 2) *тоба/топа* и *дубо* – это разные народы. По нашему мнению, первый вариант более предпочтителен.

Этнически близкие уйгурам племена *тоба/топа* проникли на Саяны в I тысячелетия н.э., вероятнее всего, в первых веках. Здесь до них уже жили самодийцы и кеты, которые также являлись пришельцами. Попав в иные природные условия и в чуждую этно- и хозяйственную среду, тюркоязычные *тоба/топа* постепенно приспособили свой быт и занятия к новым условиям (Вайнштейн С.И., 1980). В результате был сформирован новый тюркоязычный этнос – горные охотники-скотоводы или пешие таёжные охотники, которых можно назвать «южно-сибирские горцы». В основе этого этноса были уйгуроязычные *топа/тоба*. Различия субстрата, определённая изолированность, столь характерная для жителей горных стран, приток позднее как родственного по языку, так и иноплеменного населения привели к формированию нескольких групп (малых популяций). К их числу можно отнести следующие: туматы, курыкане, тофа (тофалары), сойоты, приенисейские тубинцы, хакасы (кызыльцы, кайдынцы), тувинцы-тоджинцы, шорцы, прителецкие тюрки (тубалары, часть челканцев, возможно, кумандинцев). Многие из этих групп объединялись под именем *урянхи* (урянской). Ниже приведено краткое описание потомков *тоба*, которые населяют ныне Алтае-Саянское нагорье или же населяли его в посткаганатское время.

Урянхи

Это древний этноним, не имеющий определённого содержания и широко используемый для названия лесных народов Южной Сибири. Этноним применяли к якутам, чулымцам, тувинцам, тунгусам. Ещё в недалёком прошлом нынешнюю Туву называли Урянхайским краем (Шнейдер А.Р., Доброва-Ядринцева Л.Н., 1928).

Название *урянской* давно известно китайцам и монголам, чуть ли не одновременно с этнонимом *уйгур*. Однако смысловое содержание этнонима осталось затемнённым.

Рашид-эддин (1247–1318) в своей «Истории монголов» описывает племя лесных урянхитов: ни быков, ни баранов у них не было, воспиты-

вали горных баранов, горных овец и сайгу. Делали её ручной и доили. Из лесу никогда не выходили. Зимой охотились на лыжах (*чанэ*), на других лыжах тащили добычу.

Из обзора Г.Н. Потанина (1883, вып. 4, с. 114) представлений различных авторов об этнониме *урянской*¹ следует, что урянхи – это самоеды, живущие на Кеме (К. Риттер), тунгусы – охотники за оленями (А. Ремюз и Клапрот). Г.В. Ксенофонт (1937) считал, что *урянь* – это испорченный тунгусский этноним *орочо* (*орончон*) → *оронкон* → *оронкан* → *урааны каан*, а сами якуты-оленеводы – это отюреченные тунгусские племена Амура, Маньчжурии и самой Лены. Более того, этот исследователь считал, что этноним *уранхай* – это общее этническое обозначение, которым монголы именовали древних хунну (сюнну). Однако никакими материалами это не подтверждено. Это именование (уряньхи) было передано предкам вилюйских якутов. По мнению Г.В. Ксенофонтова (с. 105), при распаде северного хуннского владения в степях Монголии в среду приангарских тунгусов (Баргуджин-Тукуме) мигрировали остатки хуннских племён, ассимилировавших тунгусов, которые восприняли язык пришельцев. Следовательно, по мнению Г.В. Ксенофонтова, предки вилюйских якутов – это *урангхай* (отюреченные тунгусы), которые стали говорить на тюркском наречии хуннов.

Г.Н. Потанин приводит следующую легенду о происхождении этнонима. Шаманка Айсухан нашла и усыновила двух мальчиков. Один из них, Андобар, покинул её. Шаманка, проклиная его, крикнула вслед: если будешь ходить в лесу – будешь *уряньха*. По-видимому, этот смысл – лесной человек – действительно лежит в основе этнонима. Э.Л. Львова (1977), ссылаясь на записи Мессершмидта в с. Зырянском (ныне Томская область), сообщила, что чулымцы получили от своих соседей различные имена. Те татары, которые отделились от орд и живут в городах, называют их *Uganchat* или *Uganchai*, что значит «люди, живущие в лесу». Аларские буряты под именем *уряньха* разумели дикий, лесной народ вроде тунгусского (Серошевский В.Л., 1993, с. 194). И вообще недруги урянхайцев вкладывают в этот этноним негативное содержание. Так, дербеты, вытеснившие урянхов с территории к югу от хр. Танну-Ола, считают что *уряньхи* – это испорченное слово от *урунгай* ‘ловкий плут’ (Майский И., 1921, с. 20). Монголы под словом *уряньхай* подразумевали чужие племена более низкой культуры – калмыцкого или турецкого происхождения (Потанин Г.Н., 1915).

¹ Урянхайцы выговаривают имя с твердым носовым *п*: урапхай (приблизительное чтение – *урангхай*).

Из других этимологий известны кет. *урианхит* ‘водяной человек’, ‘житель рек’ (Николаев Р.В., 1985, с. 115), кыпчакская (тюрк. *уран* ‘змея’ + монг.¹ *каи* ‘змея’; Ахинжанов С.М., 1989), «калмыцкая» (Миллер Г.Ф., 1996, с. 20–21). Миллер пишет (материалы 1734 г.): «Те калмыки, которые в настоящее время живут ближе всего к Сибири, – это жители так называемого на многих ландкартах края Канкарагай. Они на собственном языке называют себя именем *Uranchai*, что на калмыцком означает «дающий богатство», и живут в горах в верховьях реки Чарыш и на реке *Chairkum*».

С.И. Николаев (1973) считал *урианхай* древнемонгольским этнонимом, с которого якуты сделали кальку *тонг джон* ‘мёрзлые люди’. В давние времена монголы так именовали немонгоязычных, чужеродцев, которые не говорили на их языке. А поскольку у сильно озязбшего человека язык заплетается и не поймёшь, что он говорит, то в один узел связали и «мёрзлого», и не владеющего моим языком человека. Вот так же в русской практике и возник этноним *немец* ‘немой человек’, которым когда-то на Руси называли англичан, голландцев, французов и германцев.

В недалёком прошлом именем *урианхай* (*урианх*) дархаты, монголы, китайские чиновники называли небольшую группу населения, очевидно, смешанного происхождения, которая занимала территорию на северных склонах Танну-Ола (Танну-Ола), между этим хребтом и Саянами в долинах р. Улукем (Великий Енисей), Бийкем (Большой Енисей), Кемчик (‘Кемчонок’, т.е. малый Кем) и др., а также на оз. Косогол (Хубсугул) и на южном склоне хр. Танну-Ола в долине р. Нарын-сумын и в вершине р. Кобдо (Серошевский В.Л., 1993, с. 195). В краткой летописи Алтайского горного округа под 1865 г. сообщалось, что в полное подданство России перешли калмыки-двоеданцы, или урианхайцы (Алтай, 1890). Очевидно, имелись в виду тюркоязычные группы (из Тувы), которых русские отличали от телеутов – белых калмыков. Это не были и орчаки, выходцы из Тувы (ныне тувинский сеок оорджак). По Монгольскому Алтаю от верховьев р. Кобдо до верховьев р. Булаган живут урианхайцы, почти все омонголившиеся (Потапов Л.П., 1969). Лишь небольшая группа урианхайцев, бывших тувинцев-манчаков, в верховьях р. Кобдо сохранила свой тюркский язык. Во времена Г.Н. Потанина урианхи Монгольского Алтая назывались *кукчулутуны*, хотя известны были также как *сойоны* и *тува*. В газете «Правда» от

¹ Сомнительно: совр. монг. ‘змея’ *могой* или *луу* (<кит.).

21 ноября 1989 г. была помещена заметка В. Сапова «Из рода беркутов» об урянхайцах с р. Кобдо. Род тюркоязычных урянхайцев насчитывал в то время 300 человек и все они, проживая в окружении монголоязычных дербетов, осознавали себя обособленной группой урянхайцев. В период разгрома джунгарского ханства (середина XVIII в.) в русские пределы выбегало немало урянхайцев, другие же урянхайцы занимались грабежом беженцев как на театре военных действий, так и за казачьей линией (Тыжнов И.И., 1999, с. 6). Монголоязычные дархаты до сих пор считают язык урянхайцев уйгурским, самих урянхов – народом уйгурского языка (*уйгур кельтей улус*).

Исторически известные урянхи были тюрками по языку. Это якуты, тувинцы, канкарагайцы (телеуты). Ныне осознающие себя урянхами тюрки почти повсеместно имеют второе название *туба, тыва, туха, тофа/туфа, тува*.

По мнению Г.Н. Потанина, урянхайцы и сойоты, насельники Тувы, – это различные этнические группы. Однако в этой же работе (1883, вып. 3, с. 119) он писал: «...урянхайцы, или тува». Следовательно, по его мнению, урянхи (тува) обособлялись от сойотов. Но с другой стороны, сойоты Тункинской впадины, как и урянхи, называли себя туба-кижи (Ксенофонов Г.В., 1937). Можно считать, что урянхи – это более широкий этноним, поглощающий якутов, тувинцев, карагасов (тофаларов), сойотов, то есть почти всех тюрков южно-сибирских гор.

Якуты

Ещё в 1938 г. С.А. Токарев наметил общие черты истории формирования якутской народности: процесс этот «был сложным... протекавшим с участием как местных охотничье-рыболовецких групп, обитавших исстари в Ленско-Алданско-Виллюйском междуречье, так и пришедших с юга скотоводческих элементов... Это было медленное, разновременное просачивание, шедшее с разных сторон и разными путями ...с неоднократным обратным движением, с сохранением связей между Средним Приленьем и Прибайкальем, с верховьями Амура» (с. 217).

Обычно считается, что тюрки-якуты пришли на среднюю Лену поздно – в 13-м столетии или даже в начале 16-го (История Якутии, 1949, с. 385). И.И. Николаев (1984) сделал краткий обзор точек зрения на этот вопрос. Наиболее традиционной считается точка зрения, что единственным тюркским субстратом являются прибайкальские курыкане (VI–XI вв.). Н.Н. Козьмин (1928), ссылаясь на Н.Я. Бичурина, отождествил

летописных гулиган (курукан) с якутами. Однако археологи И.В. Константинов, А.И. Гоголев, Д.Г. Савинов выдвинули идею об участии кимаков в формировании якутов (начало II тысячелетия н.э.), с чем согласны этнографы (В.Б. Боголепов, Н.А. Томилов, С.В. Иванов)¹. Третьим возможным компонентом могут быть носители кулун-атахской и воровьёвской культур (VI–IX вв.), с которыми связывают енисейских кыргызов (М.С. Иванов, Ф.Ф. Васильев) или алакчин/алатов (И.И. Николаев). По мнению И.И. Николаева, массовая миграция протоякутского населения из Прибайкалья в Центральную Якутию произошла около XV в.

По нашему мнению, тюркизация Якутии началась гораздо раньше и связана с «выбросом» в верховья Амура (на р. Онон) тюркоязычного народа тоба/топа. Часть вынужденных мигрантов ушла в северные районы Сибири и явилась первым тюркоязычным ядром якутов. Об этом можно судить по этнониму *тумат* в составе якутов. Об этом есть и указания в якутских легендах: к приходу саха в Якутию там уже жили их языковые сородичи. Очень смутные воспоминания легенд якутов выводят нас на древних тюрков (хара-саһыл) и народ кыргыз (История Якутии, 1949, с. 378). Первые жили в Центральной Якутии до прихода Эллэя, легендарного предка якутов, выходца из курыканской среды. Занимались они рыболовством, охотой, скотоводством. Вторые были скотоводами. При погребении лицо покойника покрывали подбрюшным жиром, затем труп укладывали в выдолбленный ствол дерева (колоду) и вывозили в лес. Там устраивали обряд *ыһыах*, после угощения тело покойника сжигали.

Откуда хлынула первая волна тюркоязычных предков якутов? Фольклор якутов содержит сюжеты о выходе их предков с Амура и из Маньчжурии. В частности, в легендах упоминается бородатый народ – айны (Серошевский В.Л., 1896). В якутском языке имеются названия южных животных, не свойственных местам проживания якутов: *бар*, *баабыр* ‘тигр’, *хахай* ‘лев’, *кулан* ‘степной осёл’, *тэбиэн* ‘верблюд’. В их лексиконе бытует и слово *луо*, которым они обозначают какое-то мифическое животное, по-видимому, дракона (в языках амурских нанайцы, солбонов – *лу* ‘дракон’). Предполагается, что приамурские тунгусы заимствовали это слово от монголов [п.-монг. *луц*, монг. *луу(н)*, бурят. *луу*], а те, в свою очередь, – от китайцев (*лун*). У якутов в пантеоне богов нет типично тюркского персонажа – Эрлика. Это указывает на то, что тюркоязычные предки якутов ушли на север до того, как у остальных тюрков Эрлик уже стал заметным божеством, первоначально небожителем.

¹ Нам представляется этот вариант маловероятным.

лем, а затем низвергнутым с небес на землю, где он возглавил нижних злых духов.

Действительно, имеются довольно многочисленные схождения в культуре и языках тунгусских народов Нижнего Амура и тюрков, особенно якутов (Смоляк А.В., 1987). И связи эти достаточно древние, уходят в первые века новой эры. Якуты, как и народы Амура, носили меховые шубы с короткими рукавами. С такими шубами носили длинные, более полуметра, рукавицы. Якуты, как и народы Амура, надевали на верхнюю одежду набедренники – мужские фартуки. Якуты использовали кокемялки, аналогичные по устройству с амурскими.

Отмечен и ряд амурских аналогий в лексике якутского языка:

– нан., ульч. *гесу, гуасо* ‘нож для строгания’ – як. *кыс* ‘строгание ножом’;

– нан., ульч. *матаха* ‘берестяная коробка’ – як. *матарчах* ‘сосуд’;

– ульч. *карпани* ‘ритуальный сосуд’ – як. *карбан* ‘место для жертвоприношений’.

А.В. Смоляк (1987) считает, что эти этнографические и лексические схождения объясняются проникновением каких-то тюркских групп на Нижний Амур, которые растворились в среде амурских племён, но сумели передать им ряд слов. Нам думается, что некоторые тюркские группы тобасцев (тоба) прошли через массив приамурских племён, обогатившись элементами их культуры и языка, затем мигрировали на север, создав там ядро будущего якутского народа. Именно эти группы сохранили предания о выходе с Амура, отмеченные В.Л. Серошевским (1896).

Якуты, пожалуй, единственный народ в Сибири, который сохранил исконно тюркское название высшего божества *тангара*, в то время как другие заимствовали от иранцев слово *кудай* (алт., тув., телеуг., шор., лебед., койб., казах., кирг., ног.) ‘бог’, *хутай* (канг.) ‘бог’, *ходай* (башк.) ‘бог, властелин, хозяин’. Следовательно, тюркоязычные предки якутов ушли на Север ещё до контакта с иранцами. Кроме якутского, только в чувашском нет этого иранского заимствования. Якутскому *тангара* в чувашском соответствует *торе*, по-видимому, заимствование от финноугров; ср. *тором* ‘бог’ у хантов. При этом необходимо подчеркнуть, что в чувашском языке имеются тунгусизмы, свидетельствующие о давнем контакте (в Восточной Сибири?) предков чувашей с тунгусами (Муратов С.Н., 1978). Г.К. Ксенофонтов высказал предположение, что язык якутов был диалектом языка хуннов.

До прихода тюрков на Лену там обитали представители байкальского расового типа, самого монголоидного из всех монголоидов. Предложение И.М. Золотарёвой (1975) считать байкальскую малую монголоид-

ную расу «палеосибирской», очевидно, нельзя принять. Эта малая раса не может претендовать на роль общесибирской даже на каком-то отдалённом срезе времени: формировалась она в неолите и только в Приамурье (Гохман И.И., 1980). Так, костяк в Шилкинской пещере (бассейн верхнего течения р. Амур) имеет характерные черты байкальского типа. А.Г. Козинцев (1984) на основании изучения вариации швов лицевого скелета пришёл к выводу, что якуты по низкой частоте основно-верхнечелюстного шва отличаются от центрально-азиатских типов и, возможно, генетически связаны не с центрально-азиатским, а каким-то сибирским компонентом.

Однако для центрально-азиатского типа приведённая выше характеристика нетипична. Для неё не характерно столь широкое (по лицевому указателю) лицо. Стандартной для монголоидов Центральной Азии её нельзя считать. Монголы не могут считаться для неё эталоном, так как этот тип сформировался поздно в Прибайкалье. Монголы и буряты иллюстрируют байкальский тип. Именно у них переносе очень низкое, выступание носа слабое, губы тонкие, лицо очень высокое и очень широкое. Очевидно, байкальским антропологическим типом обладало неолитическое население Забайкалья и Верхнего Амура, который усвоили монголы, якуты и тунгусы. Носителем этого древнего антропологического типа были юкагиры и, очевидно, другие группы населения, исторически не известные.

В отдалённых районах Якутии можно и сейчас встретить якутов, которые унаследовали от аборигенов их антропологический тип. Это невысокие, плотные, большеголовые люди с прямыми жесткими чёрными волосами. На широких лицах блестят чёрные щелки глаз, скулы мощные, нос приплюснутый и широкий, на подбородках и щеках никакой или почти никакой растительности. И очень высокое и очень широкое лицо. Якуты, если они не имеют другой примеси, – это самый высокорослый в мире народ, да и ширина лица приближается к мировому максимуму (Алексеев В.П., 1972, с. 274–275). В.П. Алексеев считал якутов «стандартными» представителями центрально-азиатского типа без всякой примеси байкальского или какого-либо иного. Мнение ныне представляется излишне категоричным. У них явно прослеживаются аборигенный субстрат и тунгусские элементы.

Среди якутов можно выделить два расовых монголоидных типа. Один из них унаследован от негюрков-аборигенов, другой, центрально-азиатский, принесён тюркоязычными мигрантами (куруканы и др.). Наиболее удалены от них неолитические серии Верхоленья (Томгосова Л.Ф., 1980), в которых можно усмотреть низкорослый монголоидный компонент бореальных (северных) мигрантов (см. выше).

Интересный материал дают исследования генетиков. При анализе гаплатинов Y-хромосомы в мужском генном пуле якутов выявлена значительная частота гаплогруппы N3 (HG16), в которой выделено 19 гаплотипов. Из них наибольшую частоту имеет гаплотип 2. Кроме якутов, гаплогруппа N3 (HG16) широко распространена у эвенков, бурят и тувинцев. При этом показательно, что спектр гаплотипов HG16 наиболее близок восточным эвенкам: якуты и восточные эвенки характеризуются очень близким спектром гаплотипов HG16. Возможные предковые гаплотипы N3 (HG16) у бурят и тувинцев более далеки (на 4-5 мутационных шагов) от якутского гаплотипа 2 (Пузырёв В.П. и др., 2002).

Якутка

Анализ аутосомного генофонда якутов с помощью панели полиморфных инсерций Alu-элемента в геноме человека дал примерно те же результаты (Пузырёв В.П. и др., 2002а). Якуты обладают тем же спектром аллельных частот, что и другие азиатские, особенно восточно-сибирские популяции при отсутствии заметного генетического влияния извне. В принципе это не исключает применимость гипотезы южного происхождения якутов: якуты пришли в Восточную Сибирь и вошли в среду генетически родственных популяций. Но кто создал этот фон родственности? Ранние выходцы с Амура или дотюркский аборигенный субстрат? Генетические исследования позволяют высказать достаточно обоснованное мнение о том, что разноязычные восточно-сибирские народы (буряты, якуты и эвенки) демонстрируют тесное генетическое (физическое!) родство как по аутосомному генному пулу, так и по Y-хромосомным (отцовским) линиям (Степанов В.А., 2002).

Исследования генетиков, таким образом, подтверждают лишь близость физического субстрата трёх групп «алтайской» семьи – тюрков (в лице якутов), бурят и эвенков. Это подтверждает реальность бытия «алтайской» общности.

Хотя якуты имеют немало специфических черт в своём языке и культуре, они не обособляются среди южно-сибирских горцев и тюркоязычного мира вообще. Выявлено немало якутско-хакасских лексических параллелей (Бутанаев В.Я., 1984):

- **этнонимы** – *каска* (название рода в Бётюнском наслеге) ~ *хасха* (род у качинцев);
- *эне* (эгинец, род якутов) ~ *ыры* (игинец, род кызыльцев);
- *кыргыз* (древний род, обитавший в Кобяйском районе) ~ *хыргыз* (название родов у качинцев, сагайцев, кызыльцев);
- **характеристика человека** – *томорон* (крупный) ~ тобырон (крупный);
- *муот* (слабый) ~ *мот* (крепкий на выпивку);
- *ныс* (медлительный) ~ *нис* (тяжёлый на подъём);
- **скотоводческие термины** – *хамсык* (мор среди скота) ~ *хапсаг* (эпизоотия);
- *ходу* (озёрная трава, которую косят и подмешивают к сену) ~ *хоот* (озёрная трава, которую косят поздней осенью и используют для подстилки);
- *тергуу* (торока́, то есть переметные сумы при верховой езде или перевозке грузов на лошади) ~ то же;
- *нээги* (шерсть с измятой остью) ~ *нииге* (шерсть с худой овцы, которая стрижётся только летом);
- *устэ* (прерывать аорту) ~ *озе* (разрезать брюшину и рукой разорвать аорту; способ забоя жертвенных животных);
- *бохсуу* (спутывание быка его же поводом) ~ *похчы* (спутывание подогнутой передней правой ноги жертвенного животного);
- **праздники** – *тунах* (кумысный весенний праздник) ~ *тун* (айранный весенний праздник) – айранные и кумысные праздники были у многих скотоводческих народов Сибири и Центральной Азии, но их названия *тунах* и *тун* имеются только у якутов и хакасов;
- **таёжный промысел и рыболовство** – *халарык* (станок у самострела) ~ *харлых* (то же);
- *оногос* (стрела) ~ *соган* (то же);
- *атарала* (бить острогой) ~ *одарла* (бить острогой во время ночного лучения рыбы);
- *нунсур* (деревянная колотушка для отпугивания рыбы подо льдом) ~ *тонзор* (деревянная колотушка для оглушения рыбы ударом по осеннему льду);
- *хартыйа* (лыжи-голицы) ~ *халбырах* (то же);
- *ойбон* (прорубь) ~ *ойбан* (диал., глубокое место реки);
- **названия летних месяцев** – *бэс ыйа* ~ *тис айы* (месяц сбора кандыка; в Якутии кандык не растёт, но именование месяца свидетельствует о более южном проживании якутов до ухода их на Север);
- *от ыйа* ~ *от айы* (месяц сенокоса);
- *ыргахта* ~ *оргах айы* (месяц жатвы).

Имеются также параллели в области культовой лексики, материальной культуры (жилища, утварь, пища, одежда). Эти параллели свидетельствуют об этногенетических и этнокультурных связях якутов и хакасов. Отсутствие сходжений в сельскохозяйственной терминологии (кроме *ыргыхта ~ оргах айы*) свидетельствует о том, что эти связи были очень давними, когда земледелием предки якутов и хакасов не занимались. Правда, В.Л. Серошевский (1896) описывает земледелие у якутов, которое после скотоводства занимает второе место, однако неизвестно, в сколь давние времена оно у них зародилось. А вот название сараны/кандыка (в названии месяца бэс ыйа) несомненно указывает на исход якутов из более южных районов, где это растение обитает.

А.И. Гоголев (1988) также привёл большое число лексических соответствий якутского и хакасского языков в области военного дела, одежды, обуви, женских украшений, пищи, религиозных обрядов. Необходимо только отметить, что якутам был известен обрядовый праздник моления горному духу, но в отличие от хакасов он проводился не в честь божества *кудая*, а в честь светлых божеств во главе с Юрунг Айбы тойоном, олицетворявшим творческие силы неба. Якуты так и не связали своё божество с иранским *кудай* 'бог', как это сделали почти все (кроме чувашей) остальные тюркские народы. А.И. Гоголев считал якутско-хакасские лингвистические и этнографические параллели результатом раннего вхождения этих народов в уйгуро-телесский круг.

Помимо этнографических и исторических свидетельств о генетической связи какой-то ранней части якутов с группой тоба свидетельствуют и языковые данные.

Якутскому языку свойствен выборочный ротацизм: *юрях* 'речка' – каз., ккалп., алт. *озёк*; *эрге* 'старый' – гаг. *эски*, куманд. *эсги*, ккалп., узб., балк. *ески*, башк. *иске*.

Этноним *якут* русским известен с 1632 г. Эвенки, от которых русские впервые узнали о них, называли этот народ *еко* 'иноземец' (окончание *-т* – показатель множественности).

Самоназвание якутов – *сахá*¹ – до сих пор не получило однозначного объяснения. Данный вопрос подробно рассмотрен Е.И. Сидоровым (1984). Н.А. Аристов и В.В. Бартольд связывали этноним *сахá* с *сагайцами* Хакасии. Н. Щукин (1856, с. 37) упоминает качинский род *Сахá* или *Сахаляр* (мн. ч.). Н.Н. Козьмин (1928) считал что *сахá* – это этноним, связанный с тюркской средой Хакасии, но не с сагайцами, а с наиболее многочисленным сеоком июсских тюрков – соккы. Смену глас-

¹ Любопытно совпадение с *соха* – этнонимом группы кушитов Эфиопии.

ных *о/а* в этнониме Н.Н. Козьмин объяснял принадлежностью говорящего к окающему или акающему наречию якутов. При этом Н.Н. Козьмин считал, что этнонимы *якут* и *соха* образованы от одного корня. В хакасско-якутской группе языков закономерно чередование *чжэ ~ й ~ с* (саг. *чжол* ~ кач. *йол* ~ *сол* 'дорога'). Поэтому *саха* может произноситься *чжасаха*, *яха*, *а соккы* – как *чжасы*, *якы* (мн. ч. *сахалар*, *йахалар*, *якалар*). Окончание *-ут*, *-ыт* распространено в языке уралоалтайцев, и с его помощью мог образоваться этноним *якут*.

Имеются и другие точки зрения. А.Н. Бернштейн выводил этот этноним из тюрк. *јада* 'край, окраина', 'ворот': «...являясь частью гуннского объединения, якуты составляли его северную окраину, что отражено в самом названии якутов – *сага* «край» (Цит.: Сидоров Е.И., 1984, с. 39). Следовательно, *яка* выводится из *саха*. Г.В. Ксенофонтов в этнониме *саха* видел название древнего якутского божества Сах. Сам Е.И. Сидоров связывал этот этноним с тунгусо-маньчжурским миром, где известные этнонимы с корнем *саха*: *сахалынь-аймань* (ср. *саха-аймах* «саха-род»), *сахалча*, *сахэги*, *сайхачже*, *сахарча*. Племена *сахалынь* жили на правом берегу Амура и в низовьях Сунгари, а *сахарча* – на северо-западе, далеко от них, на левом северном берегу Амура, в низовьях Зеи. Средневековый маньчжурский язык содержал слово *саха* 'охота, облава'. Другое значение имели слова с этим же корнем: *сахалынь* 'чёрный, весьма тёмный', 'север'. В преданиях якутов сохранилось употребление *саха* в значении *человек*. Е.И. Сидоров допускал, что в древности группа черных

маньчжур могла называться чёрными урянхайцами – *хара* (*саха*) *уранхай*. Этим можно объяснить, по мнению Е.И. Сидорова, формирование этнонима урянхай-саха (Г.В. Ксенофонтов свою книгу об якутах так и назвал – Ураангхай-сахалар). Выводы изысканий Е.И. Сидорова исходят из представлений о том, что якуты – это тунгусы, перешедшие на тюркский язык. Частично это так. Тунгусы родов Долган, Донгот, Эдян были обьякучены и, мигрировав на Таймыр, положили начало особой группе тюрков-долган. Тунгусами якутский язык был настолько испорчен, что его пришлось выделить как самостоятельный дол-

Долганка из пос. Хантайское Озеро
(фото А. Познякова)

ганский язык в составе тюркской группы. Известно, что тунгусы Таймыра, перешедшие на якутский язык в XVIII в., дали особую группу тюрков – долган, сохранивших свой тунгусский этноним.

В истории якутов можно выделить следующие этапы: 1) выход части тоба/топа с верховий Амура, 2) приход курыкан с Лены на Вилюй, 3) приход с верховий Енисея группы «саха». Как ни странно, последний этап наименее подтверждается как историческими, так и археологическими материалами

Курыканы

Впервые о курыканах упомянуто в надписи на памятнике Бумын-кагана (552–553 гг.). Курыкане, или гулигань китайских источников жили севернее Байкала, севернее хойху (уйгуров). Считается, что курыкане создали курумчинскую археологическую культуру, расцвет которой приходится на V–VIII вв. н.э. Ареал культуры охватывает низовье Селенги, долину Баргузина, верховья Лены до Жигалово. Курумчинцы славились умением выплавлять железо, изготавливать из него предметы вооружения и быта. Были они и хорошими скотоводами, земледельцами, металлургами и кузнецами (История Якутии, 1949). Умерших хоронили в шатровых (из камня) могилах по обряду сожжения, что, возможно, указывает на их связь с енисейскими кыргызами (Мандельштам А.М., 1974).

Антропологически курыканы, насколько можно судить по реставрации (рис. 13), не ярко выраженные монголоиды. У них выступающий нос с высоким перносьем, слабо выступающие скулы. Курыкан заметно похож на более раннего жителя Предбайкалья – представителя китойской культуры (см. рис. 2), у которого нос также выступающий, с горбинкой, а верхняя губа прохейлична (выступающая), лицо в вертикальном профиле умеренно прогнатно. И китоец, и курыкан физиономично были схожи между собой, однако куракан – брахикранный тип, китоец – долихокраний. Если генетическое единство этих ти-

Рис. 13. Курыкан
(рсконструкция)

пов действительно было бы доказано, то можно говорить о том, что курыканы – это аборигенный пласт прибайкальского населения, ассимилированного тюркоязычными тоба. Однако большая пестрота антропологических типов древнего (до новой эры) околбайкальского населения пока не позволяет в деталях установить их генетические связи. Можно только говорить о том, что в послеглазовское время (шиверское; 1300–900 гг. до н.э.) здесь появляется население ярко выраженного высоколицего монголоидного типа (см. рис. 3).

Этноним *курыкан* этимологизируется из монгольского как «ягнёнок» (Ксенофонтов Г.В., 1937, с. 396), что можно отнести к разряду народной этимологии. Однако известны слова др.-монг. *kuriken*, п.-монг. *kürgen*, монг. *хуригэн* ‘зять’, на что обратил внимание В.В. Свинин. Из монгольского это слово перешло в тунгусо-маньчжурские с этим же значением: эвенк. *куруэн*, *курээн*, солон. *хурэхэ*. Тюркским словом со значением ‘зять’ является: в як. *kütüb*, алт. *кудээ*, тув. *күйү*, ног. *киев*, ккалп. *куйеу*, кирг. *куйöö* (приблизительная графика). Возможно, в этнониме *курыкан* заложено монгольское (бурятское?) представление о (брачной) родственности курыкан с ними или между собой (ср. древнее объединение *уч-курыкан* ‘три курыкана’ или ‘три зятя’). Китайское название, известное со времени Тан (618–907) – *гулигань*. Персы и арабы называли их кури или фури (Габышев Е.С., 1991).

Курыканы – это одна из ветвей южно-сибирских горцев, объединяемых древним названием тоба/топа. По письменным источникам, курыканы, как и туба, отнесены к поколению теле (Вайнштейн С.И., 1974).

Думается, что курыканы жили в Предбайкалье задолго до их первого упоминания в рунических письменах. Их прямыми потомками являются вилюйские якуты.

Карагасы

Карагасы были довольно хорошо известны ранней русской администрации. Обитали в Восточном Саяне. Их угодья находились между рр. Уда и Кан и по долинам рр. Уда (в её верховьях), Бирюса, Ока и Кан (Иванов П.Г., 1927). Карагасы занимались оленеводством (Карцели С., 1925; Петри Б.Э., 1927), разводили высокорослых оленей, которых так и называли – карагасскими; звероловством и, частью, рыболовством. Наиболее полный словарь карагаского языка записан в 30-х гг. XVIII в. В.Ф. Зуевым, молодым спутником историка Г.Ф. Миллера. И. Георги

(1799, с. 19) писал, что язык карагасов (так в оригинале) «...само-едский, не столь испорчен, как у других самоедских остатков». Путешествовавший в 70-х гг. того же века П.С. Паллас также определил карагасский язык как самодийский, «хотя немного уже перемешан». Вскоре, в 1788 г., Эрик Лаксман уже считал карагасский язык чисто тюркским диалектом (Боргояков М.И., 1976). Позднее, в середине XIX в., А. Кастрен подтвердил это. Как писал П.Г. Иванов (1927, с. 11), по языку карагасы близки к урянхайцам (таёжным тувинцам), близки настолько, что свободно объясняются с ними. Об этом же писал и В.Н. Васильев (1910). По данным Ю.П. Штубендорфа (1854), в 1851 г. карагасов было 543 чел. Позже (в 1890 г.) численность карагасов уменьшилась до 416 чел. (Катанов Н.Ф., 1893). По переписи 1897 г. в Нижнеудинском округе Иркутской губернии (по рр. Ока, Уда, Бирюса, Кан) было зафиксировано карагасов 389 чел., из них 191 мужского пола.

Вторым самоназванием карагасов является *туба* (Катанов Н.Ф., 1891, с. 8; Васильев В.Н., 1910, с. 46; Патканов С., 1912, с. 75). В.А. Туголуков (1985, с. 27) указывал, что карагасы – это более раннее название тофаларов.

Ю.П. Штубендорф (1854, с. 230–231) оставил единственное описание внешнего вида карагасов, которые уже перешли на тюркский язык: «*Карагассы* (так в авторском тексте. – А.М.) *роста ниже среднего, худощавы, причём замечается большая соразмерность в частях тела, то есть при малых головах и нешироких плечах, таз узкий, руки и ноги маленькие. Волосы гладкие, чёрные; лоб низкий; глаза маленькие, немного выпуклые, темнокарие, прямые; нос прямой; скулы не очень выпуклые, нос прямой, узкий; рот маленький; лицо кругловатое, смуглое, борода жидкая и редкая. Физиономия карагасса напоминает более Киргиза (казаха. – А.М.) Средней Орды, нежели монгола. Шея длинная, грудь впалая. Кости вообще тонкие; поэтому они (карагасы. – А.М.) чрезвычайно легки, весом около 3 пудов. Походка у них особая: туловище, шею и голову держат неподвижно, немного вперёд и неслышно перебирают частыми малыми шагами. Эта особенность происходит от привычки к верховой езде на оленях и от употребления лыж... При весьма малом развитии костей и мышц карагассы слабы и к усиленным телесным работам неспособны, зато слух и зрение у них чрезвычайно развиты; сверх того с удивительной терпеливостью переносят они трудности в дороге, ненастье и недостаток в пище».*

Из этого описания видно, что карагасы, вернее часть их, перейдя на тюркский язык, сохранили некоторые физические признаки самодийцев. К числу их относятся следующие: округлое, то есть низкое и широ-

Карагасы (фото по: Васильев В.Н., 1910)

кое, лицо, прямой узкий нос, слабо выступающие скулы. Ю.П. Штубендорф правильно указал на близость их не к монголам, а к киргизам (казахам. – А.М.), которые по современной классификации относятся к южно-сибирскому антропологическому типу.

Любопытно, что в языке тюркоязычных карагасов Ю.П. Штубендорф зафиксировал слово *харан* ‘брюхо’ (в других языках известно как *каран* ‘желудок, вместилище пищи’) при тюрк. *казан* ‘котёл’, ‘*вместилище пищи’. Это свидетельствует о тюркизации некогда самодийскоязычных карагасов тюрками, языку которых не был чужд ротацизм. Судя по словарнику, приложенному к статье Ю.П. Штубендорфа, в те времена в языке карагасов, уже тюркском, были признаки придыхания, отмечавшегося и у тувинцев: *охт* ‘собака’, *ихт* ‘мясо’ при обычных тюркских *ит*. От самодийского в языке карагасов того времени сохранилось слово *курсей* ‘медведь’.

Известны карагасы и на значительном удалении от Восточных Саян – в Томском округе Сибирского края (ныне Томская область). Томские карагасы давно интригуют исследователей своей таинственностью. Переписью 1926 г. было охвачено 1709 чел., которые причисляли себя к карагасам. Это жители среднего Причудулья и левобережья Оби по средней и нижней Шегарке (Васильев В.И., 1993). Зафиксированные переписью 1926 г. карагасы жили в следующих населённых пунктах: Саргат – 145 чел., Терсалгай – 407, Тызыргачева – 177, Чернова – 317, Кожевниково – 490, Елегечева – 416, Горбунова – 156, юрты Кулманские – 331, юрты Базанакovy – 103, юрты Канаевы – 167 чел. Имеются сведения (Томилов Н.А., 1987, с. 164), что карагасы жили в с. Елегечево. По мнению Н.А. Томилова, именно Елегечевых следует считать потомками карагасов, которые пришли с р. Кия. Томские карагасы жили оседло, занимались земледелием, скотоводством. Многие говорили только по-русски (жители д. Тызыргачева). Очевидно, с. Гынгазово основано карагасами, а в фамилии Гынгазовы, и ныне хорошо известной в Томске и области, можно усмотреть компонент этнонимов саянских самодийцев – *газ/гас* с первоначальным значением *кас* ‘человек’. Этот компонент усматривается в этнонимах *кара-кас/карагас*, *сарыг-кас*, **кангкас* (>*кангмаш*, *кангмажи*, *калманжи*, *камаш*, *камасинцы*). Н. Козьмин (1918) даже предполагал что этноним хакас – это китайская адаптация этнонима карагас. Не исключено, что носители кулайской культуры (или их часть), потомками которых были саянские самодийцы, называли себя карагасами.

Томские карагасы (жители сёл Еушта и Горбуново) ещё недавно считали: «...хорошо, когда их карагасами называют. Они обижаются, ко-

гда их остяками называют» (Пелих Г.И., 1972, с. 240). Ныне этноним *карагас* не забыт потомками. В томской газете «Народная трибуна», 1991 г., № 47 чулымец Павел Барсагаев, автор статьи «Чулымцы», писал, что мать его, казачка по происхождению, в пылу семейных ссор бросала отцу Павла: «Карагас нерусский!».

Томские карагасы считают себя народцем, отделившимся от урянхайцев (Иванов П.Г., 1927, с. 13). Они знают урянхайцев только как жителей Тувы, которые проживали тогда по притокам Енисея.

Обобщим в основном этнографические материалы и предания по саянским и томским карагасам:

1) томские и саянские карагасы, изначально самодийскоязычные, родственны между собой (Пелих Г.И., 1972). Они были потомками носителей кулайской культуры (эпоха раннего железа), которые примерно на рубеже эр стали центробежно мигрировать из левобережья Нарымского Приобья, в том числе и на Саяны;

2) саянские карагасы – это самодийцы, перешедшие в XVIII в. на тюркский язык типа тофаларского, но сохранившие на некоторое время (период двуязычия) своё самоназвание;

3) томские карагасы на юг Томской области вернулись из Восточного Саяна по Чулыму уже тюркоязычными. Но они сохранили память о своей былой принадлежности к самодийцам-карагасам. Это потомки кулайцев, которые в первые века новой эры ушли из Томского Приобья, в том числе и на Саяны.

Тофалары

Обычно существует расхожее мнение о том, что тофалары – это отюреченные карагасы, чему возразить трудно. Но почему-то не решался этот вопрос в иной плоскости: если карагасы наряду с языком восприняли и новый этноним, следовательно, тюрки, ассимилировавшие самодийцев-карагасов, назывались тофа. Но кто это был? М.А. Кастрен предполагал, что самоедов «отатарили» качинцы, которые карагасам передали новые родовые названия: ирге, тарак, тйогды, богожи. При этом род богожи переселился с родами чептей и тулай из Тункинской котловины. В.В. Радлов считал, что тофы – это близкие родственники якутов и сойотов. По мнению Н.Ф. Катанова, тофалары – это урянхи, так как обе группы называли себя одинаково – туба. П.Г. Иванов (1927) писал, что карагасы свободно объясняются с урянхайцами – таёжными тувинцами. Однако это не свидетельствует об участии тувинцев в тюркизации

карагасов: лингвист В.И. Рассадин (1971) выяснил, что тофаларский язык не испытал тувинского влияния.

Внешний вид тофаларов, ещё известных под именем карагасов, описал В.Н. Васильев (1910). Карагасы сухощавы и слабосильны. Сложены пропорционально. Глаза карие и тёмно-карие, иногда почти чёрные. Нос прямой и преимущественно широкий, хотя попадаются и сравнительно узкие носы. Скулы выдающиеся, выпуклые. Рот небольшой с толстыми губами. Цвет кожи смуглый. Волосы чёрные и довольно жёсткие.

Женщина тофа с ребенком (снимок 1945 г. по: Мельникова Л.В., 1994)

Встречаются индивиды с мягкими курчавыми волосами. Растительность на других частях тела крайне скудная.

Примечательно упоминание В.Н. Васильева о курчавых волосах, крайне нехарактерных для монголоидов. Однако следует вспомнить сообщение В.И. Анучина о том, что по наблюдениям в 1905–1906 гг. (Анучин В.И., Синельников Н.А., 1911) среди енисейских остяков (кетов) были зафиксированы три остяка с курчавыми (как у папуасов) волосами, а лиц с волнистыми волосами В.И. Анучин встречал много. Не является ли это дополнительным подтверждением тюркизации тобасцами кетоязычных групп? Реликты коттского языка в тофаларском были вполне определённо отмечены В.И. Рассадиным (1969).

На основании исследований М.Г. Левина, Ю.Г. Рычкова можно сделать предположение об антропологической близости тувинцев-тоджинцев, тофалар и западных эвенков и принадлежности их к канганскому типу. Для этого типа характерны брахикrania (круглоголовость), низкое уплощённое и широкое лицо. Однако для них характерна и тёмная пигментация глаз и волос, что не очень характерно для самодийцев.

Как показали лингвистические исследования (Рассадин В.И., 1971), тофаларский язык содержит немало субстратных (самодийских и кетских) слов, имеет поздние монгольские и тюркские заимствования, но основа его древнетюркская. Тофаларский не испытал тувинского влияния

Можно думать, что тофалары (*тофа*) являются прямыми языковыми потомками древних *тоба/топа*. Этноним *тыва* является производным от *тофа*. Он распространился вначале на жителей Тоджи, а затем и на остальное население Тувы.

Первые сведения о тофаларах дал пленный поляк Юзеф Копец, участник восстания Тадеуша Костюшко (Титова З.Д., 1978). Сводка об истории этнографических и лингвистических исследованиях тофаларов составлена В.И. Рассадиным (1975). Полный этнографический очерк современных тофаларов дан в монографии Л.В. Мельниковой (1994). Монография содержит подробный очерк исследования тофалар, составленный В.В. Свининым. В материалах Л.В. Мельниковой очень мало сведений о происхождении тофалар (с. 30–41). Численность тофалар в 1920–30-е гг. была довольно стабильной – 416–419 чел. На 1978 г. тофаларов числилось примерно 800 чел. (Брук С.И., 1981, с. 208).

Кайдынцы

Кайдынцы были известны как род казан-кайдын (Козьмин Н., 1918). По первым русским сведениям, кайдынцы жили в Восточном Саяне по р. Кизыр, одному из истоков р. Туба. Их быт кратко описывает Е. Пестерев (1793). По его данным, прежде страна их считалась богатейшей (по численности населения. – *А.М.*) в Красноярском уезде, в настоящее время (1772 г.) её очень обезлюдил оспа. Два раза в год кайдынцы идут на охоту вверх по течению Кезира (Кизира. – *А.М.*) и Шимды (Шинды. – *А.М.*) в берестяных лодках. В Кезире, а также в других реках они ловят такое количество рыбы, что она является долгое время их главной пищей. Некоторые из кайдынцев – земледельцы. М.А. Кастрен предполагал, что изначально кайдынцы (род Кайденг) были кетами по происхождению, но в XVIII в. они были уже тюркоязычными. Близкое соседство с тофаларами позволяет считать, что именно последние ассимилировали кайдынцев, тем более что обе группы насельников Восточного Саяна были близки по быту и хозяйственным занятиям. Хакас Пётр Угдыжеков говорил нам, что по р. Кизыр в 60-х гг. он встретил тюрков, язык которых, к своему удивлению, хорошо понимал.

О языке кайдынцев сохранилось очень мало сведений. Наиболее доступной и, пожалуй, единственной является работа М.И. Боргоякова (1981). Для языка кайдынцев характерны две особенности: 1) употребление в начале слова *ж* (или *зи*) там, где кызылы употребляют *й*, кайдынцы – звонкий *дж* или *зж*, сагайцы и бельтиры глухой *ч* (кайд. *жу-*

рек, кыз. юрек, саг. чурек, кач. джурек 'сердце'); 2) слабое проявление ротацизма. В четырёх словах отмечено использование *p* вместо ожидаемого *z* (*урун* вместо *узун* 'длина', *урун* вместо *узен* 'долина', *берюк* вместо *безюк* 'высота, высокий', *ижеры* вместо *иджези* 'его мать'). По-видимому, это реликты языкового влияния гурской группы языков или даже бывшее пребывание отюреченных предков кайдынцев в составе этой группы. По *ж*-признаку кайдынский язык сближается с языками кыпчакской группы (казахским и киргизским). Следует отметить, что сочетание ротацизма и жоканья было свойственно болгарскому языку (Бахтиев Ш.З., 1990).

Тубинцы

В правобережье Енисея по р. Туба когда-то обитал народ, известный в литературе как тубинцы (И. Георги, 1799, с. 17). Сведений о их быте и языке нет. Сам И. Георги считал его самоедским коленом, которое получило своё имя по реке. Действительно, в бассейне р. Туба имеются самодийские (камасинские, маторские?) гидронимы: Салба (<Салбу). Очевидно, самодийцы включены в состав тубинцев ошибочно, лишь по месту проживания на р. Туба. А название реки и Тубинского княжества произошло от этнонима *туба*. Более никакими сведениями о тубинцах по р. Туба мы не располагаем. В первой половине XVII в. русские власти чётко различали по верхнему Енисею следующие группы населения: киргизы (кыргызы), маторы, тубинцы. Если маторы вполне определённо были самодийцами по языку, а кыргызы – тюрками, то языковая принадлежность тубинцев остаётся неясной. Можно только предполагать, ориентируясь на племена с близкими по звучанию названиями (тофа, тувинцы, тубалары), что они были тюрками. Возможно, род киргиз, или туба, отмеченный Н. Щукиным (1856) среди десяти родов качинцев, является выходцем из тубинцев. Этот род отмечался ещё во времена И. Георги (1799, с. 17), который писал, что он *«ни языком, ни житиём от качинцев не отменен»*.

Чулымские тюрки

Чулымские тюрки не имеют самоназвания. Вместо него они употребляют *пистинг кижги* 'наш человек'. В научной литературе они были известны как чулымские татары, мелеские (мелецкие) татары, мелецкие

инородцы, чулымские инородцы (Томилов Н.А., 1987). По данным А.П. Дульзона (1971а), русское население по Чулыму и Шегарке называет их карагазами. Связь чулымцев с самодийцами-карагасами недостаточно ясна, хотя и не исключается. В этом отношении они близки, если не родственны, томским карагасам.

В своё время (70 лет назад) В.В. Радлов в составе чулымцев выделял три группы: 1) кецик – к югу от Мариинска, 2) куэрик – к северу от Мариинска и 3) собственно чулымцы – к северу от низовий Кии, по р. Чердаг. В русских документах XVII в. выделяются следующие группы: чулымские земли, киргиссы и мелесы (милисы). Киргиссы получили название в связи с зависимостью их от кыргызов (Томилов Н.А., 1987). Мелесы фигурировали в летописи танской династии (618–907 гг.) как милиге. По ранним русским документам они известны как мелесские татары. Среди мелецких татар род *байгул* можно сопоставить с телесским поколением *баегу* китайских источников или *байырку* орхонских надписей. В китайских документах баегу описаны так: «*Страстно любили звериную ловлю; землепашеством мало занимались. Гонялись по льду на лыжах за оленями. Обычаи большей частью сходствовали с тйелэскими; в разговоре была небольшая разница*» (Бичурин Н.Я., 1950, с. 344).

Чулымцы являются представителями своеобразного антропологического типа, для которого характерна довольно выраженная монголоидность в сочетании с низким лицом. Они более монголоидны, чем соседние селькупы и кеты, и лишь немногим уступают в этом тунгусам. Автохтонный (дотюркский) элемент, вошедший в состав чулымцев, также имел монголоидный облик и, судя по малой высоте лица, не является центрально-азиатским (Дебец Г.Ф., 1947).

Более поздние антропологические исследования показали (Дрёмов В.А., 1984; Тюрки..., 1991), что при некотором различии все группы чулымцев близки между собой. Их объединяют общая грацильность строения черепа, небольшая высота мезобрахикранный черепной коробки, неширокий, средненаклонный лоб, невысокое, относительно низкое и умеренно уплощённое орто-мезогнатное лицо, средняя высота орбит, средняя высота переносья и слабое выступание носовых костей над линией лицевого профиля. Чулымцы низовий Яи и Кии выделяются более широким лицом, черепа из сёл Рубеж и Балагачево-Тургая имеют необычную для Сибири малую высоту лица (Тюрки..., 1991, с. 169). По краниологическим признакам, профилированности лица и выступанию носа чулымцы не более монголоидны, чем теленгиты, тувинцы, но по сравнению с нарымскими селькупами, томскими татарами, бачатскими

телеутами, шорцами, хакасами они имеют более уплощённое лицо и менее выступающий нос. Чулымцы близки тюркскому населению окрестностей Томска (Тоянов городок) XVI–XVII вв., что с очевидностью свидетельствует о чулымско-тюркском происхождении томских татар. Чулымский антропологический тип близок саяно-енисейскому, выделенному М.Г. Левиным среди тофалар, тувинцев-тоджинцев, и катангскому, выделенному Г.Ф. Дебецом у западных эвенков (Дрёмов В.А., 1984). По мнению Ю.Д. Беневоленской (1984), катангский тип имеет собственные древние (неолит) корни, и занимал он обширную территорию между Енисеем и Леной. Известные черепа с Лены (Туой-Хая) и Базаихи у Красноярска близки к катангским (очень низкое лицо явно монголидного типа, брахикрания) и отличаются от черепов байкальского типа из Шилкинской пещеры (долихокрания, широкое, очень высокое лицо).

Чулымцы, эта небольшая изолированная группа тюркского населения по среднему течению Чулыма (правый приток Оби), в лингвистическом отношении изучена слабо (Дульзон А.П., 1971; Бирюкович Р.М., 1984). Но и имеющиеся сведения указывают на большую его древность. По данным Р.М. Бирюкович, чулымцы сохранили в строе своего языка архаичные черты. В лексике отмечается значительное число древнетюркских слов с сохранением в большинстве случаев древнего звуково-

Чулымец Шумилов Андрон Иванович с сыном Никитой из с. Ново-Шумилово Тегульдетского района Томской области (личный архив Э.Л. Львовой)

го облика слова, в особенности вокализма. В качестве примера пратюркских слов Р.М. Бирюкович приводит *и:к*¹ ‘веретено’, *кәл* ‘приходить’, *о:т* ‘желчь’, *о:ч* ‘злоба’, *пәш* ‘пяť’, *сол* ‘левый’, *сөс* ‘слово’, *суз* (последний согласный – фрикативный) ‘вода’, *төрт* ‘четыре’, *то:с/тос* ‘береста’ и др. В отличие от других тюркских языков Сибири в чулымском очень мало монгольских заимствований, единичны слова арабско-персидского, китайского и кетского происхождения. Последнее несколько неожиданно, так как Среднее Причулымье богато кетскими (пумпокольскими) топонимами. Термины родства и система счёта времени близки к таковым хакасским и шорским. Наблюдаются параллели с уйгурским языком, что и вводит язык чулымцев наряду с шорским и хакасским в группу уйгурских. Межтюркская лексика отрицает связь чулымцев с сибирскими татарами. Тюркский язык чулымцев мигрировал не с Алтая, а от енисейских и саянских тюрков. К такому мнению пришёл Н.М. Ядринцев, а позднее, по топонимическим данным, А.П. Дульзон.

Э.Л. Львова (1981), основываясь на этнонимах чулымцев, также пришла к выводу о их теле-уйгурской языковой принадлежности. Некоторые этнонимы или родовые названия среднеобских тюрков уверенно сопоставляются с приведёнными в перечне 15 древнейшими телесскими поколениями. В частности, у жёлтых уйгуров, прямых потомков уйгуров-теле, совпадает название сёока *темерчин* (темурчин) с названием инородческой волости Темерчи (Тымерчи). У Фалька, по записям 1786 г., – *Temerzi jon* ‘темерчинский народ’.

В языке чулымцев ныне различают два диалекта – ниже- и среднечулымский. В частности, для первого характерен *й*-признак (*айак* ‘нога’), для второго – *з*-признак (*азак* ‘нога’). Приёмы ареальной лингвистики (анализ фонетических и морфологических изоглосс) позволяют дать заключение, что чулымско-тюркский в своих двух диалектах является самостоятельным языком и относится к языкам Саяно-Алтайского ареала (Тюрки..., 1991, с. 124). При этом отмечается, что в строе чулымско-тюркского имеются уйгурские (шире – восточно-тюркские) и кыпчакские черты. При этом восточно-тюркскими языками признаются хакасский, шорский, тувинский, тофаларский, а также отдельные диалекты уйгурского языка. Уйгурские элементы сближают чулымско-тюркский язык с языками южно-уйгурским и сарыг-югурским. Заметны кыпчакские черты. Согласно исследованиям (Тюрки..., 1991, с. 125), чулымско-тюркский язык – это язык смешанного типа, в кото-

¹ Двосточие указывает на долготу гласного.

ром преобладают черты восточно-тюркских. Кыпчакские элементы менее представительны. Первые обуславливают те характерные особенности чулымо-тюркского языка, которые выделяют его среди других тюркских языков сибирского ареала.

Терминология родства и система счёта времени чулымских тюрков наиболее близка кызыльской и шорской. Однако по внутренней форме эти термины совпадают с селькупской номенклатурой, что объясняется влиянием самодийского субстрата (Бирюкович Р.М., 1984). Несомненно верным является вывод А.П. Дульзона, который ещё в 1959 г. сказал, что «чулымские тюрки сложились как особая народность ...путём ассимиляции тюрками селькупского и кетского субстрата – более древних аборигенов Чулыма» (1959, с. 94).

В связи с относительной географической изоляцией чулымско-тюркский язык сохранил в своём строе архаичные черты. В нём отмечаются достаточно большое количество пратюркских слов с древним звуковым обликом, в особенности по части вокализма. Большинство односложных корней соответствует звуковому составу пратюркских форм, реконструированных А.М. Щербаком. Это можно проиллюстрировать следующим малоизвестным примером.

В архиве И.Е. Фишера (ААН, СПб. отд.-е. Ф. 21. Оп. 5. № 49. Л. 29–33) имеется русско-чулымский словарь из 50 слов, в котором приведены термина родства, не бытующие у других тюрков: *walam* ‘дитя’, *koss-walam* ‘дочь’, *ür-walam* ‘сын’, *djén-walam* ‘внук’.

В приведённой форме *walam* понятие ‘дитя’ не известно ни в тюркских языках, на в других языках народов Сибири. Но в некоторых (алт., ног., калп., кирг., караим.) известно *бала* ‘дитя’, шор. *пала*, которое можно признать арийским заимствованием (сскр. *bala* ‘юный, детёныш’, непал. *бал* ‘юный, ребёнок’. Возможно, здесь присутствует фонетическое искажение арийского слова (*walam* < *бала*). Либо этот звук в начале слова является показателем позднего фонологического состояния языка. В наиболее ранний период развития языка губные согласные были представлены только фонемой *p/n*. Её аллофонами (конкретное звучание при реализации) были *b/b* ~ *f-v/ɸ* ~ *w/v* ~ *m/m*. Например, слово ‘петух’ может алтайцами произноситься как *питух*, *битух*, *митух*, *витух*. Такая же картина отмечается и при положении в середине слова: *кебе* ~ *кеме* ~ *кеве* (редко) ‘лодка’, *семер* ‘север’. Наиболее последовательно *w/v* в начале слова сохранился в чувашском языке (Баскаков Н.А., 1988). Фонема *m* в финальной части слова является обычным для тюркских языков грамматическим окончанием, показывающим принадлежность термина к первому лицу (*walam* ‘моё дитя’).

А.П. Дульзон (1952) писал, что чулымско-тюркский язык сходен с кызыльским наречием хакасского языка.

Примечательно, что в отличие от других тюркских языков Сибири в чулымско-тюркском имеется очень незначительное количество монгольских заимствований. По-видимому, носители языка оторвались от тюрков Южной Сибири (пеших таёжных охотников) рано, не испытав заметного монгольского влияния. Оторванность ареала чулымских тюрков от монгольского защитила их от проникновения монгольских слов, чего не избежали таёжные тюрки в Алтае-Саянском нагорье.

Если исходить из всех особенностей языка чулымцев, то о формировании этой группы тюрков можно сказать следующее: 1) чулымцы – это потомки восточных тюрков (тоба); 2) уйгурские элементы обусловлены: а) наличием этих признаков в самом тоба-языке или б) более поздним притоком уйгурского населения в среду потомков тоба (менее предпочтительное объяснение); 3) кыпчакское влияние проявилось поздно и связано с проникновением с запада предков сибирских татар. А более ранние предки чулымцев? Кто жил здесь до прихода тюркоязычных тоба? В целом по антропологическим материалам чулымцы являются двукомпонентной популяцией, в которой отмечается два пласта: 1) древний аборигенный (таёжное население) и 2) пришлый (тюркское население южно-сибирского расового тина). Среди аборигенов, несомненно, выделяется самодийский элемент. Это, очевидно, самодийцы-карагасы, как называли себя носители кулайской культуры, или их часть.

Численность чулымцев вследствие ассимиляционных процессов с каждым годом уменьшается (Кулемзин В.М., 1995). Ныне менее сотни человек общаются на родном языке (Кулемзин В.М., 2002). К тому же предпринимаются попытки «породнить» малочисленных чулымцев с хакасами, то есть считать их ветвью хакасского народа. Действительно, чулымцы близки хакасам, но всё же есть и отличия. Сами они неохотно отождествляют себя с хакасами, всегда подчеркивая свою культурную и языковую самобытность (Томилов Н.А., 1987). Красноярский этнограф В.П. Кривоногов в преддверии всероссийской переписи 2002 г. обратился к коренным тюркам Тяхтетского, Бирилюсского районов Красноярского края и Тегульдетского Томской области, рекомендуя им записываться чулымцами. В его газетной заметке («Красноярский рабочий» от 20.09.2002 г.) приводятся сохранившиеся фамилии чулымцев: Тамочевы, Байдашевы, Кондяяковы, Кулеевы и название посёлка, где живёт основная часть чулымцев – с. Пасечное.

Кызылы

Считается, что эта группа тюркоязычного населения по Июсам (верховья Чулыма) получила своё название от тюрк. *кызыл* ‘красный’, что, возможно, является народной этимологией, так как неясны причины такой цветовой номинации этнической группы. Одной из версий может быть следующая. Известно, что к приходу тюркоязычных гянгуней (предков кыргызов) в Минусинской котловине жили ираноязычные динлины, лица которых показались пришельцам красными, а глаза зелёными.

Но одно несомненно – в жилах кызыльцев течёт тоба: среди них известен сёк *тумат*, представители которого носят фамилию Байдошевы (Бутанаев В.Я., 1984). По Белому Июсу от оз. Чёрного до оз. Айран-коль (оз. Рейнголь в Ширинском районе Красноярского края) и ныне известен топоним Тумат чазы ‘туматская степь’. Охотничьи угодья сёка находились в верховьях р. Бел. Июс в местности Тумат сазы ‘туматское болото’ (Бутанаев В.Я., 1995).

К приходу тюрков на территории кызыльцев жили самодийцы, о чём свидетельствуют многочисленные поселения носителей кулайской культуры (исследования С.А. Краснолуцкого, 2003) в районе г. Шарыпово. Кроме того, среди кызыльцев известен самодийский по происхождению род нарбазан. Однако приход его на Чулым предполагается из Саян (с р. Нарбу, ныне Нарва) сравнительно недавно (в XVII в.?).

Антропологический тип кызыльцев изучен сравнительно поздно. В 1972 и 1973 гг. В.А. Дрёмов раскопал кызыльские кладбища XVIII–XIX вв. у пос. Агаскыр Орджоникидзевского и Ошколь – Ширинского районов.

Кызыльцы Ошколя характеризуются средними величинами продольного и поперечного диаметров черепной коробки, мезокранной по указателю профилей. Высота черепа небольшая. Наименьшая высота лба малая, развитие лобного рельефа и наклон лба умеренные. Лицо довольно широкое и высокое (137 и 74,3 мм), среднеуплощённое, ортогнатное, в том числе и в альвеолярной

Кызылец Тарханов Иван Антонович
(семейный архив)

части. Орбиты крупные, средневысокие. Нос довольно высокий среднеширокий, переносье среднеширокое и средневысокое, выступание носовых костей несильное.

Кызыльцы Агаскыра несколько отличаются от соплеменников из Ошколя. У них более крупная черепная коробка, более широкое, но более низкое также ортогнатное лицо, абсолютно и относительно менее высокие нос и орбиты, менее выступающие переносье и носовые кости.

Несхожесть кызыльцев Ошколя и Агаскыра имеет своё объяснение. В Агаскыре преобладали кызыльцы шуйского и курчиковского родов, а в Ошколе преобладали кызыльцы малоачинского рода.

А.И. Ярхо (1947) отметил, что кызыльцы – это самые низкорослые представители тюркоязычного населения Алтае-Саян: средний рост мужчин составил 159,72 см, женщин – 147,27 см.

В общем же антропологически кызыльцы, особенно из Агаскыра, тяготеют к южным тюркам, в частности, к хакасам (сагайцы, бельтиры), шорцам и северным алтайцам (Багашёв А.Н., 2002, с. 94).

Качинцы

Происхождение качинцев неясно. Некоторые авторы связывают их с тобольскими татарами, которые откочевали на Енисей после разгрома Кучума. Однако в их составе отмечены сеоки тыин-ара явно кетского (точнее, аринского) происхождения и сеок туба (Ярхо А.И., 1947), что свидетельствует о его гетерогенности. Возможно, качинцы – это часть тоба, ушедшая по Енисею далее других. Н. Щукин (1856) среди десяти родов качинцев отмечал род киргиз или тубу. Этот род отмечал ещё И. Георги (1799, с. 17), но уже тогда он был *«малолюден и ни языком, ни житиём от качинцев не отмёнен»*.

Качинцы от кызыльцев отличаются бóльшим головным указателем, менее высоким лицом, более выраженной узколицестью, спинка носа не столь прямая. Лицо у качинцев не столь плоское, как у других народностей Хакасии.

После строительства Красноярского острога (1628 г.) качинцы откочевали на юг. Ещё в XIX в. они обитали на р. Туба, правом притоке Енисея (у с. Городок). В XIX в. они кочевали по левому берегу Абакана от впадения его в Енисей до устья р. Аскиз, а также по притокам Абакана – Ташебе, Уйбату, Камыште и др., по Белому Июсу и его притокам. Ныне полностью ассимилированы.

Хакасы

Хакасы по внешнему виду существенно отличаются от центрально-азиатских монголоидов – теленгетов, некоторых тувинцев, южных алтайцев – некоторыми европеоидными признаками. По сравнению с другими тюрками гор Южной Сибири они более светлые (глаза обычно светло-карие, волосы каштановые), лицо поменьше, переносье повыше, скуластость не так резко выражена, меньше развита складка века, реже встречается эпикантус. Всё это можно отнести на счёт слабовыраженной европеоидности.

В этногенезе хакасов принимали участие ирано-, самодийско-, кето- и тюркоязычные племена. Процесс этот был длительным. Начало ему положено в таштыкское время.

Проблема таштыкской культуры. Рубеж эр в Хакасско-Минусинской котловине отмечен формированием таштыкской археологической культуры. Нижний возрастной рубеж культуры определяется в пределах I в. до н.э. – I в. н.э., верхний – V–VI вв. н.э. (Вадецкая Э.Б., 1986). Все исследователи считают, что таштыкская культура генетически связана с предшествующей тагарской (с VIII–VII по III в. до н.э.). Однако не все исследователи связывают хакасов с носителями этой культуры.

Хакасы. Слева Яков Иванович Сунчуганов, ссок харга (из архива Ю. Уголькова). Справа Михаил Гаврилович Танзыбасов, ссок соххы (из архива каф. почвоведения Томского госуниверситета)

Таштыкское население отличалось от тагарского более грацильным черепом, но заметно низким и круглым. Лицо было узкое, но по высоте как у тагарцев. При всём этом таштыкцы обладали монголоидными признаками – уплощённостью лица и носа. Такое сочетание – малые размеры лица при его уплощённости – характерно только для северных (таёжных) монголоидов. Эта монголоидность связана с приходом с севера лесных жителей, по мнению В.П. Алексеева (1973), самодийцев. На наш взгляд, самодийцам предшествовали кетоязычные группы, которые внедрились в ираноязычную популяцию несколькими веками раньше. Влияние северного таёжного компонента в этногенезе хакасов столь велико, что это ныне тюркоязычное население антропологически очень близко населению уральского типа.

Третьим компонентом таштыкской культуры были центрально-азиатские монголоиды. Приток центрально-азиатского населения в Минусу, по мнению В.П. Алексеева (1973), начался в VII–VI вв. до н.э. и отмечен на протяжении всего бытования тагарской культуры. Но эти пришельцы были малочисленны, и их моголоидная примесь была, по выражению В.П. Алексеева, распылена по отдельным признакам. Не ранее как в III–II вв. до н.э. в Минусинские степи из Центральной Азии стали поступать «чистые» монголоиды без всякой европеоидной примеси. По нашему мнению, в тагарское время на Енисее не было монголоидов центрально-азиатского типа со своим языком. Был лишь приток ираноязычных европеоидов-тагарцев, претерпевших в Центральной Азии слабую метисацию. Именно эти метисы и «отметились» в Хакасско-Минусинских степях. А в таштыкское же время пришли «чистые» монголоиды центрально-азиатского типа без всякой европеоидной примеси. Пришли они из двух центров: из Монголии – Центральной и Восточной (гяньгуни) и из верховий Амура (р. Онон) по горам Южной Сибири (тоба).

Последнее предположение спорно, таит в себе бездоказательные допущения, но, тем не менее, нам представляется вполне реальным.

С одной стороны, маршрут тоба (тобасов) из Забайкалья на запад по горам Южной Сибири завершился в прителецкой тайге (тубалары). По дороге они оставили часть популяции (тофалары Восточных Саян). Хакасско-Минусинская котловина находится между тофаларами и тубаларами. Миновать тобасцы упомянутую котловину не могли. О пребывании здесь группы тоба свидетельствуют как топонимы (р. Туба, правый приток Енисея, и Туматская степь в отрогах Кузнецкого Алатау), так и исторические факты. Василий Тюменец в 1616 г. пересекал минусинские степи и саянский хребет. В его записях имеется фраза о том, что он

из кыргызской земли перешёл в тубинскую и тубинцы жили не по р. Туба, а по склонам гор. Образ жизни их был типично охотничье-таёжный: они переходят, где кому полюбится, с оленями и козами, едят они козье мясо, платье себе делают из кож; хлеба у них не родится, коров и овец нет. Н.Н. Козьмин (1925) сообщал, что Шифнер, Радлов, Катанов и Ядринцев отмечали самоназвание части абаканских татар *туба*. В среде хакасов эти тубаи выделялись особо, о чём свидетельствует записанная от хакасов дразнилка: *Туба, туба, тубачах, тумзугычагы харачах – «туба, туба, тубинцы с носами – чёрными концами»*. В.Я. Бутанаев (1994) зафиксировал только одну фамилию – Бочегуровы – тубинского происхождения.

С другой стороны, известен приход в котловину гянгуней, предков кыргызов. Трудно представить, что речь идёт об одних и тех же монголоидных племенах, т.е. гянгуня – это тоба, а тоба – это гянгуня. Об этом свидетельствуют, в частности, различия в их языке: тоба, судя по их прямым потомкам, тофаларам, были *d/ð*-язычными, гянгуня, судя по их потомкам, кыргызам, – *z/ʒ*-язычными. *Это различие отразилось и в последующих особенностях языка енисейских и орхонских рунических письмён.*

Кыргызы района Фууй являются отколовшейся частью енисейских тюрков, их язык удержал много древнего и фонетически очень близок к разговорному языку древних кыргызов. И этот язык, в свою очередь, очень близок к языкам качинскому и жёлтых уйгуров (сары-югуров). Любопытно, что разговорный язык средневековых сары-югуров (Центральный Китай) таже имел *z/ʒ*-признак, в то время как литературная норма сохраняла уйгурский *d/ð*-признак (Малов С.Е., 1957). По мнению Э.Р. Тенишева (см.: Боргояков М.И., 1981, с. 85), *z/ʒ*-признак в языке сары-уйгуров – это наследие вхождения в их состав древнего кыргызского элемента.

Нам представляется, что примерно на рубеже эр в Хакасско-Минусинскую котловину пришли две самостоятельные, но в общем-то близкие тюркоязычные группы – охотники тоба и скотоводы гянгуня (кыргызы). Последние заняли и длительное время удерживали правящую роль в этой гетерогенной популяции, первые же благодаря своей многочисленности сохранили свой язык уйгурского типа, который несколько трансформировался под влиянием кыргызского, приобретя *z/ʒ*-признак.

В отношении языка пришельцев имеются следующие точки зрения. В.П. Алексеев допускал, что это были тюрки без конкретной расшифровки этнонима. Д.Г. Савинов (1984) не исключает их гянгунское (кыргызское) происхождение. По его мнению, эти компоненты

(потомки тагарцев, монголоиды северные и центрально-азиатские), сведённые в один культурный пласт, составили основу культуры енисейских кыргызов (с. 26). Д.Г. Савинов считает установленной непосредственную преемственность между таштыкской культурой и культурой енисейских кыргызов (обряд трупосожжения, конструктивные детали погребальных сооружений, набор предметов сопроводительного инвентаря и пр.). Этот исследователь предполагает, что таштыкская культура соответствует владению Цигу I тыс. до н.э. Более того, Д.Г. Савинов усматривает ряд параллелей в культурах древнекыргызской и древнетюркской (тюркютской), которые нельзя объяснить только культурными заимствованиями в период существования созданных ими государственных объединений во второй половине I тысячелетия н.э. *«Очевидно существовала и общая субстратная основа раннекыргызской и раннетюркской (тюркютской. – А.М.) культур»* (Савинов Д.Г., 1984, с. 47). И закреплено это в древнетюркских генеалогических преданиях о родственности династии Ашина и одного из братьев легендарного Нодулушада, который основал раннекыргызское владение Цигу.

В.П. Алексеев (1973), основываясь на сложившемся единстве антропологического типа носителей таштыкской культуры, предполагал, однако не настаивая на этом, что таштыкское население было консолидированным, как по культуре, так и по языку, с чем трудно согласиться. Последующая история, вплоть до русского времени, показывает, что в Хакасии с давних пор сохранялись локальные разноязычные группы – самодийцы, кеты, длительное время сохранялись ираноязычные группы. Да и тюркоязычный пласт не был однородным. Представление о близости физического типа жителей Хакасии в таштыкское время базируется на материале тюркской антропологии: кеты и самодийцы практиковали наземное захоронение и их антропология практически не изучена.

Гянгунь, если судить по их потомкам – кыргызам, хоронили умерших по обряду трупосожжения. Но детали этого обряда различались. Таштыкцы пепел сожжённых на стороне покойников хоронили внутри человекоподобного манекена и лишь в редких случаях помещали его в сосуд или короб. Кыргызы, потомки гянгуней, хоронили пепел в глиняных урнах, берестяных туесах и просто в упаковке, но не делали манекенов – имитации погребённых. В связи с этим Э.Б. Вадецкая (1984) предполагала, что средневековые кыргызы могли заимствовать обряд сожжения у таштыкцев или наследовать его от гянгуней. Нужно отметить, что в раннем средневековье обряд трупосожжения отмечался не только у гянгуней/кыргызов, но и у других народов Сибири – племён по Томи (самодийцев?), у шурмакцев Тувы, у тюркютов. Обряд послед-

них был схож с таштыкским: тюрки сжигали только знатных людей, таштыкцы – воинов. Все эти факты подтверждают формирование хакасов из разнородных компонентов. Фоностатистические расчёты также подтверждают, что хакасский язык образован из различных источников, в том числе явно проявляется родственная, по выражению В.А. Никонова (1989), огузо-сельджукская струя.

Предполагавшаяся ранее прямая генетическая связь хакасов с кыргызами не подтвердилась. Л.Р. Кызласов совершенно правильно предостерегал ещё в 1969 г., что смешивать и отождествлять термины *хакас* и *кыргыз* или подменять их друг другом – ненаучно.

Таким образом, этногенез современных хакасов был длительным и сложным. В этом процессе приняли участие иранцы, сибирские монголоиды (кеты, самодийцы), центрально-азиатские монголоиды (гяньгуни и тобасы). Участие хуннов в этом процессе, очевидно, было символическим (рис. 14).

Идею о гетерогенности хакасов чётко сформулировал Н.Н. Козьмин (1925), который считал, что в их этногенезе приняли участие группы племён:

- тубинская (уйгурская) – охотники, люди черни (йыш-кизи), туба, байгода, мадор;
- хакасская – собственно турки;
- кыргызская – степняки-скотоводы: кыргызы и буруты.

Таким образом, хакасы – это молодой этнос, сформировавшийся в XIX в. из нескольких древних разноязычных групп: тюркских групп тобаского (качинцы, кызылы, сагайцы, бельтиры) и кыргызского происхождения, а также кето- и самодийскоязычных и ассимилированных в большой древности (первая половина I тысячелетия) иранских групп.

Рис. 14. Этнические компоненты хакасов

Тувинцы

При знакомстве с населением Тувы первые русские называли их саяны, сояны, саянцы. По типу занятий они делились на две группы: 1) охотники-оленьеводы, жители горной тайги и 2) скотоводы (в основном по р. Хемчик). Русские в XVII в. называли тех и других саянцами.

В этногенезе тувинцев, более известных в прошлом как урянхи или сойготы, принимали участие ираноязычные племена (возможно, арийцы), кеты, самодийцы, тюрки.

Китайская письменная традиция все эти северные народы именовала динлинями, в составе которых были и тюркоязычные племена. В первую очередь это относится к той части сянбийцев, которые известны были под названием тоба (to-ра). Они носили косы и назывались косоплётцами (Сердобов П.А., 1971).

Начальный этап этногенеза тувинцев начался в гунно-сарматское время и связан с влиянием хуннов. Хуннское погребение Бай-Даг II было открыто А.М. Мандельштамом. Это каменные курганы трапециевидной формы с пристройками (дромосами) и глубокими могильными ямами, в которых находились гробы, помещённые в узкие прямоугольные срубы. Аналогично их можно увидеть в погребениях хуннской знати в Монголии (Ноин-Ула), хуннских курганах Забайкалья (Ильмовая падь и др.). Пребывание хуннов в Туве зафиксировано улуг-хемской культурой (II в. до н.э. – IV в. н.э.).

Материалы Кокзельского могильника (первая половина I тысячелетия н.э.) в долине Хемчика отражают следующий этап тюркизации Тувы. Кокзельские погребения – это одиночные захоронения в деревянных гробах, колодах или грунтовых ямах под каменными курганами и большие курганы-кладбища с десятками таких же могил (Савинов Д.Г., 1984, с. 23). Памятник Кокзель дал обилие артефактов, которые, однако, не позволяют надёжно определить этническую принадлежность населения, оставившего этот могильник. С одной стороны, явно хуннское влияние (костяные накладки луков хуннского типа, прямоугольные гробы со специальными отсеками для бытовых предметов и др.), с другой, кокзельские памятники надёжно отличаются от собственно хуннских. Кокзельского типа погребения впущены в ограбленные курганы хуннского памятника Бай-Даг II.

Памятники кокзельского типа не связаны ни с погребениями скифского времени, ни с улугхемской культурой, ни с хуннскими курганами типа Бай-Даг II. *«Они появились в Туве сразу и в достаточно большом количестве, что может иметь место только в результате массовой миграции*

пришлых групп населения, ассимилировавших местные племена» (Савинов Д.Г., 1984, с. 24). Всё же можно предположить, что это не были кыргызы, племена тоба или предки тюркотов. Но кокольцы были или в родстве с хуннами, или долгое время находились под их влиянием.

Кокольцы в Туве исчезли также быстро, как и появились. Дальнейшая судьба их неизвестна. Не являлись ли они родственниками берельцев Алтая, в которых некоторые исследователи видят докаганатские племена объединения теле?

Кыргызы, похоже, в докаганатское время (первая половина I тысячелетия до н.э.) не обитали в Туве. Появление их там связано со временем кыргызского «великодержавия», когда кыргызы разгромили Уйгурский каганат (840 г.). Языкового влияния кыргызы на жителей Тувы не оказали, о чем можно судить по отсутствию в тувинском языке *2/3-признака*.

В XVII в. русские различали тувинскую и сойотскую земли. Современное коренное население Тувы в антропологическом отношении делится на три части: 1) тоджинцы (северо-восточная Тува) – носители катангского (по Левину М.Г., байкальского типа), 2) южные тувинцы – носители классического центрально-азиатского типа, 3) западные тувинцы с ослабленной монголоидностью за счет европейской иранской примеси. Для тувинцев характерно сочетание брахикрании (круглоголовости) с широким, высоким, плоским лицом и резко выступающими скулами.

Антропометрические и серологические исследования населения второй части позволили выделить в ней следующие группы, различающиеся некоторыми особенностями (Богданова В.И., 1986). Из них крайние положения занимают тувинцы двух следующих групп.

Западная группа (тувинцы, проживающие в бассейне р. Хемчик) отличается от других ослабленностью монголоидных черт, однако выделяется очень широкими сильно выступающими скулами.

Южная группа (жители Эрзинского района) отличается крайней монголоидностью. У них наиболее тёмная окраска покровов, наивысший процент иссиня-чёрных волос, узкая наклонная глазная щель,

Тувинка

очень сильно развит эпикантус и складка верхнего века, надбровье выражено слабо. Переносье низкое, профиль спинки носа уплощён. Скулы развиты сильнее, чем у тувинцев западной и центральной групп. Кончик и основание носа приподняты. Характерна круглоголовость. Возможно, в облике этой группы сказалось монгольское влияние.

Тоджинцы обладают монголоидными признаками таёжного типа, характерной чертой которого является низкое лицо и более светлая, нежели у центрально-азиатских монголоидов, пигментация (байкальский, канганский, палеосибирский тип).

Тюркизация тоджинцев, по мнению Н.А. Сердобова (1971, с. 192), связана с группой уйгуроязычных иргитов, которые пришли с северо-востока, со стороны Байкала. Это были скотоводы, занимавшиеся также разведением верховых оленей. Нам думается, что тюркизация тоджинцев – самодийцев и кетов – началась давно (рубеж эр), с приходом в Восточные Саяны племен группы тоба. В частности, Б.И. Татаринцев (1990) писал, что древнее самоназвание тувинцев – топа.

Язык тувинцев уйгурского типа с устойчиво проявляющимся *d/d*-признаком. Сохранились реликты ротацизма: эрги ‘старый’ при тюрк. эски.

Шорцы

Долгое время у шорцев не было единого названия, что объясняется несложением этой народности в целостную популяцию. От русских они получили название «кузнецкие татары». Бытовали аборигенные названия, образованные от места жительства: *прас-чоны* ‘мрасский народ’, *молдум-чоны* ‘кондомский народ’, *тос-аспак-кижи* ‘осиновский человек’, *орекеченнер* ‘низовской’. В других случаях, особенно при общении с хакасами или телеутами, они себя именовали *шор-кижи* ‘рода шор/чор человек’, *татар-кижи* ‘татарин’, *аба-чиш-кижи* ‘абинец, черневой (таёжный) человек’. Название татар-кижи утвердилось как общее к началу XX в., сохраняется и ныне. Ныне функционирует общее название таёжных жителей – *шорцы*, по наименованию наиболее крупного рода *шор/чор*. Происхождение этнонима *шор/чор* неясно. Похоже, что оно тюркское.

Д. Ярославцев (1926) даёт описание внешнего вида шорцев. Основной тип – это стройные, пропорционального строения люди, с правильным нескуластым овалом лица, мягкой растительностью на голове и бороде от черной до светло-русой, глаза от чёрных до серых. Всегда отме-

чается припухлость вокруг глаз. У некоторых индивидуумов отмечают и монголоидные черты: косые прорезы глаз, скулы значительно выраженные, приплюснутый нос и чёрные волосы, жёсткие, наподобие конского волоса.

Происхождение шорцев рассмотрено Л.П. Потаповым (1936). Позднее в популярной форме изложил историю шорцев В. Кимеев (1989). Общие черты происхождения шорцев ясны, детали же остаются за пределами нашего исследования. Древнейшее население Шории неизвестно. В этногенезе тюрков-шорцев в качестве субстрата принимали участие енисейско-язычные группы (кеты и котты), угры, самодийцы, иранцы.

Если касаться более раннего населения, то вполне обоснованно представляется, что в эпоху поздней бронзы здесь жили енисейскоязычные **кеты**, которые оставили великое множество гидронимов с топоформантами на *-зес* и *-зас*: Арзес, Анзас, Кизас и др. В археологическом плане это были носители ирменской культуры (финальная бронза), количество исследованных памятников которой с каждым годом растёт. Антропологическую близость шорцев и бачатских телеутов можно объяснить следующим образом. Бачатские котты (гидроним Бачат имеет коттское происхождение; кот. *чат/чет* 'река') были кыштымами (зависимыми людьми) тюрков, которые и ассимилировали их. С другой стороны, в этногенезе шорцев несомненно большую роль сыграли енисейскоязычные (кетские в широком понимании этнонима) группы. Вот этот енисейскоязычный субстрат и создал сходные физиономические черты шорцев и бачатских телеутов. Антрополог А.Р. Ким как-то сказал в беседе, что если снять с лица шорца налёт монголоидности, то перед нами предстанет кет.

Несомненно жили здесь и **угры**, хотя пока не ясно, кто раньше пришел в Шорию – угры или кеты. Возможны оба варианта. Если раньше пришли угры – этим можно объяснить малочисленность угорских топонимов. Если угры пришли позже кетов, то малое число их топонимов можно объяснить малочисленностью их популяции. У шорцев были отмечены довольно многочисленные этнографические параллели с манси, хантами и нарымскими селькупками в области орнамента на предметах

Шорец (фото по: Потапов Л.П., 1953)

утвари, одежде, тканях, изготовлении долблёных лодок. Отмечается сходство обряда общих культовых явлений в охоте и рыболовстве. Получены и археологические свидетельства пребывания здесь угров. Раскопанный У.Э. Эрдениевым памятник Маяк у Новокузнецка дал керамический материал, орнаментация которого сходна с орнаментом на шорской берестяной посуде. Однотипность жилищ, комплексное неспециализированное хозяйство шорцев и хантов, по мнению исследователя, также указывают на этногенетические связи хантов и шорцев. В Шории имеются и угорские топонимы. Малая Кондома на карте 150-летней давности названа Нёра-Монсум. В гидронимы выделяется манс. *нёра* 'гора', а финальная часть гидронима – *сум* – аналогична таковым типично мансийским гидронимам Урала: Виссум (р. Висим), Луссум (р. Лозьва), Топосум (р. Сев. Тошемка). Недостаточно ясно происхождение гидронимов на *-ас*. Л.Р. Кызласов (1960) относил гидронимы Шории на *-ас* (Канас, Анамас, Урнас и др.) к числу угорских, основываясь на обско-угорском апеллятиве *ас* 'большая река', 'Обь'. Нам представляется, что апеллятив со значением 'большая река' неприменим к небольшим речкам.

Пребывание **самодийцев** в Шории подтверждается топонимическими данными. На карте, составленной примерно 150 лет назад, в горном массиве Патын (правобережье р. Мрас-су) одна из вершин названа Койбал. В основе этого названия лежит самодийский этноним *койбал*. Койбалы в соседней Хакасии жили длительное время и сравнительно недавно, около 100 лет назад, и были ассимилированы хакасами. Восточнее и западнее Шории известно немало рек с самодийскими названиями. В непосредственной близости от Шории, в прителецкой тайге, имеются рр. Чага и Акшычага, Би(я), Теби, ныне Теба, Тезиба, ныне Тебезя. Восточнее – это Койбальская степь на стрелке Абакана и Енисея, рр. Двачага, Буйбу, Нарбу (ныне Нарва) в Саянах.

О проживании в Шории **иранцев** свидетельствуют следующие данные. В долине Томи выше Новокузнецка найдены бронзовые изделия аланского типа (устное сообщение Ю.В. Ширина). В шорском фольклоре сохранились сюжеты нартского эпоса: богатыри (аланы, алан-кижи) «молотки перекидывают Тойнаг-айгине, что выше Шор-тайги». В языке сагайцев, выходцев из Шории, имеется термин *нартпак* 'богатырская сказка'. В нём усматривается осетинское (ретр. аланское *нарт* 'богатырь'). Аланы Шории хоронили покойников в глубоких могилах, выбитых в скалах, рядом клали трупы коней. Возможно, об обитании в Шории пуштунов (самоназвание патан) свидетельствует название горы Патын (1628 м) на междуречье верховий рр. Ортон и Кабырза. Нами

предполагается, что многочисленные топонимы Шории на *-лап, -леп, -реп, -рап, -роп* (Ушлеп, Шарап, Ангуреп, Антроп и др.) также являются иранскими по происхождению (ср. рр. Далап, Налап в Афганистане).

Антрополог А.Р. Ким исследовал в 1976–1978 гг. шорцев и кумандинцев. По его мнению, по совокупности признаков уплощенности лица и выступанию носа, а также по размерам и пропорциям черепа шорцы и кумандинцы занимают промежуточное положение между монголоидными и европеоидными расовыми типами. Они наиболее сходны с бачатскими телеутами. Краниология верхабаканских шорцев в связи с вопросами их происхождения изучалась В.П. Алексеевым. Шорцы имеют низкое лицо, не отличающееся по степени уплощённости от других групп, проживающих в Алтае-Саянах. По-видимому, у них зафиксирован тип, характерный для карагасов, оленных тувинцев-тоджинцев и подкаменных тунгусов. Вероятное его происхождение – из окружающих Минусинскую котловину таёжных территорий. По нашим сведениям, полученным в прителецком районе, при смешанных русско-шорских браках уже в третьем поколении монголоидные черты полностью стираются. Настолько невелика монголоидность шорцев. Это самые европеоидные из коренных жителей гор Южной Сибири.

Нет ясности в том, каким был язык первых (и последующих?) тюрков, пришедших в Шорию и передавших язык кетам-енисейцам и самодийцам. Имеются предположения о приходе в XI в. предков шорцев в Горную Шорию из степной части Алтайского края, с территории Кимакского союза. Как сообщает В. Кимеев (1989, с. 38), Л.П. Потапов выделил древнетюркский пласт в языке шорцев, к сожалению, не поместив в список литературы источник. Нам весьма импонирует это предположение, хотя, мне думается, тюркизация населения Шории завершилась поздно, на рубеже I и II тысячелетий, когда о древних тюрках («тюркютах») в горах Южной Сибири уже забыли.

Язык современных шорцев имеет два диалекта (Чиспияков Э.Р., 1994): кондомский, или *й*-диалект (*кайын* ‘берёза’), и мрасский, или *з*-диалект (*казын* ‘берёза’). Первый обязан тюркизации с запада (кимакское влияние), второй – тюркизации с востока (киргызское/хакасское влияние). Явные признаки *д-языка*, возможно, свидетельствуют о более ранней тюркизации населения Шории группой тоба, которая для кимаков и киргизов была субстратной. Тоба, предки прителецких тубалар, не могли миновать Шорию при миграции с востока (Восточные Саяны) на запад к Телецкому озеру. Традиционный быт шорцев полностью отвечает представлениям о быте пеших горно-таёжных охотников, какими были тоба.

Северные алтайцы

Это довольно обособленная группа тюркского населения, которая существенно отличается как по языку, так и по материальной культуре от южных алтайцев, что определяет иное их происхождение.

Жители прителецкой тайги длительное время привлекали внимание многих исследователей – и специалистов-этнографов, и историков, и пытливых путешественников, и краеведов. Однако единого мнения по проблеме их происхождения не выработалось, хотя у большинства авторов наметился единый взгляд: в жилах этих насельников течёт кровь кетов, самодийцев и ранних тюрков. Кое-где в формировании горно-таёжных тюрков принимали участие арийцы. Позднюю примесь монголо-ойратов и русских брать в расчёт не будем.

В ранние времена северные алтайцы получили от русских общее название «черневые татары» (т.е. таёжные, лесные. – *А.М.*). В составе прителецких тюрков выделяют тубаларов (ед. ч. туба), челканцев и кумандинцев.

Тубалары. По описанию Л.П. Потапова (1972, с. 56), хозяйство и быт тубаларов были типичными для горных таёжников, обитавших в горно-таёжных районах Алтае-Саянской и Хангайской систем. Главным занятием их была пешая охота на зверя. Лишь с конца XIX в. для охоты использовалась верховая лошадь. Широко практиковалось собирательство диких съедобных растений и заготовка их вилок. Местами занимались мелким мотыжным земледелием и разведением оленей в качестве транспортных животных. Знали тубалары выплавку железа и изготовление из него изделий. Умерших тубалары хоронили на деревьях или в наземных деревянных срубах. Тубалары приносили высшим божествам в жертву лошадь, шкуру которой вывешивали на шесте, как это делали древние тюрки.

По мнению различных авторов, тубалары – это:

- финское племя, слилось с монгольской народностью (В. Вербицкий);
- самодийские племена, уже ранее отюреченные (В.В. Радлов);
- отюреченные самодийцы и енисейские остяки, или кеты (Н.А. Аристов, Л.П. Потапов);
- отюреченные праазиаты (В.Б. Богораз).

Л.П. Потапов склонен был связывать тюркский компонент тубалар с древними тюрками (V в. и позднее).

Действительно, древние тюрки оказали огромное влияние на все стороны жизни других тюркоязычных народов (не тюрков-тукюз!), в том

числе и южно-сибирских горцев. Однако другие стороны жизни губалар указывают на их корни в более раннем – гунно-сарматском – времени. Это признавал и Л.П. Потанов, когда писал, что добыча и обработка железной руды в севералтайской зоне появились в гунно-сарматское время, то есть задолго до создания древнетюркского каганата. Очевидно, это был передовой отряд тоба/топа, который со стороны Хантая (Забайкалье) мигрировал на запад по системе гор Южной Сибири. Думается, что туба было их исконным именем, которое они получили на востоке, в Хантае, и пронесли, не меняя его, до Телецкого озера.

Язык губалар уйгурского типа и существенно отличается от кыпчакского языка южных алтайцев. Н.А. Баскаков (1988, с. 171) отметил в северных диалектах алтайского языка (в их составе и язык губалар) вокализм болгарского характера: $e > i$, $o > u$, $\ddot{o} > \ddot{u}$. Отмечаются реликты ротацизма: *чирик* ‘гнилой’ – томск. таг. *чизик/цизик*.

Поэтому можно считать, что тубалары в прителецкой тайге являются наиболее ранним тюркоязычным населением Алтая. Это не оспаривали челканцы с кумандинцами, которые при вселении на территорию тубаларов получали охотничьи угодья от них.

Челканцы (лебединцы, ку-кижи). Этноним образован от самодийского субстратного *ку* ‘река’, воспринятого тюрками как родное слово *ку* ‘лебедь’. Ныне эта река, правый приток Бии, так и называется – Лебедь. Эта малочисленная группа состоит из двух сёоков – *чалканыг* и *шакши* (*шакшилыг*), которые имеют различное происхождение (Потанов Л.П., 1974).

Сёок *шакшалыг* – это ообособившаяся группа телесов, и представители

Туба(лар) М.П. Макошев (архив географического факультета Горно-Алтайского госуниверситета)

Челканец Курусканов Петр Захарович (из семейного архива)

сёока могли вступать в браки с лицами из сёока чалканыг, что в отношении сёока телес было невозможно (алышпас). Сёок чалканыг, очевидно, отчленился от тубаларов: с соседним тубаларским сёоком *кузен* браки запрещены.

По образу жизни они ничем не отличались от тубаларов.

Кумандинцы. У этой группы прителецких тюрков долгое время не было единого самоназвания. Они были известны по именам своих сёоков. Этноним *куманды* был создан их соседями – шорцами, тубаларами, теленгигами, челканцами по названию наиболее многочисленного сёока *куманды* (Сатлаев Ф.А., 1974, с. 23). На чертеже С.У. Ремезова (1701 г.) р. Лебедь, приток Бии, названа Куманда. Возможно, от этого гидронима образован этноним *куманда*.

Похоже, что кумандинцы, пространственно являясь прителецкими (по долине Бии) насельниками, имеют иное происхождение, нежели тубалары и челканцы. По исследованиям Ф.А. Сатлаева (1984, с. 28), материальная и духовная культура кумандинцев относится не к культуре таёжных охотников, а к кочевой скотоводческой. Являясь на Алтае пришлым населением, кумандинцы вынуждены были перенять некоторые черты быта таёжных народностей, а также их хозяйственный тип, традиционные навыки, нравы и обычаи.

По преданиям, записанным в 1936 г., кумандинцы в ойратское время жили по Чарышу, близ впадения его в Обь. С устья Чарыша они переселились по Оби и Бии, а также поселились по низовью Катуня до р. Май-

ма (Потапов Л.П., 1968). Кумандинцы в прошлом были скотоводами-кочевниками. Но в новых местах жительства им пришлось адаптироваться к иным природным условиям и перенять многое у коренных таёжников – тубаларов. Отразилось это и в языке. Кумандинцы в своём языке имеют немало уйгурских признаков, хотя изначально их язык был кыпчакского типа. В кумандинском названии р. Бия – Ойён ‘речка’ – сохранилась фонема *й*, свойственная кыпчакскому языку. В языке южных алтайцев ей соответствует з: *озен* ‘речка’.

Кумандинка (фото по: Потапов Л.П., 1953)

Следует отметить достаточно чёткие европеоидные признаки всех прителецких групп. Они не очень скуласты, имеют каштановый цвет волос и светлые глаза – кумандинцы серые, тубалары зеленоватые. О цвете глаз как вполне определенном этническом признаке автору говорил тубалар А.П. Макошев. Как и у шорцев, наиболее европеоидных из всех племён Южной Сибири, у тубалар черты монголоидности теряются при браках с русскими практически в третьем поколении.

Южные алтайцы

Коренное население Алтая никогда себя не называло этим именем. Это искусственный этноним, созданный, как и многие другие, в период национального устройства СССР, когда необходимо было «укрупнить» родственные группы коренного населения, не имеющего общего самоназвания. Предложенный в 1922 г. этноним *ойрот* (и Ойротская автономная область с центром Ойрот-тура) напоминал былую зависимость населения гор от ойратского (джунгарского) **монголоязычного ханства**. В 1948 г. этноним *ойроты* был заменён искусственным этнонимом *алтайцы*, которым, однако, коренные жители гор пользуются только в официальной обстановке и при общении с русскими.

Алтасц и алтайка

В недавнем прошлом на Алтае проживали следующие основные группы коренного населения.

1. *Алтай-кижи*¹ еще в начале XX в. обитали по долинам Катуня и её притоков (Урсул, Сема, Майма), а также по Чарышу и Кану.

2. *Теленгиты* были известны по долинам Чуя и Аргута.

3. *Телёсы*, известные по русским документам XVII в., в то время компактно жили к югу от Телецкого озера по рр. Улаган, Башкаус, Чулышман, Чуя, а также среди телеутов по рр. Мал. и Бол. Бачат (Потапов Л.П., 1987). Именно от телёсов Телецкое озеро и получило своё название (разнописания в русских документах: Тележское, Телесское). Телёсы жили среди теленгитов, телеутов и северных алтайцев, обособляя себя от них. Управлялись собственными князьками, из которых наиболее известным был Мандрак (умер в 1646 г. в Томске как заложник). Любопытно отметить, что его имя, возможно, имеет самодийское происхождение: фамилия Мандраковы и ныне широко известна среди томских селькупов. Происхождение телёсов остается неясным. Н.А. Аристов (1896) считал их потомками тюркок-тукю. Позднее эту версию поддержал Л.Н. Гумилёв (1959), но Л.П. Потапов (1987) резко выступил против. Телёсы ещё в конце XIX в. помнили о своём приходе на Алтай с далёкой территории, где протекали реки Эдиль-Текес, Эдиль-Як и Эрень-Кабирга (Ядринцев Н.М., 1882). Реки эти алтайцами воспринимались как мистические и занимали видное место в легендах и песнях. Нам удалось идентифицировать эти реки. Это три реки, образующие р. Или, приток Балхаша: Эдиль-Текес → Текес, Эрень-Кабирга → Каш, берущая начало на склоне хр. Ирен-Хабирга, Эдиль-Як → Кунгес, правая составляющая р. Или. Таким образом, топонимические данные подтверждают пребывание телёсов в верховьях р. Или, как это предполагалось историками (Гумилёв Л.Н., 1993). Ныне телёсы, очевидно, растворились в среде своих соседей. Но ещё в начале 70-х гг. на Телецком озере (на устье Челюша) жил телёс Алексей Ильич Телеков.

4. *Телеуты* в ранних русских документах обычно именовались белыми калмыками. Зафиксированы их места проживания по долинам малых рек в Майминском и Шебалинском районах Республики Алтай. Компактные поселения телеутов имели в Кемеровской области, из которых наиболее значительные – по р. Бачат (Шандинский улус и др.).

Современные южные алтайцы являются довольно поздними насельниками Алтая. После ухода тюркютов они пришли на Алтай с разных сторон. Теленгиты мигрировали на Южный Алтай со стороны Тувы.

¹ Как будто, этот этноним создал В.В. Радлов в середине XIX в.

Тселнгиты (фото по: Потапов Л.П., 1953)

Возможно, это потомки тюркского племени до-лань-ге, известного по китайским летописям, которое входило в объединение теле, а позднее в состав Первого тюркского каганата.

Телеуты, очевидно, являются северными мигрантами. До прихода русских они занимали земли севернее Алтая (Уманский А.П., 1969; 1995). Граница их владений в это время проходила на востоке по р. Иня (приток Оби), по р. Лебедь (приток Бии), далее через низовье Бии на юг по правобережью Катуня до истоков Чарыша. Западная граница проходила между Обью и Иртышем западнее Кулундинского озера. С приходом русских телеуты откочевали из Верхнего Приобья в горы.

Телеутка (фото по: Потапов Л.П., 1953)

Как будто нет фактов, которые не позволили бы вывести рассматриваемые группы алатайского населения из среды телеских племён, которые стали основой Первого тюркского каганата. Об этом свидетельствуют и этнонимы, образ жизни, легенды, историческая традиция. Но... Но все они говорят на языке кыпчакского типа, тогда как племена теле в докаганатское время имели язык уйгурский ~ огузский. Можно полагать, что уже на Алтае в послеканганатское время телесские племена подверглись кыпчакскому влиянию. Место и время формирования очага кыпчаков нам не известны; но можно сказать, что он не связан с горами Южной Сибири.

Таким образом, корни южных алтайцев лежат в среде докаганатского объединения теле, южные алтайцы являются кровными родственниками тоба(сцев), но подвергшимися сильному языковому и культурному влиянию кыпчаков, что и отдалило их от других потомков тоба.

Сойоты

В горах Южной Сибири обитала народность, которую русское население, теленгиты, прителецкие алтайцы и минусинские «татары» именовали *сойоты* (ед. ч. *сойон* 'саянец'). Возможно, название Саянскому хребту дано по этому этнониму. Монголы и китайцы такого этнонима

не знали (Серошевский В.Л., 1993, с. 196). Однако Л.А. Ельницкий (1977) сообщил, что сакские племена китайцами назывались *сай-уань*, что фонетически близко к сойон. Однако следует признать, что надёжная этимология этнонима *сойот* ныне отсутствует.

А.Р. Шнейдер и Л.Н. Доброва-Ядринцева (1928) сообщали, что численность сойотов достигает 50 тыс. чел. и они проживают в Урянхайском крае. Несомненно, речь шла о тувинцах. На этнографической карте России, изданной в учебном атласе А. Ильиным почти 100 лет назад, *сойоты* показаны и за пределами Тувы, севернее Саянского хребта. С. Патканов (1912, с. 78) указал, что переписью 1897 г. сойоты были зафиксированы в Бийском и Минусинском округах в количестве 44 человек (31 мужского пола).

В 1734 г. С.П. Крашенинников (1966) отмечал сойотов, кочующих около Тункинского острога (Южное Предбайкалье), которые камень над р. Иркут называли Шаманским. В XVII в. русским стали известны койсоты или «кайсацкие мужики», которые жили в верховьях р. Иркут и вокруг оз. Косогол. Это были сойоты иркутского рода (Потапов А.П., 1969). По-видимому, их упоминал И. Георги (1799, с. 15): «Саяты (называются также суйотами и сойотами) живут на высших саянских горах в юго-западном конце Байкала у монгальских границ, а отчасти за оными на китайских землях». И. Георги отмечал: «Единоплеменство саят с самоедью доказывается их видом, языком и житейскими обрядами». Очевидно, именно их в начале XX в. Б.Э. Петри описывал как

Сойоты (фото по: Горощенко К.И., 1901)

окинских сойотов, которые в значительной степени были уже обуряченны. И ныне в Окинском аймаке Бурятии живут сойоты (хойоты), помнящие своё происхождение от тувинцев (Рассадин В.И., 1975). Позже память о сойотах постепенно стёрлась. В 1999 г. в газете «Томский вестник» от 8 мая была напечатана заметка «Нет народа – нет проблем». Тюркоязычные жители Иркутской области писали в Москву о том, что их, сойотов, забыли. Из Москвы пришёл ответ: «По последней переписи населения такой народ не зафиксирован». Нет народа – нет проблем.

А.А. Ивановский (1907) отметил метисацию сойотов: среди преобладающих круглолицых и скуластых плосконосых монголоидов встречались узко- и продолговатолицые индивидуумы с горбатыми носами. Сёбя они называли *туфа* или *туба*.

К.И. Горощенко (1901, с. 67) по наблюдениям в Западной Туве (от местности Джанкуль почти до устья р. Хемчик) так описал внешний вид сойотов. Лицо у них по большей части овальное, нередко широкое у скул, в общем более продолговатое, чем круглое. Скулы выдаются чаще вперёд, чем в стороны. Спинка носа часто прямая, довольно высокая, а иногда даже горбатая. Переносица у всех выражена резко (у женщин – меньше), лоб большей частью резко очерченный, чаще прямой, чем скошенный, третье веко встречается сравнительно редко. Плоские лица встречаются не часто. Глаза карие, волосы очень грубые, чёрные, не слишком густые. Но дети сойотов более монголоидны. Они круглолицы, со вздутыми щеками, с низкой переносицей и узкими (японскими) глазами и с полулунной японской складкой, натянутой над внутренними углами глазных щелей. К.И. Горощенко также отметил, что сойоты называют себя *тува*, что напоминает название р. Туба.

Место сойотов среди тюркоязычных народностей Алтае-Саян не ясно. Для русских властей XIX в. урянхи и сойоты были одним народцем. Г.Н. Потанин (1883), а также исследователь горцев Алтае-Саян Б.Э. Петри, наоборот, различали сойотов и урянхов. Г.В. Ксенофонтов (1937) имел сведения, что сойоты называли себя туба. Сами сойоты рассказывали легенду, что этноним создан по имени храброго князя Сойта, который после покорения его народа на Туве перевёл своих подданных к джунгарцам.

Следует различать официозный этноним *сойоты* и генетическую принадлежность к ним. Русские власти называли скопом тюркоязычных тувинцев и урянхами, и сойотами. Сойоты-таёжники (тувинцы-тоджинцы) более близки к тофаларам, нежели к тувинцам-степнякам. П.Е. Островских, изучавший тоджинцев в 1897 г., писал, что восточные сойоты Тоджинского хошуна более низкорослы и имеют вообще не-

сколько иной тип, чем тот, с которым позже в западной Туве встретился К.И. Горощенко (1901).

Во времена П.С. Палласа (1788, с. 524–526) появились сведения о самодийскоязычных саянских горах, которые суть сойоты (Хелимский Е.А., 1978, с. 54). Однако позднее исследователи сошлись во мнении об ошибочности такого суждения. В Саянах в XVIII в. были встречены скорее всего карагасы, перевалившие через Саянский хребет. Некоторое время они жили в Туве, где и сформировали свою топонимию: справа в Бий-Хем (Бол. Енисей) впадает р. Сейба (< Сейбу), рядом с которой протекает р. Кара-Каш, в имени которой отразилось самоназвание карагасов.

Печенеги

Предки их известны с первых веков новой эры, когда они занимали обширную часть Восточного Казахстана. Самоназвание их было *кангар*. В китайских хрониках их владения назывались Кангюй. Согласно орхонской надписи в 710–711 гг., они воевали с тюркешами. В VIII в., являясь северным и западным крылом огузов, кангары занимали Северное Приаралье, среднее и нижнее течение Сырдарьи. В середине X в., до прихода половцев, кангары в составе 40 родов (узы, торки, берендеи и др.) появились в Северном Причерноморье, заняв полосу степей от Дона до Днестра. Здесь они отличились тем, что разграбили венгерскую Ателькузу, а также тем, что разделили болгар на две группы – волжских и дунайских. В 968 г. печенеги, как кангаров стали называть в Причерноморье, осадили Киев.

Кангары где-то (между Волгой и Доном?) смешались с болгарскими и хазарскими племенами, отчего язык их, изначально огузский, получился смешанным. С приходом половцев (середина XI в.) в языке печенегов появились кыпчакские элементы.

Потомками печенегов являются гагаузы и некоторые группы балканских тюрок (сургучи, гаджалы и др.).

Туркмены, каракалпаки, азербайджанцы, трухмены, турки

Это языковые предки тюркских народов, среди которых важную роль сыграли и огузские племена. Проникновение огузских племён в

южный Прикаспий и Причерноморье началось еще во времена Первого тюркского каганата (VI в.), но особенно значительным оно было в XI в., когда в движение пришли тюрки-сельджуки. В физическом отношении это восточно-средиземноморские европеоиды, в языковом – это были преимущественно иранцы, а в Малой Азии, бывшей провинции Византии, – арабы, грузины, армяне, греки. На их базе сформировались туркмены, каракалпаки, азербайджанцы. Переход на тюркский язык был длительным. По крайней мере, хорезмийцы и бухарцы ещё в XVI в. говорили на наречиях иранского языка. До сих пор большинство туркмен, южных узбеков, каракалпаки, азербайджанцы, турки сохранили в чистоте европеоидный антропологический тип.

Каракалпак

Ещё о тоба

Языки всех горно-таёжных тюркских групп родственны и относятся по существующим классификациям к уйгурской группе.

Ротацизм. Во всех языках горно-таёжных тюркских племён в том или ином количестве присутствуют примеры ротацизма, происхождение которого нам не ясно. По-видимому, это следы или давнего вхождения в круг языков *p*-группы, либо следы заимствования из языков *p*-группы. В последнем случае заимствования в языке тоба могли произойти от хуннов в Забайкалье. Однако нам представляется более вероятным иное объяснение. Ротацизм в языке тоба – это реликтовое явление, унаследованное от давнего пратюркского языка, который функционировал после выделения его из «алтайской» языковой общности. Происхождение тобаских языков подтверждается лингвистическим их анализом.

Большинство тюркских языков Сибири и Алтая (хакасский, алтайский, шорский, чулымский, тувинский) имеют единую систему причастных форм, как первичных, так и вторичных (Боргояков М.И., 1978, с. 54; Убрятова Е.И., 1963).

Язык топа документально не известен, поэтому не ясно, связаны ли с ними предки чувашей, болгар и хазар. Можно лишь нарисовать об-

щую схему соотношений ранних и поздних родственников топа и опереться на их языковую принадлежность.

На наш взгляд, топа – это родственные хуннам племена. Более того, они были старшей ветвью последних. Причём отход от ствола хуннов произошёл давно. И произошёл он в ходе саморазвития задолго до конфликта с хуннами, в результате которого (конфликта) тоба бежали в Забайкалье. По мере уклонения от ствола хуннов терялись признаки языка *p*-группы (остались только некоторые его реликты). Если судить по исторически известным языкам-потомкам (тувинский, тофаларский, некоторые диалекты хакасского), язык тоба/топа был уйгурского типа. Более того, возможно, это был протоуйгурский язык.

Ярым сторонником версии о монголоязычности тоба выступил Л. Лигети (1969). Но и он отмечал противоречивость китайских письменных источников по этому вопросу. В Нань Ци-шу указывалось, что тоба – это ветвь сюнну, по Вэй шу и Бэй ши, тоба являлись потомками сяньби. Архаическая китайская форма *t'āk-b'uāt* отражает местную форму *tabuāç* или *tawuāç* ‘табгач’. По мнению Л. Лигети, табгачи говорили на сяньбийском (монгольском) языке. Но, как сообщает Г. Айдаров, на одной из сторон стелы на могиле Кюль-тегина (закончена написанием 1 августа 732 г.) была высечена надпись на табгачском языке (13 строк). По мнению Л. Лигети (1969), табгачи могли иметь буквенную или слоговую письменность из 14 знаков народности ху или использовать китайские иероглифы. К сожалению, не удалось найти прямых сведений о характере табгачского языка. Можно предполагать, что этот язык в то время уже не был тюркским. Вероятнее всего, он был китайским. Об этом вполне определённо писал Л.Н. Гумилёв (1993, с. 337).

В 630 г. табгачи победили восточных тюрков. Хотя управление осталось в руках местных князьков (Айдаров Г., 1971, с. 34), которые, однако, сложили с себя тюркские имена, то есть звания и титулы, и приняли титулы правителей народа табгач. Известны табгачские титулы военачальников *сюнгу* (приблизительное написание), которые созвучны титулу средневековых военачальников Японии – *сёгун*.

Л. Лигети отмечал и проблематичность существования языка самих сяньби. Он проанализировал восемь возможно сяньбийских слов, дошедших в китайской передаче: переводчик, прислужник на почтовой станции, служащий на почтовой станции, привратник, секретарь, убийца, военный начальник провинции, облако. По мнению Л. Лигети, эти слова близки к старомонгольским и *«позволяют весьма приближённо предполагать, что табгачский язык, диалект сяньбийского, был монгольским диалектом, родственным киданскому, другому диалекту сянь-*

бийского». Однако необходимо отметить, что Л. Лигети рассматривал язык табгачей IV–VI вв. н.э., а не язык тоба III в. до н.э. К выводам Л. Лигети следует относиться с осторожностью, так как в работе его можно усмотреть противоречия.

Но... В 546 г. войска Гао-хуана, основателя китайской династии Северная Ци, осадили крепость Юби, принадлежавшую династии Восточная Вэй. Но, потеряв почти всё войско, Гао-хуан так и не взял крепость. С горя он заболел и, чтобы не предаваться печали, приказал Ху-лю Циню спеть ему песни *чи-лэ* 'тöлö', переложенные на китайский. Первое четверостишие песни было таким:

*На родине Чилэ
Под горою Иньшань
Небо, как ковёр кочевника,
Покрывает степь со всех сторон.*

Из этого отрывка вполне ясна тоска по родине своего народа *чиле* «телэ», тюркоязычность которого ныне не оспаривается. В 550 г. Гоа-хуан в ходе междоусобных войн сверг всё-таки династию Восточная Тоба и ненадолго установил свою под именем Северная Ци (550–567 гг.). Можно предполагать, что все династии Тоба-Вэй были тюркоязычными: Вэй или Северная Вэй (386–538 гг.), Западная Вэй (538–556 гг.), Восточная Вэй (529–549 гг.). Сменившая Восточную Вэй династия Северная Ци (550–567 гг.) возглавлялась табгачом, выходцем из тюркоязычной группы тöлö (чиле), который был двуязычным: наряду с родным языком чиле он знал китайский.

Г. Сухбаатор (1976) также очень настойчиво проводил идею монголоязычности тоба (как и хуннов). Но в основном он использует материалы о более поздней истории тоба. Когда хунны в 93 г. потерпели поражение от сяньбийцев и 100 тыс. кибиток (около полумиллиона человек) влились в состав армии победителей и стали называться их именем. После смерти в 181 г. Таньшихуая, предводителя сяньби(йцев), из среды побеждённых выделяется род Тоба, который создал в 30-гг. IV в. государство Дай (с 386 г. – Бей-Вэй). Вновь выходят на историческую арену остатки хуннов, которые создали несколько эфемерных государств в Ганьсу и Ордосе. Не стали ли те и другие монголоязычными? Известно только, что в V в. население этих государств было китаизировано.

В языке горцев Южной Сибири имеются некоторые отклонения от общетюркских норм, которые, возможно, отражают особенности былого языка тоба/топа или влияние дотюркского субстрата. Рассмотрим некоторые.

Гутаринский говор тофаларского языка в финали обычно имеет *й* вместо *г* ('гора' *дай*, 'вода' *суй*, 'великий' *улуй* вместо ожидаемых *даг*, *суг*, *улуг*). Не является ли это диагностирующим признаком языка ранних топа? В хакасском фольклоре термин 'вода' даётся также в форме *суй*. Сохранилась эта тенденция и в шорском языке ('гора' *тай*, 'вода' *суй*, 'светлый, прозрачный' *арый*). Да и свою территорию, ныне известную как Горная Шория, «кузнецкие татары» ещё в недавнем прошлом называли Хотай¹. Русское население этот топоним восприняло как Малый Алтай (Нестеровский Н., 1896). По нашему мнению, название гор «Алтай» также восходит к языку группы *топа*, тюркоязычных предков шорцев, и означает 'дикие мрачные горы'. Названия родных для топа гор Мал. Хантай и Бол. Хантай прозрачно этимологизируются как 'малые ханские горы' и 'большие ханские горы'. В Монголии между Кяхтой и Ургой известен хр. Манхатай (Майский И., 1921, с. 161), возможно, 'вечные или снежные горы'. По данным Г.Н. Потанина (1948), в Монголии имеется хр. Бун-Хонтай. В Хакасии известна гора Абатай около р. Базинская Бейка. Обычно название горы переводится как 'дедушкина (*аба* – табуированное название медведя) гора'. Местность Ай-дай 'лунная гора' находится у юго-западной границы г. Саяногорска (Хакасия). Чулымские тюрки слово *тай* (и *тау*) осмысливают как географический термин со значением «гора» (личное сообщение З.С. Камалетдиновой). В Восточном Казахстане (севернее Балхаша) имеется изолированная гора Тай, в имени которой можно увидеть тобаский (?) термин «гора», перешедший в имя собственное. В башкирском многие форманты типа *-тай*, *-дай*, *-зай* и др. представляют собой древние башкирские оронимические термины со значением 'гора, камень'. Восстанавливаются они лишь в топонимах (Юртай, Аратай, Баландай). Правда, настораживает известный факт, что монг. *-тай*, *-тэй*, *-той* являются аффиксами – показателями обладания: *улясу* 'тополь' – Улясутай 'тополевая (река)', хр. Тарбагатай 'с тарбаганами (хребет)', горный массив Кандыгатай в Казахстане. Тем не менее, по примерам из живой речи некоторых групп тюрков безусловно усматривается географический термин *тай* 'гора'.

Однако в Древнетюркском словаре (1969) лексемы в форме на *-й* (*суй* 'вода', *арый* 'чистый', *тай* 'гора' и др.) не зафиксированы, как и в языке орхоно-енисейских письменных паятников. По-видимому, йотирование этих лексем произошло позже. Известный в кумандинском языке

¹ Не от слова ли Китай?

ке переход *й>э/у* имеет иную природу. Он связан с влиянием последующего гласного: *улуйы* (< *улугы*) 'старший из них', *уйы* (< *угы*) 'его дом' (Баскаков Н.А., 1972).

Этноним *тоба/топа*. Если исходить из версии о тюркском происхождении тоба/топа, то можно высказать следующее предположение об этимологии этого этнонима. Судя по обитанию носителей этого этнонима в горах, сам этноним обозначает *горцы*, но в основе этнонима лежит не *таг/тай* 'гора', а *тăбă/тăнă* 'вершина, верхний', 'холм' (очевидно, основное значение 'макушка, темя'). В таком случае можно предполагать, что этноним является не самоназванием, а дан со стороны, жителями равнин, также тюркоязычными, которые таким способом обособили себя от жителей гор (ср. среди абазинцев Кавказа *тапанта* 'плоскостники' и *ашхъарауа* 'горцы'). Однако эта версия нам представляется непродуктивной. Ещё в середине I тысячелетия н.э. употреблялся этноним *табгач*, под которым были известны потомки южных тоба, создателей государства Дай (в 386–558 гг. – Северная Вэй). Очевидно, этноним *тоба* был самоназванием с неясной этимологией. Выводить этноним *тоба* из кит. *дубо* нельзя, так как форма эта (*дубо*) является более поздней, производной от *тоба*.

Топонимы тоба

Имеется немало топонимов, которые уходят, по нашему мнению, в докаганатское время и связаны с тюркоязычным населением гор Южной Сибири. Они сохранились в тюркоязычной среде более позднего времени и свидетельствуют о былом распространении и миграциях ранних тюрок. Не все они в равной мере доказательны в части времени или языковой принадлежности, некоторые из них трансформированы в ходе длительной «эксплуатации», но узнаваемы.

Итиль. Так в Средневековье называлась Волга (чув. Атал, Этел; тат. Идел; башк. Изел; монг. Итиль-Мурэн; калм. Иджил., тел. Едил, хорезм. муйтены Едиль). Смысловое значение топонима *Итиль* рассмотрено выше и сводится к представлению: «Земля (речная долина), богатая водой и благодатными пастбищными угодьями с зелёной травой». Совмещение понятий «река» и «долина» известно из других примеров: у арабов *вади* 'долина' и 'река', удмуртское *инты* 'долина' и р. Инта (бассейн Печоры), у венгров *volgi* (читается *волди*) 'долина' и р. Волга, уйгурское *оба* 'долина' (заимствовано у персов), *об* в иранском 'вода' (входит в названия рек: Барзоб, Сурхоб и др.). По-

видимому, и понятие *итиль* позднее могло быть сужено и относиться только к самой реке.

Время появления топонима Итиль можно установить по историческим документам. Это, конечно, не XIII в., как писал Ф. Полунин. Город Итиль был известен арабам в VIII в., а византийский историк Феофилакт Симокатта уже в первой половине VII в. писал о р. Тиль (Итиль), которую тюрки называют Чёрной (Артамонов М.И., 1962, с. 76).

К этому гнезду следует отнести названия таких водоёмов:

- Удыль (Угдыль) – озеро в низовье Амура;
- Идиль – название р. Туба, правого притока Енисея, в древнетюркское время (Малов С.Е., 1952);
- Иске-Идель – озеро в бассейне Камы (с тюрк. ‘старая Идель’);
- Эделе (ныне Идер) – южный приток Селенги в Северной Монголии, стекает с хр. Хантай (Потанин Г.Н., 1883);
- Ител-гол (танг. Джанба) – приток Хуанхэ (Потанин Г.Н., 1883);
- Эдиль-Текес, Эдиль-Яик – Н.М. Ядринцев (1882) сообщал, что телесы, по их преданиям, пришли на Алтай с этих рек. Среди этих рек можно усмотреть один из истоков р. Или – р. Текес. Пребывание в Джунгарии в IV в. н.э. теле, потомков хуннов или входивших в хуннскую конфедерацию племён, исторически засвидетельствовано (Гумилёв Л.Н., 1960). Река Эрень-Кабирга, также упоминавшаяся в преданиях теле, – это р. Каш, берущая начало в хр. Ирен-Хабырга;
- Ытыль (Ытыл) – река в верховьях Абакана (Потапов Л.П., 1936);
- Ателла¹ – левый приток р. Осиповой, правого притока Верхней Томи (Соколовский 2-й, 1835);
- Ателькуза – район между Днепром и Дунаем. В этом древнем топониме объединены рассматриваемое Атель и венг. *közé* ‘между’ или *göz* ‘середина’ (ср. морд. *кужо*, *кужа* ‘поляна’, чув. *куш* ‘пространство между чем-либо’; Корнилов Г.Е., 1973).

В языках кыпчакской группы отмечается фонетическое изменение корня вследствие перехода в интервокальном положении *d < z*:

- Яшиль *ýǵúz* – р. Хуанхэ в надписи на памятнике в честь Кюль-Тегина (VIII в.);
- Исилькуль – озеро в левобережье Иртыша (Омская область);
- Исель (Эсель) – старое («киргизское») название р. Ишим (Семёнов П.П., 1865, с. 375);
- Яшиль-Куль – озеро на Памире, из которого вытекает р. Гунт, впадающая в Пяндж;

¹ Не очень уверен в принадлежности топонима к типу *итиль*.

– Яшиль – бессточное озеро в верховьях р. Тарим с притоком Яшиль-кулы (Полторацкий, Ильин, 1867);

– Ешиль-Ирмак «зелёная река» – река в Турции, впадает с юга в Чёрное море;

– Зеленчук – река в Северном Причерноморье; возможно, перевод с тюрк. Идель или Изель (ср. тюрк. Сутень – русск. Молочная).

Первые века новой эры – это время Великого переселения народов с востока на запад. Оно было начато перемещением хуннских орд, которые захватили с собой в степях Северного Казахстана и Южного Урала значительную часть угорского населения. Этот поток унёс из Южной Сибири в Европу топоним Итиль, который сохранился до сих пор в языке чувашей, башкир, татар и калмыков. Последние заимствовали его, конечно, во время пребывания в прикаспийских степях с XVII в.

Появление топонима Ателькузу «междуречье» также возникло в хуннскую эпоху и связано с походом Атиллы на запад (середина V в.). В более позднее время (вторая четверть IX в.) при вторжении мадьяр на Дунай местность Ателькуза получила название по имени предводителя мадьяр Леведия. Идентичность Ателькузы и Леведии (Лебедии) М.И. Артамонов считает бесспорной. Большая молодость гидронима на востоке (VII–VIII вв. н.э. на Тубе) позволяет предполагать, что термин *итиль* и др. использовался тюрками и в постхуннское время.

Бассейны Абакана и Тубы входили во владения хуннов, поэтому появление здесь рассматриваемого топонима можно непосредственно связывать с хуннами. Но последние ещё до рубежа эр покорили гяньгуней – предков енисейских кыргызов, кочевавших в то время у оз. Кыргызнор (Бернштам А.Н., 1946; Кызласов Л.Р., 1960). Часть гяньгуней, очевидно, ушла с хуннами на запад, часть же позже, уже под именем кыргызов, проникла через Туву в Хакасско-Минусинские степи и, смешавшись с динлинами, образовала хакасов (VI в. н.э.).

Катунь. Смысловое значение имени р. Катунь на Алтае настолько затуманено, что вызвало к жизни немало легенд-объяснений, из которых наиболее популярна как в фольклоре, так и в научных трактатах этимология «женщина, ханша, царица, дама». Эта гипотеза часто подкрепляется практикой якутского языка, в котором термин *хатун* используется в качестве почётного титула, и не только в образовании имён рек, но и городов, местностей. Обратим внимание на приведённый Э.К. Пекарским (1959) пример: *орос-хатун* ‘река-матушка’. Не противоречит этому и традиция русского (ср. Волга-матушка) и эстонского словотворчества (ср. Эма-вези ‘мать-вода’, приток Чудского озера; Попов А.И., 1981).

Можно с определённой уверенностью сказать, что термин *катун* (*хатун*, *катын*, *кадын* и др.) является весьма древним и выходит за рамки тюркской ономастики и лексики вообще, хотя уже в древнетюркской рунической надписи с р. Уюк-Туран (Тува) упомянута р. Эгюк-Катун (Малов С.Е., 1952). Позже (XIII в.) в Гесериаде (Козин С.А., 1948) упоминается р. Катун-гол (верховье Хуанхэ?), в имени которой имеется монгольское приращение *гол* 'река'. Очевидно, во времена Чингисхана монголы уже (или ещё) воспринимали термин *катун* в значении «госпожа», иначе топоним Катун-гол осмысливался бы как «река + река», что при одноязычности терминов недопустимо. В легенде о Чингисе Г.Н. Потанин (1893) переводит имя р. Хатун-гол как «царицына река». Но, может быть, в названии Катун-гол (Хатун-гол) первый компонент имеет тюркское происхождение, а *гол* – более позднее монгольское приращение со значением 'река'.

В другой работе Г.Н. Потанина (1948) упоминаются реки бассейна оз. Косогол (Хубсугул) с именами Бага-Хатун и Ихи-Хатун. Эти имена прозрачно этимологизируются с монгольского как Малая Хатун и Большая Хатун. Вряд ли эти этимологии можно свести к понятиям «малая царица» и «большая царица». На наш взгляд, более приемлемо иное понимание этих имён: «малая река» и «большая река». Если к могучей и своенравной Катунки на Алтае можно было бы обратиться с уважительным *катун* 'госпожа', или 'царица', то вряд ли заслуживают такого почтительного обращения к себе небольшие степные речки в Монголии, Саянах (Катын – приток р. Уда, Катун, второе название Чарьё – в бассейне р. Туба) или Туве (Кадын¹ в бассейне Верхнего Енисея).

Катун, Катын и пр. «госпожа», «царица» в тюркских языках является давним (начало I тысячелетия н.э.) заимствованием из иранского. Исходной формой была ир. *xvatauni* (*хватауни/хватуни*). Губной *v*, будучи слабым, со временем исчез, а дифтонг *au* превратился в *u*, что привело к созданию тюркского *хатун*. Из согдийско-буддийских текстов (VIII–IX вв.) известна лексема *хутен* с тем же иранским значением 'царица'. Из современных иранских в язгулямском *хатун* означает 'жена' (возможно, вторичное заимствование из тюркского).

Но для понятия «госпожа» должна быть парная лексема 'господин' (ср. русск. *царь* – *царица*, кирг. *кан* 'хан' – *каныш* 'ханша', хат. *katte* 'царь' – *kattah* 'царица'). Такой парой для рассматриваемого слова является широко распространённое в тюркских языках слово ку-

¹ Возможно, 'берёзовая'.

дай (алт., тув., телеут., шор., лебед. койб., казах., кирг., ног.) ‘бог’, башк. *ходай* ‘бог’, ‘властелин’, ‘хозяин’. В современном персидском ему соответствует *хода*, пушту *худаи*, тадж. *ходо* ‘бог’. О перекрещивании понятий «бог» и «хозяин» (см. выше башкирский пример) можно судить и по славянскому примеру: русск. *господь* (о боге) – чеш. *господарь* ‘хозяин’.

Изначальной формой было пехлевийское (IV в. до н.э. – VII–VIII вв. н.э.) *хватау* (*хватай*) ‘царь’, ‘владыка’, ‘бог’ (ср. *хватауни* ‘царица’). Согласный *v* произносился как английский неслоговый губной *u*. В результате позднейших трансформаций возник фонетический вариант *хутай* (см. выше кангатская форма этого понятия).

Появление варианта *хватай* относится ко времени, более раннему, чем VIII в. н.э., когда уже была известна поэма «Хватай-намак» (её автор, Ибн-ал-Мукаффа, погиб в 757 или 758 г. н.э.).

Т.М. Гарипов (1990) предполагает, что вхождение в тюркский мир *хода(й)* «господь» произошло в сакское время (конец I тысячелетия до н.э.) и связано с заимствованием из иранского северо-западными кипчакскими языками. Нельзя согласиться ни с датировкой заимствования, ни с определением языка, который осуществил передачу лексемы *кудай*. Последнее понятие широко представлено в языках восточных тюрков – у всех тюрков Алтае-Саянского нагорья, Западной Сибири (тобольские и чатские татары), а также в языке тюрков Средней Азии. Это указывает на то, что заимствование произошло в восточной части тюркского ареала сравнительно поздно: древние тюрки ещё традиционно поклонялись богу Тэнгри.

Можно предполагать, что местом заимствования понятия *кудай* были район Гаочаны (Турфан) и Ганьсу, где в первой половине I тысячелетия н.э. (III в. – 460 г.), до похода на Алтай, тюрки длительное время контактировали с иранцами. Именно к этому времени относится заимствование тюрками согдийского алфавита (Кляшторный С.Г., 1964) и столь многочисленных иранизмов, которые характерны для языков сибирских тюрков. Очевидно, к этому времени и следует отнести появление в тюркских языках *катун* ‘госпожа’, ‘царица’.

Выведение *катун* (монг. *хатан*) ‘госпожа’ из монг. *хан* ‘владыка’ путём присоединения морфемы *тан*, показывающей собирательное множество лиц, имеющих отношение к какому-то лицу (Бертагаев Т.А., 1976), нам представляется менее обоснованным, чем иранская версия. Да и отнесение этого термина ко времени «Сокровенного сказания» (XIII в.) слишком позднее, хотя здесь можно допустить не самую раннюю фиксацию лексемы. Слово *катун* известно из древнетюркской

надписи, посвящённой Куль-тегину (VIII в.): «ёё величества моей матери-катун...».

Если термин *катун* (*хатун*, *катын* и др.) распространён на территории от Монголии и Тувы на востоке до мест расселения караимов (*катын* 'жена') на западе, то гидронимы со сходным компонентом известны только восточнее – от Алтая до Тихого океана. Помимо Катуня, одной из составляющих р. Обь, и упоминавшихся выше рр. Ихти-хатун и Бага-хатун известны:

- Катын – левый приток р. Ут (Тува);
- Катун – приток р. Казыр (обе реки в Восточных Саянах);
- Кытын – левый приток р. Бол. Кемчуг (бассейн Чулыма в Красноярском крае);
- Хатын – приток р. Амга (бассейн Алдана);
- Катэн (Кетын) – река в бассейне Амура (хр. Сихотэ-Алинь);
- возможно, и р. Накхатанджа, впадающая в Охотское море.

Мы считаем совершенно случайным пространственное наложение понятий *катун* «госпожа» на более раннее (субстратное) понятие *катун* «река» в пределах Алтае-Саян. Ареал *катун* 'госпожа' распространяется от Алтае-Саян на запад до Азербайджана и Прибалтики, ареал *катун* 'река' – от Алтае-Саян на восток до Сихотэ-Алиня. Именно отсутствие гидронимов с основой *катун* в средне- и переднеазиатской части тюркского ареала заставляет сомневаться в связи с их тюркским миром. Правда, Э.М. Мурзаев (1996, с. 76), ссылаясь на работу Э.К. Мехралиева (1992 г.), сообщал, что в азербайджанском языке есть слово *катын/катун* 'река'. Это значительно расширяет ареал этого термина, но не топонимов. Отметим, что огузские предки азербайджанцев вышли с территории Алтая, откуда они и могли принести термин.

Нам не известен язык, который оставил географический термин *катун* 'река', но, безусловно, его носители жили восточнее Оби в горах Южной Сибири или на Амуре.

Приведённый материал, возможно, примирит участников научного спора об этимологии гидронима Катунь: «река» (Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф., 1962) или «женщина» (Добродомов И.Г., 1984). В монгольском языке бытует торжественное обращение к реке, начинающееся со слова *хатан* 'госпожа': Хатан Сэлэнгэ морон мин, чам шиг тумнийг ундлах юмсан – «Госпожа Селенга, река моя, напоить бы столько людей, сколько ты напоила». Однако использование лексемы *хатун/хатан* без имени собственного реки (Катунь, один из истоков Оби, Катын, приток Чулыма и др.) заставляет сомневаться в её семантике «госпожа». Если нам понятно обращение к реке «Волга-

матушка», то слово Матушка в качестве собственного имени этой реки неизвестно.

Орёк. В тюркских языках з-группы обычны термины с основой в виде глагольного корня *öz- со значением 'течь (протекать)', что зафиксировано в словах *öz-mek* ~ *öz-bek* 'ручей', *öz-e-lti* 'маленький поток', *öz-ge* 'ответвление родника между двух гор'. Термины образованы от глагола *öz-* 'течь' с помощью аффикса уменьшительности -ак и аффикса -ен в значении носителя процесса. Можно предполагать, что в прошлом был безаффиксный термин *özü* или *üzü* 'река'. Так, тюрками Днепр назывался *Özü* или *Üzü* (Молчанова О.Т., 1972, со ссылкой на Г.Е. Корнилова). Приток р. Псёл носит тюркское имя Озак. О.Н. Трубачев (1968) склонен считать этот гидроним среднеперсидским. На Алтае левые притоки Башкауса носят названия Ак-өзө и Кара-өзө, а в Турции – рр. Демир-ёзю, Ильджа-озю, Киллик-ёзю. Но особенно многочисленны гидронимы с аффиксальным оформлением термина: Кызыл-озёк, Кок-узёк, Берт-озёк, Кызыл-Кышту-Узёк на Алтае, Кара-озёк – протока Сырдарья, Терен-озек – нас. п. на Сырдарье (назван по реке).

Гидронимы с термином *өзен* сосредоточены в основном в европейской части. На Алтае имеется лишь один гидроним, который с известной натяжкой можно отнести к этой группе – р. Чаган-узун, – который О.Т. Молчанова (1979), однако, этимологизирует с монгольского как белая вода, с чем можно согласиться. В западных регионах России известны реки: Шура-озень, Манас-озень, Губден-озень, Гамри-озень (Магомедов М.Г., 1983), Инчхе-озень (Ханмагомедов Х.Л., 1990). В форме *узень* термин известен в гидронимах обширной территории Азии и Европы: Узень – река в системе Белой (Урал), Бол. и Мал. Узень между рр. Урал и Волга (бессточный бассейн), р. Узень – левый приток р. Рось в системе Днепра, Агашлы-узень – приток р. Хуанхэ, Улу-узень – река в Алуштинском районе Крыма.

Географические термины *өзек/өзек* и *өзен/өзен* со сходным значением 'река', 'русло', 'долина' и пр. (Севортян Э.В., 1974, с. 510) встречаются в языках турецком, казахском, каракалпакском, татарском, алтайском, телеутском, туркменском, балкарском, койбальском, кумыкском и др.

Н.Н. Поппе (1924, 1925) установил соответствие тюрк. *өзөн* ~ *үзөн* 'ручей, речка' и чув. *вар*. Поэтому и нас в данном случае интересует сопоставление рассматриваемых терминов, сформировавшихся, несомненно, в среде тюркских языков з-группы, с терминами языков р-группы. Естественно ожидать, что з/з в гидронимах рассмотренной группы будут соответствовать гидронимы с р/г в болгарских языках. А именно, терминам *öz/öz* ~ *өзек/өзек* ~ *өзень/өзен* будут соответствовать *ор/ог* ~

орек/орек ~ *орен(ь)/оген*. В современных тюркских языках термин *ор/ог* «река» не известен. Э.В. Севортян приводит формы с не очень близкой семантикой: *ор*- ‘копать’, ‘рыть’, *ор* ‘ров’. Но в топонимии некоторых районов встречаются односложные речные названия типа *ор* или *орь*, что позволяет видеть в них термин, перешедший в имя собственное. Это р. Орь, на которой в 1735 г. была построена крепость Оренбург, Орь – приток Томи у Томска, Ор – приток р. Каргы (система Мал. Енисея). На рукописной карте 1749 г. П. Старцова (см. о ней: Розен М.Ф., 1998) показан приток Оби ниже Бийска – р. Орь (ныне р. Чемровка) и д. Усть-Орская. Имеется и прямое указание на то, что термин *ор(ь)* ‘река’ действительно тюркский. И.А. Воробьева (1977, с. 48) в с. Тохтамышево у Томска записала от томских татар топоним Куль-Орьяга, по-русски «озеро за рекой». Возможно, к такому типу гидронимов принадлежат имена рр.: Ора, впадающей в р. Иня (Кузбасскую), Ора – левый приток р. Пера (бассейн р. Зeya в системе Амура) и Орогач, впадающая в р. Ойёр, приток Телецкого озера. В Дагестане известны имена рек с финалией на *-ор*: Нехтыльбор, Кудаор, Калакор, Горозулор, Ойсор. Однако дагестанские гидронимы, возможно, создали предки нынешних аваров (Мурзаев Э.М., 1984, с. 416). С тюркским термином *ор* ‘река’ можно сопоставить чув. *вар* ‘ручей’, *варан*¹ ‘долина’, гун. *waг* ‘река’ (ср. *Hunpi-waг* – гунское название Днепра; Толстов С.П., 1947, с. 73).

В современной гидронимии сохранилось мало (а может быть много и не было) речных названий с термином *орен(ь)*. Река Урень впадает слева в Куйбышевское водохранилище на Волге. Она упоминалась Ибн-Фадланом при посещении им страны болгар в 921–922 гг. (Ковалевский А.П., 1956). Река Уруна известна и в Алтайском крае – это приток р. Неня. Есть р. Урунка и в Китае, в бассейне Хуанхэ, где живут тюркоязычные салары (Потанин Г.Н., 1883).

В Сибири и европейской части России довольно многочисленны гидронимы, содержащие болгарский (гурский) термин *орёк/орек* в различной огласовке. Широкое распространение топонимов, образованных с применением термина *орёк* и его фонетических вариантов от Охотского моря до Волги и Северного Кавказа однозначно свидетельствует о сложной миграционной истории создателей этих топонимов.

На Дальнем Востоке в Охотское море впадает р. Урак. В бассейне нижнего и среднего течений Амура известны рр. Хаюм-Урак, Сахель-Урак, Карурак, Утурак, Тох-Урак, Керурак. В верховьях Алдана, близко расположенных к системе Амура, – рр. Оюн-Урак, Хаюм-Урак, Тугурук.

¹ Ср.: тув. *ор* «долина».

В Якутии имеется великое множество рек с названиями на *-юрях*, *-урэх*, *-урях*, *-уряге*, *-юряге*: Буор-Юрях (несколько рек), Огоннер-Юряге, Оюн-Юряге, Санга-Юрях, От-Юрях, Токур-Юрях и др.

В Туве рр. Аныяк-Оруг 'малый Оруг' и Улуг-Оруг 'большой Оруг', притоки р. Хемчик, Оруг в системе р. Алаш могут быть чисто фонетически причислены к рассматриваемой группе топонимов. В тувинском *оруг* «вершина горного ручья».

На Алтае зафиксирован гидронимический термин *орек* 'небольшая река' (Молчанова О.Т., 1982, с. 237). В Телецкое озеро впадает р. Кокорёк. С.Г. Лепнёва (1933), приводит другие варианты этого гидронима: Кокурёк, Кокюрюк, Кукрек, Кок-Урек. В Хакасии известны р. Кукурюк (приток р. Береж), оз. Ураки (Ораки) недалеко от этой реки.

В «Книге большому чертежу», составленному в 1627 г. и изданному в 1838 г., упоминается, что «*Река Юрюк Самар* (ныне Сакмара. – А.М.) ... пала в Яик (р. Урал. – А.М.)». В русифицированной фразе слово Юрюк отображено как имя собственное, хотя, несомненно, это тюркский термин «река». В Башкирии по письменным источникам прошлых веков была известна р. Айрыурук.

Очерчивая ареал гидронимов с терминов типа *орёк*, можно сделать два вывода: 1) такого рода гидронимы практически отсутствуют в южной зоне, заселённой тюрками 3-группы; 2) особенно многочисленны и разнообразны они на восточном фланге тюркского ареала, что, вероятно, отражает локализацию их становления.

Уень. В Западной Сибири имеется несколько рек с именем Уень. Это два притока Оби (в Новосибирской и Томской областях). Река Иня (Кузбасская) на чертеже Ремезова С.У. (1882, л. 14), составленном ранее 1701 г., названа Уень. Современную форму имени она получила вследствие следующей трансформации исходного тюркского названия: Ойён → Уень → *Уеня → Иня. Слева в р. Абакан, несколько восточнее Телецкого озера, впадает р. Уень-зу (Берлайры Уень-зу), ныне называемая Оэнсу или Коэтру. Тюрки-кумандинцы по Бии называют эту реку (Бию) Оён или Оёнъ (приблизительное чтение *ойён*). Это географический термин. Так кумандинцы называют более или менее крупную реку (Баскаков Н.А., 1972). По нашему мнению, этот термин и топонимы имеют древнеуйгурское происхождение. Древнеуйгурское *үзү* 'вода' (Баскаков Н.А., 1969), нарощенное аффиксом носителя процесса *-н*, даёт *үзүн* 'река'. Вследствие потери интервокального *-г-* получается такой эволюционный ряд: *үзүн* → *уун* → *обн* → *уень* (русифицированная форма). В якутском выражении *угут дьыл* 'дождливое лето' сохранился древнеуйгурский термин *үзү* 'вода/*дождь' (совр. як. *самыр* 'дождь').

Э.В. Севортян (1974, с. 512) приводит фонетически близкий древнеуйгурский термин *джон* 'река' (материалы В.В. Радлова и С.Е. Малова). Вокруг Байкала, где до VII в. проживали уйгуроязычные курыканы, известны рр. Агун (два притока Иркут), Укугун (приток р. Зима), а Г.Н. Потанин (1948, с. 286) упоминает р. Цаган-Угун (другое название Цаган-гол). В этот же ряд можно включить имена левых притоков Мал. Енисея в Туве – Аён и Аян. Принадлежность языка северных алтайцев, шорцев, хакасов и других народностей Алтае-Саян к уйгурской, точнее, уйгуро-огузской группе позволяет достаточно уверенно считать рассматриваемые термины и топонимы следами этого языка.

Ур. От Дальнего Востока до Поволжья в гидронимах встречается финальная часть *-ур*. Причём в ряде случаев топоним состоит только из этого компонента, что позволяет предполагать переход имени нарицательного *ур* '*вода/*река' в имя собственное, что является обычным в топонимике. Вот некоторые из таких топонимов:

– *Дальний Восток* – Ур (ныне Уркан), приток Зеи; Будур, Кульдур, Токур; Гур (Хунгари с притоками Уктур, Джаур); Будур, Будюр, Заур, Укур (бассейн оз. Болонь); Анаур (река на Шантарских островах); Кукур (две реки в системе р. Уда); Тугур и Луктур (впадают в Охотское море); Кур, Дитур, Аур (бассейн Урмии);

– *Монголия* – Ур (совр. Уур-гол, система Селенги выше Орхона; Потанин Г.Н., 1883, с. 258); Булунгур «мутная вода» (Караев С.К., 1984);

– *Восточная Сибирь* – Учур, приток Алдана; Ура, левый приток Лены; Осур, Токур в бассейне верхнего течения р. Оленёк;

– *Саяны* – Ужур, правый приток р. Гутара; Огур, Уры, Бол. и Мал. Очур;

– *Алтай* – Колдур (ныне Колдор) и Чебдур, притоки Телецкого озера; Тюнгур, левый приток Катунь; Бороноур (ныне Барнаулка); Бунгур (в Шории);

– *Салаир* – Ур, приток р. Иня; Чубур (ныне Чебура);

– *Кузнецкий Алатау* – Ужур, Арбатур;

– *Поволжье* – Ур, Вишнур, Сентура, Синур, Нинур, Винчур, Дардур.

Нас привлекают топонимы Дальнего Востока, Приамурья и гор Южной Сибири, где они многочисленны и компактно локализованы. Это заставляет предполагать не случайное совпадение, а какую-то закономерность, обусловленную возможным родством.

Конечно, из этих топонимов родственны не все. Односложность термина *ур 'река' не исключает случайного совпадения. Термин *ур* 'вода' или 'река' и его близкие фонетические варианты известны в языках различных семей. Здесь некоторые гидронимы могли быть связаны с и.-е. *ur 'вода' (др.-англ. ear, др.-исл. augr; Джаукян Г.Б., 1978). В сым-

ском и имбатском диалектах кетского языка *ур* является гидронимическим термином. Кетскими можно признать гидронимы Сочур, правый приток Кети, Кайгур, Бороноур. В хаттском языке *ига* 'источник' (Гиоргадзе Г.Г., 1961, с. 203), кельт. *дур* 'вода', шумер. *ур* 'река', баск. *ур*, *хур*. Г.П. Вуоно (1964) мансийскими считает гидронимы Лангур, Кенур, Свексур, Кунгур. Речной суффикс *-р*, (*-ур*, *-ар*, *-ер*) оставлен, по его мнению, неизвестным обско-угорским народом (ср. венг. *ар* 'большая река', *ер* 'речка'). Даже из иранского (сарыкольского) можно вывести **иг* 'вода' (<авест. *var*, др.-инд. *wāg*). В сарыкольском имеется сложное слово *зыwur*, *ziwur* 'устье реки' при *зыwusč-* 'выводить', 'извлекать'. Устье реки – это как раз то место, где вода выводится в озеро или другую реку.

Как показал анализ структуры понятия *дождь* в языках различных семей, смысловое значение этого термина строго соответствует представлениям человека о процессе образования дождя. Эти представления объединяются в следующие группы: 1) «вода», 2) «новая вода», 3) «падающая вода», 4) «небесная (божья) вода», 5) «нечто падающее».

В тюркских языках *ур/иг* 'лить'. Но в финалях сложных слов, обозначающих дождь, регулярно повторяется компонент *ур/гур/хур/хур*. Первый же компонент, фонетически сходный во всех языках, обозначает понятия «новый» или «падать, идти (о дожде)»:

Язык	«Дождь»	«Новый»
Башкирский	<i>ямгыр</i>	<i>янди</i>
Казахский	<i>жанбыр</i>	<i>жана</i>
Караимский	<i>йагьмур</i>	<i>йангы</i>
	<i>йагьур</i>	<i>йанъгы</i>
Кумыкский	<i>янгур</i>	<i>янгы</i>
Алтайский	<i>янгыр</i>	<i>янгы</i>
Кара-калпакский	<i>жамгыр</i>	<i>наа</i>
Шорский	<i>нангмур</i>	<i>джанга</i>
Хакаский	<i>нангыр</i>	<i>наа</i>
Казанско-татарский	<i>янгыр</i>	<i>янга</i>
Ногайский	<i>ямгыр</i>	<i>янгы</i>
Узбекский	<i>ёмгыр</i>	<i>янги</i>
Шорский	<i>нангмур</i>	<i>наа</i>
		«Падать, идти»
Древнетюркский	<i>ягмур</i>	<i>јау-јаг-</i>
Турецкий	<i>ягмур</i>	<i>яг-</i>
Гагаузский	<i>јаамур</i>	<i>јаамаа-</i>
Кумандинский	<i>чанъмыр</i>	<i>чанъы-</i>
Якутский	<i>самыр</i>	<i>сам-</i>
Саларский	<i>ягмыр</i>	<i>ягджи-</i>
Чувашский	<i>сумар</i>	<i>су-</i>
Уйгурский	<i>ямгур</i>	<i>йагмак-</i>

Кроме тюркских, нам известно только в санскрите словосложение сходной конструкции: *jalagata* ‘дождь’ (читается *джалагата*), где *jala* ‘вода’ и *ga* ‘идуший’.

Второй компонент в тюркских примерах нами рассматривается как забытый тюрками термин со значением «вода». Расхождения исходят из закономерных соответствий ($m \sim n$) либо разложения заднеязычного *ng/ŋ* с выпадением одного из звуков (см. казахский пример). По-видимому, изначальной формой была **ur*, так как ей соответствуют гидронимы *Ур* (см. выше перечень гидронимов). Позднее от этой формы были созданы термины *hur* (графически выше не отображённые), *гур*, *мур*, *мыр*, *быр*, возможно, *ыр*, *ир*. Приведённые лексемы со значением *дождь* образованы по одной схеме, поэтому можно считать, что функционировал термин *ур* и другие его фонетические варианты давно, во время пратюркского языкового и физического единства. Если... Если это действительно термин. Н.А. Сыромятников (1971, с. 54) считал, что в тур. *ямгур* ‘дождь’ второй компонент является суффиксом. В подтверждение мнения Н.А. Сыромятникова можно привести слово сибирских татар *йайгыр* ‘радуга’, где *йай* ‘лук (оружие)’, а *гыр* ‘вода’. А может быть, создатели этого слова связали воедино реальное атмосферное явление – разноцветный лук, который появляется после дождя? Однако другие примеры показывают, что внутренняя структура термина «дождь» тюркам не понятна и термин ими воспринимается как единое двусловное слово, в котором они не выделяют две морфемы с самостоятельным значением. Так, в турецком при *йаг-* ‘идти (об осадках)’ бытуют выражения:

- *йагмур йагайыр* ‘дождь идёт’,
- *кар йагар* ‘снег идёт’,
- *курушун гурла йагды* ‘пули сыпались градом’.

В данном случае компонент *йаг-* ‘идти’ в термине *йагмур* ‘дождь’ носителями языка не воспринимается как таковой, и в выражении *дождь идёт* он воспроизводится ещё один раз: *йагайыр*. В итоге получается своеобразная тавтология: *падающая вода падает*. Структура второго и третьего выражений *снег идёт* и *пули сыпались градом* показывает, что глагол *йаг-* в термине *йагмур* (букв. *падает вода*) не воспринимался как таковой. В данном случае имеется параллель со славянским (кошубским¹): *пада* ‘дождь’, то есть то, что падает. В приведённых тюркских терминах *дождь* финальная часть действительно соответствует термину *вода*, что подтверждается и параллельным функционирова-

¹ Живут в Польше на побережье Балтийского моря у р. Висла.

нием усечённых терминов, не содержащих в финальной части термин *вода*: балк. *джаун*, азерб. *ягыш*, ног. *явун*, ккалп. и казах. *жаан*, туркм. *ягыш*, алт. *йааш*, которые соответствуют глагольным формам *йагмак-*, *явув-*, *жауыу-*, *жаа-*, *йай-*, *йаа-* 'падать, идти' (о дожде, снеге и других мелких предметах). Финальные *-н* и *-ш* являются аффиксами, участвующими в образовании отглагольных существительных.

Не только отдельные топонимы «привязываются» к тоба, но и целые группы их (топонимов) локализуются в бассейне Амура, куда топа были изгнаны хуннами из Хингана в конце III в. до н.э. (рис. 15).

Нами подробно рассмотрен этот вопрос в связи с разработкой проблемы енисейско-хунно-тюркских связей. Если действительно в тюркских языках бытовало слово *ур* 'вода', как и в енисейских, то предстоит решить ещё немало вопросов для того, чтобы выявить природу такого лексического схождения. Если оно говорит о родстве енисейцев и пред-

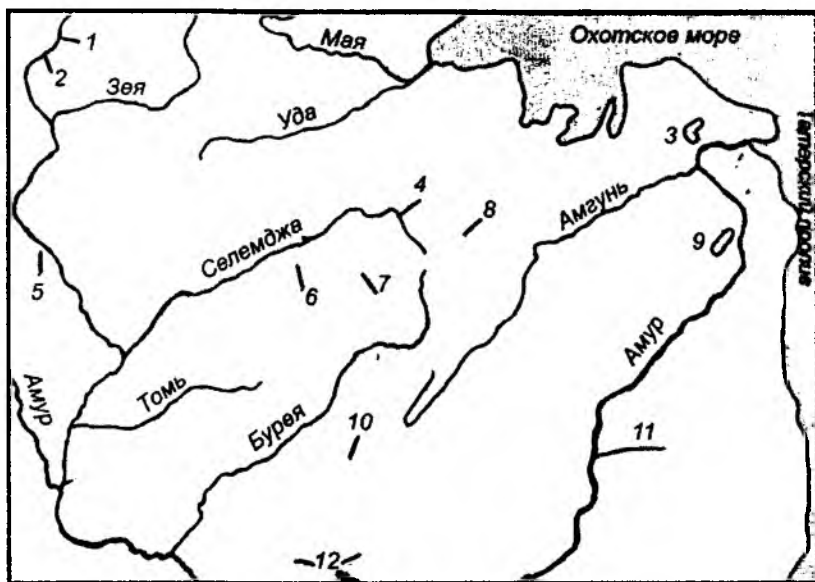

Рис. 15. Гидронимы тюркского (тоба) типа в Приамурье:

- 1 – р. Тасси-Кутугур; 2 – р. Таскутугур; 3 – оз. Орель, рр. Тура, Ул, Чуми, Чуйга;
 4 – рр. Бельтерек, Бельчирик; 5 – р. Эртиш; 6 – р. Кучулым; 7 – р. Матриск;
 8 – р. Булгари; 9 – оз. Удыль; 10 – р. Сула; 11 – р. Хунгари; 12 – рр. Трск, Куль-
 дур, Карагай

ков тюрков, то это родство было очень давним. И эта давность будет исчисляться многими тысячами лет. Если это заимствование, то кто у кого и где заимствовал? И шло ли это заимствование через хуннов по цепочке *енисейцы* → *хунны* → *тюрки* или *енисейцы* ← *тюрки* ← *хунны*?

Обсуждение

Этнонимы. Все южно-сибирские горцы, описанные выше под разными наименованиями, представляют собой родственные группы тюркского населения. Изначальным самоназванием их было *тоба/топа*. Этот этноним сохранился в имени тофалар, тувинцев, тубинцев приенисейского края, тубалар прителецкого района, известного и у якутов-долган (*тыя*). Тофалары распространили свой этноним и на самодийцев (карагасов), ассимилировав их в языковом отношении.

На рис. 16 показано современное расселение прямых потомков тоба в горах Южной Сибири и Якутии.

Бывшее название тувинцев *сойон* (ед. ч.) или *сойот* (мн. ч.) дано со стороны и имеет, очевидно, иранское происхождение. Название *тува* и

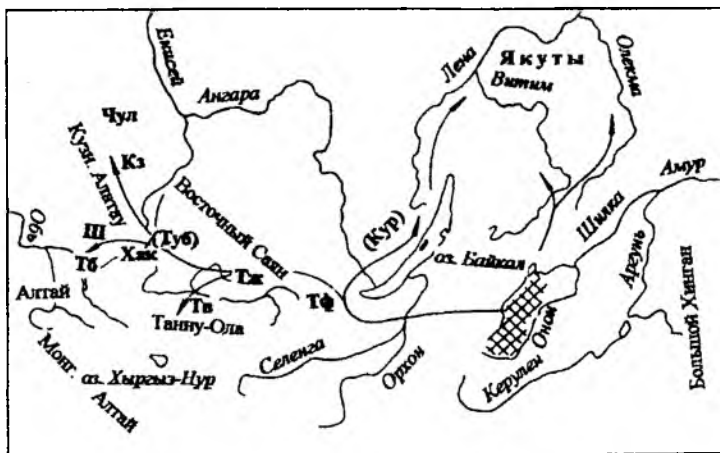

Рис. 16. Исходная территория тоба (сетка), пути их миграции (стрелки) и расселение их потомков: Кз – кызыльцы; (Кур) – курыкане; Тб – прителецкие тубалары; Тв – тувинцы; Тж – тоджинцы; Тф – тофалары; Хак – хакасы; Чул – чулымцы; Ш – шорцы

другие варианты этнонима распространилось на самодийцев и кетов (коттов) Тоджи со стороны тофалар в ходе их (самодийцев и коттов) тюркизации. Позже было перенесено на всех жителей Тувы.

Кайдынцы – это коттский этноним, сохранившийся после тюркизации коттов тофаларами или тубинцами.

Карагасы – самодийскоязычная группа, потомки носителей кулайской культуры, ушедшие из левобережья Нарымского Приобья в Саяны. Передали на некоторое время своё самоназвание тюркам – тофам, ассимилировавшим их.

Кужегеты – отореченные кеты (котты?). Кочевали в основном по долине р. Алаша и в окрестностях оз. Кара-коль (Западная Тува).

Курыкане – потомки тоба. Вошли в состав якутов.

Кызыльцы – один из компонентов их был тобаский. Несомненны кетская и самодийская основы.

Орчаки – горно-таёжное племя Южного Алтая. Были на русской службе в XVII в. (орчаки). Ныне род *Ооржак* (Орджак) в Западной Туве.

Теле – объединение племён, в которое входили уйгуры и тоба.

Тоба – тюркоязычное население хуннской эпохи в Восточной Маньчжурии. Изгнано хуннами в верховья Амура. Родоначальник тюркских групп гор Южной Сибири.

Тоджинцы (тувинцы-тоджинцы) – самоедо- и кетоязычные группы района Тоджинских озёр, отореченные тофаларами.

Тофа (тофалары) – группа тоба, заселившая Восточные Саяны.

Тубинцы – разноязычное население (кеты, самодийцы, тюрки) в составе Тубинского княжества по р. Тубе, правому притоку Енисея. Река названа по этнониму *туба*.

Туба (тубалары) – тюркоязычное население северной части Прителецкой гайги. Потомки тоба.

Тувинцы – обобщающее название тюркоязычных народов Республики Тува. В основе лежит древний этноним *тоба*.

Урянхи – обобщающее название лесных племён гор Южной Сибири. Происхождение этнонима, очевидно, монгольское.

Хакасы – искусственный этноним, объединивший бельтир, сагайцев, качинцев, кызыльцев, кайдынцев, тюркизированных самодийцев-койбал.

Чулымцы – селькупы, тюркизированные кызыльцами (?).

Шорцы – генетически неоднородное население Шории. Название дано по наиболее крупному роду шор/чор.

Якуты – безусловно, как тюркоязычная популяция начала формироваться за счёт ранней миграции тоба/топа в тунгусскую среду. Более

поздние волны (две?) тюрков из Прибайкалья (курыкане) и Минусы (сагайцы?!) завершили оформление этой этнической группы.

Место и время. Тоба/топа в конце I тысячелетия до н.э. были изгнаны из Хингана хуннами в верховья р. Амур, в бассейн р. Онон, где они вошли в контакт с нетюркским населением. Вскоре началась ползучая миграция тоба с востока на запад. Этот путь тобасцев начался в первые века новой эры, когда хунны сошли со сцены. Л.П. Потапов (1974) предлагает даже точную дату движения – 265 г. н.э. Нам думается, что это началось раньше – в конце I тысячелетия до н.э. или в самом начале новой эры.

Возможны два пути миграции тоба на запад:

1. Из Забайкалья по горам Южной Сибири на запад с уходом части населения на север (будущие якуты) и в Прибайкалье (будущие курыкане). Основной путь лежал по горам Южной Сибири – Восточные Саяны (тофалары) с заходом в Туву (будущие урянхи, тувинцы, сойоты), в Западный Саян (будущие кайдынцы и хакасы, тубинцы), далее в Шорию (различные сеоки шорцев), Северный Алтай (тубалары, часть челканцев). Из Хакасии ветвь тобасцев ушла на Кузнецкий Алатау (будущие кызыльцы), на Чулыме были оторечены самодийцы.

2. С северного фланга Большого Хингана тобасцы мигрировали по Северной Монголии до Тувы, проникли в Восточный Саян (тофалары) и Прибайкалье (курыкане). Основной поток их устремился на запад по горам в Хакасско-Минусинские степи. Одна ветвь их освоила Кузнецкий Алатау (кызыльцы), другая через Западный Алтай проникла в прителецкий район Алтая.

Второй вариант менее предпочтителен, так как гунны по Орхону перекрывали этот путь.

На Алтае-Саяно-Хангайском нагорье сложился своеобразный тип комплексного хозяйства, в котором преобладала охота. Здесь сформировалась культура, которая в какой-то мере законсервировала архаичные особенности языка, древний быт горно-таёжных племён. Уже в Средневековье жители нагорья были обозначены как лесные племена или лесные народы (Потапов Л.П., 1969, с. 79), что отразилось и в их самоназвании (см. выше). Такое название впервые, очевидно, приведено в «Сокровенном сказании» – знаменитой монгольской хронике. Позже, в «Сборнике летописей» Рашид-эддина (раздел «О тюркских племенах, называемых монголами»), указывалось, что «...всякое племя, у которого юрты были по лесистым местам, называли лесным племенем» (Рашид-эддин, 1858, с. 123). Л.П. Потапов (1969, с. 89) очень удачно определил их как «горные кочевники скотоводы-охотники Алтае-Саянско-Хангайского нагорья».

ДРУГИЕ «ТЮРКИ»

От каганатского времени сохранилось немало письменных источников, по которым можно судить и о языке населения того времени. Как справедливо заметил И.А. Батманов (1963; 1966), особенности языка древнетюркской письменности, более известной как орхон-енисейская, или руническая, сложились задолго до её появления, вероятно, в хуннский период. Язык орхон-енисейских письменных памятников не был праязыком, из которого развились другие тюркские языки. Одновременно с ним функционировал родственный ему древнеуйгурский язык, развивался протобулгарский, обособлялся язык прибайкальских курыкан, формировался кыпчакский.

В докаганатское время на территории Сибири (и южнее её) помимо хунну и потомков тоба проживали и другие тюркоязычные (в широком понимании) группы. Эти группы «вошли» в каганатское время и по письменным (руническим) источникам этого времени могут быть определены.

Руны – знаки древнейшего германского алфавита, высекавшиеся или вырезавшиеся на камне, металле, дереве, кости. Известны в Скандинавии, Исландии, Гренландии, Англии, в северном Причерноморье, Новгороде, Старой Ладогe (Кляшторный С.Г., 1964). На древнегерманские руны похожи (но происхождением не связаны) знаки средневековой письменности тюрков Азии (рис. 17).

ᠰᠡᠬᠡᠴᠢᠨᠨᠠᠶᠢᠰᠤᠨᠠᠯᠤᠯᠤᠰᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤᠨ (1)
 ᠰᠡᠬᠡᠴᠢᠨᠨᠠᠶᠢᠰᠤᠨᠠᠯᠤᠯᠤᠰᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤᠨ (2)
 ᠰᠡᠬᠡᠴᠢᠨᠨᠠᠶᠢᠰᠤᠨᠠᠯᠤᠯᠤᠰᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤᠨᠠᠯᠤᠯᠤᠰᠤᠨᠠᠶᠢᠰᠤᠨ (3)

Транскрипция

- (1) Кара кан (чрәги бәи Азәһәй).
- (2) Алты отуз јашыма әрті.
- (3) Бәи бәтүм түргік әл (түнгә бәг бәи бәтү...

Перевод

- (1) Я — Эзгено — внутренний (ник) Кара-хана.
- (2) Я был на двадцать шестом году своей жизни.
- (3) Я умер внутри тюркешского государства, я начальник, надзиратель...

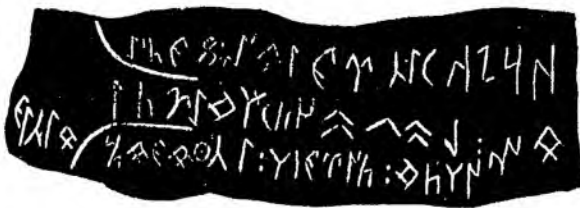

Рис. 17. Руническая надпись на камне с р. Туба (Малов С.Е., 1952)

Рунические письма Азии известны с конца XVII в.: первое упоминание о «камне орхон» мы видим у тобольского картографа С.У. Ремезова (1696–1697 гг.). Расшифровка этих письменных источников сделана в 1893 г. В. Томсенom; впервые опубликованы В.В. Радловым в 1894 г. Прототипом древнетюркской письменности послужило согдийское письмо, принесённое согдийскими купцами в Центральную Азию. В 1906 г. А. Стейн обнаружил документы, написанные по-китайски и по-согдийски на бумаге, в сторожевой башне близ Дуньхуаня (крайняя западная оконечность Великой Китайской стены). Время написания – IV в. н.э. Тюркский алфавит был создан по приказу кагана Истеми в конце VI в. (Клосон Дж., 1986). Согдийская письменность является одной из разновидностей арамейского алфавита, который и послужил моделью древнетюркского рунического письма (Кляшторный С.Г., 1964, с. 46). К арамейскому алфавиту добавлено несколько знаков.

Руническая письменность тюрков существовала долгое время, ещё в послемонгольский период ею пользовались хакасы. Более того, Л.Р. Кызласов (1992) сообщил, что и в русское время она не была забыта. Она была в употреблении ещё полвека назад. Учительница из Абакана В. Марьясова-Гончарова в 50-х гг. XX в. могла прочесть руны, чему научил её отец.

По мнению С.Г. Кляшторного (1964), согдийская письменность была заимствована тюркоязычными племенами Ашина в V в. во время пребывания их в Гаочане (Турфан), который был давно колонизирован ираноязычными согдийцами. Но широкое распространение она получила в VIII в., возможно, была в пользовании и веком раньше. Руническое письмо бытовало до X в. и использовалось на огромном пространстве от р. Орхон на востоке до Венгрии на западе. Нас интересуют наиболее ранние памятники, которые оставлены тюркютами на Алтае и в Монголии, а также на Енисее. Эти наиболее ранние (возможно, VI–VIII вв.) орхоно-енисейские письменные памятники оставлены древними тюрками, основателями тюркских каганатов, племенную и языковую принадлежность которых мы пытаемся выяснить.

Решением этой проблемы занимались многие видные лингвисты-тюркологи (Айдаров Г., 1971; Батманов И.А., 1959; 1966; Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф., 1962; Кляшторный С.Г., 1964; Насилов В.М., 1960; Тенишев Э.Р., 1979 и др.). Язык орхоно-енисейских рун (VI–VIII вв.) имел уйгурские и огузские черты. Это был койне – язык, используемый для повседневного общения носителей разных диалектов или языков, а также как литературный для официальной переписки и эпиграфий. Жанр орхоно-енисейских надписей довольно разно-

образен: 1) историко-биографические тексты, как мемориальные, так и прижизненные; 2) эпитафийная лирика («кладбищенская поэзия»); 3) памятные знаки на скалах; 4) метки на бытовых предметах и др.

Язык орхоно-енисейских памятников относится к *d/d*-группе. В.М. Насилов (1960) выделил в языке диалекты: 1) древний южный (язык уйгуров); 2) древний северный (язык сиров); 3) смешанный. Эта классификация, похоже, не нашла применения. Предполагается, что вплоть до IX в. диалектные различия были незначительными. По мнению Г. Айдарова, на базе языка енисейских памятников развились языки кыргызов, кыпчаков, тувинцев, шорцев, хакасов и др., на основе орхонских надписей – языки огузов и др. Нам представляется, что процесс формирования основных групп тюркских языков был несколько иным.

Теле

Телеские племена относились к категории «лесных народов» (Ахинжанов С.М., 1989). Они кочевали на обширных пространствах северной части Гоби, а также на южных горных склонах между Бол. Хинганом и Тянь-Шанем (Монголия, Тува, Русский и Монгольский Алтай). Их имя упоминалось в летописях Суйской (581–618 гг.) и Танской династий. Однако их история уходит в более раннее время. По крайней мере, в хуннское.

История теле по разным источникам вырисовывается несколько по-иному.

Это были многочисленные и многолюдные племена. Среди них были известны *сеяньто*, *вэйхо*, *хуйхо* (*ойхоры*, *уйгуры*), *паегу*, *тунло*, *ана* (*аба?*), *доланго* (*теленгиты*), *кити*, *таки*, *хун*, *хусье* (*хуси*), *тубо* (*тоба*), *гулисан* (*курыканы*). Китайцы дали им обобщающее название *гаогюй* ‘высокие телеги’ (перевод с монг. *телеген терге*), монголоязычные жужане называли их *терге* ‘тележники’. От этого имени китайцы сформировали этноним *теле* (тйеле, телэ и др.), или *чиле* (этноним ошибочно превращён в *теле* ~ *тйеле*). Племена теле не были консолидированы и часто враждовали одно с другим. По языку и образу жизни они не отличались от тюркютов. Самоназвание их было *огузы/огуры*. В VI в. огузы еще не имели лидера, позже их возглавили уйгуры (гаогюй, ойхор, хойху) как наиболее значительное племя (История Казахстана..., 2001).

Несколько иную трактовку истории теле давал Н.Я. Бичурин (1851). Когда-то поколения чи-ди «красные северные кочевые» занимали территории Ганьсу и Шань-си, еще не принадлежавшие китайцам. Чиди

были вытеснены в степи, где они под названием дили заняли пространства западнее Ордоса. Язык их был хуннским, то есть монгольским «*небольшим изменением в наречии*». В 338 г. дили попали в зависимость от южных тоба, но в самом конце IV в. ушли на северную сторону песчаной степи и там вместо дили стали называться *гаогюй* ‘высокие телеги’. Но и это название было заменено народным чиле, ошибочно преобразённым историками Южного Китая в *тьехе-лэ* (*теле*).

Телеские племена некогда были в составе хуннской орды, но вскоре вышли из неё, отстав от своих воинственных сюзеренов где-то уже в Тянь-Шане. Но в 383 г. они подчинились тобаскому хану и в конце IV в. перекочевали в Джунгарию, распространились в Западной Монголии до Селенги. Теле вскоре попали в зависимость и эксплуатировались жуаньжуанями (жужанями). Последние избегали изнурительного труда и предпочитали заменять труд добыванием дани. С этой целью они и привлекли телеские племена в свои разбойничьи рейды (Гумилёв Л.Н., 1993, с. 13). Менталитет телесов был иной. Теле были мирными скотоводами, но платить дань кому-либо не хотели. Они неоднократно делали попытки избавиться от зависимости, в конце V в. создали государство Гаогюй, которое, однако, было разбито жуань-жужанями в 516 г. Теле даже решились на союз с родами Ашина, когда те создавали свой Первый каганат, правда, это было вынужденное решение: они потерпели поражение в противоборстве с тюркютами. Но и после поражения они представляли собой значительную военную силу и были использованы в военных действиях на стороне тюркютов. Как сказано в танской летописи, каганы «*их силами геройствовали в пустынях севера*» (цит. по: Потапов Л.П., 1966, с. 234). Еще до гибели Первого тюркского каганата (630 г.) телеские племена вышли из его состава и создали в 628 г. каганат Сеяньто (государство токуз-огузов «девять племён»), павший в 646 г., когда на историческую сцену вышли уйгуры.

Современные телеки, теленгиты, телесы, телеуты являются потомками теле (Гумилёв Л.Н., 1993, с. 13). С.М. Абрамзон (1966) в составе киргизов обнаружил *дөөлөс* в Прииссыккулье и *төөлөс* в Южной Киргизии. Но ни у одной из групп потомков теле (теленгеты, телесы, телеуты) ныне не известен этноним *туба*, хотя тоба упоминаются в списке телеских племён (см. выше). Тем не менее можно предполагать, что изначально племена телеского объединения были в близком родстве с тоба. Об этом, в первую очередь, свидетельствует близость языков древних тюрков (тюркютов) с языками тобасцев, а именно, принадлежность их к уйгурскому типу. Для теле это подтверждается тем, что ведущее место в их объединении занимали именно уйгуры. Для тобасцев подтверждени-

ем родства с теле может служить принадлежность языка якутов к уйгурскому типу: якуты, выходцы из среды тоба, никогда не входили в тюркютские каганаты. Поэтому можно считать, что родство, по крайней мере языковое, тоба и теле относится к дотюркютскому и, очевидно, к дохуннскому времени.

Ранняя история племён объединения теле может быть представлена в следующем виде.

Шаньюй Модэ изгнал в 206 г. до н.э. из северной части Большого Хингана на р. Онон только часть ранних (докаганатских) тюрков, известных как тоба (топа, то-ра). Оставшаяся часть тоба, объединенная позже в конфедерацию теле, подчинилась хуннам и вошла в их орду. Вместе с хуннами теле кочевали по южным склонам гор Южной Сибири и по степям Северной Монголии, однако далее гор Тянь-Шаня на запад они не пошли. В частности, прителецкие телесы помнили свое давнее местопребывание в верховьях р. Или. Возможно, телескими племенами были чуми, чумугунь, чубань и чуюе, входившие в среднеазиатское государство хуннов Юебань и которых Л.Н. Гумилёв (1959; 1961) «локализовал» на Алтае.

Предки тюркютов

История Первого тюркского каганата (552–630 гг.) и создавших его тюркютов столь же феноменальна, сколь и загадочна. Где создатели державы столь длительное время скрывались и под какими именами? И почему стал возможен подъём их величия? Все эти вопросы интересны, заслуживают специального рассмотрения, но находятся за пределами нашей темы. Нам же предстоит ответить на вопрос: на какой этнической основе род Ашина создал менее чем за 20 лет свою победоносную державу, чьи просторы раскинулись от Хуанхэ до Волги?

Раннетюркский (тюркютский) этнос сложился на базе двух компонентов.

Первый, пришлый, связан с предками Ашина, и вопрос этот во многом ясен. Имеются указания на прямое происхождение тюрков от хуннов («Туззюэ есть особое племя сюнну»; см.: Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с. 12). Другими авторами подчеркивается хуннское происхождение только самих Ашина, что, на наш взгляд, более вероятно.

В 308–460 гг. на территории Китая (Гаочан и Хэси) существовало поздnehуннское государство Северный Лян, во главе которого стоял род Цзюйцой. С.Г. Кляшторный (1964) считал, что история рода Ашина была связана именно с этим государством поздних хуннов. В 460 г. жуань-

жуани напали на Гаочан (Турфанские степи) и уничтожили правящий род. Пострадали и Ашина: они подпали под власть жуань-жуаней и были переселены ими к южным отрогам Алтая (Кляшторный С.Г., 1965). Если проследить их путь из Турфана на новые места жительства, то ближайшие горы – это юго-западные отроги Монгольского Алтая. Несмотря на ряд крупных неудач и поражений хуннской державы на исторической арене ей нельзя отказать в формировании слаженной и эффективной по тем временам структуры управления и организации общества. Развитая система управления теснейшим образом была связана с военной организацией и административным управлением. По-видимому, развиты были и государственные институты, так как необходимо было управлять покорёнными народами: сбор дани, карательные экспедиции, обращение в рабство покорённых народов и пр. (Давыдова А.В., 1975). Несомненно, опыт хуннов был знаком Ашина и во многом скопирован ими.

В ганьсуйско-гаочанский период своей истории (III в. – 460 г.) Ашина тесно контактировали с индоевропейским населением – иранцами и «тохарами». Возможно, эти события в истории Ашина – давний и длительный контакт с хуннами и обитание в среде индоевропейцев – позволили тюркютам Ашина использовать богатый политический опыт этих высокоразвитых скотоводческих культур. Именно этот опыт способствовал развитию у Ашина организаторского таланта, который позволил им сплотить вокруг себя многие племена гор Южной Сибири и Северной Монголии, создать дисциплинированное воинство и эффективную экономику, основанную на высокопродуктивном кочевом скотоводстве. По-видимому, немалую роль сыграла хорошо развитая металлургическая база, которой обладали Ашина: производство железных предметов вооружения резко повысило боеспособность тюркютского войска. Так было ранее в истории с хуннами, которые имели высокоразвитую металлургическую базу на Алтае и в Забайкалье, так было позже в истории джунгар, которые в первую очередь поставили под свою зависимость жителей Шории и Алтая, заставили их платить дань железными изделиями, в том числе и предметами вооружения.

Второй компонент, субстратный для Ашина и численно преобладавший.

К середине I тысячелетия н.э. в горах Южной Сибири и Северной Монголии сформировалось тюркоязычное население близкого происхождения со сходной материальной культурой. Для горных районов это население было пришлым, и оно впитало немало технических достижений коренных жителей, в первую очередь в области металлургии. Субстратом для пришлых тюркоязычных групп были кеты, самодийцы и

иранцы. Пришлое тюркоязычное население – это группы тоба/топа, ушедшие по горам Южной Сибири с верховий Амура на запад до Алтая. Именно они послужили той основой, на которой сформировался Первый тюркский (тюркютский) каганат. Но не тоба стали ядром державы хуннов. Если не тоба, то кто ещё?

Следует обратить внимание на давно известный факт. Типичным для тюркютов считается захоронение с конём. Но этот же тип захоронения был известен и якутам, которых никоим образом нельзя включить в зону тюркютского влияния, но родство которых (или первой волны их) с тоба/топа нам представляется бесспорным. В старину якуты погребали коня вместе с седлом и сбруей рядом с могилой в отдельной яме, а шкуру убитого коня вывешивали вблизи на дереве или шесте. Якутское название погребального коня *хойлуга* имеет параллели в языках алтае-саянских тюрков: *койлога* или *койлога-ат*. Обычно это был конь пегой масти (Потапов Л.П., 1978, с. 92). На Алтае такого типа захоронения известны ещё с дотюркютского времени (Трифонов Ю.И., 1973; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2002). И только с гегемоническими претензиями тюркютов этот обряд широко распространился на степных просторах Евразии. Следовательно, якутско-дотюркютские параллели могут быть использованы для более точного определения этнической принадлежности дотюркютского тюркоязычного населения Алтая. Высказывается предположение, что это были племена объединения теле (Длужневская Г.В., Овчинников Б.Б., 1980). Л.Н. Гумилёв (1959) уверенно ставил знак равенства в упоминании «тюркюты-телесы» и считал, что теленгиты Алтая с их захоронениями с конём более близки дотюркютским (докаганатским) алтайским племенам, нежели тюркютским.

Если исходить из этих разрозненных сопоставлений, то предположительно можно считать, что Ашина встретили на Алтае многолюдное объединение тюркоязычных племён теле, подчинили их в 546 г. (Казахи, 1998, т. 1) и «их силами геройствовали в пустынях севера». Н.Я. Бичурин (1851, с. 536) даже описывает обстоятельства поражения теле от тюркютов. Теле шли войной на жужаней, но предводитель тюркютов Тумын (другое написание – Бумын. – А.М.) «напал на них наперез» и покорил аймак в 50000 кибиток.

Язык этих покорённых племён был положен в основу древнетюркского языка (тюркютского). Относился он (язык) к уйгурской группе. Не был ли он языком уйгуров, которые позже выступили уже как огузы? Примечательно высказывание А.П. Окладникова (История Якутии, 1949, с. 322) о том, что уйгуро-огузские племена, в которые входили и курыкане, вели вековую борьбу с *единокровными* (!) орхонскими тюрками.

Складывается впечатление, что рядовые тюркюты (не представители рода Ашина!) – это тоже часть тоба. Но эти тоба подпали под влияние хуннского, тоже тюркоязычного (точнее, болгароязычного) рода Ашина, который вовлёл «своих» тобасцев в непримиримую оппозицию к остальным.

Постепенно тюркюты перебрались на Русский Алтай, прошли по нему на север до широты Семинского перевала. Именно к югу от этого перевала сосредоточена на Алтае основная масса древнетюркских изваяний (Кубарев В.Д., 1979; 1984). Вскоре тюркютский каган перенёс свою ставку в степи Северной Монголии на р. Тола, приток Орхона. Но на Алтае осталась какая-то часть тюркютов, в том числе и из правящей верхушки.

В связи с алтайским периодом истории тюркютов следует вернуться к вопросу о происхождении их этнонима. В предисловии уже упоминалось, что в истории династии Суй (580–618) записано: *«гора Кинсан (золотой хребет гор – Алтай), имеющая форму шлема, у подножья которой находился лагерь ту-кюэ, так на их языке шлем называется»*. Китаист Н.Я. Бичурин и монголист И. Шмидт также выводили этот этноним из понятия «шлем», но из монгольского *дүлга*, считая тукюэсцев монголами по языку. Н.Я. Бичурин (1851, с. 565) даже уточнил название этой горы – Эргенекун, и добавил, что предки дүлги из рода в род жили на южной окраине Алтая. Идентифицировать гору Эргенекун с какой-либо известной нам горой не удастся. Но приведенное Н.Я. Бичуриным разъяснение особенностей этой шлемообразной горы позволяет уточнить её местонахождение.

По словам Н.Я. Бичурина (1851, с. 265), Алтай, у подножья которого кочевало поколение Ашина, *«составляет высочайшую точку хребта...»*. Он состоит из кругообразного сцепления утёсистых гольцов с глубокой и пространной долиной внутри их и представляет вид шлема, обращённого углублением кверху. Эта часть Алтая носила название Эргене-кун. Следовательно, речь идёт не о горе, а о межгорной впадине. Такие впадины, окружённые горами, имеются только в Русском Алтае: это Чуйская, Курайская, Улаганская и другие впадины. Наиболее вероятно привязка к самой крупной («пространной») Чуйской впадине. Не является ли юго-восточная часть Горного Алтая родиной тюркютов?

Сходную версию излагает Г. Сухбаатор (1976, с. 126), заимствуя её от Рашид-ад-Дина. Согласно этой версии, за 2000 лет после войн с другими племенами от монголов осталось две семьи – Нукуза и Кияна. Они сбежали в Эргунэ-кун – степь, окружённую недоступными горами. Там размножились и вышли оттуда, расплавив кузнечными мехами проход в

горах. Эту версию можно соотнести только с дунху (тоба, ухуань, сяньби), которые ушли куда-то в межгорную котловину. Название Эргунэ-кун очень напоминает название р. Аргунь (одна из составляющих р. Амур). Но Н.Я. Бичурин упоминает Алтай! Возможно, здесь обычный анахронизм, как и в истории с Огуз-ханом, образ которого списан с шаньюя Модэ, которых разделяет половина тысячелетия.

Антропология. В 1926 г. Г.Е. Грум-Гржимайло пессимистически писал: «*Физический тип древних турок нам неизвестен... Нет также надежды, что он когда-то будет обнаружен*» (с. 211). Но прошли годы, палеоантропология достигла больших успехов, в том числе и в части изучения антропологического состава кочевников евразийских степей. При кагане Хели (620–630 гг.), а возможно, и раньше тюркюты отказались от обряда сжигания умерших и стали хоронить их в земле. Были получены первые палеоантропологические материалы тюркютского времени из Тувы и Северного Казахстана (Гинзбург В.В., 1956; Алексеев В.П., 1962). Тюркюты были монголоидами, но уже в Туве у них появилась заметная небольшая примесь европеоидных признаков. С удалением на запад доля европеоидных признаков увеличивалась в результате контактов с ираноязычным населением.

Внешний облик. Вторым источником сведений о внешнем облике тюркютов были каменные изваяния на могилах, которые довольно реалистично отображали образ покойного. В Алтае-Саянах можно найти изваяния, скорее, европеоидного типа, чем монголоидного (алтайские № 10, по Л. Евтюховой; тувинские № 4, по А.Д. Грачу).

Изваяния дают материал и о внешнем облике древних тюрок (Вайнштейн С.И., Крюков М.В., 1966). Тюркюты носили усы и бороды, иногда только усы. Волосы были распущены или заплетены в косу. Головные уборы были четырёх типов: 1) округлые, вероятно, меховые шапочки; 2) головные уборы в виде усечённого конуса; 3) шапки типа ушанок; 4) шапки с остроконечным верхом и спускающимся на затылок выступом. Одевались в меха и халаты из грубой шерстяной ткани с правым запахом (правая пола наверху). На ногах алтайские тюрки носили мягкие выворотные сапоги без каблуков, с носком, слегка загнутым вверх. Сапоги обвязывались у щиколотки ремешком, который застёгивался на пряжку. Обязательной принадлежностью одежды был пояс, богато украшенный нашивными бронзовыми, серебряными или золотыми бляхами и пряжками. К поясам привешивались фигурные пряжки, к которым привязывались мешочки и сабли и, возможно, кинжалы. Характерным украшением тюрок были серьги, которые носили как женщины, так и мужчины.

На месте захоронения Кюль-тегина (732 г.) были установлены мраморные статуи его и жены. Кюль-тегин изваян вполне реалистически. Лицо имело явный монголоидный облик: скуластость, монголоидное веко, низкий прямой нос, косой разрез глаз. Л.Н. Гумилёв (1993, с. 329) считал, что этот антропологический тип характеризует род Ашина. Если исходить из генетической связи рода Ашина с хуннами, то можно предположить, что такой физиономичный облик имели и последние.

Но кто же были эти горные тюрки, которые жили в горах Южной Сибири и Северной Монголии ещё в докаганатское время и явились ядром первого тюркского государства, созданного родом Ашина? На каком языке они говорили? Каково было их самоназвание?

Язык предков тюркютов. Исходя из общего хода истории, можно предполагать, что прямыми предками тюркютов была некая группа, генетически связанная с тоба/топа. Нет большого разнообразия точек зрения о языке рядовой массы тюркютов. Как сообщает Н.З. Гаджиева (1979, с. 246), ещё В.В. Радлов считал, что орхонские тюрки и огузы – это один и тот же народ. Г. Айдаров (1971), И.А. Батманов (1966), С.Е. Малов (1952) определяли язык тюркютов как огузский. И.А. Батманов (1966) считал, что этот язык очень близок древнейуйгурскому. И действительно, можно с уверенностью говорить, что язык орхонских тюрков был уйгурского *d/d*-типа. Более того, А.Н. Бернштам (1951, с. 227) считал, что этноним *огуз* – это *з*-форма, а этноним *уйгур* – *р*-форма при общем их значении ‘бык’. Лингвистически эта процедура выполнена безукоризненно. Но...

Трудно объяснить извечную вражду тюркютов-огузов и уйгуров, столь красочно описанную рунами на камнях Монголии. В 605 г. западно-тюркский хан Чурын-каган погубил несколько сот вождей теле (огузов). Уйгурский вождь (иркин) увёл часть племён теле в Северную Монголию, где они составили девятиплемённую орду токуз-окузов «девять окузов» (Восточный Туркестан... 1992). Вряд ли эти сепаратисты взяли бы вражеский этноним *огуз*, если бы сами не назывались им. Тем более что уйгурская правящая династия выросла из тюркютской: отец Моюн-чур был шадом тюрков-тугю. Однако это не удержало Моюн-чур от пленения Озмыш-хана и разрома тюркютской династии. Но фраза *«тогда народ огузов, объединившись с токуз-татарами, подступил к нам»* настаораживает. Речь здесь идёт об огузах, народе, который как-то обособился от тюркютов. Или это часть огузов, которые взбунтовались и вышли из каганата и среди них была группа уйгур? Думается, что уйгур и огуз являются синонимами. В частности, уйгурский хан Моюн-чур в 745 г. победил тюркютского хана Озмыш-тигина, тем са-

мым прекратив существование Второго тюркского каганата. Однако если судить по фразе на памятнике хану Могилян (умер в 744 г.) «народ тогуз-огузов (уйгуры. – А.М.) был мой собственный народ» (Малов С.Е., 1951, с. 42), то идентификация тюркютов, уйгуров, токуз-огузов и огузов действительно вполне допустима.

Упомянутые в орхонских надписях теле, силами которых тюркюты геройствовали в степи, очевидно, были вассалами тюркютов. Последние использовали их в качестве авангарда в своих военных приключениях.

Отметим, что тотемом тюркютов был волк, хуннов и огузов – бык. Смена тотема возникла по простой причине: род Ашина, возглавивший тюркютскую державу, имел тотемом волка. Сработала устойчивая традиция: тотем (религия) сюзерена – мой тотем (моя религия).

Правда, Л.Н. Гумилёв (1993, с. 61) считал, что *огуз* – это никакой не тотем ‘бык’, а союз, община малых племён: *токуз-огузы* – ‘девять огузов’ (общин), *уч-огуз* – ‘три огуза’ (союз карлуков). В таком случае и этноним *уч-курукан* ‘три курыкана’ раскрывается как три союза (общины)? Возможно, тотем *огуз* стал этнонимом? От хантов из пос. Озерное (Васюганье Томской области) в 70-х гг. я услышал фразу: «Этот кочурка Пётр...». На вопрос, что такое *кочурка*, я получил ответ, что это бурндук, «это род Милимовых». То есть здесь родовой тотем выступал в роли этнонима и/или антропонима. Не произошло ли это и с этнонимом *огуз*?

А.Н. Кононов (1958) вкладывал следующую семантику в этноним *огуз*: *оу* ‘мать’, *оууш* ‘сородич’.

Уйгуры

Считается, что уйгуры (*хойху* китайских источников) – это одно из древнейших тюркоязычных племён Центральной Азии, генетически связанное с поздnehунским государством (Восточный Туркестан... 1992). Монголы выговаривали слово хойху по-иному: южные как *хóхор*, северные – *бóхор*, «...туркистанцы (так в оригинале. – А.М.) по свойству языка – уйгур» (Бичурин Н.Я., 1851, с. 246). В III–IV вв. уйгуры входили в объединение *гаогюй* «высокие телеги». В V в. китайские источники упоминают уже новое объединение, в котором участвовали и уйгурские племена – *теле* (**тегрез*). Уйгуры вошли в состав Первого тюркского каганата в качестве составной части группы теле. Эта группа (теле) длительное время (с начала 600-х гг. до падения каганата в 630 г.)

находилась в оппозиции к каганату, которая завершилась выходом уйгуров в 605 г. из его состава и созданием в Северной Монголии объединения токуз-огузов (девять огузов). Последний этноним показывает, что *уйгур* является синонимом названия *огуз*, что ранее предполагал А.Н. Бернштам (1951). Руководящим стало уйгурское племя яглар. Вскоре (около 647 г.) вождь токуз-огузов, уйгурский эльтебер Тумиду создал уйгурское государство со ставкой на р. Тола, которое стало могильщиком Тюркютского каганата. Сами уйгуры потерпели сокрушительное поражение от кыргызов в 840 г. Часть их ушла в Синьцзян, где превратилась в другой народ, но сохранила этноним своих героических предков.

Уйгурский язык относится к *d/d* группе (в системе написания слова *адак* ‘нога’). Он близок, если не идентичен, огузскому, и также является близким потомком языка тоба. Этноним восходит к тотему ‘бык’ в написании на языке *p*-группы (Бернштам А.Н., 1951).

Сары-уйгуры (жёлтые уйгуры, кит. *юйгу*). По данным китайских источников, они переселились в западный Китай из бассейна Селенги в конце VII – начале VIII вв. Новый поток уйгуров хлынул в середине IX в., после разгрома уйгурского каганата кыргызами.

Жёлтые уйгуры ныне живут в провинции Ганьсу к югу от бывшей Императорской дороги от г. Чжаньё (Ганьчжоу), как в степи, так и в горах. Занимаются скотоводством. Себя называют сарыг-югур (Малов С.Е., 1957).

Разговорный язык жёлтых уйгуров входит в *z*-группу языков, что вполне определённо отделяет его от уйгурского и сближает с кыргызским (язык хакасов, мрасских шорцев). Э.Р. Тенишев (см.: Боргояков М.И., 1981, с. 85) предполагал, что в древности язык сарыг-югуров был как и литературный уйгурский языком *d/d* типа, но под влиянием кыргызского приобрёл *z/z*-признак. С хакасским сарыг-югурский сближается по некоторым фонетическим признаками, например, по оглушению согласных в начале слова:

<i>хакасский</i>	<i>сары-югурский</i>
<i>нас</i> ‘голова’	<i>нас</i> и <i>баш</i>
<i>пар</i> ‘есть’ (имеется)	<i>пар</i>
<i>паар</i> ‘печень’	<i>пауыр</i>
<i>пычак</i> ‘ножик’	<i>пычак</i>

Однако известно (Боргояков М.И., 1981), что в хакасском в прошлом в начальной позиции был звонкий согласный *б*. Поэтому неясно, насколько оглушение начального губного согласного в желто-уйгурском связано с влиянием хакасского, так как языки эти напрямую не были связаны.

Кыргызы

Происхождение кыргызов, как и время и место их формирования, не известно. Однако, несомненно, что они отпочковались от основного ствола тюркоязычных народов или какой-то его ветви. По мнению Л.Р. Кызласова (1960, 1990), кыргызы – это пришлое на Енисей монголоидное население, которое приняло участие в I в. до н.э. – I в. н.э. в создании таштыкской культуры

Этноним. Впервые слово *qırqız* (*qırqız*) встречено в орхонских надписях начала VIII в. Предполагается, что в более раннее время иероглиф, обозначающий этноним, имел иное фонетическое оформление: гэгунь (гэкунь) – 200 лет до н.э., гяньгунь – 49 г. до н.э., кигу – 535 г. н.э., гегу – 638 г., хягас – 758–843 гг. (Яхонтов С.Е., 1970).

По мнению А.Н. Кононова (1970), этноним образован от названия страны Цзянькунь (Цзянгуи; III–II вв. до н.э.), которое на тюркской основе реконструируется как **кыргун* (**қырққун*). Реконструируются три формы этнонима: *қыруун* – *қыруыт* – *қыруыз(с)*. Каждый вариант состоит из двух элементов: *қыр* <**қыр* ‘краснеющий’> ‘красный’ + показатель собирательности-множественности *-гын* ~ *-гыл/-гыз(с)*. Следовательно, этноним есть форма собирательности-множественности от основы **қыр* ‘красный’, и все три формы этнонима в разное время одинаково обозначали ‘красные’, ‘румяные’. Мотивировка такой номинации исходит, по мнению А.Н. Кононова, из указания китайских источников о том, что жители страны *хагас* ~ *хягас* «были рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами». Так описывали китайские историки динлинов, жителей Енисейского края. Может быть, предложенная А.Н. Кононовым этимология этнонима с формальной стороны безупречна, однако имеются и другие версии. К.И. Петров (1964) сообщал, что этноним выводится также из тюрк. *кыр* ‘степь’, то есть ‘степной народ’, но был склонен отдать предпочтение цветовой этимологии: *кыраг* (*кыргу*) ‘красный’ с аффиксом множительного числа *-з*. Но Н.А. Баскаков (1964) указал, что *-z/-з* – это показатель не множественности, а двойственности (ср. *egiz* ‘близнецы’, *kökuz* ‘соски’). Исходя из закономерных чередований *г ~ z/s ~ d/t ~ j* он выстраивает цепочку изменений от изначального *дугуу огуз* ‘красные огузы’ до *дугууз* ‘кыргыз’. При этом понятие «красные огузы» он выводит из представлений об ориентации на юг.

Этимология *кырк кыз* ‘сорок девушек’ является народной. Но Г. Айдаров (1971) всё-таки увидел в этнониме *кыргыз* компонент *кырк* ‘40’. Второй компонент, по его мнению, представляет собой этноним *аз*,

известный по многим руническим фиксациям («сорок азов»), а сам этноним кыргыз им пишется как *кырказ*.

Нам хотелось бы видеть в исходном этнониме *гяньгунь* китайское название Енисея Гянь и тюрко-монгольский термин *гун(ь)* ‘человек’, то есть ‘житель (долины) Енисея’.

По утверждению китайских источников, *хягас* – это уйгурское слово со значением *хяга* ‘жёлтая голова, красное лицо’. По китайской транскрипции (фонетическая запись средствами китайской письменности) из *хягас* восстанавливается форма *xīg qīs*. Таким образом, по представлениям большинства тюркологов, в этнониме кыргыз заложена цветовая характеристика.

Л.Р. Кызласов (1969) придерживается другой версии. Он считает, что этноним *хакас* – это самоназвание их носителей, а не производное от *гяньгунь* (кыргыз), и что отождествлять *хакас* и *кыргыз* или подменять их друг другом – ненаучно. В различное время в зависимости от чтения иероглифов этноним звучал как *хакас*, *хягас*, *хагас*, *сянцзы*, *сягэсы*, *хэгэсы* или же *цзецзясы*, *сяцзясы*, *хэхэ*, *хяка* (*сяга*), *сяцзясы*. Современное чтение этнонима в китайской транскрипции – *сяцзясы*: ся < ха, цзя < ка, сы < с. Л.Р. Кызласов поддержал высказанную Н.Н. Козьминым в 1925 г. версию о том, что китайское слово *хакас* – это транскрипция местного (южно-самодийского) этнонима *карагас* ‘журавлиные люди’. Позднее его (Н.Н. Козьмина) поддержал и С.Е. Малов. Нам импонирует эта идея, так как миграция в Минусинскую котловину самодийского (кулайского) населения с левобережья Томского Приобья была длительной и массовой, а в Томской области до сих пор живут турки, осознающие себя потомками карагасов.

Хакас – более широкое понятие. В XVII в., как и прежде, кыргызы представляли собой только аристократический род среди хакасов (Копкоев К.Г., 1969).

Вопрос о возможном родстве енисейских кыргызов и тянь-шанских киргизов остаётся до сих пор не решённым. Однако генетические исследования тех и других показали, что основной вклад в генный пул киргизов внесли енисейские кыргызы, при очень скромной доле среднеазиатского компонента. Нет существенных различий между северными и южными киргизами ни по аутосомному генофонду, ни по отцовским и материнским линиям, что подтверждает генетическое единство киргизского народа (Степанов В.А., 2001, с. 39).

Антропология. Долгое время внешний вид кыргызов был не известен: они практиковали трупосожжение, поэтому при раскопке кыргызских чаатасов археологи находили только горстку пепла. И лишь срав-

нительно недавно (в середине XX в.) были найдены захоронения с сохранившимися скелетами. На черепках кыргызов был выявлен безусловно резко монголоидный тип, смягчённый европеоидной примесью. Это были плосколицые люди с огромным лицом, плоским носом, сильно развитым эпикантусом, прямыми жесткими волосами. Они существенно отличались от хакасов более выраженной степенью монголоидности центрально-азиатского, по мнению В.П. Алексеева (1972, с. 281), происхождения.

Язык. Язык древних кыргызов неизвестен. Если исходить из преемственности древнекыргызского языка (докаганатское время) и языка енисейских письменных памятников, то выявляется следующая картина языковой ситуации. Письменные памятники по Енисею (Минусинская и Тувинская подгруппы) «привязаны» к Кыргызскому государству и датируются VII–XII вв. Язык рунических надписей был *d*-типа и по отношению к енисейско-кыргызскому представлялся архаичным. Он существенно отличался как от хакасского, так и современного киргизского (Убрятова Е.И., 1963). Некоторые примеры иллюстрируют эти отличия:

– енис., др.-тюрк. *йер* ‘земля’ – тув., шор. *чер*, хак. *чир*, кирг. *джер*, алт. *дьер*;

– енис., др.-тюрк. *йок* ‘нет’ – тув., шор. *чок*, хак. *чох*, кирг. *джок*, алт. *дьок*, алт. диал. у Телецкого озера *тöх*;

– енис., др.-тюрк. *адак* ‘нога’ – тув., тоф. *адак*, хак., шор., кирг. *азак*, алт. *айак*;

– енис., др.-тюрк. *адыр*- ‘отделять’ – тув., тоф., шор. *адыр*, хак. *азыр*, кирг. *айыр*, алт. *айры*;

– енис., др.-тюрк. *ыдук* ‘священный’ – тув., тоф. *ыдык*, хак. *ызык*, шор. *ызыг*, кирг., алт. *ыйык*.

Сходную картину являют вариации написания слова *жербец* в древних и современных тюркских языках:

– орх.-енис. *adyiḡ*: 1) надписи на кошоцайдамском памятнике Бильгекагану (735 г.); 2) уйгурским письмом, предположительно X в., изложено «Золотая сутра» в десяти книгах общим объёмом 675 с.; 3) рукопись орхон-енисейским письмом «Гадательной книги» (*Ḥḡ Bitiḡ*), приобретённая А. Стейном у служителя храма «Пещера 1000 будд» близ Дуньхуана (Северо-Западный Китай) и переведённая В. Томсенем, 104 с.;

– *adyiḡ*: в словаре Махмуда Кашгарского (XI в.) это слово зафиксировано трижды;

– *ajuḡ*: 1) в словаре Махмуда Кашгарского (XI в.); 2) в легенде об Огуз-кагане, уйгурское письмо, XIII в.

В современных тюркских языках это слово имеет следующее написание: *ajig/айгыр* – туркм., аз., кирг., казах., ног., ккалп., тат., башк., алт.; *ajij/аййир* – узб., уйг.; *azij/азуыр* – сары-юг.; *asqj/асқыр* – тув.; *asxj/асхыр* – хак.; *ağir/ажир* – каб.-балк.; *atj/атыр* (*атыыр*) < **атыыр* – як.; *ǰǰǰ/ǰǰǰ* – чув. (Севортян Э.В., 1974).

При всей этимологической неясности этого общеалтайского слова (см. обзор: Новикова К.А., 1979, с. 79–83) лингвисты видят в нём два компонента: несохранившуюся глагольную форму **ай-* ~ **ад-* ~ **ад-* ~ **аз-* ~ **ат-* и аффикс *-кыр* ~ *-ыр*. В состав значений основы входит ‘*возбуждаться (похотью), *покрывать (о животных)’, аффикс же образует название носителя процесса. Согласные значащей основы разновозрастны. Наиболее ранним признаётся **ад-* (А.М. Щербак), что в целом то согласуется с тем выводом, который получен на основе слова *нога* (см. выше), учитывая фонетическую близость *d/d* и *δ*. Однако предложенная Н.Н. Поппе (см. Новикова К.А., 1979, с. 81) праформа **adgirga* отдаёт старшинство формам с *d/d*. Нам представляется, что ранней формой является як. **атыыр*, в основе которой лежит **ат* ‘лошадь’.

Из других особенностей языка енисейских памятников можно отметить следующие (Батманов И.А., 1959):

– в енис. отсутствуют *х* и *h*, что отличает их от хакасского, тувинского, якутского, турецкого и сближает с киргизским;

– фонемы *дж* или *жс*, типичные для киргизского, казахского и некоторых других, не были представлены в текстах; им соответствует *й* (кирг. *джол* ‘путь’ – енис. *йол*);

– в начале слова не произносились *г*, *д*, *з*, *л*, *п*, *р*;

– в начале слова встречались *б*, *й*, *к*, *м*, *н*, *с*, *т*, *ч*, *ш*.

Для языка енисейских памятников был характерен сингармонизм слога: гласные и согласные, образующие один слог, относятся только к одному ряду – переднему или заднему, то есть могут быть соответственно лишь мягкими или только твёрдыми. В одном слоге не могли сочетаться твёрдые и мягкие звуки.

По мнению Е.И. Убрятовой (1963, с. 85), язык енисейских надписей по составу причастных форм – огузский, язык енисейских кыргызов – кипчакского типа (присутствует причастная форма на *-ган*, отсутствуют формы на *-мыш*, *-дык*).

Из современных тюркских языков наиболее близким к древнекыргызскому является язык кыргызов китайского уезда Фууй (Тенишев Э.Р., 1966; 1989). В конце XIII в. император Хубилай переселил часть енисейских кыргызов на северо-восток Китая в район г. Цицикар. По другой версии, кыргызы были переселены из Синьцзяна

при императоре Цянь Луне (1736–1796). Но это была поздняя волна переселения кыргызов в места, уже занятые соплеменниками. В своих преданиях кыргызы уезда Фууй упоминают Алтай как свою родину. Однако Э.Р. Тенишев (1966) совершенно правильно указал, что Алтай фууйцев – это не Алтайские горы, а местность Алтай на стрелке Абакана и Енисея (ныне здесь выделен Алтайский район Республики Хакасия). Поэтому он считает, что язык фууйцев – это язык енисейских кыргызов XVI–XVII вв. Язык фууйских кыргызов характеризуется з-признаком и джоканьнем в начале слова. Это их предки оставили в Хакасии топонимы с формантом *джуль* ‘речка’ в именах рек Колоджуль, Изынджуль (все в верховьях Чулыма). Джоканье (жоканье) произношение сохранилось в языке кайдынцев, жителей Саян (Боргояков М.И., 1981). Хотя, возможно, кайдынцы переняли жоканье от кайдынцев, принявших участие в их ассимиляции. Глухие и звонкие согласные различались в начале, середине и конце слов. Такой фонетический строй был характерен для раннего (пратюркского) этапа развития тюркских языков.

Язык енисейских кыргызов не был тождественным языку письменных памятников. Частично это объясняется тем, что базовым языком рунических памятников был огузский. Язык письменных источников был литературным наддиалектным, очевидно, официальным языком, которым пользовались различные этнические и социальные слои. Это не был разговорный язык основной массы тюркоязычного населения тех времён. Поэтому можно предполагать, что разговорный язык древних кыргызов существенно отличался от письменного. Значительная схожесть енисейского письменного языка (литературного или официального древнекыргызского) с древнетюркским (тюркютским) еще не свидетельствует о их близком родстве, тем более о идентичности. Разговорный древнекыргызский язык не был похож на тюркютский или письменный орхоно-енисейский. И эти различия были заложены, несомненно, давно, в хуннское время.

Время и локализация. Самое раннее датированное упоминание о кыргызах в форме *гэгунь* или *гэкунь* относится примерно к 200 г. до н.э. (Яхонтов С.Е., 1970). По данным Н.А. Аристовой (1896), локализация кыргызов в то время определялась по рекам Афу (Абакан) и Гянь (Кем, Енисей), то есть в местах исторически известного пребывания кыргызов. Несколькими позже в «Ши цзи» (начало I в. до н.э.) сообщалось, что шаньюй хунну Модэ подчинил себе владения *гэгунь* (транскрипция реконструируется как *qīg-qīg*) наряду с владениями динлинов (Супроченко Г.П., 1974). Л.Р. Кызласов (1960) локализует кыргызов того времени южнее динли-

нов, около оз. Кыргыз-Нор. Правда, такая топонимическая локализация кыргызов рядом авторов считается не доказанной (Сердобов Н.А., 1971). В 49 г. до н.э. шаньюй северных хунну Чжичжи напал на гяньгуней (кыргызов). Однако власть хуннов над кыргызами была недолгой, так как хунны вскоре откочевали в Среднюю Азию, где в 36 г. до н.э. потерпели сокрушительное поражение от китайских войск.

Исходя из общих соображений, кыргызы являлись сравнительно малочисленным племенем, которое в дохуннское время отпочковалось от ствола тюркок-тоба. До прихода в Хакасию кыргызы обитали южнее Саян, где они занимались скотоводством. Их сил хватило только на аннексию сравнительно небольшой территории и ассимиляцию аборигенов – иранцев, кетов и самодийцев. Кыргызы приняли участие в этногенезе хакасов и, поздно, тьянь-шанских киргизов. По сообщению Н. Щукина (1856, с. 38): «*Сагайцы* (группа современных хакасов. – А.М.) *почитают себя первобытными обитателями Абаканской долины и говорят, что происходят от киргизов*».

Кыргызский язык не получил столь широкого распространения по сравнению с языком кыпчаков. Причина этого заключается в большей их оседлости: кыргызы были, по крайней мере в Хакаско-Минусинском крае, оседлым населением, которое занималось земледелием, в том числе и орошаемым, приусадебным и отгонным скотоводством. Ибн-Хордадбех, иранский автор «Книги путей и провинций» (846–847 гг.), хорошо осведомлённый о тюркских народах и их делах, где-то в конце перечня народов упоминает о кыргызах, у которых «...*есть мускус*» (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с. 41).

Кыпчаки

Обычно считается, что первое упоминание о кыпчаках относится к последним векам до новой эры: Сыма Цянь упоминает народ *цуйше*, в котором позднее усмотрели этноним *кыпчак*. Однако эта реконструкция этнонима фонетически не оправдана (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 108). Более достоверным следует считать упоминание о кыпчаках в надписи на погребальном сооружении Эльтемиш Бильге-кагана (правил в 747–759 гг.), известном как Селенгинский камень: «...*когда тюрки-кыбчаки¹ властвовали [над нами] пятьдесят лет*».

¹ С.Г. Кляшторный (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с. 43) прочёл эту фразу как «...*тюрки и кыбчаки*...».

Происхождение. Ранняя история кыпчаков таит в себе много неизвестного. Имеется две версии по этому вопросу.

Версия о большой древности кимаков/кыпчаков. В надписи на кошоайдамском памятнике Кюль-тегину упоминается образование Первого тюркского каганата в земле Отюкен (Хангай, Сев. и Центр. Монголия), который назван *тюрк сир бодун* 'тюркский и сирский племенной союз'. Во Втором тюркском каганате (579–742 гг.) уже главенствовали сирь. Сирь (тюркютское название) китайской традицией именовались *се*, а уйгурская традиция именовала их *кыбчак* (*кывчак*). Следовательно, сирь в какой-то период истории подменяли этноним кыпчак. Сирь (кит. *се* ~ *сье*) победили яньто, одно из хуннских племён, которое перекочевало примерно в 356–358 гг. на территорию государства Раннее Янь (337–370 гг.) в степь восточнее Ордоса. Сирь китайцами стали именоваться *сеяньто*. После 735 г. сирь уже не упоминаются, появляется этноним *кыбчак* (*кывчак*), хотя некоторое время оба этнонима сосуществовали (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 116). Исчезновение этнонима сирь связано с поражением его носителей: сирь были массово истреблены уйгурами и китайцами, погиб и правящий род. В 605 г. было создано Джунгарское царство во главе с *сеяньто* (кыпчаки), которое, однако, через 10 лет распалось.

Этот краткий исторический экскурс позволяет сделать следующие предположения: 1) носители кыпчакской культуры и языка были известны ещё в древности под именами: кит. *се* (>*сеяньто*), уйг. *сирь*, тюркютское *кыбчак* (*кывчак*); 2) время оформлений этой группы тюрков определяется не позже как рубеж эр.

Версия о малой древности кимаков/кыпчаков. Связана так или иначе с кимаками. Китайские историки, арабские и персидские географы и путешественники ничего не сообщали о племени кимаков, хотя о деяниях тюркютов они были осведомлены хорошо. Поэтому история оформления кимаков и их преемников кыпчаков таит в себе много неясного.

Свою версию об этой связи изложил Г. Файзрахманов (2000, с. 138 и др.). Енисейские кыргызы разгромили Уйгурский каганат, но не смогли управлять племенами его обширной территории. В частности, центрально-азиатские племена были предоставлены сами себе. Воспользовавшись слабостью центральной власти, одно из этих племён – кимаки – создали свой каганат. По предложенной Г. Файзрахмановым гипотезе, кимаки – это потомки «малосильных хуннов», которые после разрома хуннов в 93 г. ушли в Тарбагатай и Сауры, потом в Семиречье и Джунгарию. Эти хунны создали свое государство Юебань, жителей которого китайские историки называли *чумугунь* (А.Н. Бернштам сопоставлял

юебанцев с племенем *чубань*). Вместе с ними жили потомки хуннов с племенными названиями *чюе*, *чуми*. Вот в этой среде, согласно версии, и зародились кимаки.

По мнению С.М. Ахинжанова (1989), кимаки были выходцами из протомонгольского сяньбийского племени. *Кимаки* – этноним книжный, создан арабскими и персидскими авторами. Самоназвание их было *каи* (кит. *хи*). Первоначально *кимаки/каи* обитали в Восточной Монголии и Западной Маньчжурии, где они были известны под именами кумоси, кумохи, уранхаи. После разгрома уйгурского каганата (840 г.) переселились в район Верхнего Иртыша и Алтая, где жили тюркоязычные кыпчаки. К середине XI в. кимаки были уже оторечены. Периодически занимали главенствующее положение в кочевническом мире степи Дешт-и Кыпчак (Центральный Казахстан) и поля половецкого. По сообщению Гардизи, кимацкая федерация состояла из семи племён: кимац (имак, имек, йемек), ими, татар, баяндур, кыпчак, ланиказ и аджлад. Два последних племени, очевидно, были иранскими по происхождению: тюркские языки не терпят начальный *л* и стечение в начале слога двух и более согласных (ад-жлад или адж-лад). Самым многочисленным после кимаков было племя кыпчак¹. Кыпчаки, типичные скотоводы-кочевники вскоре распространились на огромной территории Евразии – от Алтая до Дуная. В Европе они были известны как команы, на Руси – как половцы, позднее – золотоордынцы.

Половцы появились на южных рубежах Руси в XI в., вытеснив оттуда печенегов, потомков огузов. Расхожая этимология этнонима восходит к русскому слову *полова* ‘солома’ по, якобы, светлому цвету волос. Нам представляется эта этимология неверной. В русском языке *полова* – это не солома, а мякина, и вряд ли по цвету этой шелухи русские стали бы называть иноплеменников. Не от слова ли *поле* ‘полевцы, то есть степняки’ русскими был сформирован этноним?

Если исходить из второй версии, то история кыпчаков выходит за верхнюю хронологическую границу нашего исследования – время образования Первого тюркского каганата (545 г.). Однако все группы тюркского населения связаны своими корнями с хуннами, поэтому мы и сочли необходимым остановиться на происхождении этого народа, столь многочисленного ныне. Мы не сомневаемся, что физический тип кыпчаков-казахов уходит в далекое историческое прошлое. Нас более интересует возраст их языка, который относится к *й/й*-группе (*айяк* «нога»).

¹ Нам непонятны причины отнесения кыпчаков к динлиням.

Этот признак возник у физических предков кыпчаков-казахов, по нашему мнению, позже, нежели *z/z*-признак у кыргызов и, тем более, *d/d*-признак у уйгуров (огузов).

Язык. Н.З. Гаджиева (1979) считает, что кыпчакский язык возник в результате «отстаивания» кыпчакских языковых черт из какого-то смешанного языка, обладавшего как огузскими, так и кыпчакскими особенностями. М.И. Боргояков (1978) дал несколько сходную интерпретацию соотношения кыргызского и кыпчакского языков. По его мнению, древний кыргызский язык относился к языкам кыпчакского типа, но с *z/z*-признаком в середине слова. Кыргызский язык состоял из нескольких диалектов, одним из которых был *j/ġ*-диалект. Я бы присоединился к предложению М.И. Боргоякова о выходе кыпчакского диалекта из недр кыргызского языка, но считать кыргызский языком кыпчакского типа я бы не стал. На мой взгляд, кыпчакский как диалект кыргызского вышел из его недр и позже, в ходе саморазвития, приобрел свои характерные кыпчакские признаки. Кыпчакский язык права гражданства приобрёл довольно поздно. Например, в орхоно-енисейских письменных памятниках типично кыпчакская форма ещё не встречается. Самое раннее упоминание его имеется в словаре Махмуда Кашгарского (конец XI в.) и в дидактической поэме Ахмеда Югнекского (первая половина XIII в.), когда кыпчаки (половцы, куманы) заняли огромные пространства евразийских степей от Балхаша до Днестра.

Этимология этнонима *кыбчак* с уйгурского – ‘неудачный, злосчастный’, ‘пустой, никчёмный’ (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 117). Уйгуры были давними соперниками сиров и, победив которых, утвердили уничижительное для сиров прозвище *кыбчак* (кывчак, кыпчак).

Казах

Абу-л-Гази, хан хивинский, выводит этноним *кыпчак* из древнетюркского языка: ‘сгнившее в середине дерево’, так как женщина родила мальчика, будущего основателя этого рода, в дупле сгнившего дерева (Кононов А.Н., 1958). Очевидно, это поздняя народная этимология.

Этноним *казак/казах* как правопреемник этнонима *кыпчак* впервые упомянут в 1245 г. в тюркско-арабском словаре, составленном, вероятно, в Египте и изданном в 1894 г. голландским учёным

М.Т. Хаутсма в Лейдене. В Codex Cumanicus, памятнике разговорных кыпчакских языков, этноним *казах* передаётся как ‘часовой’, ‘стражник’ (Петкевич К., 2002).

Имеюся две научные версии о происхождении этнонима *казак* и связанного с ним сословного термина «казак»: тюркская и кавказская.

Тюркская версия исходит из осмысления этнонима со значением «бездомный, скиталец, изгнанник». Он не имел ни политического, ни этнического содержания и означал вольного человека, оторвавшегося от своего народа и племени и принуждённого вести жизнь искателя приключений (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 236). В русском языке известен термин давно. Старшее упоминание о нём относится к 1395 г. (Черных П.Я., 1993). На Руси термин осмысливался как «вольный человек из беглых крепостных крестьян и городской бедноты, поселившийся на окраине Московского государства».

Предполагается, что этноним образован из корня тюркских слов. И действительно, во многих тюркских языках известна глагольная форм, из которой могло образоваться существительное:

– др.-тюрк. *kez-* ‘ходить, бродить, странствовать’;

– кирг. *кез-* ‘бродить, странствовать’;

– ккалп. *гез-* ‘бродяжничать’;

– караим. *кез-* ‘проходить, пробегать’, *кезь-* ‘странствовать, гулять, прохаживаться’, *кэз-* ‘ходить взад и вперёд’;

– тув. *кезиир/кези-* ‘бродить’;

– тоф. *kes-* ‘бродить, шататься, шляться’.

И действительно, это определение удачно характеризует быт кочевников.

В 1459–1460 гг. в степях Семиречья скиталась группа кочевников из узбекского улуса, которая получила название «узбеки-казахи» (узбеки бродячие). После ухода части узбеков в Среднюю Азию (Мавераннахр) за оставшимися тюркоязычными родами и племенами в русских документах окончательно закрепилось название «казаки». В основном это касалось золотоордынцев. Так, под 1493 г. сделана запись: «Приходили татарове, казаки ординские, изгоном на рязанские места...», под 1500 г.: «Шли полем... и грабили их на поле татарове, ординские казаки». Значительно позже они получили от русских название *киргиз-кайсаки*¹, которое сменилось вновь на *казаки*.

Этноним *киргиз-кайсаки* сохранился в именовании Автономной Киргизской Социалистической республики, созданной на территории ны-

¹ Кайсак – производное от казак.

нешнего Казахстана декретом от 26 августа 1920 г. Несколько позже республика была переименована в Казакскую АССР, которая в 1936 г. была преобразована в Казахскую ССР. Нынешнее официальное название Казахстана – Казакстан Республикасы.

В причерноморских степях, от Дона до Дуная, когда-то, в доказательство времени, бродяжничали русские люди, которые так и назывались – *бродники* (Морозова З.В., 2002). Может быть, перевод слова *бродники* на тюркский язык и послужил причиной появления слова *казаки* (*козаки*), закрепившегося за особой социальной группой русского населения на окраине Московского государства, в половецких степях? Или, наоборот, с тюркского (половецкого) сделан перевод на русский?

Однако лингвистически вывод слова *казаки* из тюркской глагольной основы *кез-* ‘бродить’ не доказуем, так как не объяснима смена гласных (*е > а/о*). Поэтому обратимся ко второй версии.

Кавказская версия происходит от этнонима *касôг*, как называли осетины своих соседей черкесов (Гулия И., 1909). Но и этот этноним (*черкесы*) не является самоназванием. Он создан греками в форме *керкет* от перс. *tscherikass*¹ ‘воин, воинственные люди’ (Мельхеев М.Н., 1961, с. 91)². Первый компонент персидского варианта (*чери*) удивительно напоминает тюрко-монгольские: монг. *цэрэг* ‘войско, воин’, тув. *шериг* (монгольское заимствование?), алт. *черу*, караим. *черив*, *черюв* ‘войско’, кирг. *черик* ‘солдат’ (уст.), *черүү* ‘войско’. Но и эти формы не являются тюркскими или монгольскими по происхождению. В основе их лежит сскр. *śerī* ~ *śerū* ~ *śerī* ‘воин, войско’. В авестийском известно близкое *šīrua* ‘сильный, храбрый’, в ср.-перс. *šer* ‘храбрый, отважный’. Учитывая древнеиндийскую лексему, можно считать слово *цэрэг* ~ *черик* давним иранским (арийским?) заимствованием в тюрко-монгольских языках. Появление его на Кавказе (*черикас*, *черкес*, *черкас*) остаётся загадкой. Либо оно занесено монголами или тюрками, либо является давним иранским (скифским?) реликтом в языке северо-кавказских племён. Имя *черкесы* (*черикасы*) носили адыгейцы, известные также как *кабардинцы*. Таким образом, одна и та же племенная группа была известна под такими именами: *адыги* ~ *косоги* ~ *черкесы* (*черикасы*) ~ *кабардинцы*. Имеются смутные сведения о проживании *кабардинцев* в Крыму. В Средневековье они обитали в Причерноморье. Известно, что тмутараканский князь Мстислав в 1022 г. убил в поединке косожского князя Редедю. На карте юго-западной части Московского государства,

¹ В немецком написании.

² В русской адаптации – *черкасы* по отношению к запорожским казакам.

составленной итальянским картографом Я. Гастальго и изданной в 1562 г. в Венеции, к северу от Азовского моря показаны народы *Sabardi* и *Ситани* (Кордт В., 1891, карта XXII). Можно предполагать, что именно от этнонима *кабардинцы* (древним *косогам/касогом*) и образовано слово *козаки/казаки* для обозначения воинственных людей, вольных жителей степей. А. Абдырахманов (1998) выводит этноним *казах* из *казог*, в котором он видит *ог* ~ *ок* 'племя, род', т.е. племя казов, считая, что русские летописи правильно писали *касоз*. Не исключено, что косоги (адыгейцы) позже были известны русским под именем черкесы/черкасы. На карте француза В. Боплана, долгое время бывшего на службе у поляков, на берегу Днепра у порогов показана крепость *Szyrkassy* (Кордт В., 1891, карта XXV). Казачье «товарищество» (общество) возникло у порогов Днепра в XVI в. Но ещё долгое время запорожских казаков называли в русских документах черкасами, чем они дистанцировались от донских казаков, которые организовались позже на половецких землях. Черкасы имели и второе название – украинцы. В те давние годы Украиной именовалась пограничная полоса степей, разделяющая русские рубежи и половецкие земли.

Остаётся неясным, как слово *казак* вошло в среду тюрков распавшейся Золотой Орды и закрепилось за частью узбеков, а позже стало именем многочисленной группы кыпчаков восточной части Казахстана. Может быть, в смутное время после распада Золотой Орды какая-то группа ордынцев перешла на грабежи как более лёгкий способ добычи средств к существованию и тогда вспомнили о косогах/казаках?

Вопрос остаётся открытым. Об этом свидетельствует и обсуждение темы казахскими учеными (Казахи, 1998, т. 6).

Кыпчаки сыграли большую роль в этногенезе тюркского населения Евразии. Они непосредственно участвовали в этногенезе поволжских и сибирских татар, казахов и других тюркских групп. Их *j/i*-язык оказал большое влияние на языки алтайский, шорский и чулымский в Сибири, узбекский и киргизский, туркменский, азербайджанский и турецкий в Средней и Малой Азии, на Кавказе.

Башкиры

Об алтайском исходе какого-то тюркского компонента башкир писали неоднократно (Халикова Р.Х., 1973; Кузеев Р.Г., 1974; Камалов А.А., 1979; Шитова С.Н., 1983; Юсупов Р.М., 1984; Сатаров Г.Ф., 1989 и др.).

Имеется немало топонимов, которые сближают системы башкирской топонимастики и топонимастики тюрков Алтае-Саян. В первую очередь это относится к гидронимам с термином *-газы* (башк. *газы* 'река'): Магазы, Кайгазы, Аргазы в истоках Томи и Абакана. Река Уйбат в Хакасии имеет прототип башк. *уйпат* 'долина'. Название р. Ик (приток Берди на Салаирском кряже) также соответствует башкирскому географическому термину *ық* 'река' [*'(медленное) течение'; см. Шакуров Р.З., 1998, с. 27]. Да и имя р. Бердь может быть выведено из башк. *берды* 'хариус'. Эта редкая рыба и ныне водится в этой реке. Возможно, башкирский этноним *калман* заложен в названии двух речек Калман(ка) на Алтае – левый приток Оби и правый приток Чарыша, а другой этноним – *бихтимир* – в названии р. Бехтемир, правого притока Бию. Известны этнографические и археологические параллели в культуре алтайских племён и башкир.

И совсем удивительно, что на карте Красноярского города из Чертежной книги Сибири С.У. Ремезова (составлена до 1701 г.) в верховьях Енисея показаны юрты, при которых имеется надпись **башкыры** (рис. 18). Источник, который использовал С.У. Ремезов при составлении этой части чертежа, нам не известен. Можно только предполагать, что он относится к середине или концу XVII в.

Обсуждение

Языки. Обычно для разграничения различных групп тюркских языков используют показательное слово «нога». Предполагается, что j-форма (*айяк*, *айяк*) типична для кыпчакских языков, z-форма (*азак*) – для хакасского (кыргызского), d-форма (*адак*) – для уйгурского, r-форма (*ура*) – для чувашского (ретросп. хунно-булгарского). Ныне это слово «размазалось» по неродственным группам и потеряло своё лингводиagnosticующее значение:

– *айяк*: др.-тюрк.¹, туркм., тур., тат., караим., кр. тат., ккалп., казах., ног., кумык., карач.-балк., башк., уйг., алт., гаг., аз., узб., нижнебийский (куманд.), чул.-тюрк., кирг.;

– *азак*: сарьюг., хак., чул.-тюрк. (из хак.), кангат. (диал. хак.), шор.;

– *адак*: др.-тюрк., тув., тоф., *атах* як.;

– *ура*: чув.

¹ Форма *ајақ* известна по поздним документам: словарю Махмуда Кашгарского (конец XI в.) и поэме Ахмеда Югнекского (первая половина XIII в.).

ко в башкирском языке (*адак/азак*). Мало известен факт о былом пребывании тюркоязычных предков башкир в Саянах. Но на листе «Красноярский город» Чертёжной книги Сибири (1701 г.) С.У. Ремезов показал в верховьях Енисея и у оз. Точи (Тоджа) и Далай-нор (!?) юрты, сопровождающиеся надписью «Башкыры». Нам не известен источник, которым пользовался Ремезов. Однако отметим, что топонимы башкирского типа на юге Красноярского края и в Хакасии уже были известны, и мы об этом писали. Не является ли башкирская форма слова «нога» промежуточной между *адак* в *азак*? Попутно приведём пример сравнительно недавнего перехода *д* в *з* в топониме Азербайджан → Азербайджан.

Кыпчакская форма *айяк* восходит, возможно, также к *d/d*-форме. В древнетюркском языке отмечены соответствия *d-t/d-t* ~ *δ/z* ~ *z/s* ~ *j/й* в корне *jad- ~ jat- ~ jad- ~ jaz- ~ jas- ~ jaj-* «расстилать, рассеивать, развязывать, раскалывать, распускать» (Баскаков Н.А., 1988, с. 36) и *qud- ~ quj-* «лить» (ДТС, с. 463). Возможно, промежуточной формой между *д* и *ж* является *дь*, сохранившаяся в алтайском языке (южные диалекты) фигурирует обе формы: *дьол* и *йол* «дорога».

Между орхонскими и енисейскими языками (диалектами) были различия, что позволяет первые отнести к огузским (Батманов И.А., 1966), а вторые – к пракрыгызским. Однако природа этих различий не известна. Поскольку и енисейский рунический (древнекыргызский) изначально также имел *d/d*-признак, можно прийти к заключению о появлении *z/z*-признака в кыргызском в более позднее время. Или же письменный енисейский (*d/d*-признак) был создан на языке уйгурского типа (принесён тоба), но позже уступил древнекыргызскому (*z/z*-признак) языку правящего рода. Второй вариант предпочтительнее.

Некоторый свет проливает на эту проблему материал языка жёлтых уйгуров (сарыг-югуров). Живут жёлтые уйгуры в провинции Ганьсу к югу от бывшей Императорской дороги между городами Ганьчжоу и Сучжоу как в горах, так на степной равнине. По мнению С.Е. Малова (1957), жёлтые уйгуры пришли в Ганьсу из бассейна Орхона и Селенги после разгрома уйгурского каганата кыргызами (840 г.). Язык современных сары-уйгуров относится к *z/z*-группе, но ранее он имел признаки *d/d*-языка. Сменил он свою ориентацию под влиянием древнекыргызского *z/z*-языка (Боргояков М.И., 1976). Это наводит на мысль, что и языки горцев западной части гор Южной Сибири (хакасы, шорцы) также относились изначально к *d/d*-группе, но под влиянием древнекыргызского языка приобрели некоторые особенности языков *z/z*-группы. Роль древних кыргызов в формировании хакасов общеизвестна. По этому поводу М.И. Боргояков (1976, с. 46–47) писал: «...можно предполо-

жить, что в древности признаки *d*-языка, по-видимому, были присущи и разговорным языкам (диалектам) населения Южной Сибири (Хакасско-Минусинской котловины), но впоследствии были вытеснены признаками *z*-языка (диалекта)». Отзвуком *d*-языка в хакасском (сагайский диал.) является глагол *adyн-* «широко раскрывать рот». В качинском диалекте ему соответствует *azyн-* или *as-*.

Язык жёлтых уйгуров сближается с тувинским и тофаларским явлением фарингализации – придыханием при сильных звуках. Так, в тувинском и сары-югурском слово *ат* ‘лошадь’ произносится с сильным придыханием (*aʔm*), чего нет в слове *ат* ‘имя’. Зафиксировано, что урянхи Тувы название р. Кем (Енисей) произносили с придыханием – Кхем (Крыжин, 1864). Ныне в тувинском стало нормой произносить Хем.

Очевидно, предки жёлтых уйгуров Китая жили в горах Южной Сибири и входили в группу тоба/топа. Об этом свидетельствуют *d/d*-языковые реликты в их языке. Однако разговорный язык сары-уйгуров имеет признаки кыргызского *z/z*-языка.

Ещё один пример. В ранних рунических надписях по Енисею и Орхону слово *медведь* не обнаружено. Но в Древнетюркском словаре по более поздним источникам оно приводится несколько раз, причём в разном написании. В словаре Махмуда Кашгарского (1072–1074 гг.; факсимильное издание *Divanü Lüḡat-it-Türk*, 1941) дважды упоминается это слово в разных формах: *adīḡ* и *ajīḡ*. В переведенной Томсенем *İrq Bitig* «гадательная книга» упоминается *adīḡ* ‘медведь’. В Легенде об Огуз-кагане (эпическое произведение XIII в.) слово «медведь» приведено в форме *adū*. Эти материалы свидетельствуют о том, что в послекаганатское время уже были разнописания этого слова с согласными *-d-*, *-δ-*, *-j-*. Несомненно, эти различия свидетельствуют о том, что выделение тюркских языков – уйгурского (*d*-форма), древнекыргызского (**δ > z*-форма) и кыпчакского (*j*-форма) – произошло в разное время. По-видимому, этот процесс протекал в следующей последовательности: тобасский – древнекыргызский – кыпчакский.

Н.А. Баскаков (1988, с. 155 и др.) сгруппировал тюркские языки по фонетике слова «нога» следующим образом:

– уйгуро-тукуйская подгруппа – доминирует *adaq ~ atax*: як. *atax* (*atax*), тув. *adak* (*adaq*), хак. и чул.-тюрк. *азак* (*asaq*) ~ *айяк* (*ajaq*), нижнебийский (куманд.) *айяк* ‘нога’;

– карлукско-уйгурская подгруппа – доминирует *adaq ~ адак* ‘нога’;

– аз., туркм., гаг., тур., караим., кумык., карач.-балк., кр. тат., тат., ног., ккалп., казах., карл.-уйг., узб., уйг. *айяк* (*aiaq*) ‘нога’.

Этимологическую основу слова *адак* и пр., по-видимому, можно вывести из тувинского, в котором имеются иные, более ранние, его значения: 1) низ, нижняя часть; 2) низовье; 3) неглубокий, мелкий (о воде). Из этой праформы могли возникнуть кыргызская *азак(х)* и кыпчакская *айак*.

Эта закономерность иллюстрируется и другими примерами:

– медведь: орх.-енис., тув. *адыг*, хак. *азык*, ккалп. *аюу*, кирг. *аюу*, узб. *айик*, казах., алт. *аю*, уйг. *ейик*;

– злой, свирепый: др.-тюрк., тоф. *кадыр*, тув. *кадыг*, як. *күтүр*, хак., шор., куманд. *казыр*, алт. *казыр/кайир*;

– священный: др.-тюрк. *idug*, як. *ытык/ыйик*, тоф., тув. *ыдык*, хак. *ызых*, алт., кирг. *ыйык*;

– береза: тув. *хадын(г)*, тоф. *кадын(г)*, як. *хатын(г)*, хак. *хазын*, шор. *казын(г)*, куманд. *кайынъ*, алт., казах. *кайын(г)*, туркм. *гайын*, тур. *кауиn*, каз. тат. *каен*, сиб. тат. *каин*, уйг. *кейин*, узб. *кайин*;

– приток, небольшая река: туркм. (диал.), тув. *адыр*, хак., шор. *азыр*, алт., кирг., сиб. тат., башк., куманд. *айры* ~ *аир*.

Исходя из приведённых примеров, наиболее близки к древнетюркским языкам якутский, тофаларский и тувинский.

Выявляется странная закономерность. Рассмотренные формы *адак/азак/айак* ныне не связаны жёстко с основными группами языков, для которых они генетически типичны. Так, в языках огузской группы (турецкий, туркменский, гагаузский, азербайджанский), по Н.А. Баскакову, бытует явно кыпчакская форма *ајаq/айяк*. Западные тюркские языки (западнее тубаларского) имеют форму *айак*, за исключением чувашского *ура*. По-видимому, форма *айяк* в западных (среднеазиатских и др.) тюркских языках появилась позднее под кыпчакским (половецким) влиянием. С.Е. Малов (1951) считал *й*-языки более молодыми, чем *з*-языки. Так, мрасский *з*-диалект шорского языка он включил в группу древних языков, а кондомский *й*-диалект – в группу новых языков, что импонирует нам.

Иного мнения придерживается Н.З. Гаджиева (1979, с. 201, 204), специально рассмотревшая вопрос о происхождении огузских и кыпчакских языков. Она считает, что язык пратюрков (район Средней Азии и Южной Сибири) имел смешанные языковые черты, то есть он находился в состоянии смешанных языков и диалектов. Кыпчакские и огузские языки, по её мнению, «образовались не путём распада какого-то единого языка, а путём отставания тех или иных по преобладанию черт в определённых географических условиях» (с. 204). Наиболее чисто отслоившимся языком Н.З. Гаджиева считает кыпчакский. Но и в явно кыпчакских языках (казахский, ногайский, татарские диалекты) и ныне известны явные огузизмы, как и в языках огузского типа (азербайджанский, турецкий, турк-

менский) сохранились кыпчакские черты. Смешанные огузско-кыпчакские черты уже отмечаются в енисейско-орхонских памятниках (VII–IX вв.). Словарь Махмуда Кашгарского (XI в.) также содержит смешанные огузо-кыпчакские черты (Гаджиева Н.З., 1979, с. 191). В тюркском памятнике XIV в. Codex Cumanicus, возможно, принадлежавшем перу Петрарки (1304–1374), поэту итальянского возрождения, на преобладающем команском (кыпчакском) фоне имеются и явные огузизмы.

Н.З. Гаджиева правильно, на наш взгляд, дифференцировала кыпчакизмы по их природе, выделив четыре группы: 1) этнические кыпчакизмы (изначальные); 2) кыпчакизмы, контактно приобретённые; 3) кыпчакизмы как результат влияния литературных языков через поэзию; 4) ложные кыпчакизмы как результат процессов конвергентного развития, случайного совпадения. К первой группе следует отнести кыпчакизмы в орхон-енисейских, особенно орхонских памятниках. Наиболее полно они сохранились в современных языках – чувашском, якутском и саларском. Вторая группа кыпчакизмов наиболее многочисленна и связана с куманами (половцами), которые в XI в. занимали обширные пространства в Северном Причерноморье и Прикаспии между Дунаем и Яиком (ныне р. Урал).

Однако нам представляется недостаточно аргументированным высказывание Н.З. Гаджиевой о смешанном (огузско-кыпчакском) типе пратюркского языка. Очевидно, это можно соотнести не с пратюркским (эпоха бронзы) языком, с пратобаским более позднего времени. Пратюркский не мог быть сразу двуязычным. Многоязычие – это довольно позднее явление в развитии языка. Пратюркским мог быть, если исходить из современных знаний, предок хуннского (булгарского) языка.

Не ясно происхождение финального согласного в слове *тус/туз* ‘соль’ при чув. *тдвар*. По-видимому, более ранней формой у тоба была **тур*. Она сохранилась у якутов в производном слове *туранг* ‘солончак’. Тунгусо-маньжурские слова со значением ‘соль’ имеют монгольское происхождение:

- чжурдж. *tāh-puh-sūn*,
 - маньчж. *дабсун*,
 - звенк. *давасу*,
 - нег. *даксун*,
 - нан. *даосо*
- при монгольских:
- п.-монг. *dabusu(n)*,
 - монг. *давса(н)*,
 - бурят. *дабха(н)*.

Но эвенк. *турукэ* ‘соль’ является заимствованием, очевидно, тюркским, так как более ни в одном из тунгусских языков его нет (в эвенк. *тақ* ‘соль’). О бытовании у тобасцев слова *тур* ‘соль’ свидетельствует его заимствование саянскими самодийцами-тайгинцами (*тур* ‘соль’), тогда как другие саянские самодийцы – камасинцы – заимствовали в форме *тус*. Если считать эти сравнения примером перехода *p* в *z/c*, то почему в тюркских языках нет промежуточных форм, например, *тур* ~ *туд* ~ *туз/тус* ~ *туй*? Не мешает ли этому финальное положение *p*?

У нас сложилось впечатление, что язык ранних тюркских насельников гор Южной Сибири, которых мы объединили под общим давно известным этнонимом *тоба/тона*, был уйгурского типа и имел много общего с языком будущих тюркютов (тюрк-тугю). Последний функционировал раньше, чем возник тюркский каганат, и предки тюркютов-тугю могли быть близкими родственниками тоба. Огузский язык древних тюркютов-тугю также относится к уйгурской группе (если только они не идентичны). Древнеуйгурский язык, один из литературных языков раннего Средневековья, известный по письменным памятникам VIII–XVIII вв., – это потомок тобаского *d/d*-языка. Более того, древнетюркский (огузский) язык также находится в родстве с тобаским языком.

Очень заманчиво использовать чередование *r/d/z/j* (*p/d/z/ü*) для определения ранней языковой дифференциации тюркских языков по группам:

- *r/p* – чувашская (*хунно-булгарская);
- *d/d* – уйгурская (*тобаская, огузская);
- *z/z* – древнекыргызская;
- *j/ü* – кыпчакская.

Эволюция тюркских языков нам представляется в следующем виде:

$$\begin{array}{c} dь \rightarrow \dot{y} \\ p \rightarrow d \rightarrow \dot{z} \\ dз \rightarrow з. \end{array}$$

Наиболее многочисленной является *j/ü*-группа (кыпчакская). Кыргызская включает только языки хакасский, шорский. При этом в хакаском сохранились явные признаки огузской группы. Отюречивание населения Шории (мрасский диалект) связано с влиянием кыргызов. Кондомский диалект испытал влияние языка кыпчакского типа.

Если исходить из численного преобладания носителей языков кыпчакского типа (*j/ü*-группа), то следует, на наш взгляд, делить языки не на *p*- и *z*-группы, а на *p*- и *ют*-группы,

Соотношение основных групп «алтайского» населения вообще и тюркоязычного в частности показано на рис. 19. Этноним *кыпчак* возник довольно поздно, за пределами рассматриваемого времени. Но язы-

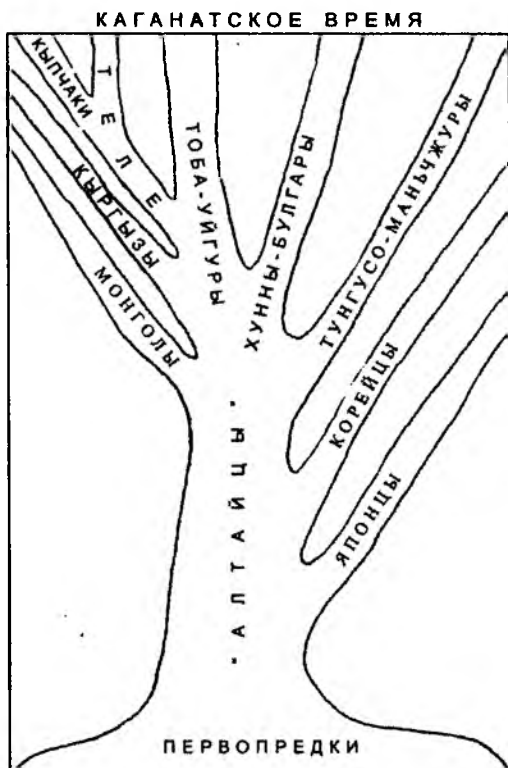

Рис. 19. Родословное древо «алтайцев»

ковые предки их, названия которых нам не известны, сформировались, по нашим представлениям, в докаганатское время. Поэтому и предковая ветвь показана на древе.

Анализ материала показывает, что все современные тюркоязычные народы планеты за исключением чувашей и караимов имеют тобасские корни. Сами тоба – это давнее ответвление болгароязычных хуннов. Чуваши вышли из хунно-булгарской среды, караимы – из хазарской, но та и другая имеют гуннскую/хуннскую базу. Генетическая связь хуннов/уннов с тобасской группой тюрков нам представляется бесспорной. Исходной родиной тюркских народов является обширная область, тяготеющая к Хинганам. Память о своей прародине тюрки хранили в течение тысячелетий.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ?

(вместо заключения)

Не могу не привести обширной выдержки из книги талантливого палеоантрополога Валерия Павловича Алексева, преждевременно ушедшего из жизни. *«Этногенез – проблема сложная и хитрая, таящая в себе много скрытых подводных камней. В ней сложности проистекают не только за счёт сложности самой проблемы, её многообразия, широты, многотемности, но и за счёт обманчивости результатов, которые могут увлечь на ложный путь, заманить в чащу зыбких предположений, как часто и бывает, из-за крайней причудливости и несопоставимости получающейся информации, когда приходится выбирать что-то одно. И вот в этом выборе и лежит секрет успеха – здесь и такт, и чувство меры, и эрудиция, исследовательский талант проверяются придирчиво и многоступенчато, здесь можно соскользнуть в пропасть беспочвенных догадок, но можно при осторожности и собранности постепенно выкарабкаться вверх, добываясь всё большего и большего приближения к истине»* (Алексеев В.П., 1972, с. 261). Мне трудно оценивать, по какому пути – ложному или не ложному – я пошёл в своём стремлении решить практически не тронутую тему о происхождении предков народов, которых мы огульно называем тюрками. Я проанализировал две версии. Первая была предложена лингвистами и заключается в идее преемственности: кеты (енисейцы) → хунны → тюрки. Вторая основана на разработанной нами версии о двух путях миграции околосредиземноморского населения на ранней стадии Homo sapiens. Была проверена версия о выделении далёких предков из той группы ранних насельников Азии, которая шла от Средиземного моря по берегу Индийского, а затем, повернув на север, и Тихого океана. И я пришёл к выводу, что вторая версия более достоверна, а первая (кеты → хунны → тюрки) неверна. В итоге также выяснилось, что это заключение не оригинально, в нём нет эвристичности, это было известно давно. Как явствует из текста, нам не удалось предложить новую оригинальную гипотезу о месте зарождения тюрков. Выводы, к которым мы пришли, были сделаны ранее.

В разрезе первой (лингвистической) версии о происхождении тюрков от хуннов, а последних – от кетов (енисейцев) скептически высказался

Г.К. Вернер (1973), который рассмотрел лингвистические данные о связи енисейцев с хуннами: «Эти факты не противоречат гуннской гипотезе происхождения енисейцев, если... исходную локализацию гуннов искать не в районах южной окраины Гоби, а в юго-западных районах Азии».

Вторая версия предложена в общем виде ещё в 1931 г. академиком Н.Я. Марром: «...турки двинулись впервые из Средиземноморья в Азию и, если говорить о прародине турок всерьёз, то она не в Средней Азии или Северной Якутии, а в Средиземноморье» (Цит. по: Дебец Г.Ф., 1948, с. 189). Несколько позже эту идею сформулировал Ю. Немец (1963, с. 128): «Первоначальные территории тюрков следует относить к Западной Азии».

Между двумя рассмотренными версиями нет больших расхождений. Обе они исходят из того, что Родина далёких предков тюрков находится в Восточном Средиземноморье (рис. 20). Различия заключаются лишь в оценке времени и пути следования в Азию.

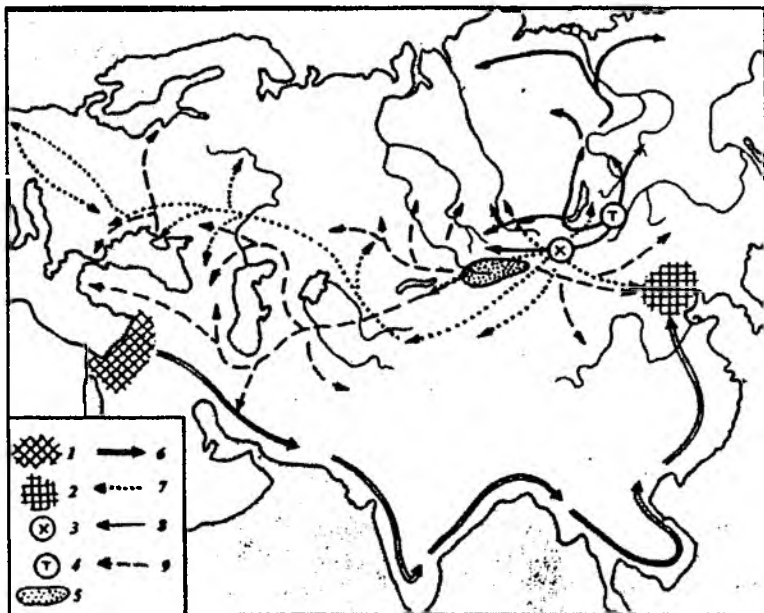

Рис. 20. Изначальная локализация предков и пути миграций тюркоязычных племён. Локализация: 1 – первопредков, 2 – предков тюрков, 3 – хунну, 4 – тоба, 5 – тюркотов; пути миграции: 6 – первопредков, 7 – хунну, 8 – тоба, 9 – тюркотов

Первая версия предполагает, что физические предки тюрков отправились в далёкое и рискованное путешествие примерно 4 тыс. лет назад, в эпоху бронзы. А маршрут их был следующим: Малая Азия и Дальнее Закавказье → Предкавказье → Южный Урал → степи и лесостепи Сибири → Забайкалье → Северная Монголия (бассейн Селенги).

Вторая версия предполагает, что физические предки тюрков отправились в далёкое и рискованное путешествие примерно 30–40 тыс. лет назад, в верхнем палеолите. А маршрут их был следующим: Восточное Средиземноморье → побережье Индийского океана → азиатское побережье Тихого океана примерно до Корейского полуострова → Маньчжурия.

Следует признать более предпочтительной вторую версию, внося в неё существенные коррективы. Не было 30–40 тыс. лет назад в Восточном Околосредиземноморье тюркоязычного населения. Отсюда в столь далёкое время ушли лишь физические типы людей, язык которых был каким-то абстрактным представителем околосредиземноморской языковой общности. И лишь в Маньчжурии популяция, ушедшая от побережья вглубь материка, в ходе саморазвития сформировала свой «алтайский» язык, из которого позднее выделились японский, корейский, тунгусо-маньчжурский, монгольский и тюркский. Таким образом, языковая родина тюрков – это не Передняя Азия, а Дальний Восток. Но этот праязык не свалился с неба. Он генетически связан с языковой средой первых пришельцев, частью которых были физические предки тюрков. Это подтверждают единичные примеры лексических сходжений тюркских языков и восточно-средиземноморских (см. раздел «Переднеазиатские элементы в тюркских языках», гл. 2).

Именованье праязыка алтайским – это явная ошибка, так как сам этногенез проходил далеко от Алтая. С Алтаем тюркоязычные племена познакомились примерно 2 тыс. лет назад, а предки носителей японского, корейского и тунгусо-маньчжурских языков вообще никогда там не были. Поэтому в нашей работе при упоминании о праязыке слово «алтайский» мы взяли в кавычки.

Родство «алтайских» языков подтверждается не только общими историческими построениями, подкреплёнными археологическим материалом, лингвистическими исследованиями. Однако этногенетические исследования не столь однозначны.

Генетика. К настоящему времени накопилось немало результатов этногеномических¹ исследований народов Сибири. Это позволяет вклю-

¹ Популяционной генетики.

читать их в парадигму происхождения народов Сибири вообще и докаганатских тюрков в частности.

Анализ Y-хромосомы привлекателен тем, что появляется возможность проследживать передачу генетических изменений (мутаций) в ряду поколений по отцовским линиям. Последние обычно понимаются как группы гаплотипов² (хромосом), связанные общим происхождением, причём каждый гаплотип отличается от соседнего на один мутационный шаг (Степанов В.А., 2002а, с. 6). Проследим историю некоторых гаплогрупп (HG) в разрезе разрабатываемой темы.

Гаплогруппа 2/2' распространена по всему Старому Свету (Степанов В.А., 2002а). Максимальной частоты (более 40%) достигает в Скандинавии, Северной Африке, на о. Сардиния. С удалением на восток частота уменьшается. В Северной и Центральной Азии гаплогруппа 2' обнаружена с частотой 20% у малых народностей Южного Китая. У маньчжуров, алтайцев, тувинцев, монголов, эвенов, бурят, коряков и юкагиров она встречается с частотой 1–8%. Возраст гаплогруппы 2 (HG2) определяется в 110 тыс. лет. Гаплогруппа 2' (HG2') является прародительницей гаплогруппы 26.

Гаплогруппа 26 наиболее распространена в Юго-Восточной Азии и Океании. В континентальной части Юго-Восточной Азии максимальная частота (более 90%) отмечена у населения Южного Китая, на Тайване. У хуэй, тибетцев, эвенков, японцев она снижается до 50%. Гаплогруппа 26 возникла после миграции предковой популяции человека по аустрическому пути и является ключевой для реконструкции расселения человека в Юго-Восточной Азии. Возраст гаплогруппы определяется в интервале 50–60 тыс. лет.

Гаплогруппа 10 наиболее представительна у населения восточной части Северной Азии. Частота гаплогруппы 10 характеризуется следующими цифрами (%): буряты 30–70, западные эвенки 68, эвены 63, восточные эвенки 25–40, маньчжурские эвенки 40–50, маньчжуры 17, орочи – около 90. С удалением на северо-восток частота уменьшается (%): якуты 0–10, коряки 33, чукчи 25. Далее HG10 переходит через Берингию в Северную Америку, где она охватывает около 4 % коренного населения. Население алтайской языковой группы неоднородно по признаку частоты HG10 (%): монголы – более 50, тувинцы 10–20, алтайцы 5–6, казахи 23, киргизы 18–20, корейцы 17, японцы 8. Пик частоты отмечен в Австралии – более 50%, в Самоа – 48% (Степанов В.А., 2002а, с. 175–179).

¹ Гаплотип – композиция маркёров на одной хромосоме.

Ареал максимального распространения HG10 свидетельствует о её формировании на территории Восточной Азии. Позже население – носитель гаплогруппы – мигрировало на юг в Австралию и Океанию, а затем и на север Восточной Азии. Возраст гаплогруппы определяется в 25 тыс. лет. Можно высказать предположение, что именно в недрах популяции носителей HG10 сформировалась «алтайская» этническая общность. Полоса ареала HG10 тянется на запад через горы и степи Южной Сибири и Казахстана до Восточной Европы. Это следствие более поздней миграции тюрков и монголов. Интересно отметить, что ареал HG10 сходен с ареалом митохондриальной гаплогруппы C, также возникшей в Восточной Азии. Это сходство является следствием одних и тех же миграционных событий, маркируемых как по отцовской (HG10), так и материнской (митохондриальной) линиям.

Для рассмотрения «внутриалтайских» геноэтнических особенностей привлечём дополнительные маркёры.

Факторный анализ массива частот аллелей микросателлитных аутосомных локусов по северной Евразии показал, что «алтайские» группы образуют довольно компактный кластер. Но в рамках этого кластера выделяются группы родственных популяций, ныне разноязычных. Бурятские популяции (четыре подгруппы) объединяются в одну группу, к которым близко примыкает популяция киргизов (?!). Другой подкластер образуют тувинцы-тоджинцы Тоор-Хема и эвенки. Очевидно, давно известное антропологическое сходство тоджинцев и западных эвенков, позволившее объединить их в особую катангскую (палеосибирскую, байкальскую) малую расу, имеет глубокие корни. И даже трудно сейчас предположить, сходство это определено единым для них субстратом или же в этногенезе тоджинцев в давние времена принимали участие тунгусоязычные группы. Нам представляется более предпочтительной первая версия. Тувинцы Кунгуртука и Бай-Тайги образуют особый подкластер, так как генетическое расстояние между ними меньше, нежели расстояние к тоджинцам (Степанов В.А., 2001). Несовпадение межпопуляционных и языковых рубежей свидетельствует о смене языка в ходе исторических процессов.

Генофонд сибирских популяций высоко дифференцирован, о чём можно судить по коэффициенту генной дифференциации G_{st} .

В этом отношении были близки разноязычные популяции Восточной Сибири – буряты, эвенки и якуты ($G_{st}=1,1\%$), в то время как тюркоязычные популяции Южной Сибири оказались более гетерогенными: коэффициент $G_{st}=2,8\%$. Генетические исследования также подтвердили, что несмотря на языковые различия буряты, эвенки и якуты близки как по

аутосомному генному пулу, так и по Y-хромосомным линиям. У них же преобладает гаплогруппа Y-хромосомы HG16 (мутация Tat C), тогда как у тюрков Алтае-Саян и близких к ним киргизов преобладает гаплогруппа HG12. Профили гаплогрупп Y-хромосомы у эвенков, якутов и бурят сходны: преобладающие типы «сидят» на одной ветке (Степанов В.А., 2002а, рис. 25).

Близость якутов, бурят, монголов и эвенков проявляется и в результатах ранжирования по степени выраженности монголоидных признаков, в число которых вошли цвет глаз, рост бровей, выступание скул, развитие надбровья, высота переносья, развитие эпикантуса, частота встречаемости 27-го номера цвета волос (Богданова В.Н., 1986, с. 152–153). Киргизы, калмыки, казахи, тувинцы и алтайцы по результатам ранжирования попали в другую группу с меньшей выраженностью монголоидных признаков. Особенно это свойственно тувинцам и алтайцам.

Для тувинцев и алтайцев характерна пониженная частота встречаемости гена q системы АВ0 (у тувинцев 0,1496). Максимально высокая частота этого гена отмечена у бурят (0,2650), значительна она и у монголов (0,2340). В.Н. Богданова причины таких особенностей видит в участии ранних европеоидов (иранцев? – *А.М.*) в формировании алтайцев и тувинцев.

Антропологические и генетические исследования дорусского населения Сибири показывают, что носители «алтайской» языковой общности сформировались на разных полях большой монголоидной расы. Наиболее ранний тип сохранился у японцев и корейцев. Это представители дальневосточной малой расы. Из неё в условиях изоляции на окраине ойкумены того времени (Внутренняя Монголия) «выросла» байкальская раса, объединяющая наиболее монголоидных представителей – очень плосколицых со слабо выступающим носом, низким и плоским переносьем. Следовательно, байкальский антропологический тип сформировался изначально не в Прибайкалье. Носители неолитических и более поздних культур здесь не имели таких резко выраженных монголоидных черт. Представляется, что родина её находится во Внутренней Монголии, в районе оз. Джалайнор. Позднее этот тип стал исходным для монголов, бурят, части эвенков. Возможно, и нивхи (гиляки) вышли из этой древнейшей расовой среды. Миграция чжалайнорцев в Прибайкалье привела к появлению здесь нового, резко монголоидного населения, на основании которого сформировался физический тип якутов. Третий тип малой монголоидной расы – центрально-азиатский – занимает промежуточное место (не только типологическое, но и пространственное) между крайне монголоидным байкальским и восточно-азиатским (даль-

невосточным) антропологическими типами. Носителями этого типа являются тувинцы (кроме тоджинцев), южные алтайцы. В докаганатское время метисные процессы центрально-азиатских монголоидов с европеоидами, северными монголоидами (самодийцами) и кетскими группами привели к формированию антропологического типа с ослабленными монголоидными признаками, который принято называть южно-сибирским монголоидным типом. Попытки включить некоторые группы южно-сибирских тюрков в уральскую расу базируются на близости формальных классификационных параметров. Европеоидные компоненты у них имеют различное происхождение. Если у уральцев она является реликтовой, то у тюрков гор Южной Сибири – благоприобретённой (результат встречи европеоидов-иранцев и монголоидов Азии).

Генетики сделали попытку определить (на основе темпов мутирования) абсолютный возраст предковых гаплотипов (гаплотипа-основателя). Это позволяет подсчитать возраст генерации разнообразия в мужских линиях (Степанов В.А., 2002а, табл. 36). Для HG16 это 6100 ± 940 лет, для HG12 9400 ± 1040 лет. Следовательно, центрально-азиатский тип стал дробиться («многообразиться») позже, чем тот пласт (чжалайнорский), на котором сформировались эвенки и, позже, якуты.

К сожалению, возраст наиболее древнего предкового гаплотипа определён всего лишь в 15300 ± 760 лет и соотносится он с гаплогруппой HG2'. В.А. Степанов (2002а, с. 151) допускает, что эта гаплогруппа восходит к первопоселенцам эпохи верхнего палеолита.

Несомненно, бурные исторические процессы на территории Южной Сибири в последние несколько тысяч лет (приход европеоидов – афанасьевцев, андроновцев, скифов, внедрение кетов, самодийцев и угров) наложили отпечаток на генофонд тюрков Южной Сибири. Отражено это, в частности, в пониженной частоте встречаемости гена *q* у тувинцев и южных алтайцев, формирование которых происходило при активном участии древних европеоидов.

Однако несмотря на отмеченные генетические различия «алтайская» общность обладает рядом цементирующих признаков, позволяющих предполагать их давнее родство. Это касается не только триады (тюрки, монголы, тунгусо-маньчжуры), но и японцев, и корейцев.

Мутантный аллель YAP+Y-хромосомы наиболее характерен для африканских негроидов. В Азии он был известен только у японцев и тибетцев, что маркировало путь его (аллеля) из Средиземноморья по побережью Индийского океана на Дальний Восток. После обнаружения этого аллеля у бурят (частота 20%) встал вопрос о генетическом родстве бурят и японцев в очень давнее время (Степанов В.А., Пузырёв В.П.,

2001, с. 364). По нашему мнению, это было во времена, когда их предки проживали где-то между Амуром и Хуанхэ.

Урало-алтайское единство, к чему мы относимся отрицательно, с позиций генетики может иметь следующую интерпретацию. Мутантный и довольно редкий аллель С в локусе Tat Y-хромосомы довольно широко представлен только в Северной Евразии – у носителей уральской и «алтайской» общностей, а также у русских и украинцев, но с меньшей встречаемостью. Считается (Степанов В.А., Пузырёв В.П., 2001), что славяне «приобрели» этот аллель у финно-угров и/или тюрков. Не исключается, что они изначально имели гаплотип, определяемый полиморфизмом TatC (с. 367). По мнению авторов, TatC сформировался в популяции, предковой (в Околосредиземноморье?! – А.М.) как по отношению к «алтайцам», так и финно-уграм, а затем в результате популяционных миграций получил наблюдаемое ныне относительно широкое распространение на севере Евразии.

Языки. Вписывая «алтайские» языки в общую языковую историю (глоптогенез) Евразии, у нас сложилось такое впечатление: наиболее древними языками являются финно-угорские, позже их сформировались «алтайские»; индоевропейские являются самыми молодыми. Эта последовательность отличается от той, которую представил Е.А. Хелимский (1986): алтайский существенно древнее индоевропейского и уральского, но моложе ностратического.

Исходный физический тип предков носителей «алтайского» языка был в расовом отношении слабо дифференцирован: он обладал чертами европеоидными, монголоидными и негроидными (австралоидными). В ходе адаптации к более суровым природным условиям глубинных частей материка и генетико-автоматических процессов («пробуждение» рецессивных генов) усилились монголоидные признаки (скуластость, эпикантус, разрез глаз и др.). Степень сохранения европеоидных и негроидных признаков проявилась дифференцированно. Группы, максимально ушедшие вглубь материка, постепенно потеряли негроидные признаки, сохранив некоторые европеоидные (ортогнатность вертикального профиля лица). Из этих групп сформировались предки центрально-азиатских монголоидов (прототюрки и протомонголы). Группы, освоившие побережье океана, сохранили некоторые негроидные черты (прогнатность, пухлые губы и пр.). Эта группа «породила» корейцев и континентальных предков японцев.

Изначально носители «алтайской» языковой семьи вели присваивающий тип хозяйствования. Они занимались охотой, рыбной ловлей, собирательством. Приморские жители (предки японцев) использовали и морепродукты. Производящим хозяйствованием (земледелие и скотовод-

ство) «алтайцы» стали заниматься уже после разделения на языки. По-видимому, изменение производственной ориентации и спровоцировало дробление популяции, сопровождавшееся делением праязыка на диалекты. Время этого события не известно, но, очевидно, это было не позже эпохи бронзы. До сих пор интригуют факты лексических совпадений тюркских языков и индейских. Если допустить, что индейские языки Америки – это ветвь тюркских, то зарождение тюркского, скорее всего не *г/р-группы*, следует отнести к глубокой древности.

Пратюркский язык, на наш взгляд, обладал *г/р*-признаками, как и все другие языки, выделившиеся из «алтайского». Это был язык хунно-булгарского типа. Наиболее ранними, но, несомненно, не первыми из тюркоязычных племён выделились хунны. Их язык булгарского типа вряд ли идентичен средневековому булгарскому и, тем более, современному чувашскому. Тунгусизмы, известные в чувашском языке, – это булгарское наследие, а не прямое влияние тунгусов на чувашей. Думается, язык хуннов был родителем, но не братом позднему булгарскому. Хазарский и чувашский языки отпочковались от булгарского. Но это произошло уже в Европе. Образно можно выразиться, что хуннский язык к булгарскому относился так же, как древнерусский к русскому языку пушкинских времён, а чувашский – к булгарскому как засорённый современный русский к языку Пушкина.

В Азии от хунно-булгарского языка отпочковался тобаский язык. Произошло это ранее III в. до н.э. Тоба, изгнанные хуннами в верховья Амура, уже говорили на тюркском языке, который существенно отличался от хунно-булгарского. В нём были признаки, которые мы видим в древнеуйгурском (в частности, *d/d* вместо *г/р* в корне слова). Некоторые реликты ротацизма сохранились в языках-потомках до наших дней. Носители языка тоба расселились в первых веках новой эры из Забайкалья на запад по горам Южной Сибири и Северной Монголии, ассимилируя кетов, самодийцев и иранцев. Они сформировали особый ареал тюркоязычных племён, занимавшихся в основном охотой и рыболовством, собирательством, в меньшей мере приусадебным скотоводством и земледелием. Это – южно-сибирские таёжные горцы, пешие охотники. Наиболее близки к ним современные тофалары и шорцы и ранний тюркский компонент в составе якутов.

Кыргызский язык (*z/z* группа) являлся ответвлением тобаского. Из современных тюркских языков к нему наиболее близок, по-видимому, башкирский, а не хакасский.

Особо значительное влияние на тюркские языки иных групп (огузский, кыргызский, языки южно-сибирских горцев) оказал кыпчак-

ский. Следы его отмечены повсеместно, пожалуй, за исключением якутского. Это является следствием не лингвистической значимости самого языка, а мобильности его носителей. Кыпчаки были в основном кочевыми скотоводами и по роду занятий могли чаще вступать в контакт с различными родственными группами, распространяя своё влияние на иные тюркские и нетюркские группы населения на обширных пространствах – до Анатолии в Азии и Молдавии (половцы!) в Европе.

Тобаский *d/d*-язык *не* «переродился» в уйгурский древнего типа и близкий к нему огузский (если только эти языки вообще не идентичны). Тобаский язык был общим для тюркоязычных народов гор Южной Сибири в дотюркютское время. Диалектные различия тобаского привели к формированию производных языков. Таковыми являются кыпчакский и древнекыргызский. Первый характеризуется трансформацией внутрислогового *d/d* по схеме: $d \rightarrow d\bar{y} \rightarrow j$, второй – переходом *d/d* через звонкий интердентальный δ/z в z/z .

Более поздние миграции тюркских языков различных групп (уйгурского, древнекыргызского и кыпчакского) привели к «размазыванию» этих признаков, появлению их в языках иных групп.

Никто не знает, как было на самом деле. Могут быть высказаны лишь версии, которые требуют основательного подтверждения. Изложенная выше версия о происхождении тюрков базируется на представлении о тюркоязычности хуннов и древних тоба(сцев). Она объективно подтверждается тюркоязычностью населения гор Южной Сибири.

Генетическая связь хуннов/гуннов с тобаской группой тюрков нам представляется бесспорной. Изначальной родиной тюркских народов является обширная область, тяготеющая к Хинганам. Память о своей прародине тюрки хранили в течение тысячелетий. Недаром хунны, а позднее и тюрки-огузы считали долину Орхона центром своей земли, формировали здесь «столицу». Отсюда они направлялись в далёкие походы. Основное направление походов было на запад. Хунны дошли до Парижа, тюрки – до Чёрного и Средиземного морей (см. рис. 19).

ИТОГ

Из мигрантов южной (аустрической) верхнепалеолитической популяции в мезолите или неолите на территории Маньчжурии выделилась «алтайская» общность. В состав общности входили предки тюрков, монголов, тунгусо-маньчжур, корейцев, японцев и племён, которые были ассимилированы северными китайцами. Все они были носителями *г/р*-языка. В эпоху поздней бронзы из сообщества выделились предки тюрков, которые говорили на языке болгарского типа. Не самые ранние носители этого языка стали известны как хунну/сюнну. В I тысячелетии до н.э. по неясным причинам из среды ранних тюрков выделилась группа с языком уйгурского типа (*d/d-группа*). И не самые ранние носители этого языка известны как тоба. Тоба, ушедшие в начале новой эры из верхний Амура на запад по горам Южной Сибири, создали популяцию пещих горных охотников, потомки которых ныне известны как туматы, тофалары, тувинцы (тоджинская группа), хакасы, (кызыльцы, чулымцы), шорцы, прителецкие тубалары. Тоба, населявшие южные склоны гор, были вовлечены болгароязычным родом Ашина в сферу своего влияния и образовали ядро древних тюрков (тюркютов), преимущественно скотоводов-кочевников. Эти тоба явились основой первого государственного образования тюрков – Тюркского каганата. Из этой группы тоба ещё в докаганатское время выделились носители кыргызского *z/z*-языка, а позднее – кыпчакского *j/й*-языка.

SUMMARY

The «Altaic» community separated from the migrants of southern (austral) upper paleolithic population during the mesolithic and neolithic on the territory of Manchuria. The ancestors of Turks, Mongols, Tunghus-Manchurs, Koreans, Japanese and tribes, which were assimilated by northern Chinese, entered that community. All of them were carriers of *r*-language. During the late bronze age the ancestors of Turks, who spoke the language close to Bulgarian type, separated from this community. The speakers of this language (not at a very early stage but later) became known as Hoonnu/Syunnu. In the first millenium BC a group with the language of Uygur type (*d*-group) separated from early Turks; the reasons are not known. The speakers of this language (not very early ones) are known as the Toba. The Toba, who at the beginning of the new era left the upper course of the Amur and moved to the West, give rise to the population of walking mountain hunters, the ancestors of who are known as Tumats, Tofalars (Caragas), Tuvins (the group of Tojins), Khacas (Kyzyl and Chulym people), Shors and Tubalars at the lake Teletskoye. The Toba, who inhabited the southern slopes, were involved into the sphere of the bulgar speaking kindred of Ashin. They formed the main body of ancient Turs (Turkuts), who were predominantly cattle-breeding nomads. The people of Toba became the basis of the first governmental Turkic union (community) known as Turkic Caganat. The speakers of Kyrgyz *z*-language and later Kypchack *j*-language separated from this group even in pre-caganat time.

RESÜME

Von den Migranten der südlichen (austrischen) Population des Hochpaleoliths hat sich in der Epoche des Mesoliths oder Neoliths auf dem Territorium Mandschuriens die «altaische» Gemeinschaft abgesondert. Diese Gemeinschaft bildeten die Vorfahren der Türken, Mongolen, Tungusen, Korejaner, Japaner, die von einzelnen Chinesen assimiliert wurden. Sie waren alle die Träger der *r*-Sprache.

In der Epoche der späten Bronze sind aus dieser Gemeinschaft die Vorfahren der Türken ausgegangen, die die Sprache des bulgarischen Types sprachen. Die späteren Träger dieser Sprache sind als Hunnu/Sjunnun bekannt. Im ersten Jahrtausend vor unserer Zeitrechnung hat sich aus unbekanntem Gründen von den früheren Türken eine Gruppe mit der Sprache des uigurischen Types (*d*-Gruppe) abgesondert. Die späteren Träger dieser Sprache sind als Toba bekannt.

Die Toba, die Anfang unserer Zeitrechnung aus dem oberen Teil des Amur nach dem Westen über die Gebirge Südsibiriens gegangen sind bildeten die Population der Fussgebirgsjäger, deren Nachkommen heutzutage als Tumaten, Tofalaren, Tuwiner (die todschiner Gruppe), Hakassen (Kysyler, Tschulymer), Schoren, Tubalaren am Telezker See bekannt sind.

Die Toba, die die südlichen Abhänge der Gebirge besiedelten, waren von dem bulgarisch sprechenden Stamm Aschins in die Sphäre seines Einflusses einbezogen und bildeten den Kern der alten Türken (Türküten), die vorwiegend Viehzüchter-Nomaden waren. Diese Toba bildeten die Grundlage der ersten staatlichen Gemeinschaft der Türken – den türkischen Kaganat. Aus dieser Gruppe der Toba sind noch in vorkaganatischer Zeit die Träger der kyrgysischen *z*-Sprache und später der kyptschakscher *j*-Sprache herausgegangen.

SONUÇ

Güneyden gelen göçlerde taş devrindeki populasyon mezolitik veya neolitik devirlerinde Mançurya topraklarında Altay birliği diye bir grup ayrıldı. Bu birliğin içerisinde Türklerin, Moğolların, Tunguz Mançurlarının, Korelilerin, Japonların ana kabileleri vardı. Bunlar kuzey Çinliler tarafında asimile edilmişti. Bütün bunlar *r/p* dilini taşımaktaydı. Tunç devrinin sonlarına doğru bu topluluktan Bulgar dili tipinde konuşan Türklerin soyları ayrılmaktadır. M.Ö 1000 y.y da belirsiz bir sebepten dolayı ilk Türklerin arasında Uygur dili tipinde konuşan bir (*d/d* grup) grup ayrılıyor. Bu dilde konuşan ilk kabilelerden biri Toba adıyla bilinmektedir. Yeni Çağın başlarında yukarı Amur bölgesinden güney Sibiryaya dağlarını aşarak batıya giden Tobalar dağ avcılığı popilasyonunu oluşturmuşlar. Bunların soyları şuan Tumatlar, Tofalar, Tuvalılar (Toc grubu) Hakaslar (Kızıllar ve Çulımlılar), Şorlar, Teles Tubaları olarak bilinmektedir. Dağların güney kısmında yaşayan Tobalar, Bulgar dili Aşina soyu tarafından istila edilmiştir. Bu topluluklar eski Türklerin (göç edip hayvancılıkla uğraşanlar) çekirdeğini oluşturmaktadırlar. Bu Tobalar ilk Türk devletinin (Türk Kaanlığı) temellerini oluşturmaktadırlar. Türk Kaanlığından önce Toba grubu Kırgız dilinde *z/s* konuşan daha sonra Kıpçak dilinde *j/ü* dönen bir grup oluşmuştur.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдрахманов М.А., Бонюхов А.А.* Топонимические названия Шорин // Языки и топонимия Сибири. Томск, 1966. Вып. 1. С. 159–169.
- Абдырахманов А.* Происхождение слова «казах» // Казахи. Исторические события. Алматы, 1998. Т. 1. С. 215–219.
- Абдуллаев И.Х., Микаилов К.Ш.* К истории дагестанских этнонимов ЛЕЗГ и ЛАК // Этнография имён. М., 1971. С. 13–29.
- Абрамзон С.М.* Из этнической истории киргизов // Тюркологический сборник. М., 1966. С. 165–167.
- Агеева Р.А.* Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. 256 с.
- Айдаров Г.* Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII в. Алма-Ата, 1971. 380 с.
- Алексеев В.П.* Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения // Кр. сообщения Ин-та этнографии. 1957. С. 92–97.
- Алексеев В.П.* Основные черты антропологических типов Тувы // Сов. этнография. 1962. № 3. С. 49–58.
- Алексеев В.П.* Предки тюркских народов // Наука и жизнь. 1971. № 5. С. 33–37.
- Алексеев В.П.* В поисках предков. Антропология и история. М., 1972. 303 с.
- Алексеев В.П.* О происхождении таштыкского населения Южной Сибири // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 220–232.
- Алексеев В.П.* География человеческих рас. М., 1974. 352 с.
- Алексеев В.П.* Историческая антропология и этногенез. М., 1989. 446 с.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.* Антропологический состав и вопросы происхождения тувинцев // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск, 1986. С. 87–107.
- Алексеев Н.А.* Материал о религиозных верованиях якутов как историко-этнографический источник // Советская этнография. 1966. № 2. С. 22–33.
- Алексеев Е.А.* Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 67–105.
- Алексеев Е.А.* Кетская проблема // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 118–140.
- Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890. 436 с.
- Андреев Н.А.* Данные языка к вопросу о происхождении названий // О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1958. С. 48–70.
- Андреев (Урхи) Н.А.* Ирано-чувашские этнокультурные и языковые параллели // Чувашский язык и литература (Труды НИИ при Совете Министров Чувашской АССР). Чебоксары, 1975. С. 91–113.
- Антонов Н.К.* Лекции по тюркологии. Якутск, 1976. 64 с.

- Антонова Е.В.* Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М., 1990. 288 с.
- Анучин В.И., Синельников Н.А.* Енисейские остяки // Изв. Общ-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1911. Т. 84. 29+IV с.
- Аракин В.Д.* Сравнительно-исторический метод в исследованиях А.Н. Самойловича // Тюркологический сб. 1974. М., 1978. С. 37–45.
- Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей // Живая старина. 1896. Т. 4. С. 277–456.
- Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962. 523 с.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А., Таксами Ч.М.* Этнокультурные связи коренных народов прибрежий Северо-Восточной Азии // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 83–98.
- Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В.* Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск, 1984. 201 с.
- Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989. 294 с.
- Ахметова Ф.В.* Эпические параллели якутской «эплады» и татарских дастанов // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов областной научной конференции по лингвистике. Омск, 1984. С. 99–103.
- Ахметьянов Р.Г.* Некоторые чувашские этимологии // Н.И. Ашмарин – основоположник чувашского языкознания. Чебоксары, 1971. С. 141–147.
- Ашинин Ф.Д.* Александр Николаевич Самойлович (1880–1938) // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978. С. 8–27.
- Багаиёв А.Н.* Формирование древнего и современного населения Западной Сибири по данным краниологии: Автореф. ... дис. д-ра ист. наук. М., 2000. 51 с.
- Багаиёв А.Н.* Генезис южных самодийцев по данным антропологии // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Зап. Сибири. Томск, 2002. С. 90–103.
- Байчура У.Ш.* О булгарском происхождении казанских татар (по данным языка) // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С. 262–267.
- Барта Антал.* На каком языке говорили венгры в 10-м веке? // Мат-лы VI Междунар. конгр. финно-угроведов. М., 1990. С. 29–32.
- Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М.* Пещера Иульчак – новый археологический памятник на Алтае. Барнаул, 1980. С. 3–15.
- Баскаков Н.А.* К вопросу о происхождении этнонима кыргызы // Советская этнография. 1964. № 2. С. 92–93.
- Баскаков Н.А.* Тюркские языки (общие сведения и типологическая характеристика) // Языки народов Сибири. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966. С. 7–42.
- Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1969. 383 с.
- Баскаков Н.А.* Ареальная консолидация древнейших наречий и генетическое родство алтайских языков // Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971. С. 315–321.

- Баскаков Н.А.* Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект кумандинцев (Куманджи-кижи: Грамматический очерк, тексты, переводы, словарь). М., 1972. 279 с.
- Баскаков Н.А.* Ареалы и маргинальные зоны в развитии тюркских языков // Народы и языки Сибири. Ареальные исследования. М., 1978. С. 37–46.
- Баскаков Н.А.* Этнонимы древних тюрков Восточной Европы и чувашский язык // Этимологические исследования по чувашскому языку. Чебоксары, 1984. С. 102–115.
- Баскаков Н.А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. 207 с.
- Баскаков Н.А.* Историко-типологическая фонология тюркских языков. М., 1988. 208 с.
- Батманов И.А.* Некоторые особенности языка памятников орхоно-енисейской письменности и их отражение в современных тюркских языках // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1963. С. 116–123.
- Батманов И.А.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959. 218 с.
- Батманов И.А.* Источники формирования тюркских языков Южной Сибири и Средней Азии // Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири. Фрунзе, 1966. С. 5–22.
- Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф.* Современная и древняя Енисейка. Фрунзе, 1962. 248 с.
- Бахтеев Ш.З.* Буртасы и чуваша // Советская тюркология. 1990. № 2. С. 61–74.
- Беневоленская Ю.Д.* К проблеме происхождения катангского антропологического типа // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов областной научной конференции по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. С. 12–16.
- Бенцинг И.* Языки гуннов, дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология. М., 1986. С. 11–28.
- Берг Л.С.* Алтайские и саянские тюрки // Изв. Всес. геогр. общества. 1935. № 5–6. С. 43–51.
- Бернштам А.Н.* Происхождение турок // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 5, 6. С. 43–51.
- Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI–VIII вв. М.; Л., 1946. 207 с.
- Бернштам А.Н.* Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии // Советская этнография. 1947. Т. VI–VII. С. 148–158.
- Бернштам А.Н.* Очерки истории гуннов. Л., 1951. 255 с.
- Бертагаев Т.А.* Об этимологии *хан-хаган*, *хатун* и об их отношении к *хат* // Тюркологические исследования. М., 1976. С. 45–50.
- Бирюкович Р.М.* Лексика чулымско-тюркского языка и её данные для определения чулымско-тюркского языка среди тюркоязычных ареалов Сибири // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов областной научной конференции по лингвистике. Омск, 1984. С. 21–22.

- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. СПб., 1851. 484 с.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л., 1950.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в давние времена. III. Приложения. Географический указатель мест на карте к истории среднеазиатских народов. М.; Л., 1953. 328 с.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Чебоксары, 1960. 759 с.
- Благова Г.Ф.* Вариантные заимствования *тюрк* ~ *тюрк* и их лексическое обособление в русском языке // Тюркологический сб. 1972. М., 1973. С. 93–140.
- Богданова В.И.* Антропологический состав и вопросы происхождения тувинцев // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск, 1986. С. 108–161.
- Богородицкий В.А.* Введение в татарское языкознание. Казань, 1953.
- Боргояков М.И.* Отношение тюркских языков Южной Сибири к языку сарыг-югуров // Советская тюркология. 1976. № 2. С. 43–56.
- Боргояков М.И.* О кангатах и их языке // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976. С. 51–54.
- Боргояков М.И.* К истории языковых отношений в Саяно-Алтайском регионе (IX–XII вв.) // Тюркологический сборник. 1978. М., 1978. С. 54–64.
- Боргояков М.И.* Источники и история изучения хакасского языка. Абакан, 1981. 144 с.
- Брук С.И.* Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981. 880 с.
- Булатов А.Б.* К вопросу о болгарском языке по данным этнографических памятников и другим материалам (Махмуд Кашгарский и др.) // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1963. Т. 3. С. 313–314.
- Бутанаев В.Я.* Этнический состав кызыльцев в XIX – начале XX вв. // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов областной научно-практической конференции по этнографии. Омск, 1984. С. 105–107.
- Бутанаев В.Я.* О якутско-хакасских лексических параллелях // Проблемы реконструкций в этнографии. Новосибирск, 1984. С. 114–121.
- Бутанаев В.Я.* Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан, 1994. 93 с.
- Бутанаев В.Я.* Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан, 1995. 268 с.
- Бутин Ю.М.* К проблеме происхождения корейцев и маньчжур // Проблемы реконструкций в этнографии. Новосибирск, 1984. С. 38–55.
- Вадецкая Э.Б.* Черты погребальной обрядности таштыкских племён по материалам грунтовых могильников на Енисее // Первобытная археология на Енисее. Л., 1975. С. 173–183.
- Вадецкая Э.Б.* Участие хуннов в сложении таштыкской культуры // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов областной научной конференции по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. С. 80–84.

- Вадецкая Э.Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. 179 с.
- Вайнштейн С.И.* Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М., 1961. 218 с.
- Вайнштейн С.И.* Этноним *тува* // Этнонимия. М., 1970. 218–222.
- Вайнштейн С.И.* Этнический состав древнего населения Саян // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 189–195.
- Вайнштейн С.И.* Происхождение саянских оленеводов (проблема этногенеза тувинцев-таджинцев и тофаларов) // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 68–69.
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В.* Об облике древних тюрков // Тюркологический сборник. М., 1966. С. 177–187.
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В.* «Дворец Лин Лина», или Конец одной легенды // Советская этнография. 1976. № 3. С. 137–149.
- Вамбери.* Первобытная культура тюрко-татарских народов // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. 1884. Кн. 6. С. 1–49 (собств. пагинация).
- Варенов А.В.* Скифские памятники Алтая, Ордоса и происхождение сюннуской культуры // Проблемы охраны, изучения и использования культурного населения Алтая. Барнаул, 1995. С. 123–125.
- Василевич Г.М.* Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов // Советская этнография. 1946. № 4. С. 34–49.
- Васильев В.И.* Кулайское единство и проблемы этногенеза северосамодийских народов // Проблемы этнической истории самод. народов: Сб. докл. научн. конф. Омск, 1993. Ч. 1. С. 20–23.
- Васильев В.Н.* Краткий очерк быта карагасов // Этнографич. обозрение. 1910. № 1–2. С. 46–76.
- Васютин А.С.* Хуннские культурные традиции в памятниках Восточного Алтая // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск, 1987. С. 97.
- Вдовин И.С.* Юкагиры в этнической истории коряков и чукчей // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 99–113.
- Вебер А.В., Линк Д.В.* Неолит Прибайкалья: итоги и перспективы изучения // Археол., этногр. и антропология Евразии. 2001. № 1(5). С. 135–146.
- Вербицкий В.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884. 498 с.
- Вернер Г.К.* К вопросу об этнической привязке енисейцев к древним культурам Южной Сибири // Проблемы этногенеза народов Сибири и ДВ. Новосибирск, 1973. С. 174–175.
- Викторова Л.Л.* Ранние формы религии киданей // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 261–265.
- Викторова Л.Л.* Монголы. Происхождение народов и истоки культуры. М., 1980. 224 с.
- Волкова Н.Г.* Названия кумыков в кавказских языках // Этническая ономастика. М., 1984. С. 23–27.
- Воробьева И.А.* Топонимика Западной Сибири. Томск, 1977. 152 с.

- Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье. Т. 3. Этнос, языки, религия. Алматы, 1992. 688 с.
- Вуоно Г.П.* Основные типы мансийских топонимов в устном употреблении // Топонимия Востока. М., 1964. С. 115–125.
- Габышев Е.С.* К этимологии «курыкан» // Пробл. археологии и этнографии Сибири и ДВ. Посв. 100-летию Н.К. Ауэрбаха. Красноярск, 1991. Т. 3. С. 79–81.
- Гаглойти Ю.С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966. 256 с.
- Гаджиева Н.З.* Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979. 264 с.
- Гаджиева Н.З., Коклянова А.А.* Глаголы речи в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 322–460.
- Гарипов Т.М.* Иранские этимоны в урало-поволжской ономастике // *Uralo-indogermanica*. М., 1990. С. 60–63.
- Гейгер Р.М., Гейгер М.М.* К доказательству урало-алтайского языкового единства // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов областной научной конференции по лингвистике. Омск, 1984. С. 61–67.
- Геннинг В.Ф.* К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье // Вопросы истории Сибири и ДВ. Новосибирск, 1961. С. 329–366.
- Геннинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге. М., 1964. 220 с. Географический атлас. М., 1980.
- Георги И.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 3, 4. СПб., 1799. 387 с.
- Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М., 1955. 586 с.
- Герасимов М.М.* Люди каменного века. М., 1964. 170 с. + XVI табл.
- Герасимов М.М., Черных Е.Н.* Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 23–48.
- Гинзбург В.В.* Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным // Тр. Ин-та этнографии. 1956. Т. 33. С. 238–298.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М., 1972. 372 с.
- Гиоргадзе Г.Г.* К вопросу о локализации и языковой структуре касских этнических и географических названий // Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритологии. М., 1961. С. 161–210.
- Гоголев А.И.* Лекции по исторической этнографии якутов. Якутск, 1978. 80 с.
- Гоголев А.И.* Якутско-хакасские историко-культурные связи // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1988. С. 6–21.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А.* О территории формирования тюркского этноса // Тюрки: Мат-лы V Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 2002. С. 43–46.
- Горощенко К.И.* Сойоты // Русск. антропол. журнал. 1901. № 2. С. 62–73.

- Гохман И.И.* Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1958. Т. 18. С. 428–443.
- Гохман И.И.* Древний череп с Чукотки // Записки Чукотского краеведческого музея. Магадан, 1961. Вып. 2. С. 14–18.
- Гохман И.И.* Происхождение центрально-азиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1980. Вып. 36. С. 5–34.
- Грач А.Д.* Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. М., 1966. С. 188–193.
- Грум-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 2. IV + 412 с.
- Гулия И.* Современные названия кавказских племён // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1909. С. 1–38 (собств. пагинация).
- Гумилёв Л.Н.* Алтайская ветвь тюрков-тугю // Советская археология. 1959. № 1. С. 105–114.
- Гумилёв Л.Н.* Хунну. М., 1960. 292 с.
- Гумилёв Л.Н.* Китайская хронографическая терминология в трудах Н.Я. Бичурина на фоне всемирной истории // Бичурин Н.Я. Собрание сведений по историч. географии Вост. и Ср. Азии. Чебоксары, 1960а. С. 641–673.
- Гумилёв Л.Н.* Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока. М., 1961. Вып. 2. С. 103–113.
- Гумилёв Л.Н.* Соседи хазар // Страны и народы Востока. М., 1965. Вып. 4. С. 127–142.
- Гумилёв Л.Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в древности // Вест. Ленингр. ун-та. Сер. геологии и географии. 1966. № 6. С. 62–71.
- Гумилёв Л.Н.* Дакоты и хунны (к статье А.Г. Кариуллиной «К вопросу о генетическом родстве отдельных языков индейцев Америки с тюрками») // Вопросы географии США. Л., 1976. С. 123–125.
- Гумилёв Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. 766 с.
- Гумилёв Л.Н.* Древние тюрки. М., 1993. 527 с.
- Гурулёв С.А.* Кетоязычная топонимия бассейна Байкала // Топонимика и межнациональные отношения. М., 1992. С. 108–118.
- Давыдова А.В.* Об общественном строе хуннов // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 141–145.
- Данченко Г.П., Нестеров С.П.* Два погребения гунно-сарматской эпохи из Аймырлыгской долины // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск, 1989. С. 94–103.
- Дебец Г.Ф.* Селькупы (антропологический очерк) // Труды Ин-та этнографии. 1947. Т. 2. С. 103–145.
- Дебец Г.Ф.* Антропологические исследования в Камчатской области // Тр. Ин-та этнографии. 1951. Т. 17. 264 с.
- Демьяненко З.П.* Тюркско-кетские словарные общности и их отражение в долганском языке // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 120–122.

- Дервянко А.П., Молодин В.И.* Денисова пещера. Новосибирск, 1994. 262 с.
- Дервянко Е.И.* Тюркские элементы в погребальном обряде амурских племён I тыс. н.э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 118–128.
- Дёрфер Г.* О языке гуннов // Зарубежная тюркология. М., 1986. С. 71–134.
- Джавад Алмаз.* «Кисса и Юсуар» Али – булгаро-татарский памятник // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1963. Т. 3. С. 382–388.
- Джаукян Г.Б.* Общее и армянское языкознание. Ереван, 1978. 235 с.
- Джафаров Ю.Р.* О происхождении древних булгар // Фольклор, литература и история Востока: Мат-лы III Всесоюзной топонимической конференции. Ташкент, 1984. С. 408–411.
- Джидалаев Н.С.* Об одном ряде булгарских слов в лакском языке // Сов. тюркология. 1979. № 2. С. 30–36.
- Диалектологический словарь якутского языка.* М., 1976. 392 с.
- Длужневская Г.В., Овчинников Б.Б.* Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 77–94.
- Дмитриев В.Д.* Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 96–118.
- Дмитриев Н.К.* Соответствие л/ш // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1. Фонетика. М., 1955. С. 320–321.
- Добродеев И.Г.* Не «река» – а «женщина» (о достоверности топонимических этимологий) // Этнич. ономастика. М., 1984. С. 138–143.
- Долгих Б.О.* Происхождение нганасанов // Тр. Ин-та этнографии. 1952. Т. 18. С. 5–87.
- Долгопольский А.Б.* Сравнительно-историческая фонетика кушитских языков. М., 1973. 398 с.
- Древнетюркский словарь.* Л., 1969. 676 с.
- Дрёмов В.А.* Обычай искусственного деформирования головы у древних племён Западной Сибири и его происхождение // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 99–110.
- Дрёмов В.А.* Антропологический состав и внешние связи чулымских тюрков по данным краниологии // Этнич. история тюркоязычных народов Сибири и сопред. тер. Омск, 1984. С. 27–28.
- Дульзон А.П.* Чулымские татары и их язык // Уч. записки ТГПИ. 1952. Т. 9. С. 76–211.
- Дульзон А.П.* Тюрки Чулыма и их отношение к хакасам // Учёные записки ХакНИИЯЛИ. 1959. Вып. 7. С. 93–102.
- Дульзон А.П.* Гунны и кеты // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1968. № 11, вып. 3. С. 137–142.
- Дульзон А.П.* Кетско-тюркские параллели в области склонения // Сов. тюркология. 1971. № 1. С. 20–26.

- Дульзон А.П.* Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири // Структура и история тюркских языков. М., 1976. С. 198–208.
- Дульзон А.П.* Кетско-тюркские параллели в области склонения // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974. С. 109–117.
- Дульзон А.П.* Пратюркские форманты глагольного лица // Тюркологические исследования. М., 1976. С. 126–131.
- Думан Л.И.* К истории государства Тоба Вэй и Ляо и их связь с Китаем // Учёные записки Института востоковедения. 1955. С. 3–36.
- Думан Л.И.* Внешние политические связи Китая с сюнну в I–III вв. // Китай и соседи. М., 1970. С. 37–50.
- Думан Л.И.* Расселение не китайских племён во внутренних районах Китая и их социальное устройство в III–IV вв. н.э. // Китай. История, культура и историография. М., 1977. С. 40–61.
- Дьяконов И.М.* История Мидии с древнейших времён до конца IV в. до н.э. М.; Л., 1956. 485 с.
- Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. 356 с.
- Егоров В.Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1971. 204 с.
- Ельницкий Л.А.* Скифия евразийских степей (историко-археологический очерк). Новосибирск, 1977. 256 с.
- Еремеев Д.Е.* К семантике тюркских этнонимов // Этнонимия. М., 1970. С. 133–142.
- Еремеев Д.Е.* Этногенез турок. М., 1971. 272 с.
- Еремеев Д.Е.* «Тюрк» – этноним иранского происхождения? (к проблеме этногенеза древних тюрков) // Сов. этнография. 1990. № 3. С. 129–138.
- Замысловский Е.* Герберштейн и его историко-географические известия. СПб., 1884. 563 с.
- Зейналов Ф.Р., Гукасян В.Л.* Об этногенезе азербайджанского народа // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов областной научной конференции по лингвистике. Омск, 1984. С. 17–21.
- Золотарёва И.М.* Антропология некоторых народов Северной Сибири // Юкагиры. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 97–110.
- Зубов А.А.* Человек заселяет свою планету. М., 1963. 175 с.
- Иванов А.И.* Чувашский язык в урало-алтайской семье языков // Чувашский язык, литература и фольклор. Чебоксары, 1972. Вып. 1. С. 3–53.
- Иванов Вяч.Вс.* История славянских и балканских названий металлов. М., 1983. 198 с.
- Иванов В.В.* Древневосточные связи этрусского языка // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988. С. 208–218.
- Иванов П.Г.* Сибирские турки и их наречия. Томск, 1927. 31 с.
- Ивановский А.А.* Енисейские инородцы // Русский антропол. журнал. 1907. № 1, 2. С. 165–223.

- Иностранцев К.* Хунну и гунны. Разбор теорий происхождения народов хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отторжениях этих двух народов. 2-е доп. изд. // Тр. Туркологического семинария I Ленинградского института живых восточных языков. Л., 1926. IV+152 с.
- История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М., 1983. 534 с.
- История древнего мира. Древний Восток (Индия, Китай, страны Юго-Восточной Азии). Минск, 1999. 846 с.
- История и культура ительменов. Историко-этнографические очерки. Л., 1990. 208 с.
- История Казахстана и Центральной Азии. Алматы, 2001. 614 с.
- История Тувы. М., 1964. Т. I. 411 с.
- История Якутии. Т. I. Прошлое Якутии до присоединения к русскому государству. Новосибирск, 1949. 440 с.
- Кадырджиев К.С.* К этимологии некоторых кумыкских топонимов // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980. С. 122–125.
- Казанцев А.И.* Антропологические данные о скелетах из неолитических погребений Приангарья // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 373–375.
- Казахи. Т. 1. Исторические события; Т. 6. Этимология слова «казах». Алматы, 1998. 432 с.
- Камалов А.А.* Некоторые вопросы топонимии Башкирии // Ономастика Поволжья. 3. Уфа, 1973. С. 201–209.
- Камалов А.А.* Некоторые вопросы изучения тюркской географической терминологии // Языки и топонимия Алтая (тезисы докладов к конференции). Барнаул, 1979. С. 64–67.
- Канюкова А.С.* Чувашско-хакасские соответствия в фонетике и лексике // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 32–34.
- Караев С.К.* Транскрипция и этимология на страницах Узбекской советской энциклопедии // Топонимика в региональных геогр. исследованиях. М., 1984. С. 75–83.
- Каримуллин А.Г.* К вопросу о генетическом родстве отдельных языков индейцев Америки с тюркскими // Вопросы географии США. Л., 1976. С. 114–122.
- Карцели С.* Карагасский олень и его хозяйственное значение // Северная Азия. 1925. Кн. 3. С. 87–92.
- Катанов Н.Ф.* Поездка к карагасам в 1890 г. СПб., 1891. 96 с.
- Катанов Н.Ф.* Письма из Сибири и Восточного Туркестана. СПб., 1893. 114 с.
- Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965. 484 с.
- Каховский В.Ф.* Н.И. Ашмарин – о происхождении чувашского народа // Н.И. Ашмарин – основоположник чувашского языкознания. Чебоксары, 1971.
- Киекбаев Дж. Г.* Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972. 152 с.
- Ким А.Р.* Материалы по краниологии шорцев и кумандинцев (Предварительные сообщения) // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984. С. 180–195.

- Кимеев В.* Шорцы – кто они? Этнографические очерки. Кемерово, 1989. 191 с.
- Киргизско-русский словарь / Сост. К.К. Юдахин. М., 1965. Т. 1. 504 с.
- Кирюшин Ю.Ф.* Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить». Сборник, посв. памяти этнографов Г.Н. Грачёвой и В.И. Васильева. Барнаул, 1995. С. 58–75.
- Киселёв С.В.* Краткий очерк древней Хакасии. Абакан, 1951. 90 с.
- Климов С.Г.* Абхазско-адыгейские этимологии: I (исконный фонд) // Этимология. 1965. М., 1967. С. 296–306.
- Климов Г.А., Эдельман Д.И.* К этимологии Albasty/Almasty // Советская тюркология. 1979. № 3. С. 57–63.
- Клосон Дж.* Происхождение тюркского рунического письма // Зарубежная тюркология. М., 1986. Вып. 1. С. 135–158.
- Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. 216 с.
- Кляшторный С.Г.* Проблемы древней истории племени Түрк (Ашина) // Материалы и исследования по археологии. 1965. № 130.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Евразии. СПб., 1994. 168 с.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000. 307 с.
- Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. 347 с.
- Ковычев Е.В.* К вопросу о памятниках сянбьи в Восточном Забайкалье // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987. С. 145–148.
- Козин С.А.* Эпос монгольских народов. М.; Л., 1948. 247 с.
- Козинцев А.Г.* Вариации швов лицевого черепа у некоторых тюркоязычных народов // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докл. обл. научной конф. по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. С. 9–11.
- Козьмин Н.* Туба (историко-этнографический очерк) // Сибирский рассвет. 1918. № 4. С. 23–49.
- Козьмин Н.Н.* Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края. Иркутск, 1925. 186 с.
- Козьмин Н.Н.* К вопросу о происхождении якутов-сахалар. Историко-этнографич. заметки. Иркутск, 1928. 12 с. (отд. оттиск: Очерки по изуч. Якут. края. Вып. 2. С. 5–14).
- Комиссаров С.А.* Сюннуский могильник в Нинся // Природа. 1989. № 12. С. 112.
- Коновалов П.Б.* Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976. 220 с. + XXVI табл.
- Коновалов П.Б.* Об этническом аспекте истории хунну // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов областной научной конференции по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. С. 70–74.
- Кононов А.Н.* Опыт анализа термина түрк // Сов. этнография. 1949. № 1. С. 40–47.

- Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958. 192 с.
- Кононов А.Н.* Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Л., 1969. 32 с.
- Кононов А.Н.* Ещё раз об этнониме «кыргызы» // Тюркологич. исследования. Сборник статей, посвящённых 80-летию К.К. Юдахина. Фрунзе, 1970. С. 16–20.
- Константинова О.А.* Тунгусо-маньчжурская лексика, связанная с жилищем // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. М., 1972. С. 224–256.
- Копков К.Г.* Енисейские кыргызы и этногенез хакасов // Учёные записки ХакНИИЯЛИ. 1969. Вып. 13. Серия историческая. 1969. № 1. С. 21–38.
- Кордт В.* Материалы по русской картографии. Киев, 1891. Вып. 1. 15 с., 31 карта.
- Корнилов Г.Е.* Опыт исследования по чувашской диалектологии и болгаро-чувашской топонимии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1966. 19 с.
- Корнилов Г.Е.* Итоги и задачи изучения проблемы сибирской прародины тюркских предков современных чувашей // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 222–224.
- Корнилов Г.Е.* Алтайские параллели к чувашским названиям оленя, верблюда и слона. Л., 1971. С. 208–213.
- Корнилов Г.Е.* Евразийские лексические параллели. Чебоксары, 1973. 299 с.
- Корш Ф.Е.* Классификация турецких племён по языкам // Этнографич. обозрение. 1910. № 1–2. С. 114–127.
- Костров Н.Н.* Поездка на р. Чую доктора Радлова в 1860 году. Томск, б/г (перепечатка из «Томских губернских ведомостей» 1878 и 1879 гг.).
- Краснолуцкий С.А.* Кулайская керамика из Назаровской впадины // Археол. иссл. в южно-тайжн. зоне Зап. Сибири. Томск, 2003. С. 38–39.
- [*Крашенинников С.П.*] С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. М.; Л., 1966. 242 с.
- Крейнович Е.А.* Юкагирский язык. М.; Л., 1958. 285 с.
- [*Крыжин*]. Путешествие прапорщика Крыжина в 1858 г. // Труды Сибирской экспедиции Императорского Русск. Геогр. Об-ва. Математический отдел. СПб., 1864. С. 77–97.
- Крюков М.В.* «Люди», «Настоящие люди» (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний) // Этнич. ономастика. М., 1984. С. 6–12.
- Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древний Китай. Проблемы этногенеза. М., 1978. 343 с.
- Ксенофонтов Г.В.* Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Иркутск, 1937. Т. 1. 576 с.
- Кубарев В.Д.* Древние изваяния Алтая. Оленные камни. Новосибирск, 1979. 120 с.
- Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 331 с.

- Кудайбергенев С.* О связях алтайских языков // Тюркологические исследования. Фрунзе, 1983. 150 с.
- Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М., 1974. 355 с.
- Кулемзин В.М.* Чулымцы за последние сорок пять лет (воспоминания этнографа) // Вопр. геогр. Сибири. Томск, 1995. Вып. 21. С. 81–85.
- Кулемзин В.М.* Несколько слов о современном состоянии культуры селькупов и чулымских татар // Сравнительно-исторические типол. иссл. языка и культуры. Проблемы и перспективы: Труды лаборатории языков народов Сибири. Томск, 2002. Т. 1. С. 191–195.
- Кызласов Л.Р.* Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках V–XII вв. // Учёные записки ХакНИИЯЛИ. 1969. Вып. 13, № 1. 1969. С. 5–20.
- Кызласов Л.Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960. 197 с.
- Кызласов Л.Р.* Древняя Тува. М., 1979. 206 с.
- Кызласов Л.Р.* Древнейшая Хакасия. М., 1986. 296 с.
- Кызласов Л.Р.* О шаманизме древнейших тюрков // Сов. археология. 1990. № 3. С. 261–264.
- Кызласов Л.Р.* Когда исчезла енисейская руническая письменность южно-сибирских тюрков // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1992. № 6. С. 29–36.
- Левин М.Г.* Антропологический тип корейцев // Кр. сообщения Ин-та этнографии. 1949. Вып. 87. С. 25–35.
- Левин М.Г.* К вопросу о южно-сибирском антропологическом типе // Кр. сообщения Ин-та этнографии. 1954. Вып. 21. С. 70–78.
- Лепнёва С.Г.* К топонимике района Телецкого озера // Исследования озёр СССР. 1933. Вып. 3. С. 41–58.
- Лигети Л.* Табгачский язык – диалект сяньбийского // Народы Азии и Африки. 1969. № 1. С. 107–117.
- Львова Э.Л.* Теле-уйгурские компоненты в составе тюркоязычного населения Среднего Приобья (по этнонимическим данным) // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Вып. 3. История и культура народов Сибири. Новосибирск, 1981. С. 167–169.
- Львова Э.Л.* К этнической истории чулымцев // Пробл. археологии и этнографии, Л., 1977. С. 111–121.
- Маадай-Кара.* Алтайский героический эпос. Горно-Алтайск, 1979. 170 с.
- Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. М., 1983. 225 с.
- Майский И.* Современная Монголия. Иркутск, 1921. 127 с.
- Малков В.Ф.* О некоторых звуковых соответствиях в лексике корейского и чувашского языков // Пробл. общности алтайских языков. М., 1971. С. 308–314.
- Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. 452 с.
- Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952. 116 с.
- Малов С.Е.* Язык жёлтых уйгуров. Словарь и грамматика. Алма-Ата, 1957. 197 с.

- Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. 1959. 111 с.
- Мамедов Н.Г.* Отражение некоторых этнонимов в оронимии Азербайджана // Мат-лы конференции о проблемах азерб. ономастики. Баку, 1986. С. 93–94.
- Мамонова Н.Н.* К антропологии гуннов (по материалам могильника Черёмухова Падь) // Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974. С. 201–228.
- Мамонова Н.Н.* К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археол. Урала и Сибири. М., 1973. С. 18–28.
- Манай-оол М.Х.* К вопросу о тюркизации населения Тувы // Новейшие иссл. по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 102–111.
- Мандельштам А.М.* Шатровый могильник у оз. Нурэ (о. Ольхон) // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
- Марр Н.Я.* Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков // Под знаменем марксизма. 1927. № 6. С. 18–61.
- Марр Н.Я.* О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье. Отчётное сообщение по командировке от ГАИМК по истории материальной культуры // Изв. Гос. академии истории материальной культуры. 1934. Вып. 89. С. 3–12.
- Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984. 488 с.
- Медведев В.Е.* Тунгусоязычное население Приамурья в конце VIII–XI вв. и тюрки // Этногенез и этнич. история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С. 94–99.
- Мелентьев А.Н.* Керамика карасукского типа из Северного Прикаспия // Кр. общ. Ин-та археол. и этногр. 1975. Вып. 142. С. 39–43.
- Мельникова Л.В.* Тофы. Иркутск, 1994. 303 с.
- Мельхеев М.Н.* Географические имена. М., 1961. 100 с.
- Милитарёв А.* Услышать прошлое // Знание – сила. 1985. № 7. С. 9–12; № 8. С. 14–16.
- Милитарёв А.Ю.* Афразийско-индоевропейские лексические связи // Индо-афразийские языковые контакты. М., 1987. С. 98–108.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л., 1941. Т. II. 437 с.
- [*Миллер Г.Ф.*] Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Миллера // История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, 1996. Вып. VI. 310 с.
- Миняев С.С.* Культура скифского времени Центральной Азии и сложение племенного союза сюнну // Тезисы докл. Всес. археол. конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». 14–17 ноября 1979 г. Кемерово, 1979. С. 74–76.
- Миняев С.С.* К проблеме памятников «ранних» сюнну // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов областной научной конференции по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. С. 74–78.

- Миняев С.С.* Исчезнувшие народы сюнну // Природа. 1986. № 4. С. 42–53.
- Миняев С.С.* Происхождение сюнну: современное состояние проблемы // Проблемы археологии Степной Евразии. Кемерово, 1987. Ч. 2. С. 142–145.
- Миняев С.С.* О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 108–120.
- Мирмахмудова С.Н.* Азербайджанские гидронимические ойконимы на территории Армянской ССР // Топонимика в регион. геогр. иссл. М., 1984. С. 70–71.
- Мифология: Большой энциклопедический словарь. М., 1998. 736 с.
- Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.
- Молчанова О.Т.* К вопросу о географической терминологии и топонимии территории // Советская тюркология. 1972. № 6. С. 68–73.
- Молчанова О.Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. 399 с.
- Молчанова О.Т.* Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов, 1982. 256 с.
- Морозова З.В.* Тюркские корни в этногенезе казачества России // Тюрки. Тольский; Омск, 2002. С. 198–199.
- Мочанов Ю.А.* Северо-Восточная Азия в IX–V тыс. до н.э. (сумнагинская культура) // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 29–43.
- Мочанов Ю.А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977. 264 с.
- Мошкова М.Г., Генинг В.Ф.* Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Мат-лы Ин-та археологии. 1972. № 153. С. 87–118.
- Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. 416 с.
- Муратов С.Н.* О некоторых особенностях чувашского и якутского языков, носящих маргинальный характер в тюркском языковом ареале // Народы и языки Сибири. Ареальные исследования. М., 1978. С. 52–54.
- Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984. 654 с.
- Мурзаев Э.М.* Топонимика и география. М., 1995. 304 с.
- Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М., 1996. 256 с.
- Мусаев К.М.* Лексикология тюркских языков. М., 1984. 230 с.
- Насимов В.М.* Язык орхон-енисейских памятников. М., 1960. 88 с.
- Немет Ю.* Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // Вopr. языкознания. 1963. № 6. С. 126–138.
- Нестеров В.А.* Над картой Чувашии. Историко-топонимические заметки. Чебоксары, 1980. 144 с.
- Нестеровский Н.* Геогностический очерк Кузнецкого угленосного бассейна // Горн. журнал. 1896. Т. 3, № 9. С. 298–351.
- Николаев И.И.* К вопросу о тюркоязычных компонентах древнеякутской народности // Этнич. история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докл. обл. научной конференции по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. С. 116–117.

- Николаев Н.Н.* Культурно-исторические аспекты хуннского влияния в степях севера Центральной Азии // Научная конференция памяти Н.М. Ядринцева (29–30 октября 1992 г.). Секция этнографии и археологии. Омск, 1992. С. 36–38.
- Николаев Р.В.* Общие элементы в кетских и хакасских этнических сказках // Сов. этнография. 1974. № 1. С. 145–150.
- Николаев Р.В.* Некоторые аспекты проблемы этногенеза и ранней этнической истории кетов // Проблемы этногенеза и этнич. истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1985. С. 113–120.
- Николаев С.И.* Три одинаковых по значению этнонима Восточной Сибири (Урянхай, Тунгус и Юкагир) // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 194–196.
- Никонов В.А.* Об этногенетических связях хакасов по данным сочетания согласных в их языке // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1989. С. 48–50.
- Новикова К.А.* Названия животных в тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этнологии алтайских языков. Л., 1979. С. 53–134.
- Окладников А.П.* Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита // Древняя Сибирь (Макет 1-го тома «История Сибири»). Улан-Удэ, 1964. 739 с.
- Окладников А.П., Абрамова З.А.* Первоначальное освоение палеолитическим человеком Сибири и Дальнего Востока // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974. С. 184–188.
- Оппенгейм Л.* Древняя Месопотамия. М., 1990. 320 с.
- Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976. 464 с.
- Паллас П.С.* Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1788. Ч. 3, половина 2-я. 480 с.
- Панфилов В.З.* Нивхский язык // Языки народов СССР. Л., 1969. Т. 5. С. 408–434.
- Патканов С.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 1. Сводные таблицы и краткие выводы. СПб., 1912. 176 с.
- Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. М., 1959. 3858 стлб.
- Пелих Г.И.* Происхождение селькупов. Томск, 1972. 424 с.
- Пестерев Е.* Примечания о прикосновенных около Китайской границы жителях, как российских ясашных татарах, так и о китайских мунгалах и соютах, деланные Егором Пестеревым, в 1772 по 1781 год, в бытность его под названием пограничного комиссара при сочинении карты и при изыскании пришедших в неизвестность трактованных пограничных знаков, и самой пограничной между Российской Империи и Китайским государством черты, лежащей от Иркутской губернии через Красноярский уезд, до бывшего зенгорского владения // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1793. Ч. 79. С. 60–82; Ч. 80. С. 35–73; Ч. 81. С. 35–55.

- Петкевич К.* Казацкое государство (неиспользованная возможность построения украинского государства в XVII в.) // Социоестественная история. Вып. 22. Природа и самоорганизация общества. М., 2002. С. 138–165.
- Петри Б.Э.* Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах. Иркутск, 1927. 20 с.
- Петри Б.Э.* Оленеводство у карагас. Иркутск, 1927. 46 с.
- Петров К.И.* К этимологии термина *кыргыз* // Сов. этнография. 1964. № 2. С. 181.
- Петров К.И.* Опыт сравнительно-этимологического словаря евразийской языковой общности // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 15–18.
- Плетнёва С.А.* Хазары. М., 1976. 103 с.
- Поливанов Е.Д.* К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков // Известия РАН. Сер. 4. 1927. Т. 21, № 15–17. С. 1195–1204.
- Полторацкий, Ильин.* Объяснительная записка к карте Киргизской степи // Записки РГО по общей географии. 1867. Т. 1. С. 73–74.
- Полунин Ф.* Географический лексикон Российского государства. М., 1777. 479 с.
- Поппе Н.Н.* Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам // Известия РАН. 1924. Т. 18, № 12–18; 1925. Т. 19, № 1–5, 9–11.
- Попов А.И.* Следы времён минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981. 208 с.
- Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879–1880 годах по поручению Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1883. Вып. 3. 372 с.; Вып. 4. 1025 с.
- Потанин Г.Н.* Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Т. 1. СПб., 1893. XVIII + 568 + XVIII с.
- Потанин Г.Н.* Монгольский Алтай между Булугуном и Барлыкком. Томск, 1915. С. 1–15.
- Потанин Г.Н.* Путешествия по Монголии. М., Географгиз, 1948. 481 с.
- Потанов Л.П.* Очерки по истории Шории // Тр. Ин-та востоковедения. 1936. Т. 15. 260 с.
- Потанов Л.П.* Очерки по истории алтайцев. М., 1953. 444 с.
- Потанов Л.П.* Этноним теле и алтайцы // Тюркологический сборник. М., 1966. С. 233–240.
- Потанов Л.П.* Из этнической истории кумандинцев // История и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 316–323.
- Потанов Л.П.* Очерки народного быта тувинцев. М., 1969. 402 с.
- Потанов Л.П.* Тубалары Горного Алтая // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 50–66.
- Потанов Л.П.* Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологические исследования. 1972. М., 1973. С. 265–286.
- Потанов Л.П.* Заметка о происхождении челканцев-лебединцев // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 304–313.
- Потанов Л.П.* Исторические связи алтае-саянских народов с якутами (по этнографическим материалам) // Сов. этнография. 1978. № 5. С. 85–95.

- Потапов Л.П.* Алтайские телесы в этническом отношении // Проблемы происх. и этнич. истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987. С. 53–71.
- Прокофьев Г.Н.* Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна // Сов. этнография. 1940. Т. 3. С. 67–76.
- Пронштейн А.П., Кияшко В.Я.* Хронология. М., 1981. 192 с.
- Пузырёв В.П. и др.* Генетико-эпидемиологическое исследование населения Тувы. Томск, 1999. 256 с.
- Пузырёв В.П. и др.* Генофонд якутов по линиям митохондриальной ДНК и Y-хромосомы // Медико-генетическое исследование населения Республики Якутия (Саха). Якутск, 2002. С. 7–18.
- Пузырёв В.П. и др.* Генетическое своеобразие населения Якутии по данным аутосомных геномов // Медико-генетическое исследование населения Республики Якутия (Саха). Якутск, 2002а. С. 41–54.
- Пуллиблэнк Э.Дж.* Язык сюнну // Зарубежн. тюркология. М., 1986. С. 29–70.
- Рамстедт Г.И.* Грамматика корейского языка. М., 1951.
- Рамстедт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. М., 1957. 254 с.
- Рассадин В.И.* Этапы истории тофаларов по языковым данным // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 34–37.
- Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971. 242 с.
- Рассадин В.И.* История этнографического и лингвистического изучения тофаларов // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С. 189–208.
- Рашид-эддин.* Сборник летописей. История монголов. СПб., 1858. XVI+320 с.
- Ремезов С.У.* Чертежная книга Сибири, составленная сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882.
- Розинский Я.Я., Левин М.Г.* Антропология. М., 1978. 528 с.
- Розен М.Ф.* Верхняя Обь и Алтай на картах XVI–XIX вв. Барнаул, 1998. 120 с.
- Розов Н.С.* Материалы по краниологии чулымцев и селькупов // Труды Ин-та этнографии. 1956. Т. 33. С. 340–373.
- Рона-Таш А.* Реконструкция и экстралингвистические данные // Сравнительно-историч. изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988. С. 105–113.
- Руденко С.И.* Культура хуннов и ноинские курганы. М.; Л., 1962. 206 с.
- Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. 176 с.
- Савинов Д.Г.* Енисейские кыргызы и курыканы (к вопросу об историко-культурных связях) // Проблемы реконструкций в этнографии. Новосибирск, 1984. С. 55–62.
- Савинов Д.Г.* Владения Цигу древнетюркских генеалогических преданий и таштыкская культура // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1989. С. 64–74.
- Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. 408 с.
- Самойлович А.Н.* К вопросу о классификации турецких языков // Бюллетень орг. комиссии по созыву I Всес. тюркологич. съезда. 1926. № 2. С. 3–6.
- Сатлаев Ф.А.* Кумандинцы. Историко-этнографический очерк. Горно-Алтайск, 1974. 200 с.

- Сатлаев Ф.А.* К вопросу происхождения северных алтайцев (кумандинцев) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов областной научной конференции по этнографии. Омск, 1984. С. 25–28.
- Саттаров Г.Ф.* Башкиризмы в топонимии Татарии // Сов. тюркология. 1989. № 3. С. 61–67.
- Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974. 768 с.
- Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1978. 350 с.
- Семенов П.П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1865. Т. 2. 898 с.
- Сердобов Н.А.* История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971. 482 с.
- Серебрянников Б.А.* Происхождение чуваш по данным языка // Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 38–47.
- Серебрянников Б.А.* О гидронимических формантах *-ньга, -юга, -уга* и *-юг* // Сов. финно-угроведение. 1966. № 1. С. 59–66.
- Серебрянников Б.А.* Что было первичным: r^2 или z ? // Сов. тюркология. 1971. № 1. С. 13–17.
- Серебрянников Б.А.* Заметки по истории тюркских языков // Тюркологические исследования. М., 1976. С. 202–211.
- Сорошевский В.Л.* Якуты (опыт этнографического исследования). СПб., 1896. 720 с.; Переиздание: Якутск, 1993. 714 с.
- Сидоров Е.И.* Этноним *сах* // Этническая ономастика. М., 1984. С. 39–43.
- Сиротенко В.Т.* Основные теории происхождения древних булгар и письменные источники IV–VIII вв. // Уч. записки Пермского ун-та. 1961. Т. 20, вып. 4. С. 3–42.
- Смирнов А.П.* Археологические памятники Чувашии и проблема этногенеза чувашского народа // Происх. чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 5–57.
- Смоляк А.В.* Элементы культур тюркоязычных народов на Нижнем Амуре // Этногенез и этнич. история тюркоязыч. народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1971. С. 139–141.
- Смоляк А.В.* О некоторых элементах сходства в культурах Нижнего Амура, тюркоязычных и монголоязычных народов // Проблемы происх. и этнич. истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987. С. 72–79.
- Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований у узбеков. М., 1969. 336 с.
- Соколовский 2-й.* Геогностическое описание части кряжа Алатау, исследованной междугорной поисковой партией // Горн. журнал. 1835. Ч. 2, № 4. С. 20–36.
- Соловьёв Е.Т.* Знаки собственности в России. Историко-археологический очерк. Казань 1885.
- Спеваковская А.Б.* Проблема происхождения айнов и роль айнских компонентов в этнической истории тунгусо-маньчжурских народностей Дальнего Востока // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С. 140–148.

- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997. 800 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М., 2002. 768 с.
- Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Высочайшей особы. СПб., 1787. Ч. I. 8 + 411 с.; 1789. Ч. 2. 4 + 491 + 5 с.
- Сравнительный словарь языков и наречий, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1790. Ч. I. 341 с.; Ч. II. 499 с.; 1791. Ч. III. 518 с.; Ч. IV. 618 с.
- Старостин С.А.* Культурная лексика в общесеверокавказском фонде // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 74–94.
- Старчевский А.В.* Сибирский переводчик по линии строящейся Сибирской и Уссурийской железных дорог и по всем пароходным сибирским рекам. СПб., 1893. 416 с.
- Степанов В.А.* Этногеномика населения Северной Евразии: Автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Томск, 2001. 47 с.
- Степанов В.А.* Генетика происхождения современного человека // Эволюционная биология. 2. Мат-лы II Международной конференции «Проблема вида и видообразование», г. Томск, 24–26 октября 2001 г. Томск, 2002. С. 308–330.
- Степанов В.А.* Этногенетика населения Северной Евразии. Томск, 2002а. 244 с.
- Степанов В.А., Пузырёв В.П.* В поисках «Адама»: эволюция гаплотипов Y-хромосомы в популяциях человека // Эволюционная биология. I. Томск, 2001. С. 358–370.
- Струев К., Потанин Г.Н.* Путешествие на озеро Зайсан и в речную область Чёрного Иртыша и горы Сар-Тау // Записки РГО по общей географии. 1867. Т. 1. С. 349–427.
- Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М., 1973. 367 с.
- Сулейменов Олжас.* Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1975. 303 с.
- Супроченко Г.П.* Некоторые источники по древней истории кыргызов // История и культура Китая. М., 1974. С. 236–248.
- Суразаков С.С.* Из глубины веков. Горно-Алтайск, 1982. 144 с.
- Сухбаатор Г.* К вопросу об этнической принадлежности хунну (сюнну) // Пробл. Дальнего Востока. 1976. № 1. С. 123–133.
- Сыромятников Н.А.* Об урало-алтайском слое древнеяпонского словаря // Народы Азии и Африки. 1967. Т. 2. С. 117–130.
- Сыромятников Н.А.* Методика сравнительно-исторического изучения общих морфем в алтайских языках // Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971. С. 51–64.
- Таскин В.С.* Тюркские названия домашних животных в языке сюнну // Кр. сообщения Ин-та народов Азии. 1964. № 85. С. 13–20.
- Таскин В.С.* Скотоводство у сюнну по китайским источникам // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968. С. 21–44.
- Татаринцев Б.И.* Этимология тюркского названия богатыря (batur ... bayatur) // Советская тюркология. 1987. № 4. С. 90–96.

- Татаринцев Б.И.* Происхождение этнонима *топа* ~ *туба* ~ *тыва* и некоторых других сходных с ним наименованиями // Советская тюркология. 1990. № 2. С. 618–907.
- Татищев В.Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения. Л., 1979. С. 153–360.
- Тенишев Э.Р.* О языке кыргызов уезда Фууй (КНР) // Вопросы языкознания. 1966. № 1. С. 88–97.
- Тенишев Э.Р.* Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте // Вопросы языкознания. 1979. № 2. С. 80–96.
- Тенишев Э.Р.* К вопросу о происхождении киргизов и их языка // Сов. тюркология. 1989. № 4. С. 3–17.
- Теплоухов С.А.* Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. 1927. Т. 3, вып. 2. С. 57–112.
- Терентьев В.А.* Древнейшие тюркские заимствования в языках Европы // Сов. тюркология. 1990. № 4. С. 69–74.
- Тёрнер К.Г.* Ребёнок верхнепалеолитической стоянки Мальта // Изв. СО АН СССР. Серия история, философия и филология. 1990. Вып. 2. С. 50–55.
- Техов Б.В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977. 239 с.
- Тимонина Л.Г.* Общеенисейская лексика тюркского происхождения // Языки и топонимия. VI. Томск, 1978. С. 114–124.
- Тимонина Л.Г.* Енисейская культурная лексика тюркского происхождения // Вопр. структуры языка. М., 1986. С. 69–79.
- Титова З.Д.* Сообщения пленных иностранцев о народах Сибири (XVIII в.) // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. С. 91–103.
- Токарев С.А.* Из истории якутского народа // Вестник древней истории. 1938. № 1 (2). С. 216–227.
- Толстов С.П.* К истории древнетюркской социальной терминологии // Вестник древней истории. 1938. № 1 (2). С. 72–79.
- Толстов С.П.* Города гузов // Сов. этнография. 1947. Т. 3. С. 55–102.
- Толстова Л.С.* Исторические предания Южного Приаралья. М., 1984. 248 с.
- Томилев Н.А.* Чулымские тюрки в конце XVI – первой четверти XIX вв. // Пробл. происхождения и генетич. истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987. С. 145–176.
- Томтосова Л.Ф.* Новые материалы по краниологии современных якутов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР: Сборник МАЭ. 1980. Т. 36. С. 121–129.
- Топоров В.Н.* О следах старого иранского культурного исторического переживания у енисейских кетов // Актуальные вопросы иранистики и сравнительного индоевропейского языкознания: Тезисы докладов. М., 1970. С. 19–22.
- Топоров В.Н.* Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981. С. 146–162.

- Трифонов Ю.И.* Об этнической принадлежности погребений с конём древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрко-тугю) // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 351–374.
- Трубачев О.Н.* Названия рек правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968. 289 с.
- Туголуков В.А.* Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985. 285 с.
- Тумашева Д.Г.* Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992. 256 с.
- Тыжнов И.И.* Падение Джунгарии // Сибирь и Центральная Азия: проблемы региональных связей XVIII–XIX вв. Томск, 1999. С. 5–21.
- Тюрки таёжного Причудлымья. Томск, 1991. 245 с.
- Убратова Е.И.* Вопросы диалектологии тюркских языков // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1963. С. 78–88.
- Уманский А.П.* «Телеутская земля» в XVII столетии // Уч. зап. Горно-Алт. НИИ истории, языка и литературы. 1969. Вып. 8. С. 41–62.
- Уманский А.П.* Могильники верхнеобской культуры на верхнем Чумыше // Древняя Сибирь. Вып. 4. Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 136–149.
- Уманский А.П.* Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.
- Уманский А.П.* Телеуты и их соседи в XVII – первой половине XVIII века. Барнаул, 1995. Ч. 1. 172 с.; Ч. 2. 222 с.
- Файзрахманов Г.* Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. Казань, 2000. 188 с.
- Файзрахманов Г.* История сибирских татар с древнейших времён до начала XX в. Казань, 2002. 488 с.
- Федотов М.Р.* Н.И. Ашмарин и В.В. Радлов о происхождении чувашского языка // Н.И. Ашмарин – основоположник чувашского языкознания. Чебоксары, 1971. С. 152–162.
- Федотов М.Р.* Булгарский язык и его отношение к некоторым финско-угорским языкам // Сов. финно-угроведение. 1968. № 1. С. 53–66.
- Федотов М.Р.* Отношение чувашского и общетюркского языков к языкам хазар, дунайских и волжских булгар, а также финно-угров // Сов. тюркология. 1979. № 3. С. 24–37.
- Халикова Р.Х.* Древнетюркская лексика в башкирских письменных памятниках XVIII–XIX вв. // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 125–127.
- Ханмагомедов Х.Л.* Топонимия Дагестана. Красноярск, 1990. 244 с.
- Хелимский Е.А.* Лексикографические материалы XVIII – начала XIX вв. по саяно-самодийским языкам // Языки и топонимия. Томск, 1978. Ч. VI. С. 46–58.
- Хелимский Е.А.* Keto-Uralica // Кетский сб. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1981. С. 238–251.

- Хелимский Е.А.* Решение дилеммы пратюркской реконструкции и ностратика // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 67–78.
- Худяков Ю.С.* О вооружении таштыкского воина // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 164–169.
- Худяков Ю.С.* Динлины в Центральной Азии // Проблемы археологии Степной Евразии. Кемерово, 1987. С. 139–142.
- Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. 1. 623 с.
- Числяков Э.Р.* О диалектном членении шорского языка // Шорский сборник. Кемерово, 1994. Вып. 1. С. 144–149.
- Членова Н.Л.* Хронология памятников карасукской эпохи // Материалы и исследования по археологии. 1972. № 182. 248 с.
- Членова Н.Л.* Соотношение культур карасукского типа кетских топонимов на территории Сибири // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 143–146.
- Шайхумов А.Г.* Некоторые методологические аспекты выявления исконной и заимствованной лексики тюркоязычных народов Западной Сибири и Волго-Камско-Уральского региона (К проблеме этнической интерпретации общего словарного фонда) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов областной научной конференции по лингвистике. Омск, 1984. С. 3–7.
- Шакуров Р.З.* Историко-стратиграфическое и ареальное исследование башкирской топонимии Южного Урала и Предуралья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Уфа, 1998. 82 с.
- Шервашидзе И.Н.* Ещё раз об этимологии имён Ашина и Аттила-авитохоль // Советская тюркология. 1989. № 3. С. 79–81.
- Ширатори К.* О языке хунгусского и тунгусского корней // Известия РАН. 1902. Т. 17, вып. 2. С. 01–034 (на нем. яз.)
- Шитова С.Н.* К вопросу о ранних тюрко-самодийских контактах в Сибири (на основе анализа материальной культуры башкир) // Проблемы этногенеза и этнич. истории самод. народов: Тезисы докл. обл. научн. конф. по этногр. Омск, 1983. С. 31–34.
- Шнейдер А.Р., Доброва-Ядринцева Л.Н.* Население Сибирского края. Новониколаевск, 1928. 112 с.
- Штубендорф Ю.П.* О карагассах // Вестник Русск. Геогр. Общества. 1854. Кн. VI. Ч. 12. С. 226–246.
- Щербак А.М.* О характере и лексических взаимосвязях тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопр. языкознания. 1966. № 3. С. 21–35.
- Щербак А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. 204 с.
- Шукин Н.* Минусинский округ // Журнал МВД. 1856. Ч. 18. Отд. 3. С. 1–58 (соб. пагинация).
- Юзбашев Р.М.* Характеристика современной азербайджанской топонимии // Топонимия Востока. Исследования и материалы. М., 1969. С. 163–166.

- Юсифов Ю.Б.* Топонимы и этническая история древнего Азербайджана // Материалы конференции о проблемах азербайджанской ономастики. Баку, 1986. С. 105–112.
- Юсупов Р.М.* Этноисторические связи башкир по данным краниологии // Этнич. история тюркояз. народов Сибири и сопред. территорий: Тезисы докл. обл. научн. конф. по антропол., археол. и лингвистике. Омск, 1984. С. 56–59.
- Ядринцев Н.М.* Отчёт о поездке по поручению Западно-Сибирского отдела Императорского Географического Общества в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катуня в 1880 г. // Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО. 1882. Кн. 4. С. 1–41 (собств. пагинация).
- Янковский Н.К., Боринская С.А.* История нашей ДНК // Эволюционная биология. 2. Мат-лы II Международной конференции «Проблема вида и видообразование», г. Томск, 24–26 октября 2001 г. Томск, 2002. С. 331–342.
- Ярославцев Д.* По Горной Шории // Сиб. огни. 1926. № 3. С. 165–181. Перепечатка; Шорский сб. Кемерово, 1994. Вып. 1. С. 64–85.
- Яхонтов С.Е.* Древнейшее упоминание названия *киргиз* // Сов. этнография. 1970. № 2. С. 110–120.
- Ярхо А.И.* Алтае-Саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан, 1947. 148 с.
- Delitzsch F.* Sumerische Glossar. Leipzig, 1914. 296 S.
- Matuz J.* Das Osmanische Reich. Darmstadt, 1985. 400 S.
- Shiratori K.* Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türk Völker. II. Über die Sprache der Hiungnu und Tungnu-Stämme // Известия РАН. 1902. Т. 17, вып. 2. С. 01–033.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ

- абаз. — абазинский
абхаз. — абхазский
авар. — аварский
авест. — авестийский
адыг. — адыгский
аз. — азербайджанский
алб. — албанский
алт. — алтайский
англ. — английский
анд. — андийский
араб. — арабский
арин. — аринский
арм. — армянский
арч. — арчинский
ас. — ассирийский
ассан. — ассанский
афг. — афганский
ахв. — ахвахский
багв. — багвалинский
бактр. — бактрийский
балк. — балкарский
балт. — балтский
бараб. тат. — барабинских татар
баск. — баскский
башк. — башкирский
беж. — бежтинский
белорус. — белорусский
бенг. — бенгальский
берб. — берберский
болг. — болгарский
ботл. — ботлибский
брет. — бретонский
булг. — болгарский
бурят. — бурятский
вахан. — ваханский
венг. — венгерский
верхнелуж. — верхнелужицкий
вьетн. — вьетнамский
- гаг. — гагаузский
гал. — галльский
гинух. — гинухский
годобер. — годоберинский
гол. — голландский
гот. — готтский
греч. — греческий
груз. — грузинский
гуыз. — гуызбский
гун. — гуннский
дарг. — даргинский
дат. — датский
дигор. — дигорский
долг. — долганский
драв. — дравидский
др.-англ. — древнеанглийский
др.-вал. — древневаллийский
др.-в.-нем. — древневерхне-
немецкий
др.-греч. — древнегреческий
др.-евр. — древнееврейский
др.-зыр. — древнезырянский
др.-инд. — древнеиндийский
др.-ир. — древнеиранский
др.-ирл. — древнеирландский
др.-исл. — древнеисландский
др.-кит. — древнекитайский
др.-кор. — древнекорейский
др.-монг. — древнемонгольский
др.-н.-нем. — древненижне-
немецкий
др.-перс. — древнеперсидский
др.-прусск. — древнепруссский
др.-русск. — древнерусский
др.-сакс. — древнесаксонский
др.-сем. — древнесемитский
др.-сканд. — древне-
скандинавский

др.-тюрк. — дренетюркский
др.-чув. — древнечувашский
енис. — енисейский
имб. — имбатский
инд. — индийский
индоевр., и.-е. — индоевропейский
ир. — иранский
ирл. — ирландский
ирон. — иронский
исп. — испанский
ит. — итальянский
ишкашим. — ишкашимский
кабард. — кабардинский
каб.-балк. — кабардино-балкарский
казах. — казахский
каз. тат. — казанских татар
кайд. — кайдынский
калм. — калмыцкий
канг. — кангатский
караим. — караимский
ккалп. — каракалпакский
карат. — каратинский
карач. — карачаевский
карач.-балк. — карачаево-
балкарский
карел. — карельский
карл.-уйг. — карлукско-уйгурский
кач. — качинский
кельт. — кельтский
кет. — кетский
кимр. — кимрский
кирг. — киргизский
кит. — китайский
кл.-монг. — классическо-
монгольский
кл.-перс. — классическо-
персидский
койб. — койбальский
кор. — корейский
кот. — коттский
кр. тат. — крымских татар
крыз. — крызский
куманд. — кумандинский
кумык. — кумыцкий

кур. — курейский
курд. — курдский
куш. — кушитский
кыз. — кызыльский
лак. — лакский
лат., латин. — латинский
латыш. — латышский
лебед. — лебединский (ку-кижи)
лезг. — лезгинский
лив. — ливонский
лит. — литовский
лобн. — лобнорский
людик. — людиковский
манс. — мансийский
маньчж. — маньчжурский
мар. — марийский
минус. — минусинских «татар»
молд. — молдавский
монг. — монгольский
морд. — мордовский
мундж. — мунджанский
нан. — нанайский
нган. — нганасанский
негид. — негидальский
непал. — непальский
нем. — немецкий
нен. — ненецкий
нивх. — нивхский
нижн.-бийск. — нижнебийский
н.-луж. — нижнелужицкий
новоперс. — новоперсидский
ног. — ногайский
норв. — норвежский
ороч. — ороцкий
орх.-енис. — орхоно-енисейский
осет. — осетинский
осм. — османский
перс. — персидский
пехлев. — пехлевийский
п.-монг. — письменно-монгольский
польск. — польский
протоенис. — протоенисейский
пумп. — пумпокольский
рум. — румынский

рушан. – рушанский
 русск. – русский
 рут. – рутульский
 саам. – саамский
 савир. – савирский
 саг. – сагайский
 сакск. – сакский
 салар. – саларский
 самод. – самодийский
 сарыкольск. – сарыкольский
 сскр., скр. – санскрит
 сары-уйг. – сары-уйгурский
 сары-юг. – сары-югурский
 сев.-герм. – северо-германский
 сельк. – селькупский
 семит. – семитские
 серб.-хорв. – сербско-хорватский
 сиб. тат. – сибирских татар
 сир. – сирийский
 сканд. – скандинавский
 скиф. – скифский
 слав. – славянский
 слов. – словацкий
 словенск. – словенский
 совр. монг. – современный монгольский
 согд. – согдийский
 согд.-сак. – согдийско-сакский
 сойот. – сойотский
 солон. – солонский
 ср.-ирл. – среднеирландский
 ср.-в.-нем. – средневерхне-немецкий
 ср.-н.-нем. – средненижне-немецкий
 ср.-перс. – среднеперсидский
 ст.-писм.-монг. – старописменно-монгольский
 ст.-слав. – старославянский
 сым. – сымский
 табас. – табасаранский
 тадж. – таджикский
 талыш. – талышский
 тат. – татарский
 тайск. – тайский
 там. – тамильский
 телеут. – телеутский
 тоб. тат. – тобольских татар
 том. тат. – томских татар
 тоф. – тофаларский
 тох. – тохарский
 туб. – тубаларский
 тув. – тувинский
 тунг. – тунгусский
 тур. – турецкий
 туркм. – туркменский
 тюрк. – тюркский
 убых. – убыхский
 удин. – удинский
 удм. – удмуртский
 узб. – узбекский
 уйг. – уйгурский
 укр. – украинский
 ульч. – ульчский
 фин. – финский
 финик. – финикийский
 фрак. – фракийский
 фриг. – фригийский
 франц. – французский
 хак. – хакасский
 хант. – хантыйский
 хат. – хаттский
 хвар. – хваршинский
 хет. – хеттский
 хив. – хивинский
 хиналуг. – хиналугский
 хорезм. – хорезмийский
 хотан. – хотанский
 хот.-сакс. – хотано-сакский
 хур. – хурритский
 хуфск. – хуфский
 цез. – цезский
 цахур. – цахурский
 чаг. – чагатайский
 чад. – чадский
 чам. – чамальский
 чеченск. – чеченский

чжурдж. – чжурдженский
чув. – чувашский
чук. – чукотский
чул. – чулымский
чул.-тюрк. – чулымско-тюркский
швед. – шведский
шор. – шорский
шугн. – шугнанский
шумер. – шумерский
эд. – эд-диалект кетского

эвен. – эвенский
эвенк. – эвенкийский
эст. – эстонский
эфиоп. – эфиопский
южносамод. – южно-самодийский
юкаг. – юкагирский
ягноб. – ягнобский
язгул. – язгулямский
як. – якутский

СПИСОК публикаций автора по кетской и тюркской тематике

1. Кетские и самодийские топонимы на Алтае // Языки и топонимия Алтая. Барнаул, 1977. С. 14–15.
2. *Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М.* Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979. 182 с.
3. *Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Фирсов Л.В.* Влияние природных условий на заселение и формирование хозяйственного уклада в Нарымском Приобье в эпохи неолита и бронзы // Особенности естественно-геогр. среды и историч. процессов в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 62–64.
4. *Воробьева И.А., Малолетко А.М., Розен М.Ф.* Историческая картография и топонимия Алтая. Томск, 1980. 122 с.
5. Игиль – топоним хуннской эпохи // Этнич. история тюркоязычн. народов Сибири и сопред. Территорий: Тезисы Обл. научн. конф. по лингвистике. Омск, 1984. С. 67–69.
6. *Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М.* Этнокультурная интерпретация археологических памятников Васюганья // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985. С. 69–72.
7. Топонимы большереченского времени в бассейне Верхней Оби // Историч. Чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Скифо-Сибирская культурно-историч. общность. Раннее и позднее средневековье. Омск 1987. С. 138–141.
8. *Розен М.Ф., Малолетко А.М.* Географические термины Западной Сибири. Томск, 1986. 206 с.
9. Культурная и этническая принадлежность пришлых скотоводов Васюганья в эпоху бронзы // Хронол. и культурн. принадл. памятн. каменного и бронзового веков Южн. Сибири. Барнаул, 1988. С. 147–149.
10. Опыт реконструкции языковой принадлежности носителей культур эпохи бронзы Западной Сибири // Методич. проблемы реконструкций в археол. и палеоэкологии. Новосибирск, 1989. С. 191–206.
11. Палеотопонимы как показатель языковой принадлежности носителей археологических культур // Пробл. историч. интерпретации археол. и этногр. источников Зап. Сибири. Томск, 1990. С. 81–83.
12. Переднеазиатские элементы в языке и ономастике васюганских хантов // *Uralo-indogermanica*. М., 1990. С. 81–83.
13. О датировке топонимов // Пробл. хронологии и периодизации археол. памятников Южной Сибири: Тезисы докл. к Всес. научной конф. (3–5 апреля 1991 г.). Барнаул, 1991. С. 176–178.
14. Миграции древнего населения евразийских степей // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. Екатеринбург, 1992. С. 68–70.

15. Палеотопонимика. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 264 с.
16. Катун – и «женщина», и «река» (о достоверности этимологических аналогий) // Этнич. история тюркских народов Сибири (по данным этнографии и языкознания). Омск, 1992. С. 39–42.
17. Башкирские топонимы в верховьях Оби и Енисея // Востоковедение в Башкортостане: история, культура. Ч. 3. Уфа, 1992. С. 82–83.
18. Тюркско-кетские контакты в бассейне Иртыша // Культурно-генетические процессы в Зап. Сибири. Томск, 1993. С. 156–157.
19. Древнее население Шории по данным топонимики // Там же. С. 157–160.
20. Этнический состав древнего населения Шории по данным топонимики // Этнические и этнокультурные процессы у народов Сибири: история и современность. Кемерово, 1992. С. 12–28.
21. Топонимы как исторические памятники // Охр. и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. С. 43–46.
22. Древнейшие элементы в языке и топонимии уральцев // Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 1993, С. 79–91.
23. О языке и самоназвании андроновцев – фёдоровцев // Палеодемография и миграционные процессы в Зап. Сиб. в древности и в средневековье. Барнаул, 1994. С. 59–60.
24. Древнее население низовий Томи по данным топонимики // Северск. История и современность. Томск, 1994. С. 42–44.
25. Топонимия Приенисейского края // Вопр. геогр. Сибири. 1995. Вып. 21. С. 100–119.
26. Топонимический этюд по работе Н.М. Ядринцева // Там же. С. 136–139.
27. Семитские элементы в языке кетов: реальность или совпадение? // Языки народов Сибири: Сборник, посвященный 95-летию профессора А.П. Дульзона. Томск, 1995. С. 122–123.
28. Ещё одна версия происхождения имени «Алтай» // Проблемы охраны, изуч. и использов. культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 178–181.
29. Введение в географическую ономастику (учебное пособие). Томск, 1995. 123 с.
30. Алтын-Кёль «золотое озеро» – новая версия о происхождении имени // Золото Алтая: история и современность: Мат-лы научно-практич. конф. Барнаул, 1995. С. 67–68.
31. Кетоязычные группы Сибири и их прародина по данным топонимии // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тезисы Междунар. конф. Новосибирск, 1995. С. 204–207.
32. Топонимика и археология: опыт сотрудничества // Интеграция археол. и этногр. исслед.: Мат-лы 3-го Всерос. научн. семинара, посвящённого 110-летию со дня рождения С.И. Руденко. Ч. 2. 1995. С. 66–69.
33. Археологические и топонимические аномалии Васюганья // Актуальные пробл. Сибирской археологии: Тез. докл. к конф. Барнаул, 1996. С. 94–97.
34. *Малолетко А.М., Кирюшин Ю.Ф.* Этноархеология Васюганья // Интегр. археол. и этногр. иссл.: Мат-лы 4-го Всерос. научного семинара, посв. 60-летию со дня рождения В.И. Васильева. Новосибирск; Омск, 1996. С. 7–13.

35. Бореальные народы и бореальные языки // Интеграц. этнографич. и археол. иссл. 5-й Всерос. семинар, посвящ. 155-летию Н.М. Ядринцева. Омск; Уфа, 1997. С. 96–100.
36. Древние миграции человека и языковые семьи // Этносы Сибири: языки и культура: Мат-лы Междунар. конф. Ч. 1. Томск, 1997. С. 9–11.
37. Отражение хозяйственной деятельности коренного населения Сибири и Русского Севера в географической терминологии и топонимии // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: Мат-лы Всерос. конф. Барнаул, 1997. С. 205–209.
38. Расовая эволюция *Homo sapiens* // Эволюция жизни на Земле: Мат-лы 1-го Междунар. симпозиума 24–28 ноября 1997 г. Томск, 1997. С. 121–123.
39. Географическая среда и расовая эволюция человека // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: Мат-лы XI Зап.-Сиб. археолого-этногр. конф. Томск, 1998. С. 58–61.
40. Кетский топонимический пласт // Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск, 1998. С. 265.
41. Тюркский топонимический пласт // Там же. С. 637.
42. Монголоидность как антропологический феномен самоорганизации // Самоорганизация в природе. Вып. 2. Пробл. самоорганизации в природе и обществе. Т. 2. Томск, 1998. С. 61–76.
43. Early migration and race evolution of *Homo sapiens* // Интегр. археол. и этногр. иссл.: Мат-лы VI Междунар. научн. семинара, посвящ. 155-летию со дня рожд. Д.Н. Анучина. Ч. 2. Омск; СПб., 1998. С. 11–12.
44. Расовая эволюция *Homo sapiens* и географическая среда // Всерос. совещ. «Главнейшие итоги в изучении четвертичн. периода и основные направл. иссл. в XXI веке». СПб., 1998. С. 226–227.
45. Природа и человек (к проблеме ранних миграций и расовой эволюции *Homo sapiens*) // Изв. Алт. гос. ун-та. 1998. Вып. 4. С. 126–136.
46. Ранние тюрки на Амуре // Этнич. ист. тюрк. народов Сибири и сопред. терр. Омск, 1998. С. 63–66.
47. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 1. Предыстория человека и языка. Уральцы. Томск, 1999. 281 с.
48. Имя кетов на ранней карте Сибири // Проблемы документации исчезающих языков и культур: Мат-лы Междунар. конф. «21-е Дульзонские чтения» (Ч. 1). Уфа; Томск, 1999. С. 147–150.
49. Археологические культуры кетского происхождения // Там же. С. 150–155.
50. Географическая ономастика. Томск, 1999. 168 с.
51. Миграции человека и языки Европы и Северной Азии // XXII Дульзонские чтения, посв. 100-летию со дня рождения лауреата Гос. премии А.П. Дульзона. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Преподавание национальных языков. Часть II. Томск, 2000. С. 66–70.
52. Древние народы Сибири. Т. 2. Кеты. Томск, 2000. 312 с.

53. Границы древнекетской территории по данным топонимии // Пространство культуры в археолого-этнографич. измерении. Западная Сибирь и сопред. территории. Томск, 2001. С. 168–171.
54. Ранние миграции и расовая эволюция *Homo sapiens* // Эволюционная биология: Мат-лы конф. «Проблемы вида и водообразование». Т. 1. Томск, 3–6 октября 2001 г. Томск, 2001. С. 309–325.
55. Географическая ономастика. Изд. 2-е, дополн. Томск, 2001. 187 с.
56. Этническая карта Алтайского региона в I тыс. до н.э. (по археолого-топонимическим данным) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2001. С. 4–5.
57. Ранние карты Сибири (XVI в.) как источник по её истории // Историческая наука на рубеже веков: Мат-лы Всерос. научн. конф. Т. 4. Томск, 2001. С. 102–105.
58. Кавказские истоки древнего населения Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. IX Междунар. научн. семинар. Нальчик; Омск, 2001. С. 164–169.
59. Аномалии в расовой эволюции *Homo sapiens* // Эволюция жизни на Земле: Мат-лы II Междунар. симпозиума. 12–15 ноября 2001 г. Томск, 2001. С. 501–502.
60. Топонимия Томской обл.: Уч. пособие // Сост. Н.С. Евсеева, А.М. Малолетко. Томск, 2002. 32 с.
61. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 2. Кеты. 2-е изд., испр. и дополн. Томск, 2002. 286 с.
62. Древнейшие языковые связи аборигенов Сибири // Сравнительно-исторические и типологич. иссл. языка и культуры: прблемы и перспективы. Сборник научн. тр. лабор. языков народов Сибири. Т. I. Томск, 2002. С. 204–213.
63. Расселение арин по данным топонимики // XXIII Дульзоновские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур: Мат-лы Междунар. конф., 25–27 июня 2002 г. Ч. I. Томск, 2002. С. 28–33.
64. Из «Енисейского энциклопедического словаря» // Русский язык в Красноярском крае. Красноярск, 2002. С. 146–154.
65. Пришлое население Сибири и его этническая привязка (энеолит, эпохи бронзы и раннего железа) // Северная Евразия в эпоху бронзы. Пространство. Время. Культура. Барнаул, 2002. С. 96–98.
66. Тюркский этногенез в горах Южной Сибири в докаганатское время // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Мат-лы междунар. научно-практич. конф. Вып. 5. Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2003. С. 52–56.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Тюркский феномен (вместо предисловия)	3
Глава 1. От Малой Азии до Монголии через Сибирь	20
Версия 1. Кеты – предки хуннов?	20
Переднеазиатские предки кетов	20
Кавказские предки кетов	21
Предки кетов в Сибири	22
Ареалы кетских топонимов	30
Восточный фланг кетского ареала	36
Версия 2. Хунны – предки тюрков?	40
Место и время	41
Археология и палеоантропология	43
Краткая история	47
Хунны и скифы в Сибири	57
Антропология	58
Этнонимы	60
Язык хуннов	68
Хунны/гунны и топонимы	77
Чувашский язык	79
Хунны в Сибири	93
Тюркско-кетские лексические сходжения	100
Обсуждение	103
Глава 2. От Средиземноморья до Маньчжурии по берегу океанов	106
Миграционные пути	107
Происхождение монголоидов	111
Переднеазиатские элементы в тюркских языках	117
Алтайская языковая семья	129
Обсуждение	131
Глава 3. По долинам и по взгорьям Южной Сибири (Тоба, их потомки и другие «тюрки»)	138
Тоба и их потомки	138
Урянхи	144
Якуты	147
Курыканы	155
Карагасы	158
Тофалары	160
Кайдынцы	162
Тубинцы	163

Чулымские тюрки	163
Кызылы	169
Качинцы	170
Хакасы	171
Тувинцы	176
Шорцы	178
Северные алтайцы	182
Южные алтайцы	185
Сойоты	188
Печенеги	191
Туркмены, каракалпаки, азербайджанцы, трухмены, турки	191
Ещё о тоба	192
Топонимы тоба	196
Обсуждение	209
Другие «тюрки»	212
Теле	214
Предки тюркютов	216
Уйгуры	222
Кыргызы	224
Кыпчаки	229
Башкиры	235
Обсуждение	236
Возвращение на Родину (вместо заключения)	244
Итог	254
Summary	255
Resümé	256
Sonuç	257
Литература	258
Список сокращений названий языков и диалектов	282
Список работ автора по кетской и тюркской тематике	286
Оглавление	290

Научное издание

Малолетко Алексей Михайлович

ДРЕВНИЕ НАРОДЫ СИБИРИ

**Этнический состав по данным
топонимики**

Том 3

ДОКАГАНАТСКИЕ ТЮРКИ

Редакторы К.Г. Шилько, Н.А. Афанасьева
Корректор Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет В.К. Савицкого
Дизайн обложки В.Г. Караваяв

Лицензия ИД № 00208 от 20.12.99 г.
Подписано к печати 5.05.2004 г. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Ризография.
Печ. л. 18,25. Усл. печ. л. 16,97. Тираж 250 экз. Заказ № 235.

Томский государственный университет
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Участок оперативной ризографии
Редакционно-издательского отдела ТГУ
Лицензия ПД № 00455 от 15.11.99 г.

Малолетко Алексей Михайлович

Доктор географических наук, профессор Томского государственного университета.

В 1951 г. Закончил географический факультет Томского государственного университета.

Работал в геологических партиях Западно-Сибирского геологического управления, с 1965 г. – на кафедре географии ТГУ.

Круг научных интересов – палеогеография, геоморфология, лимнология, геология бокситовых и россыпных месторождений, гидрогеология, археология, топонимика, этногенез народов Сибири.

Автор более 350 работ, в том числе 25 монографий.

Лауреат Демидовской премии (1999 г.).

Фото Ю. Уголькова